ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ПЛЕХ Олеся Анатольевна

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Л.Ф. Писарькова

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Объективные условия функционирования местного управления. Формирование и эволюция государственного аппарата Вологодской губернии 43
1.1. Особенности Вологодской губернии как объекта государственного управления 43
1.2. Формирование и эволюция системы органов местного управления 65
Глава II. Кадровый состав органов управления Вологодской губернии 94
2.1. Численность служащих местного государственного аппарата 94
2.2. Сословное происхождение, возрастной состав и образовательный уровень чиновничества 112
2.3. Материальное положение служащих 151
Глава III. Деятельность государственного аппарата Вологодской губернии ... 172
3.1. Условия функционирования органов местного управления 172
3.2. Деятельность местных органов власти в отражении материалов ревизий губернии 211
3.3. Масштабы должностных преступлений 236
Заключение 270
Список использованных источников и литературы 284
Приложения 319

Введение

Актуальность темы исследования. В современной России, в условиях перманентного реформирования государственного аппарата и его институтов, всё большую актуальность приобретает обращение к историческому опыту государственного строительства, без глубокого осмысления которого невозможно выработать комплексный подход к решению назревших в обществе проблем. В данном контексте особое значение принадлежит первой половине XIX в., принёсшей в российскую действительность отраслевой принцип построения системы государственного управления.

В последние десятилетия вопросы становления и развития местного управления в Российской империи всё больше привлекают внимание исследователей и это не случайно, поскольку оценить эффективность функционирования всего государственного механизма интересующей нас эпохи не представляется возможным без всестороннего анализа деятельности провинциальных учреждений. Отдалённость от центральной власти и различия в условиях службы на местах обусловливали региональную специфику, накладывали отпечаток на развитие губерний, что не могло не отразиться на процессах управления, в связи с чем важной исследовательской задачей становится не только установление приоритетных направлений и целей государственной политики, но и определение уровня соответствия управленческих решений, исходящих из центра, особенностям регионов. Это даёт основание судить о том, насколько болезненно протекал процесс реализации распоряжений «сверху» в той или иной губернии, что позволяет оценить адаптивные возможности локализованной во времени и пространстве системы местного управления и её элементов. Такой подход не только подогревает «академический» интерес к региональным исследованиям, но и придаёт им особую практическую значимость, поскольку обнаруживает уникальные, отличные друг от друга модели местного управления, складывавшиеся на огромных просторах Российской империи.

Сегодня историческая наука подошла к этапу, когда дальнейшее осмысление истории местного управления возможно лишь посредством обращения к фондам региональных архивных учреждений, обширные

коллекции которых и по сей день остаются слабо изученными. В рамках настоящей работы впервые рассмотрены функционирование и эволюция местного управления в Вологодской губернии в первой половине XIX в. Собранный в ходе исследования конкретно-исторический материал позволяет заполнить лакуны, образовавшиеся в процессе изучения правительственного аппарата.

Степень изученности темы. Историографию темы целесообразно разделить на три хронологических периода: 1) дореволюционный (XIX в. – 1917 г.); 2) советский (с 1917 по 1980-е гг.); 3) современный (с конца 1980-х гг. по настоящее время).

Исследователи *дореволюционного периода* внесли весомый вклад в изучение истории государственного управления Российской империи. Над этой проблематикой продуктивно работали представители так называемой государственной школы: А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, С.А. Корф, Н.И. Лазаревский, П.Н. Подлигайлов, И.М. Страховский и др.[1] Фундаментальные труды этих учёных зафиксировали историко-правовую картину становления и эволюции государственных учреждений. Авторы, будучи правоведами, при рассмотрении исторического развития государственных институтов ориентировались, главным образом, на формально-юридический метод, в связи с чем скрупулёзному анализу было подвергнуто законодательство, определившее деятельность, структуру и компетенцию органов власти до- и пореформенной России. Приоритетными исследовательскими задачами являлись выявление недостатков и пробелов правового регулирования и поиск путей их устранения. Государственность России XIX в. учёные рассматривали с позиции мирного эволюционного развития самодержавия в сторону «правового» государства. В тоже время, конкретно-исторический материал привлекал их в меньшей степени, что

[1] См.: Головин К.Ф. Наше местное управление и местное представительство. – СПб., 1884; Градовский А.Д. Начала русского государственного права: [в 3 т.]. Т. I–III. – СПб, 1881–1892; Он же. Собрание сочинений: [в 9 т.]. Т. 1, 8, 9. – СПб., 1899–1904; Дегамель К.О. Опыт государственного права Российской империи. – СПб., 1833; Елистратов А.И. Основные начала административного права. – М., 1914; Коркунов Н.М. Время первого учреждения губерний: (Хронологическая заметка) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1893. – № 2. – С. 292–294; Он же. Русское государственное право: Пособие к лекциям: [в 2 т.]. Т. 1: Введение и общая часть. – СПб., 1908; Корф С.А. Административная юстиция в России: [в 3 т.]. Кн. 1: Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. – СПб., 1910; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву: [в 2 т.]. Т. II: Административное право, ч. 1: Органы управления. – СПб., 1910; Лятким В.Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX столетья). – СПб., 1909; Подлигайлов П.Н. Местное управление в России. – СПб., 1884; Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 7. – С. 28–92; и др.

приводило к появлению теоретических конструкций, оторванных от управленческой практики Российской империи.

Анализ дореволюционной литературы позволяет выделить наиболее актуальную тематику научных изысканий. Во-первых, подготовка и проведение «Великих реформ» обратили взоры учёных к имевшемуся реформаторскому опыту[2]. Авторы, проводя параллели с развитием европейских государств, отмечали непродуманность и непоследовательность российских преобразований, их «догоняющий» характер. Предметом острых дискуссий стали губернская реформа Екатерины II и её отражение на состоянии местного управления: одни исследователи считали преобразования успешными, подчёркивая жизнеспособность учреждённых институтов[3], другие – давали отрицательную оценку созданной модели местного управления[4]. Во-вторых, пристальное внимание учёных было обращено на положение губернской администрации. Общей тенденцией этих работ стал критический подход к оценке её организации и деятельности[5]. В-третьих, неоднократно предпринимались попытки охарактеризовать кадровый состав государственных органов. В этот период вышли в свет труды как имевшие сугубо теоретическое значение (анализ феномена российского чиновничества, отличного от западноевропейской бюрократии)[6], так и затраги-

---

[2] См.: Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени… – СПб., 1872; Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (записка, составленная в декабре 1903 года). – СПб., 1913; Бочкарёв В. Дореформенный суд // Судебная реформа: [в 2 т. Т. 1] / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М., 1915. – С. 205–241; Гессен И.В. Судебная реформа. – СПб., 1905; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: [в 2 т.]. Т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. – М., 1913; Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – Пг., 1916.

[3] См.: Григорьев В.А. Административное деление по учреждению о губерниях 1775 года // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XVIII. – 1908. – № 4. – С. 107–128; Он же. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). – СПб., 1910; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. – СПб., 1909.

[4] См.: Гессен В.М. Вопросы местного управления. – СПб., 1904; Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.: Историч. очерк. – Пг., 1917; Кошелев Н.П. Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II // Русская мысль. – 1883. – Кн. II. – С. 63–99; Лешков В.Н. Разделение России на губернии по указам Петра Великого и Екатерины II // Русский вестник. – 1859. – Т. 24. – С. 180–190, 349–358; Лохвицкий А.В. Губерния, её земские и административные учреждения. – СПб., 1864.

[5] См.: Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах... – СПб., 1864; Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб., 1905; Гессен В.М. Вопросы местного управления. – СПб., 1904; Калачов Н.В. Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах»… – СПб., 1867; Карнович Е.П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. – СПб., 1873; Корф С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. – 1901. – № 9. – С. 130–148.

[6] См.: Александров М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. – СПб., 1910; Гессен В.М. Вопросы местного управления. – СПб., 1904; Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время. – СПб., 1897.

вавшие вопросы комплектования государственного аппарата[7], отдельные аспекты служебной деятельности[8].

Особое место в историографии занимают ведомственные издания, содержащие большой массив фактического материала[9]. В дореволюционный период также были опубликованы первые работы, посвящённые описанию Вологодской губернии[10].

В целом, литература XIX – начала XX вв. отличалась плюрализмом мнений. Оценивая с разных ракурсов состояние и перспективы развития государственного управления, учёные затрагивали вопросы, связанные со становлением и деятельностью государственных учреждений, организацией делопроизводства, государственной службой, что заложило основу для более глубокого осмысления самодержавной государственности. При этом следует подчеркнуть, что в большей степени исследователи уделяли внимание центральным, нежели местным органам власти. Кроме того, в научный оборот практически не вводились делопроизводственные материалы, позволившие бы более чётко обозначить проблемы в деятельности провинциальных учреждений.

В развитии исторической науки *советского периода,* протекавшей в ключе марксистско-ленинской философии, выделяется два этапа разработки интересующей нас проблематики: 1) с 1917 до 1960-х гг.; 2) с 1960-х по 1980-е гг. Для первого этапа было характерно угасание интереса к истории государственного

---

[7] См.: Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. – СПб., 1906; Нелидов Н.К. Юридические и политические основания государственной службы. – Ярославль, 1874; Репинский Г.К. Привлечение образованных людей на службу в провинции // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 4. – С. 279–286; Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. – СПб., 1870; Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. – СПб., 1889; Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. – СПб., 1876.

[8] См.: Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. – 1910. – № 8. – С. 45–56; Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России. Исторический очерк. – СПб., 1887.

[9] См.: Вардинов Н.В. История Министерства внутренних дел: [в 3 частях]. Ч. I–III. – СПб., 1858–1862; Государственный совет. 1801–1901. – СПб., 1901; История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг.: [в 5 т.]. Т. 3–5. – СПб., 1911; Министерство внутренних дел: исторический очерк, 1802–1902 / сост. С.А. Адрианов. – СПб., 1901; Министерство финансов. 1802–1902: [в 2 частях]. Ч. 1 / под общ. ред. Н.К. Бржеского. – СПб., 1902; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк / сост. П.Н. Гуссаковский, П.Н. Милютин и др. – СПб., 1902; Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [в 5 т.]. Т. 1–2. – СПб., 1902; Строев В.Н. Столетие Собственной его императорского величества канцелярии… – СПб., 1912.

[10] См.: Брусилов Н.П. Опыт описания Вологодской губернии. – СПб., 1833; Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб., 1850; Пушкарёв И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, кн. IV: Описание Вологодской губернии. – СПб., 1846; Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края в Европ. России в истории русского государства: Исторический очерк. – Вологда, 1919.

управления. Авторами изданных в первое послереволюционное десятилетие немногочисленных работ являлись историки, начинавшие свой творческий путь ещё в имперский период развития государства[11]. В последующие годы учёные крайне редко обращались к опыту российской государственности, а история местного управления практически ушла из их поля зрения. Среди наиболее значимых работ следует отметить труды Ю.В. Готье, Н.М. Дружинина, А.В. Предтеченского, П.Г. Рындзюнского[12], а также публикации источниковедческого характера[13].

С конца 1950-х гг. в советской исторической науке наметились положительные сдвиги, предопределившие интерес к изучению государственного аппарата самодержавной России и «исследовательский бум» следующих десятилетий. Сквозь призму классового подхода учёные пытались проанализировать реформаторский опыт конца XVIII в.: М.Т. Белявский, В.Ф. Желудков, М.П. Павлова-Сильванская[14]. Губернская реформа 1775 г. характеризовалась как правительственная реакция на народные волнения. В работах Н.Ф. Демидовой и С.М. Троицкого уделялось внимание вопросам развития российской государственности в XVII–XVIII вв.[15] Авторы подчёркивали, что формирование бюрократии как привилегированной прослойки, стоящей над народом, являлось одним из важнейших факторов развития абсолютизма. Публикации, посвящённые

---

[11] См.: Бочкарёв В. Сенаторские ревизии в России при Павле I // Известия Тверского педагогического института. – 1926. – Вып. I. – С. 64–81; Вып. II. – С. 31–49; Довнар-Запольский М.В. Администрация и суд при Николае I. – Баку, 1925; Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л., 1925.

[12] См.: Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: [в 2 т.]. Т. 2: Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. – М.–Л., 1941; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. Т. 1–2. – М.–Л., 1946–1958; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. – М.–Л., 1957; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958.

[13] См.: Ахун М. Источники для изучения истории государственных учреждений царской России (XIX–XX вв.) // Архивное дело. – 1939. – № 1. – С. 77–91; Викторова Е.С. Памятные книжки как справочно-библиографический источник // Труды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. – 1957. – Т. III (6). – С. 144–159; Красильников М. Проект закона о лихоимстве 1827 г. // Ученые записки. Первый Ленинградский юридический институт НКЮ СССР. Вып. 2. – М.–Л., 1940. – С. 106–125; Полиевктов М. Ревизия Закавказского края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым и фонд дел этой ревизии в Историческом архиве в Ленинграде // Труды Тбилис. гос. ун-та. – 1940. – Т. 15. – С. 81–102.

[14] См.: Белявский М.Т. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – 1960. – № 4. – С. 125–143; Желудков В.Ф. Губернская реформа 1775 года: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1963; Павлова-Сильванская М.П. «Учреждение о губерниях» 1775 г. и его классовая сущность: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1964.

[15] См.: Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. статей / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М., 1964. – С. 206–242; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М., 1966; Он же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократия. – М., 1974.

истории местного управления первой половины XIX в., были единичны. Так, А.И. Парусов считал, что все мероприятия государства в сфере местного управления были продиктованы стремлением укрепить помещичью власть. Несмотря на введение в научный оборот важных фактологических данных, характеризующих деятельность губернских учреждений, автор сосредоточил внимание на несовершенстве и крепостническом характере местного государственного аппарата[16].

Важнейшей вехой, определившей путь развития историографии по рассматриваемой теме, стали исследования Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского. Н.П. Ерошкин впервые в советской исторической науке представил структуру и функции центральных и местных правительственных органов, предложив ведомственный подход к их изучению[17]. Автор подчёркивал, что политический курс определялся самодержавием и верхами бюрократии, а министерства и подведомственные им учреждения играли роль инструментов реализации крепостнических интересов. Действуя в рамках официально утверждённых идеологических установок, исследователь пришёл к выводу, что государство осознавало возросшее несоответствие производительных сил характеру производственных отношений и предпринимало активные меры, чтобы отсрочить гибель крепостничества[18]. Это проявилось в различных формах его деятельности и, прежде всего, в реорганизации отдельных звеньев государственного механизма. При всей значимости трудов Н.П. Ерошкина, следует отметить, что характеристика государственных учреждений была представлена в учебно-справочных изданиях лишь в общих чертах и не содержала анализа непосредственной деятельности провинциальных чиновников.

Своего рода научным прорывом стали публикации П.А. Зайончковского, обратившего пристальное внимание на личный состав правительственных

---

[16] См.: Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. – Горький, 1964. – С. 155–226; Он же. Административные реформы в России первой четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1967.

[17] См.: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – М., 1981; Он же. Местные государственные учреждения дореволюционной России (1800–1860 гг.): учеб. пособие. – М., 1985; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России / под ред. А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. – М., 2008.

[18] См.: Он же. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – М., 1981. – С. 58.

учреждений[19]. На основе анализа широкого круга источников автор пришёл к выводу, что бюрократия оказывала значительное влияние на внутреннюю политику империи. Впервые должное освещение получили сюжеты, связанные с условиями служебной деятельности, численностью чиновников, их сословной принадлежностью, образовательным уровнем, материальным положением, что во многом стало возможным благодаря массовой обработке формулярных списков. Рассматривая местное чиновничество, автор доказывал доминирование в составе губернской администрации первой половины XIX в. потомственных дворян (в том числе помещиков), противодействовавших отмене крепостного права, что углубляло кризис политической системы самодержавия.

Научно-исследовательская и педагогическая деятельность Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского, а также дискуссия по проблемам истории российского абсолютизма, развернувшаяся в 1968–1973 гг. на страницах журналов «Вопросы истории» и «История СССР»[20], предопределили появление целого ряда фундаментальных работ[21]. Кроме того, интерес к истории властных институтов стимулировал активное развитие источниковедения[22]. Так, изучение формулярных списков позволило М.Ф. Румянцевой привести ценные сведения о социальном

---

[19] См.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978.

[20] См., например: Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 54–74; Федосов И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.

[21] См.: Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. – М., 1987; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1854–1861. – М., 1984; Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки: [сб. статей]. Т. 107 / гл. ред. А.М. Самсонов. – М., 1982. – С. 226–302; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979; Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). – М., 1982; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. – Л., 1978; Шепелёв Л.Е. Отменённые историей: Чины, звания и титулы в Российской империи. – Л., 1977.

[22] См.: Архипова Т.Г. Секретный комитет 6 декабря 1826 года // Труды МГИАИ. – 1965. – Т. 20. – С. 212–240; Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М., 1979; Панина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в.: сб. статей. – Л., 1967. – С. 147–175; Сокова А.Н. О создании русской традиционной формы документа и делопроизводстве госучреждений XVIII – начала XX веков // Вопросы разработки унифицированной системы организационно-распорядительной документации; актуальные проблемы архивоведения и документоведения; естественнонаучные и технические вопросы архивного дела: сб. статей. Труды ВНИИДАД. Т. 5, ч. 1: Документоведение. – М., 1974. – С. 206–237; Шепелёв Л.Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX – начала XX в. // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1975. – М., 1976. – С. 248–271; и др.

составе и имущественном положении провинциальных чиновников конца XVIII в.[23]

В целом в советский период труды, посвящённые российской государственности первой половины XIX в., были немногочисленны. В основе исследований лежал классовый подход, что не позволяло выйти за пределы официальной марксистко-ленинской идеологии. При этом учёным удалось внести весомый вклад в изучение структуры и личного состава государственного аппарата Российской империи и обратить внимание научного сообщества на ранее не использовавшуюся делопроизводственную документацию государственных учреждений, предложить методику её источниковедческого анализа, что дало импульс исследованиям последующих десятилетий. Однако в большей степени советских историков привлекал пореформенный период и проблемы, связанные с причинами, подготовкой и проведением Великих реформ. Что же касается вопросов становления и эволюции местного управления первой половины XIX в., то они затрагивались лишь косвенно, в контексте характеристики общего состояния крепостнического самодержавия.

Переломным моментом в развитии отечественной историографии, ставшим отправной точкой для её *современного периода*, послужили «перестроечные» процессы в советском обществе. Со второй половины 1980-х гг. в научной среде наблюдался постепенный переход от жёсткого идеологического курса к плюрализму мнений: сначала в выборе тематики исследований в рамках марксизма, а затем и к свободным методологическим поискам. Первыми работами, запечатлевшими свежий взгляд на развитие государственного управления Российской империи, стали труды С.В. Мироненко и М.М. Сафонова[24], в которых показывалось как широкомасштабные реформаторские замыслы конца XVIII – первой четверти XIX вв., требовавшиеся для развития страны, усилиями правящей элиты сводились к незначительным преобразованиям государственных учреждений, что привело к консервации проблем и кризису самодержавия во второй четверти XIX в.

---

[23] См.: Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762–1802 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1985.

[24] См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. – Л., 1988

В начале 1990-х гг., когда отечественная историческая наука переживала глубочайший методологический кризис, отчётливо проявилась потребность в осмыслении накопленных знаний об эволюции российской государственности. Созданные в этом ключе работы А.Н. Медушевского, В.И. Буганова ставили целью не только по-новому взглянуть на труды дореволюционных учёных, но и ближе познакомиться с достижениями зарубежных русистов[25].

Методологический плюрализм, открытость и доступность архивов начали приносить свои плоды уже в 1990-е гг. История государственного управления и государственной службы России превратилась в перспективное направление исследований. В это время появляются работы обобщающего характера (Т.Г. Архипова, Т.П. Коржихина, А.В. Оболонский, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин)[26], а также исследования, касающиеся отдельных аспектов российской государственности[27]. Актуальность приобрели проблемы истории реформ, вопросы взаимодействия власти и общества (Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский, А.Г. Чукарев[28]). Повышенный интерес к социальной истории дореволюционной России нашёл отражение в исследованиях Б.Н. Миронова. Автор посредством сочетания междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов и с учётом достижений отечественной и зарубежной историографии обосновал и развил концепцию, впервые появившуюся ещё в дореволюционной науке, о раз-

---

[25] См.: Медушевский А.Н. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Науч.-аналит. обзор. – М., 1990; Он же. Государственный строй России периода феодализма (XV–XIX вв.): (Зарубежная историография): науч.-аналит. обзор. – М., 1989; Он же. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. – М., 1994; Буганов В.И., Медушевский А.Н. Административные реформы в России и проблемы их изучения в современной западной историографии // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 203–210.

[26] См.: Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учеб. пособие. – М., 2000; Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. – М., 1995; Государственная служба (комплексный подход): учеб. пособие / отв. ред. А.В. Оболонский. – М., 1999.

[27] См.: Вялова Л.М. Тенденции сокращения документооборота в XIX в. // Делопроизводство. – 2000. – № 2. – С. 80–85; Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерки истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. – № 3. – С. 101–116; Ефремова Н.Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). – М., 1993; Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. – СПб., 1997; Твердохлеб А.А., Шевырин В.М. Государственные служащие в России. 1722–1995: (Динамика социального статуса). (Исторический очерк) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 5. История. – 1995. – № 2. – С. 90–142; Шевченко М.М. Правительство, народное образование и государственная служба накануне Великих реформ (1849–1856) // Россия и реформы: [сб. статей]. Вып. 2. – М., 1993. – С. 14–33.

[28] См.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. – М., 1999; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М., 1999; Чукарев А.Г. Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX века: 1826–1855 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ярославль, 1998.

витии самодержавного строя в направлении правового государства, в связи с чем переосмыслению был подвергнут широкий круг проблем[29]. Заметным событием в исторической науке стало начало реализации проекта по подготовке словаря-справочника «Государственность России» – фундаментального совместного труда историков и архивистов[30].

Важно отметить, что 1990-е гг. стали временем пробуждения интереса к истории местного управления Российской империи. В числе первых исследователей, непосредственно обратившихся к этим вопросам, следует назвать М.М. Шумилова, заострившего внимание на правовом положении губернской администрации в системе местного управления 1850-х – начала 1880-х гг.[31]; В.А. Иванова, охарактеризовавшего информационные возможности формулярных списков для учёта численности и состава местного чиновничества середины XIX в.[32]; Л.Е. Лаптеву, представившую историко-юридический анализ политики самодержавия в области местного управления в пореформенный период[33].

Отдельно следует остановиться на исследовании О.В. Моряковой, посвящённом системе местного управления при Николае I. Автор, придерживаясь ведомственного подхода, рассмотрела провинциальные учреждения трёх основных министерств: внутренних дел, юстиции и финансов; уделила внимание вопросам, связанным с составом бюрократии и контролем верховной власти над деятельностью местных учреждений. На основании собранных архивных документов по 15 губерниям (формулярные списки, материалы сенаторских ревизий, губернаторские отчёты) и значительного количества мемуарной литературы О.В. Морякова попыталась отразить, как стремление императора создать идеальный предельно централизованный государственный аппарат привело к усилению бюрократии, которой было чуждо чувство законности. Провинциальное чиновничье сообщество охарактеризовано как безнадзорная самостоятельно действующая в своих интересах сила, наносящая вред экономическому благосо-

---

[29] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1–2. – СПб., 2000.

[30] См.: Государственность России: словарь-справочник: в 6 кн. Кн. 1–6. – М., 1996–2009.

[31] См.: Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начале 80-х гг. XIX века. – М., 1991.

[32] См.: Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. – Калуга, 1994.

[33] См.: Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). – М., 1998.

стоянию подконтрольных им территорий. При всей значимости анализируемой работы, автор попыталась представить некую общую для внутренних губерний Российской империи модель местного управления, не уделяя должного внимания региональным особенностям территорий и их влиянию на состав и деятельность правительственного аппарата[34]. Следует отметить, что в 1990-е гг. работы, раскрывающие проблематику местного управления с учётом региональной специфики, были немногочисленны[35]. Наиболее значимый вклад в развитие этого направления исследований внесли сибирские учёные. Так, А.В. Ремнёв впервые обстоятельно обосновал актуальность сочетания регионального и управленческого подходов при изучении административной политики самодержавия в области местного управления. На конкретно-историческом материале автор продемонстрировал эффективность предложенного метода и обратил внимание учёных на сложноорганизованное государственное пространство Российской империи, устойчивость которого обеспечивалась поливариативностью властных структур, многообразием управленческих форм и связей различных народов и территориальных образований[36]. В трудах Н.П. Матхановой представлены особенности состава и деятельности высшей администрации Восточной Сибири середины XIX в. Используя междисциплинарный подход, автор раскрыла роль неформальных факторов при реализации властных полномочий на местах[37].

В 1990-е гг. развитие получила научная и краеведческая литература по Вологодской губернии. В этот период появился ряд публикаций и диссертационных исследований, затрагивающих отдельные аспекты истории местного управления дореволюционного периода[38].

---

[34] См.: Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. – М., 1998.

[35] См.: Амплеева Т.Ю. Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 1990; Мерзликова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1997.

[36] См.: Ремнёв А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 1997; Он же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – нач. XX веков. – Омск, 2004; Он же. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. – Омск, 1995; Он же. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века.): сб. науч. статей. – М., 1997. – С. 52–66.

[37] См.: Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002; Она же. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. – Новосибирск, 1998.

[38] См.: Дружинин Е.Р. Вельские поместья и вельские помещики // Вожега: краевед. альманах. Вып. 1. – Вологда, 1995. – С. 221–268; Мясникова Л.Н., Якунина О.В. От первого городского головы до современного главы города Вологды (1785–1999 годы) // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3. – Вологда,

С начала 2000-х гг. в исторической науке наблюдается всплеск исследовательского интереса к истории российской государственности, не угасающий и по сей день. Многолетнее плодотворное изучение этой проблематики осуществляет Л.Ф. Писарькова[39]. В своих трудах она представила комплексный анализ системы государственного управления XVIII – первой четверти XIX вв., уделив внимание организации деятельности центральных и местных учреждений, политике правительства в области формирования бюрократии, составу и численности государственного аппарата, условиям службы и материальному положению служащих[40]. К наиболее важным заключениям следует отнести вывод автора о том, что пришедшая на смену приказной коллежская, а затем и министерская система государственного управления оказались чуждыми историко-географическим особенностям России, что привело к появлению трудноразрешимой проблемы, связанной с адаптацией заимствованной канцелярской формы управления к реалиям российской действительности.

Обстоятельное исследование государственных структур России первой половины XIX в. предпринял Л.Е. Шепелёв. На основе широкого круга источников он охарактеризовал процесс создания и реформирования центральных учреждений, проанализировал условия и особенности государственной службы, затронул вопросы, связанные с численностью, материальным и правовым положением служащих[41]. Чиновничество рассматривается им как важнейший элемент аппарата государственного управления, обеспечивавший его нормальное функционирование. Абстрагируясь от эмоционально-негативных оценок дореволюционной бюрократии как социального слоя, автор справедливо указал, что на профессионально-нравственные качества рядового представителя власти

2000. – С. 160–188; Румянцева М.Ф. Вологодское чиновничество в конце XVIII века // Вологда: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 1997. – С. 78–84; Савицкий И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв.: по материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Петрозаводск, 1998.

[39] См.: Писарькова Л.Ф. Власть и общество в 1803–1809 годах: на пути к реформам государственного управления 1810–1811 годов // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 52–72; Она же. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. – 1996. – № 4. – С. 29–43; Она же. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Там же. – 2001. – № 2. – С. 3–27; № 3. – С. 25–39; Она же. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Там же. – С. 358–370.

[40] См.: Она же. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. – М., 2012; Она же. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М., 2007.

[41] См.: Шепелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб., 2007; Он же. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. – М., 2005; Он же. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб., 2001.

влияли такие факторы как политический строй, состояние государственного бюджета и культурный уровень основной массы населения.

Внимание современных исследователей также привлекают реформы и реформаторские проекты конца XVIII–XIX вв. (Т.Л. Мигунова, Н.В. Середа, И.А. Федосов, К.С. Чернов и др.[42]). Законодательное обеспечение деятельности государственного аппарата нашло отражение в трудах Г.Е. Владимировой, И.В. Ружицкой, В.А. Томсинова[43].

В последнее десятилетие существенно возрос интерес к местному управлению Российской империи. Всесторонний анализ становления и развития органов управления верхневолжских губерний и их кадрового состава с конца XVIII по начало XX в. представила В.М. Марасанова[44]. Автор особо подчеркнула противоречивость государственной политики в области местного управления и отметила недостаточность правового регулирования деятельности губернских органов власти. Анализ развития административно-бюрократического аппарата на большом хронологическом отрезке позволил отразить косность изучаемой системы, не позволявшую своевременно реагировать на социально-экономические изменения и в конечном итоге приведшую к несостоятельности местных учреждений решать стоящие перед ними задачи. В ряде диссертационных исследований дальнейшее развитие получило изучение проблем управления сибирскими губерниями в XVIII – первой половине XIX вв.[45]

---

[42] См.: Административно-территориальное устройство России: История и современность / под общ. ред. А.В. Пыжикова. – М., 2003; Мигунова Т.Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия». Административно-судебная реформа Екатерины II. – М., 2008; Цекшева Л.А. Деятельность М.М. Сперанского в сфере местного управления (1803–1831 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Воронеж, 2007; Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. – М., 2004; Федосов И.А., Долих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века: [в 6 т.]. Т. 2: Власть и культура. – М., 2000. – С. 10–101; Чернов К.С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (к вопросу о российском конституционализме): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2007; Чибикеев С.М. Политические идеи и проекты М.М. Сперанского в контексте истории российских реформ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009.

[43] См.: Владимирова Г.В. Основные государственные законы Российской империи 1832–1892 гг. в определении основ государственного строя в России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2010; Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. – М., 2005; Томсинов В.А. Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века: [в 6 т.]. Т. 2: Власть и культура. – М., 2000. – С. 102–166.

[44] См.: Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX вв.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Ярославль, 2005; Она же. Местное управление в Российской империи: (на материалах Верхнего Поволжья). – М., 2004.

[45] См.: Гергилев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2010; Гриценко Н.В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005; Красняков Н.И. Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.

К настоящему времени отчётливо оформились два наиболее активно разрабатываемых направления исследований: функционирование местных управленческих структур, их организация и деятельность; состав и социальный портрет чиновничества. В русле первого направления одной из наиболее сложных и актуальных проблем является генезис и эволюция генерал-губернаторской и губернаторской власти[46]. Так, с позиции социокультурного подхода Л.М. Лысенко рассмотрела институты генерал-губернаторства и губернаторства как составляющие политико-административной системы России XVIII – начала XX в. и попыталась выделить тенденции их развития в связи с абсолютистской и имперской политикой государства, отмечая как их прогрессивное начало постепенно перерастало в консервативную силу[47].

Комплексный антропологический анализ губернаторской власти в Российской империи первой половины XIX в. предложила А.Н. Бикташева. Автору удалось охарактеризовать роль «человеческого фактора», раскрыть взаимодействие персоналистского и институционального начал в местном управлении, оценить российский опыт построения государственного аппарата, сочетающий отраслевой и территориальный принципы. Ценность данного исследования состоит в том, что оно позволило увидеть на материалах Казанской губернии конкретную модель регионального управления, строившуюся не в строгом соответствии с установленными законом положениями, а зависимую от местных условий, оказывавших непосредственное влияние на реализацию власти[48]. Предло-

---

[46] См.: Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2008; Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства при Александре I: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2008; Злобин Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 7 (168). – С. 124–129; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1–2 / под общ. ред. В.В. Черкасова. – СПб., 2001–2003; Козлобаев В.А. Институт губернаторской власти в механизме управления Российской империей, 1860-е – начало 1880-х гг. историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007; Кононов В.А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (на материалах Смоленской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Брянск, 2005; Михеева Ц.Ц. Эволюция института губернаторства в Российской империи (историко-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006; Орлов А.В. Губернаторская власть в дореволюционной России на примере Нижегородской губернии: Историко-правовой аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004; Рассолов Г.А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 – конец XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2005.

[47] См.: Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). – М., 2001.

[48] См.: Бикташева А.Н. Казанские губернаторы в диалогах властей (первая половина XIX века). – Казань, 2008; Она же. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. – М., 2014; Она же, Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). – Казань, 2006.

женный автором подход и методика изучения института губернаторства актуализировали тезис о наличии в Российской империи разных моделей местного управления, каждая из которых требует особого внимания учёных для воссоздания общей картины развития отечественной государственности.

Следует отметить повышенный интерес исследователей как к вопросам организации губернской администрации в целом, так и к отдельным её учреждениям и направлениям деятельности[49]. В частности, С.В. Любичанковский предложил новаторский подход (структурно-функциональный метод) и рассмотрел проблему кризиса власти позднеимперской России посредством характеристики качества функционирования губернской администрации Урала[50].

В современной науке также активно разрабатываются вопросы, связанные со становлением и развитием отдельно взятых губернских и уездных правительственных и сословных учреждений первой половины XIX в. Наибольшее освещение в литературе получили: полицейские и жандармские структуры (В.В. Романов, Ю.В. Тот, А.Г. Чукарев и др.[51]), судебная система (Т.Ю. Амплеева, В.А. Воропанов, Н.Н. Ефремова и др.)[52], финансовые учрежде-

---

[49] См.: Вакшев Т.Р. Роль и место правителя канцелярии губернатора в системе местного управления второй четверти XIX в. // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 15. – С. 85–88; Кирчасов Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2013; Колотушкин А.А. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности: 1727–1779 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2015; Кузьмичев А.В. Создание и деятельность приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материалах Верхнего Поволжья): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 2012; Михайлова О.А. Государственная социальная политика и деятельность Саратовской губернской администрации по её реализации в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2008; Соловьёва Е.А. Губернское правление в системе административно-финансовой и полицейской власти в России в XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2013; и др.

[50] См.: Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.): Дис. … д-ра ист. наук. – Самара, 2008.

[51] См.: Дремков Н.В. Полицейские структуры и органы жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2010; Казаченок В.В. Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014; Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826–1860 гг.: на материалах Поволжья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2008; Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 2003; Хохолев Д.Е. Полицейские чиновники Екатеринбурга в первой половине XIX века // Чиновник. – 2001. – № 1 (11). – С. 70–73; Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. – М.; Жуковский, 2005.

[52] См.: Амплеева Т.Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.). Кн. 2: Императорская Россия. – М., 2009; Воропанов В.А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775–1864 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Челябинск, 2000; Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование). – М., 2007; Саражина Р.Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Омск, 2011.

ния (Д.С. Павлова)[53], органы городского и дворянского самоуправления (Е.С. Корчмина, А.И. Куприянов, С.В. Першин, Е.В. Теряева и др.)[54]. Проблемы организации делопроизводства местных учреждений рассматривали Т.В. Виноградова, Н.Н. Подоплелова и С.В. Русакова[55].

За последнее десятилетие заметно возросла численность исследований, в центре внимания которых стоит изучение кадрового состава местных органов власти первой половины XIX в. К настоящему времени в литературе на основе конкретно-исторического материала представлена характеристика чиновничества по отдельным регионам Российской империи (П.В. Акульшин, И.Г. Мельникова, Ю.Б. Павлюк и др.)[56]. Анализ бюрократии проводится не только в историческом, но и в юридическом[57], философском[58], социологическом контексте[59]. Усилия учёных также направлены на изучение института гражданской службы в

---

[53] См.: Павлова Д.С. Становление и развитие местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков (на материалах Верхневолжских губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2011.

[54] См.: Корчмина Е.С. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в. (на материалах Рязанской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Владимир, 2010; Куприянов А.И. Культура городского самоуправления русской провинции: 1780–1860-е годы. – М., 2009; Он же. Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX века: от сословной корпорации к институту гражданского общества? // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 30–43; Першин С.В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века: по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саранск, 2010; Теряева Е.В. Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Орел, 2009; Чижова В.В. Выборные от дворянства в системе местного управления российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века: на материалах Тверской губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тверь, 2001.

[55] См.: Виноградова Т.В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2004; Подоплелова Н.Н. Исследование организации делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи (на материалах Пермской губернии конца XVIII – начала XX вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2013; Русакова С.В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX вв. (по документам Государственного архива Тверской области): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2006.

[56] См.: Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004; Исаев А.П., Абрамов Д.А. Социальный портрет калужского чиновника последней четверти XVIII в. // Управленческое консультирование. – 2008. – № 2. – С. 177–211; Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 2010; Павлюк Ю.Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: Дис. … канд. ист. наук. – М., 2001; Поскачей Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): Дис. … канд. ист. наук. – Рязань, 2006; Токмакова Ю.Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2011.

[57] См., например: Воротников А.А. Бюрократия в российском государстве: историко-теоретический аспект: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2005.

[58] См., например: Петровский И.В. Этос российского чиновничества: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – СПб., 2013.

[59] См., например: Голосенко И.А. Начальство. Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 1. – С. 54–85.

Российской империи[60], положение государственных служащих[61], вопросы, связанные с их подготовкой к профессиональной деятельности[62]. Всё больше привлекает исследователей, рассматривающих историю государственного управления, проблема злоупотреблений чиновничества[63]. Учёными-правоведами проанализировано законодательство Российской империи, направленное на борьбу с должностными преступлениями[64]. В исторической науке основное внимание обращено на поиск документальных свидетельств злоупотреблений в местном управлении[65].

В начале XXI в. заметно возросло количество публикаций по истории Вологодской губернии. Однако работы, затрагивающие развитие местного управления в XIX в., остаются большой редкостью: в основном это небольшие статьи, освещающие частные аспекты проблемы[66]. На общем фоне выделяются иссле-

---

[60] См.: Долгов А.А. Концептуальные и организационно-правовые основы государственной (гражданской) службы в Российской империи в последней трети XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013; Закиматова А.Ю. Правовое регулирование службы в органах полиции Российской империи: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2006; Кодан С.В. Институциональное оформление государственной гражданской службы в предреформенной России (1800–1850-е гг.) // Российский юридический журнал. – 2006. – № 3. – С. 134–143; Чуб Н.В. Организационно-правовые основы прохождения государственной службы в губернских органах России в XIX веке: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010.

[61] См.: Мстиславская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

[62] См.: Зубов В.Е. Основные направления кадровой политики в системе государственного управления Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв. // Научные записки Сибирской академии государственной службы: [в 3 т.]. Т. 2. – Новосибирск, 2000. – С. 38–56; Кодан С.В. «Образование юношества, предназначенного к частям службы государственной»: государственно-правовая подготовка чиновников в России в 1800–1850-е гг. // Чиновник. – 2005. – № 1. – С. 72–79; Яльченко О.Ю. Становление системы профессионального образования чиновников в России XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Воронеж, 2006.

[63] См.: Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: Диалектика системного подхода. – М., 2003; Кузовков Ю.В. История коррупции в России: в 2 т. Т. 1. – М., 2010.

[64] См.: Гущева Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006; Очаковский В.А. Становление и развитие института юридической ответственности государственных служащих в дореволюционной России: начало XVIII – конец XIX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013.

[65] См.: Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 3–13; Павлова Д.С. К вопросу о злоупотреблениях чиновников местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половины XIX века (на материалах верхневолжских губерний) // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. – 2009. – № 3. – С. 208–214; Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. – 2002. – № 5. – С. 33–49.

[66] См.: Когай И.С. К вопросу о развитии городского самоуправления Вологодского края в XVIII – начале XX века // Европейский Север России: традиции и модернизационные процессы: материалы науч. конф. 2–3 марта 2006 г. Ч. 1. – Вологда; Молочное, 2006. – С. 110–117; Мясникова Л.Н. Система местных органов власти и самоуправления Вологодской губернии // Историческое краеведение и архивы: Сб. статей. Вып. 9. – Вологда, 2003. – С. 142–176; Петровский И.В. Чиновничество городских присутственных мест Вологды в середине XIX в. (по формулярным спискам) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей и сообщений. Вып.3. – СПб., 2003. – С. 398–414; Сморгунов В.В. Государственные органы в Усть-Сысольском уезде в годы правления Екатерины II и Павла I // Вопросы истории и культуры

дования Е.А. Труниной, направленные на изучение губернской администрации в 1860-е гг.[67], и Р.А. Балакшина, включающие историко-биографические очерки о генерал-губернаторах и губернаторах Вологодской губернии за 1780–1917 гг.[68] Следует также отметить имеющие непосредственное отношение к изучаемому нами региону публикации В.В. Ефимовой, в которых на материалах Олонецкой и Архангельской губерний рассматриваются опыт проведения сенаторских ревизий, взаимодействие губернаторов и местных чиновников, проблемы введения и функционирования института наместничества на Европейском Севере[69].

В целом современный период развития отечественной историографии способствовал расширению предметного поля исследований, что позволило существенно обогатить научные представления о государственном управлении Российской империи. Уход в прошлое советских догматов предоставил учёным свободу в выборе методологических подходов. В последнее время наблюдается как тематическая, так и региональная специализация исследований. В поле зрения учёных оказались вопросы, связанные с организацией и деятельностью отдельных звеньев местного управления, составом российского чиновничества, политикой правительства в области формирования бюрократии, регулированием государственной службы и положением гражданских служащих.

Зарубежная историография представлена как общими работами, так и исследованиями по отдельным проблемам государственного управления Российской империи[70]. Ряд учёных, характеризовавших эволюцию российской гос-

---

северных стран и территорий. – 2013. – № 1 (21). – С. 51–70; Он же. Изучение государственного управления Коми краем в конце XVIII – первой половине XIX в. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы X Всерос. (с междунар. участием) науч.-теорет. конф. 22 апр. 2011 г. Ч. I. – Сыктывкар, 2011. – С. 199–206.

[67] См.: Трунина Е.А. Вологодская губернская администрация в 1860-е гг.: Дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2008.

[68] См.: Балакшин Р.А. На службе российской: Правители Вологодского края со времён Екатерины Великой до нынешних дней. Кн. I. – Вологда, 2009.

[69] См.: Ефимова В.В. «Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 30–38; Она же. Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачева // Там же. – 2009. – № 3. – С. 143–156; Она же. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 2 (93). – С. 10–23; Она же. Надзорные функции генерал-губернаторов в судопроизводстве по тяжким преступлениям в первой трети XIX века: закон и практика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 9. – С. 21–31; и др.

[70] См.: LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. – N.Y.; Oxford, 1991; Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. – Dekalb, Ill., 1988; Monas S. Bureaucracy in Russia under Nicholas I // The Structure of Russian History. –

ударственности XVIII–XIX вв., проходившей по пути «догоняющего» развития, связывали её с процессом модернизации. В литературе это явление получило название «европеизации». Так, американский историк М. Раев уделил особое внимание анализу формирования правовой культуры и законодательной практики правительства, исходя из идеи создания так называемого регулярного государства, где жизнь подданных регламентировалась на военный манер[71]. Причины систематизации и унификации управления страной он видел в стремлении к модернизации и рационализации, что, по мнению правительства, должно было ускорить социальное развитие по западному образцу. Уже классической для историографии стала монография Р. Пайпса «Россия при старом режиме»[72]. В основе его взглядов на историю России лежит представление об «особом пути» её развития, отличном от европейских стран, связанное с отсутствием крепкой традиции самоуправления и сочетающееся с бюрократическим централизмом. Среди факторов, снижавших эффективность деятельности учреждений, автор указывал: обширность территории, сильную рассредоточенность населения, плохое состояние коммуникаций и недостаток финансов. Рассматривая реформирование государственных учреждений в XIX в., Д. Сандерс пришёл к выводу о преемственности развития русской административной системы, в которой решающим фактором реформ была инициатива государства[73].

Зарубежных исследователей привлекает портрет российского чиновничества. Значительная часть западных учёных испытала сильное влияние социологической теории М. Вебера, обосновывающей «идеальный тип чиновника». Данный подход предопределил внимание историков к вопросам возникновения, социальной природы, социальной дифференциации, численного роста бюрократии, а также её места в структуре общества и государственного управления России. Конечно, следует учитывать, что идеальный тип – это абстрактная модель, и постановка вопроса о сравнении любого явления с его теоретической кон-

N.Y., 1970. – P. 269–281; Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. – Frankfurt am Main, 2008; Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 4 (42). – С. 29–35.

[71] См.: Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. – Boulder, Colo., 1994; Он же. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. – Лондон, 1990; Он же. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. – Самара, 2000. – С. 48–79.

[72] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 2012.

[73] См.: Saunders D. Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881. – London; N.Y., 1994.

струкцией неизбежно вызывает дискуссии. В этом плане весьма интересна научная полемика между М. Раевым и немецким исследователем Х.-Й. Торке. Если первый, критически анализируя российскую бюрократию и сравнивая её с идеальной веберовской моделью, пришёл к выводу, что в России не произошло перехода к рациональному типу, доказывая это недостаточным уровнем профессионализма дореволюционной администрации[74], то Х.-Й. Торке заявил о недопустимости подобного сравнения. Отличие российской бюрократии он видел в идеологии личного интереса, отождествлённом с государственным[75].

Значительный вклад в изучение российского чиновничества внёс американский ученый У. Пинтнер. На основе данных формулярных списков он представил характеристику бюрократии центральных и местных учреждений, попытался выявить тенденции в изменении её состава[76].

Анализ зарубежной литературы позволяет увидеть эволюцию исследовательского интереса. Если во второй половине XX в. активно разрабатывались проблемы развития центральных органов власти и положение высшей бюрократии (становление и эволюция самодержавного строя, механизмы реализации власти, эффективность управленческой деятельности, особенности российской бюрократии и её отличие от «идеального типа» М. Вебера), то к концу XX – началу XXI вв. всё больше внимания стало уделяться проблемам местного управления Российской империи (учёт региональной специфики при реализации политики в области местного управления, реформы местных органов власти, институты генерал-губернаторства и губернаторства, состав провинциального чиновничества)[77].

---

[74] См.: Raeff M. The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // The American Historical Review. – 1979. – Vol. 84. – № 2. – P. 399–411.

[75] См.: Torke H.J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – 1967. – Bd. 13. – S. 7–345.

[76] См.: Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. – Chapel Hill, N.C., 1980. – P. 190–226; Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. – 1970. – Vol. 29. – № 3. – P. 429–443.

[77] См.: LeDonne J.P. Administrative Regionalization in the Russian Empire 1802–1826 // Cahiers du Monde russe. – 2002. – Vol. 43. – № 1. – P. 5–33; Starr S.F. Decentralization and self-government in Russia, 1830–1870. – Princeton, N.J., 1972; Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. – М., 2008; Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002; Мапузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей. – Казань, 2004. – С. 427–458; Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 202–213.

Приведённый историографический обзор показывает, что постановка и решение проблем, связанных с функционированием и развитием местного управления Российской империи продиктованы объективными тенденциями развития исторической науки. Отечественные и зарубежные учёные внесли большой вклад в изучение российской государственности, наметили круг наиболее актуальных вопросов, среди которых особо подчеркнём осознание необходимости учёта региональной специфики управленческих процессов. Между тем, при всей многоплановости существующих научных публикаций, современные исследования в большей степени фокусируются на отдельных институтах государственного управления, анализ которых не позволяет представить полноценную характеристику и многообразие существовавших в XIX в. региональных моделей, в связи с чем настоящее исследование, в центре внимания которого впервые оказывается вся система местного управления Вологодской губернии первой половины XIX в., приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Объектом диссертационного исследования является местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в. **Предметом исследования** выступают формирование и эволюция системы органов власти губернии, их кадровый состав и особенности управленческой деятельности в первой половине XIX в.

Территориальные рамки исследования ограничены Вологодской губернией, состоявшей в первой половине XIX в. из десяти уездов: Вельского, Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Никольского, Сольвычегодского, Тотемского, Устьсысольского, Устюгского, Яренского. Особенностям Вологодской губернии как объекта государственного управления посвящён первый параграф настоящей работы.

Хронологические рамки исследования охватывают 1801–1855 гг. и обусловлены тем, что этот период являлся самостоятельным этапом развития российской государственности. Нижней границей исследования является 1801 г., ознаменовавшийся приходом к власти императора Александра I, который провёл широкомасштабные государственные реформы, оказавшие влияние на систему местного управления. Верхней границей является 1855 г., которым

заканчивается период правления Николая I и начинается новый этап в истории Российской империи, связанный с реформаторской политикой Александра II.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ становления, развития и функционирования органов местного управления и их кадрового состава в Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

– проанализировать объективные условия развития системы местного управления посредством характеристики особенностей Вологодской губернии как объекта государственного управления;

– рассмотреть формирование и эволюцию системы органов местного управления;

– определить и проанализировать численность местных служащих и её динамику;

– охарактеризовать кадровую политику государства на основании анализа сословного происхождения, образовательного уровня и возрастного состава вологодского чиновничества;

– раскрыть материальное положение служащих местного государственного аппарата;

– проанализировать условия деятельности органов местного управления;

– охарактеризовать методы и формы управленческой деятельности посредством анализа результатов ревизий губернии и масштабов должностной преступности.

Методология исследования базируется на принципах: 1) системности (анализ местного управления как сложной иерархической системы); 2) целостности (характеристика местного управления Вологодской губернии как подсистемы государственного управления Российской империи); 3) всеобщей связи (анализ взаимоотношения и взаимовлияния между элементами системы местного управления, между изучаемой системой и внешней средой); 4) развития (характеристика эволюции системы местного управления в изучаемый период); 5) детерминизма (выявление причин изменений, происходивших в процессе развития системы местного управления); 6) объективности (опора на конкретно-исторические факты, критический подход к историческим источникам и историографическому материалу); 7) историзма (характеристика системы местного

управления с учётом неповторимости её содержания, определённости места и времени развития).

В ходе настоящего исследования применялись общенаучные и специальные методы познания. В качестве первых выступали следующие: описание, измерение, анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, статистический и социологический. Среди специально-исторических методов познания использовались историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический и историко-системный. Также в работе нашёл применение формально-юридический (специально-юридический) метод, позволивший толковать содержание правовых предписаний, определять юридические понятия и выявлять их признаки.

Для достижения поставленной в исследовании цели использовался инструментарий системного и междисциплинарного подходов. Системный подход позволил рассмотреть местное управление в конкретном регионе в определённую историческую эпоху как сложную систему, состоявшую из взаимосвязанных элементов и обладавшую комплексом своеобразных черт. Междисциплинарный подход позволил рассмотреть местное управление с учётом его государственно-правовой природы.

Ввиду того, что в исторической науке ещё не сложился единый подход к терминологии, применяемой в процессе изучения интересующей нас проблемы[78], в рамках настоящей работы при использовании тех или иных понятий учитывались, во-первых, положения, выработанные теорией государственного управления, во-вторых, лексико-семантические особенности текстов анализируемых исторических источников. Из чего следует, что такие термины как государственное управление, государственный аппарат, государственный орган, государственный служащий, система государственного управления, управленческая деятельность и т.д., применялись в соответствии с общепринятым в теории государственного управления контекстом[79]. В то же время, трактовка и употребление историзмов (чиновник, обер-офицер, писарь, жалованье, мздоимство,

---

[78] Так, В.Е. Зубов справедливо отметил, что применительно к дореволюционному периоду в исторической науке отсутствуют критерии, позволяющие «идентифицировать того или иного работника как представителя государственного аппарата», в связи с чем возникают трудности при изучении различных категорий лиц, задействованных в государственном управлении (См.: Зубов В.Е. К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–3 (60). – С. 98).

[79] См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: учебник. – М., 2010. – С. 513–523.

лихоимство, ябеда и т.п.) производились нами в соответствии со смыслом, вкладываемым в их значение в изучаемую эпоху. Так, в качестве чиновников рассматривались лица, имевшие классные чины, в том числе и те, кто состоял на выборных дворянских должностях; в качестве канцелярских служителей – лица, не имевшие классных чинов. Термины бюрократия и государственные служащие в работе использовались как синонимы и применялись ко всем лицам, непосредственно занятым в местном управлении.

Источниковую базу составили опубликованные и неопубликованные материалы. В ходе исследования изучены фонды двух архивохранилищ: Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) и Государственного архива Вологодской области (далее – ГА ВО). В РГИА проведена работа с 13 фондами[80], что позволило выявить документы, иллюстрирующие политику центрального правительства в сфере местного управления, формы и методы контроля центральных учреждений за деятельностью местных органов власти, кадровый состав местного аппарата управления. С целью проанализировать делопроизводственную документацию местных учреждений в ГА ВО были изучены материалы 22 фондов[81].

В соответствии с происхождением и характером информации, содержащейся в исторических источниках, среди них можно выделить следующие виды: законодательные акты, делопроизводственные материалы, периодическая печать, источники личного происхождения, справочные издания.

Законодательные акты, регулировавшие организацию деятельности и компетенцию местных органов власти, являются одними из наиболее востребо-

---

[80] Фонды РГИА, изученные в ходе исследования: Ф. 560. – Общая канцелярия министра финансов; Ф. 660. – Граф Арсений Андреевич Закревский (1783–1865); Ф. 994. – Мордвиновы; Ф. 1147. – Непременный (Государственный) совет; Ф. 1151. – Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета; Ф. 1263. – Комитет министров (1802–1906); Ф. 1281. – Совет министра внутренних дел; Ф. 1286. – Департамент полиции исполнительной МВД; Ф. 1287. – Хозяйственный департамент МВД; Ф. 1341. – Первый департамент Сената; Ф. 1349. – Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция); Ф. 1374. – Канцелярия генерал-прокурора Сената; Ф. 1405. – Министерство юстиции.

[81] Фонды ГА ВО, изученные в ходе исследования: Ф. 13. – Вологодское наместническое правление; Ф. 14. – Вологодское губернское правление; Ф. 17. – Губернский статистический комитет; Ф. 18. – Канцелярия вологодского губернатора; Ф. 19. – Вологодский приказ общественного призрения; Ф. 31. – Вологодский губернский предводитель дворянства; Ф. 32. – Вологодское губернское дворянское депутатское собрание; Ф. 85. – Вологодский уездный предводитель дворянства; Ф. 130. – Никольский уездный суд; Ф. 175. – Вологодский совестный суд; Ф. 177. – Вологодская палата уголовного суда; Ф. 178. – Вологодская палата гражданского суда; Ф. 235. – Вологодский уездный суд; Ф. 239. – Кадниковский уездный суд; Ф. 242. – Тотемский уездный суд; Ф. 388. – Вологодская казённая палата; Ф. 469. – Грязовецкое городническое правление; Ф.476. – Вологодская городская дума; Ф. 496. – Вологодская духовная консистория; Ф. 688. – Тотемский земский суд; Ф. 806. – Вологодский губернский прокурор; Ф. 833. – Вологодский губернский магистрат.

ванных источников в исследовательских кругах. Значение этих документов очень велико, поскольку они позволяют увидеть, какие задачи ставило государство перед провинциальными учреждениями, какие предопределяло методы и формы управленческой деятельности, какими правами и обязанностями наделяло служащих, что в целом отражает ожидания правительства в сфере местного управления.

Интересовавшие нас нормативные правовые акты были систематизированы в Полном собрании законов Российской империи (1-е и 2-е собрание) (далее – ПСЗ–1, ПСЗ–2) и Своде законов Российской империи (редакции 1833 и 1842 гг.). В ходе работы с ПСЗ–1 выявлено и проанализировано 374 законодательных акта, с ПСЗ–2 – 481[82]. Из Свода законов особое значение для исследования имел второй том, определявший структуру местных органов власти[83], третий – регулировавший правовое положение служащих как по назначению от правительства, так и по выборам[84] и пятнадцатый, вобравший в себя нормы об уголовной ответственности за должностные преступления[85]. Кроме того, характеристика правонарушений служащих потребовала учёта норм, закреплённых в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.[86]

Делопроизводственные документы в основном представлены неопубликованными архивными материалами. Они являются наиболее многочисленной группой источников, послужившей основой для диссертационного исследования. Среди них следует выделить несколько крупных комплексов документов, на которые было обращено особое внимание.

Судебно-следственные материалы: протоколы и журналы судебных заседаний, отдельные подшивки уголовных дел. Эти источники до сих пор не становились объектом комплексного анализа и вводятся в научный оборот впервые.

---

[82] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.]. – СПб., 1830; Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.]. – СПб., 1830–1885.

[83] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2: Учреждения губернские. – СПб., 1833.

[84] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842.

[85] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842.

[86] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845.

Данные о состоянии должностной преступности в изучаемый период не систематизировались ни в отчётной, ни в текущей документации[87], поэтому первичное делопроизводство местных судебных учреждений приобретает особую значимость. Эти источники относятся к категории массовых, что, с одной стороны, осложняет процесс работы с ними, но с другой – позволяет получить ценные сведения как характеризующие особенности уголовного процесса по делам о должностных преступлениях, структуру должностной преступности, систему назначаемых наказаний, так и отражающие формы и методы управленческой деятельности.

В первой половине XIX в. преступления гражданских служащих были подсудны губернским уголовным палатам[88]. В ходе исследования было выявлено и обработано 116 ед. хр. фонда Вологодской палаты уголовного суда ГА ВО (Ф. 177), в результате чего удалось обнаружить 877 дел о должностных преступлениях и 33 апелляции по ним[89]. По нашим подсчётам, это составляет не менее 95% от всех дел интересующей нас категории преступления, которые прошли через данное судебное учреждение за 1802–1855 гг.[90] На основе собранных материалов создана электронная база данных в MS Excel. При сборе необходимых для неё сведений выработана методика анализа архивных документов, позволившая выявить наиболее значимую для настоящего исследования информацию. Полученные данные были использованы для составления таблиц, приведённых в работе.

---

[87] Систематизированные данные о преступности среди архивных материалов не удалось обнаружить. Статистическая отчётность Министерства юстиции не позволяет оценить масштабы изучаемых правонарушений. Учёные, обращавшие внимание на эти материалы, осветили присущие им значительные недостатки, связанные с несовершенством форм учёта и предоставления данных в отчётах центральным учреждениям (в интересующую нас историческую эпоху формы учёта и состав поступавших с мест сведений неоднократно менялись, а в некоторые годы данные в общероссийских масштабах не обобщались) (Подробнее см.: Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.): Дис. … д-ра ист. наук. – Самара, 2008. – С. 429–446; Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 24–42; Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. – М., 1961. – С. 6–46).

[88] Преступления губернаторов, губернских предводителей дворянства, председателей губернских палат и губернских прокуроров относились к подсудности Сената (См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 287).

[89] См.: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. – Д. 1, 2, 25–27.

[90] По причине неудовлетворительного физического состояния не удалось познакомиться с несколькими архивными делами (См.: Там же. – Оп. 1. – Д. 30, 33, 52), которые в совокупности позволили бы выявить не более 3–5% от общего числа следственных дел.

Анализ источников показал, что наиболее информативными судебными документами являются протоколы уголовной палаты. Они представляли собой акты, составляемые уполномоченными должностными лицами, удостоверявшие события, имевшие место при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании. Со времён Петра I ведение подобного рода документов стало обязательным требованием в работе местных учреждений. Создание протоколов должно было способствовать утверждению принципов коллегиальности в управлении. При всей важности этого документа, на протяжении первой половины XIX в. форма его составления не была чётко зафиксирована. Делопроизводители руководствовались правилами, отражёнными в Генеральном регламенте 1720 г., где содержание протокола было определено в самых общих чертах.

В ходе работы с указанными источниками установлено, что они имели следующую структуру: 1. Вводная часть, включающая дату рассмотрения и заголовок дела (название учреждения, из которого поступило дело; имя, фамилия, должность и место службы обвиняемого; краткое описание деяния, в котором обвиняется подсудимый); 2. Основная часть, включающая выписки из материалов дела (повод к возбуждению дела; результаты следственных действий, в том числе показания обвиняемого и свидетелей; разного рода справки; статьи нормативных правовых актов) и приговор (оценка представленных доказательств и определение суда). Такое содержание документа нужно рассматривать как идеальный вариант, поскольку на практике информация в протоколах могла быть неполной и включать только вводную часть и приговор. В некоторых случаях, когда по делу проходило большое число подсудимых (более 10) и суд их оправдывал, в протоколе не были указаны имена и должности всех обвиняемых. Встречались и такие документы, где помимо указания на то, что должностное лицо судят «за разные противозаконные поступки», более конкретной информация о сути преступления не сообщалось. Не исключено, что расплывчатые формулировки допускались, чтобы завуалировать суть деяния и дать возможность преступнику уйти от ответственности. Иными словами, несмотря на то, что в течение изучаемого периода государство неоднократно предписывало судебным и следственным учреждениям излагать существо преступлений с необходимой «полнотой и ясностью», в реальности, это требование соблюдалось не всегда[91].

[91] Жёсткие требования к структуре протоколов были законодательно закреплены в 1852 г.

Каждому протоколу присваивался номер в хронологическом порядке от начала года. По прошествии года отдельные протоколы сшивали в книги, в начале которых помещались указатели с номерами и названиями дел. В заголовках должностных преступлений делалась пометка «следственное дело»[92], что существенно облегчило их поиск. Стоит отметить, что в книгах могли отсутствовать некоторые протоколы, например, те, которые отсылались на ревизию в Сенат. Часть документов была утрачена из-за пожаров 1811 и 1833 гг.

Восполнить недостающие сведения для настоящей работы помогли журналы заседаний уголовной палаты. Данный вид документа менее информативен, поскольку содержал краткие записи о рассмотренном деле. Также частично компенсировать неполноту информации удалось благодаря сохранившимся в ГА ВО отдельным подшивкам материалов следствий.

Материалы ревизий, проводившихся чиновниками центральных учреждений: всеподданнейшие доклады, рапорты и отчёты о ходе и результатах ревизий; постановления Комитета министров и указы Сената по результатам рассмотрения рапортов и отчётов; переписка между центральными учреждениями по результатам ревизий и предложениям ревизоров; предложения ревизоров губернским учреждениям; переписка между губернскими учреждениями по замечаниям и предложениям ревизоров; «следственные дела», начатые по результатам ревизий; предписания центральных учреждений губернским органам и рапорты об их исполнении; прошения и жалобы местных чиновников центральным учреждениям; журналы губернских учреждений и др.

На сегодняшний день ценность материалов ревизий, как источника изучения системы местного управления, общепризнана[93]. По сравнению с губернскими контролирующими институтами, присылаемые из центра ревизоры отличались беспристрастностью своих суждений. Будучи независимыми очевидцами происходившего на местах, в своих отчётных материалах они зафиксировали

[92] В уголовном законе первой половины XIX в. понятие «следственное дело» использовалось только для обозначения должностных преступлений (См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 181).

[93] См., например: Ефимова В.В. Ревизия сенатора А.Д. Гурьева в 1830 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 104–114; Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1994. – № 6. – С. 28–38; Савченко Н.А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской империи (на примере Курской губернии) // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2007. – № 3 (55). – С. 93–97.

ценные сведения относительно функционирования обследуемых органов власти. Критическое осмысление этих данных, вкупе с иными историческими источниками, позволяет исследователю представить относительно объективную картину состояния государственного управления в конкретной губернии.

В ходе настоящего исследования были выявлены и проанализированы материалы пяти ревизий, проводившихся на территории Вологодской губернии в первой половине XIX в.: сенаторская ревизия А.З. Хитрово (1814 г.)[94], ревизия командира 6-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Е.И. Властова (1818 г.)[95], ревизия генерал-губернатора А.Ф. Клокачёва (1820 г.)[96], сенаторская ревизия И.С. Горголи (1827 г.)[97], сенаторская ревизия В.Ф. Мертенса и А.М. Корнилова (1830 г.)[98].

Формулярные списки, которые являлись основной формой учёта служащих и включали следующую информацию: чин, имя, отчество, фамилия; должность; возраст; вероисповедание; сословное происхождение; имущественное положение; подробное прохождение службы (когда вступил в службу, какие должности занимал и в каких учреждениях); сведениях о повышении в чинах; отличия проявленные на службе; сведения о наградах за службу; наличие судимости, с указанием за что был судим; сведения об участии в военных походах; сведения об аттестации; время нахождения в отпусках и отставках; семейное положение. С 1840-х гг. в формулярные списки стали вносить данные об образовании и размере получаемого жалованья.

Формулярные списки – источник, потребовавший систематизации сведений. В ходе исследования применялся следующий подход. В РГИА (Ф. 1349) были выявлены и проанализированы групповые формулярные списки вологодских чиновников за определённые годы, а именно: 1801, 1806, 1810, 1818, 1826,

---

[94] См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90; Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 136; Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32; Ф. 1405. – Оп. 13. – Д. 3599; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 424, 468; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 325, 1324; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 83; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 66.

[95] См.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 156; ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 286, 413; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 19; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 73, 95.

[96] См.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224, 256; Оп. 2. – Д. 160; Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 161; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 516; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413, 457, 470; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 92, 96.

[97] См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 116, 124; Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 1635; Ф. 806. – Оп. 2. – Д. 4.

[98] См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 791; Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 426в; Оп. 5. – Д. 60, 164; Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 921; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а; Ф. 1405. – Оп. 28. – Д. 2513; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 581; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 508; Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 57; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 129, 130, 134, 136, 138, 142, 146, 154, 157, 160, 172, 213, 242; Ф. 388. – Оп. 2. – Д. 1839; Оп. 6. – Д. 64; Ф. 806. – Оп. 1. – Д. 7; Оп. 2. – Д. 3.

1838, 1844 и 1850–1852[99]. В некоторых случаях списки оказались неполными (отсутствовали сведения по служащим отдельных учреждений), что потребовало поиска недостающих данных в ГА ВО[100]. Таким путём частично удалось восполнить пробелы. Всего было обработано 3170 индивидуальных формулярных списков. Ввиду того, что рассматриваемые источники содержат большой объём фактичееких данных, отбирались следующие сведения: 1) название учреждения, в котором состоял чиновник на момент составления послужного списка; 2) его должность; 3) фамилия, имя, отчество; 4) классный чин; 5) возраст; 6) сведения о наградах; 7) наличие судимости; 8) сословное происхождение; 9) имущество; 10) информация о том, был ли чиновник на военной службе; 11) образование; 12) семейное положение (женат или холост, есть ли дети). Собранный материал был систематизирован в электронном виде, с помощью программы MS Excel. Полученные данные были использованы для составления таблиц, приведённых в работе.

В литературе имеются различные взгляды относительно степени достоверности сообщаемой в формулярных списках информации[101]. Государство требовало от местных учреждений, чтобы все документы по личному составу заполнялись на основании предоставляемых служащими подлинных выписок из метрических книг, аттестатов учебных заведений, иных справок и свидетельств. Однако выявленные и проанализированные нами материалы свидетельствуют, что в изучаемый период послужные списки составляли в основном со слов самих чиновников. Направленные на упорядочивание делопроизводства усилия правительства, предпринимавшиеся со второй четверти XIX в., не сразу принесли ожидаемый результат: только с 1840-х гг. наблюдается более внимательное

---

[99] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.), 37 (1806 г.), 47 (1810 г.), 241 (1818 г.), 129 (1826 г.), 441 (1838 г.), 473 (1844 г.); Оп. 5. – Д. 793, 2324, 4783, 7664; Оп. 6. – Д. 1636.

[100] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1348; Оп. 2. – Д. 1, 2, 11; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1348; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 52, 124; Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 7, 10, 134; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18; Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 3, 63, 72; Ф. 177. – Оп. 3. – Д. 6, 19, 133; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 2, 3, 4, 7, 11, 13, 14, 17, 18, 20, 23, 27, 30, 36, 39; Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 332, 560; Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 121, 467, 468, 469, 470, 472, 476, 483, 953, 955; Ф. 469. – Оп. 2. – Д. 210; Ф. 688. – Оп. 1. – Д. 148, 197, 275; Ф. 806. – Оп. 1. – Д. 27.

[101] См., например: Елпатьевский А.В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII – начала XX веков // Труды ВНИИДАД. Т. 5. Ч. 1. – М., 1974. – С. 202–203; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 10; Иванов В.А. О репрезентативности комплекса послужных списков служащих местных государственных учреждений (к методике анализа) // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сб. статей. – М., 1993. – С. 128–144; Киселёв И.Н., Мироненко С.В. О чём рассказали формулярные списки // Число и мысль. Сборник. Вып. 9. – М., 1986. – С. 6–31; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиографический справочник. – СПб., 2001. – С. 6–19; и др.

отношение местных органов власти к заполнению формулярных списков, появляются случаи наказания чиновников за предоставление ложных сведений и за утаивание информации (например, нахождение под судом)[102].

Не вдаваясь в источниковедческие дискуссии, отметим одно важное для настоящего исследования наблюдение, сложившееся в ходе работы с данным видом массовой документации. При сравнении между собой разновременных послужных списков одних и тех же лиц заметны особенности процесса изменения этих документов. Формулярные списки, хранившиеся в канцеляриях учреждений, должны были ежегодно обновляться и отсылаться в губернское правление. Обновление подразумевало уточнение, дополнение и изменение данных в соответствии с текущим положением чиновника. На практике всё происходило далеко не так, как того требовал закон. Обычно имеющийся документ почти полностью дублировался без перепроверки того, насколько устарела информация, содержащаяся в нём. При этом единственные изменения вносились в графу, указывающую на возраст (и то не всегда) и раздел, фиксирующий прохождение службы (добавлялись данные о получении следующего чина и перемещении на другую должность, если такие события происходили за последний год). Пустые графы, присутствующие в исходном документе, продолжали оставаться таковыми. Полное переоформление послужного списка происходило по необходимости, в противном случае – это делалось не чаще, чем раз в 2–3 года. Следовательно, при использовании в исследованиях данного источника не стоит ожидать от него абсолютно точной информации о служащих.

Отчётная документация вологодских губернаторов, содержащая данные о состоянии дел в губернии: сведения о промышленности, земледелии, несении населением повинностей, количестве недоимок, капиталах приказа общественного призрения, ведомости о движении дел в административных органах и т.д. Ввиду обилия разнообразных сведений, сообщаемых этими источниками, они широко используются в исследованиях, характеризующих не только местное управление Российской империи, но и социально-экономическое развитие регионов. К настоящему моменту существует значительное количество публикаций,

[102] См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 335–405 об.; Д. 119. – Л. 868–883 об.; Д. 138. – Л. 594–602 об.

посвящённых источниковедческому анализу губернаторских отчётов[103], в связи с чем мы не будем подробно останавливаться на характеристике их структуры и содержания.

В ходе изучения фондов ГА ВО установлено, что за первую половину XIX в. материалы, содержащие отчётную документацию губернаторов единичны. В основном это доклады по результатам ревизий губернии, представленные на рассмотрение губернского правления, т.е. материалы, служившие основой для составления отчётов[104]. В качестве исключения можно выделить только два документа, датированные 1801 и 1845 гг., которые являлись черновыми вариантами всеподданнейших отчётов начальников губернии[105]. Полноценные документы сохранились только в РГИА[106], где также удалось обнаружить и исследовать докладные записки вологодских губернаторов, зафиксировавшие их взгляды на устройство и нужды управляемой территории[107].

Прочие, разнородные по характеру и значению делопроизводственные материалы: указы и предписания, поступавшие из центрального правительства[108]; протоколы и журналы заседаний губернских и уездных органов власти[109]; переписка между местными учреждениями по текущим вопросам и в ходе исполнения распоряжений вышестоящих органов[110]; сведения, запрашиваемые губернскими органами власти из подчинённых им мест, и создаваемые на их основе статистические сводки и ведомости (например, ведомости о движении

---

[103] См., например: Бикташева А.Н. Губернаторский отчёт как персональный текст (первая половина XIX в.) // Власть. – 2011. – № 3. – С. 167–169; Вакшев Т.Р. Отчёты губернаторов в системе местного управления России во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (32). Ч. II. – С. 47–50; Дятлова Н.П. Отчёты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы науч. конф. архивистов Ленинграда. 4–6 февр. 1964 г. – Л., 1964. – С. 227–246; Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчётов XIX в. // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1976. – М., 1977. – С. 125–144; Минаков А.С. Всеподданнейшие отчёты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблемы архивной эвристики // Отечественные архивы. – 2009. – № 1. – С. 28–35.

[104] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1019; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413, 457, 470, 742.

[105] См.: Там же. – Д. 89, 1423.

[106] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145; Оп. 11. – Д. 29, 30а, 30б, 30в; Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 336а, 336б.

[107] См.: Там же. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 86, 224; Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 160.

[108] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 427, 468, 1446; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 112, 329, 350, 416, 445, 463, 496, 508, 592, 1488, 1556; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 121; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 246; Ф. 235. – Оп. 2. – Д. 505; Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 933; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 89, 97; Ф. 833. – Оп. 1. – Д. 684.

[109] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 558; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 19; Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 5; Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 1635; Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 7333; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 61, 66.

[110] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 421, 426; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 156, 246, 295, 312, 414, 447, 474, 497, 538, 723; Ф. 388. – Оп. 9. – Д. 212; Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 26.

дел, расписания доходов и расходов по губернии)[111]; документы, отражающие административный порядок привлечения чиновников к ответственности за должностные проступки[112]; документы, сопутствовавшие служебной деятельности (прошения чиновников, представляемые при поступлении на службу справки, приказы о назначениях к должностям, увольнениях, перемещениях, ведомости на выдачу жалованья, представления к наградам и др.)[113]; документы, содержащие сведения о вологодском дворянстве и дворянских выборах[114].

Помимо вышеописанных делопроизводственных материалов, иллюстрирующих деятельность учреждений Вологодской губернии, в ходе исследования было уделено внимание архивным и опубликованным документам, зафиксировавшим взгляды и мнения чиновников высших органов власти об изъянах в местном управлении первой половины XIX в. (докладная записка министра внутренних дел В.П. Кочубея «О недостатках административного управления в губерниях» 1806 г., мнение Н.С. Мордвинова «О представителях областных» 1816 г., мнение А.Ф. Клокачёва относительно должности генерал-губернатора 1821 г., записка И.В. Минина «О структуре и функциях губернских учреждений» 1826 г., докладная записка министра внутренних дел А.А. Закревского «О недостатках по губернскому управлению» 1831 г. и др.[115]).

Материалы периодической печати. В ходе исследования использовались материалы общероссийских и региональных периодических изданий. Среди

---

[111] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1059; Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 7, 9, 15; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 362, 406, 494, 523, 915, 918, 921, 1407; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 113; Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 2; Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 103, 991; Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 28; Ф. 833. – Оп. 1. – Д. 454, 704, 706.

[112] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 209, 959, 1234; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 157, 278, 485; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 285; Ф. 806. – Оп. 1. – Д. 28; Оп. 2. – Д. 4; Оп. 3. – Д. 12.

[113] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 6, 1287, 1288; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 286, 1326, 1337, 1397; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 402; Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 3, 36, 40, 63, 72; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 4, 5; Оп. 3. – Д. 21, 22, 23, 309, 380; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 5, 6, 10, 20, 79, 128, 146, 240, 241, 242, 244, 247, 284, 292, 296, 314, 326; Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 332, 932; Ф. 388. – Оп. 6. – Д. 143, 260; Оп. 8. – Д. 124, 190, 471, 949, 965, 989; Ф. 688. – Оп. 1. – Д. 148; Ф. 806. – Оп.1. – Д. 14, 18; Оп. 3. – Д. 5, 6.

[114] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1327; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 32, 124, 140, 152, 253, 264, 291, 452, 543, 611, 703; Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 2; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 246.

[115] См.: РГИА. – Ф. 660. – Оп. 1. – Д. 144; Ф. 994. – Оп. 2. – Д. 130, 131, 135, 136; Ф. 1151. – Оп. 1. – Д. 134; Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 69; Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 903; Ф. 1374. – Оп. 3. – Д. 2321; «Весьма нужно для блага общего…» «Мнения» архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернаторов А.Ф. Клокачёва и С.И. Миницкого о пределах полномочий генерал-губернаторов: 1821–1825 гг. / публ. подгот. В.В. Ефимова // Исторический архив. – 2013. – № 4. – С. 175–180; «Генерал-губернаторы не только полезны, но и необходимо нужны»: записка генерала от инфантерии А.Н. Бахметева. 1826 г. / публ. подгот.: Р.Н. Кипятков, Д.А. Николаев // Исторический архив. – 2008. – № 2. – С. 191–193; Замечания относительно должности генерал-губернатора (мнение генерал-губернатора Клокачёва, поданное императору 30 июля 1821 г.) // СбСЕИВК. Вып. VII. – СПб., 1895. – С. 197–207; Сперанский М.М. Замечания о губернских учреждениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым: Кн. 1–6. Кн. 4 (с приложением). – СПб., 1859. – С. 92–104.

первых следует выделить статьи, содержащие сведения о социально-экономическом развитии губернии, и путевые заметки, запечатлевшие географические и культурные особенности[116]. Значительно обогатили исследование материалы, опубликованные в Вологодских губернских ведомостях, издание которых возлагалось на губернское правление[117]. Первый номер вышел в свет 1 января 1838 г. Газета состояла из официальной и неофициальной частей. В официальной части публиковались указы, постановления, распоряжения центральных и местных органов власти, разного рода объявления (в частности, об учреждении новых присутственных мест и должностей в губернии, об определении, перемещении, увольнении и о наградах чиновников и т.д.[118]), в неофициальной – разнообразные материалы о жизни губернии (известия о движении населения, чрезвычайных происшествиях, рыночных ценах, метеорологических наблюдениях и др.[119]), а также частные объявления. До 1874 г. газета выходила с периодичностью раз в неделю. Значимые для настоящей работы сведения удалось обнаружить и на страницах Вологодских епархиальных ведомостей[120].

Справочные издания. К наиболее важным источникам относятся так называемые Месяцесловы, или Адрес-календари Российской империи, представляв-

---

[116] См.: Бунаков Н. Движение народонаселения Вологодской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – 1859. – Ч. 34. – № 1. – Отд. III. – С. 1–28; Линк И. Обозрение состояния городов Вологодской губернии в 1835 году // Там же. – 1836. – № 12. – С. 387–407; Р... Взгляд на Вологодскую губернию // Иллюстрация. – 1847. – № 27. – Т. 5. – С. 39–41; Савваитов П.И. Некоторые сведения об Устьсысольском уезде Вологодской губернии // Москвитянин. – 1842. – Ч. 4. – № 8. – С. 428–433; Статистические сведения о Вологодской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – 1841. – Ч. 42. – № 11. – С. 19–23; Фриз Я. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии // Приложение технологического журнала, состоящее из Ученых Известий, имеющих предметом приложение учиненных в науках открытий к практическому употреблению. – 1806. – Т. III, ч. 1. – С. 3–34.

[117] Подробнее см.: Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины: [сб. статей]. Т. IX. – Л., 1978. – С. 236–253.

[118] См.: Высочайший именной указ, данный Правительствующему Сенату 3 декабря 1851 г. // Вологодские губернские ведомости: отдел второй. Часть официальная. – 1851. – № 50. – С. 422; О назначении вологодского гражданского губернатора тайного советника Волховского самарским гражданским губернатором // Вологодские губернские ведомости: отдел первый. Часть официальная. – 1851. – № 1. – С. 1; и др.

[119] См.: Даниевский Н. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1851. – № 1. – С. 2–7; Он же. Ещё отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Там же. – № 2. – С. 13–18; Дубравин Н. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Там же. – 1845. – № 1. – С. 1–5; О половниках в Вологодской губернии // Там же. – 1848. – № 6. – С. 61–66; № 7. – С. 72–75; Обозрение состояния городов Вологодской губернии в 1838 году // Там же. – 1839. – № 35. – С. 281–283; № 36. – С. 289–290; № 46. – С. 365–368; № 47. – С. 373–375; № 48. – С. 381–384; Попов К. Несколько слов о движении народонаселения Вологодской губернии в 1850 году // Там же. – 1853. – № 42. – С. 361–364; № 45. – С. 391–394; Сравнительная ведомость ценам на разные произведения и товары // Там же. – 1838. – № 5. – С. 33–35; и др.

[120] См.: Бурцев Е. Спас на Кокшенге // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 23. – С. 533–535; Материалы для истории вологодской семинарии // Там же. – 1870. – № 19. – С. 670–675; № 20. – С. 712–716; № 21. – С. 736–743; № 22. – С. 763–769; № 23. – С. 805–811; № 24. – С. 832–839.

шие собой официальные справочники, выпускавшиеся с 1765 г. канцелярией Академии наук. Издание состояло из двух частей: первая содержала сведения о личном составе центральных правительственных учреждений, вторая – местных органов власти. В процессе работы были изучены Месяцесловы за 1802–1855 гг.[121] Ещё одним источником справочного характера являются Памятные книжки Вологодской губернии[122]. В отличие от адрес-календарей, они содержали более полную информацию о личном составе присутственных мест[123], однако издаваться начали только с 1850-х гг. В дополнение к официальной справочной информации в памятные книжки включались материалы и статьи, сообщавшие разнообразные сведения о губернии (исторические события, данные о социально-экономическом развитии и т.д.)[124].

Источники личного происхождения. Большой интерес для исследования представляют воспоминания, дневники и письма современников. Мемуары, принадлежавшие перу чиновников, служивших в провинциальных учреждениях, либо непосредственно наблюдавших за их работой, позволяют более полно охарактеризовать местное управление изучаемого периода[125]. Значительная часть из них была опубликована в дореволюционных журналах («Русская старина», «Русский архив», «Русский вестник» и др.)[126]. Издания, сохранившие

---

[121] См.: Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето ... от Рождества Христова. – СПб., 1802–1804; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето … от Рождества Христова. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1805–1829; Адрес-календарь. Месяцеслов и Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1830–1842; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1843–1849; Адрес-календарь: Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1850; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1851–1855

[122] См.: Справочная книжка для Вологодской губернии. – Вологда, 1853–1854; Памятная книжка для Вологодской губернии. – Вологда, 1860–1861.

[123] Подробнее см.: Раздорский А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908). Библиографический указатель. – СПб., 1999. – С. 7–29.

[124] Подробнее см.: Памятные книжки губерний и областей Российской империи: указатель содержания. Т. 1: Европейский Север (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии). – СПб., 2002. – С. 367–468.

[125] См.: Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. Кн. 1. – М., 2003; Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М., 1998; Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. – М., 1990; Катаев И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. – СПб., 1914.

[126] См.: Глориантов В.И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. – 1905. – Кн. 1. – № 4. – С. 662–674; Казначеев А.Г. Между строками одного формулярного списка. 1823–1881 гг. // Русская старина. – 1881. – Т. 32. – № 12. – С. 817–880; Листовский И. Рассказы из недавней старины // Русский архив. – 1879. – Кн. 3. – № 10. – С. 249–264; Назимов М. Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // Русский вестник. – 1876. – Т. 124. – № 7. – С. 74–161; и др.

воспоминания о Вологодской губернии первой половины XIX в., немногочисленны. В числе наиболее ценных следует назвать опубликованный в 2000 г. дневник А.И. Дружинина, служившего земским исправником в 1820-е гг.[127] Интерес к этому источнику обусловлен тем, что ни автор, ни его потомки не производили редактирования и литературной обработки дневника в целях его последующего обнародования. Некоторые факты из жизни губернии в начале 1820-х гг. можно почерпнуть из воспоминаний губернатора Н.П. Брусилова[128]. Ряд мемуарных источников позволяет увидеть проблемы, связанные с образованием и воспитанием в провинции[129].

Таким образом, обозначенный круг опубликованных и неопубликованных источников, на которых базируется диссертационное исследование, представляется достаточным для того, чтобы решить поставленные задачи и провести всесторонний анализ заявленной проблемы.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первым в отечественной историографии комплексным исследованием, в котором местное управление Вологодской губернии первой половины XIX в. рассматривается с одной стороны, как правовое явление (междисциплинарный подход), с другой – как сложная социальная система (системный подход). Исследование проводится посредством анализа широкого круга разнородных по характеру исторических источников, большинство из которых выявлены в архиве и вводятся в научный оборот впервые. Всё это позволяет осветить важнейшие аспекты изучаемой проблематики и вписать результаты регионального исследования в контекст развития российской государственности. Кроме того, представленная работа имеет особое значение для изучения истории Европейского Севера, поскольку система управления северными губерниями в первой половине XIX в. слабо изучена, а применительно к Вологодской губернии ещё не становилась объектом внимания исследователей.

---

[127] См.: Дневник и записки А.И. Дружинина / публ. подгот. В.Р. Дружинин // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 599–666.

[128] Воспоминания Н.П. Брусилова // Исторический вестник. – 1893. – Т. 52. – № 4. – С. 37–71.

[129] Дневник Кирилла Антоновича Берёзкина. – СПб., 2014; Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. – СПб., 1909; Резанов А.Ф. Арабески моей жизни // Памятники культуры: новые открытия: ежегодник. – М., 1972. – С. 86–130.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Местное управление Вологодской губернии представляло собой сложную динамичную систему, прошедшую в своём развитии ряд этапов: её зарождение связано с губернской реформой 1775 г., становление и формирование происходило при Александре I (1801–1825 гг.), а пик развития пришёлся на период правления Николая I (1825–1855 гг.). Несмотря на то, что верховная власть стремилась к созданию унифицированной модели местного управления, изучаемая система обладала уникальностью и своеобразием. Это обусловлено тем, что региональные особенности оказывали сильное влияние на структуру и кадровый состав государственного аппарата, условия его функционирования.

2. Государственный аппарат Вологодской губернии был наделен иерархически выдержанной структурой, сохранившей принципы построения, заложенные губернской реформой 1775 г., но утратившей целостность после упразднения в конце XVIII в. института наместничества. Предпринимавшиеся на протяжении изучаемого периода попытки решения этой проблемы (внедрение принципа ведомственной подчинённости, генерал-губернаторский проект, обновление нормативно-правового регулирования) имели частный характер и не внесли качественных изменений в работу провинциальных учреждений.

3. В роли института, на который возлагались задачи по обеспечению единства управленческих процессов в губернии, выступала должность губернатора. Основной вес в структуре государственного аппарата Вологодской губернии занимали административно-полицейские и финансовые органы. Верховная власть уделяла наибольшее внимание нормативно-правовому обеспечению, организационной структуре, регулированию кадрового состава и материальному содержанию этих учреждений.

4. За изучаемый период общая численность служащих Вологодской губернии увеличилась вдвое. Укрупнение штатов правительственных учреждений отражало попытки государства повысить оперативность и качество управленческих процессов на местах.

5. Процесс комплектования вологодского чиновничества имел как общеимперские черты, так и региональную специфику. К первым следует относить: прочное удерживание дворянами руководящих позиций в местном управлении; низкий образовательный уровень и профессиональную неподготовленность

большинства служащих; преобладание в среде местной бюрократии лиц молодого и среднего возраста. Региональная специфика связана с особенностями сословного состава населения: малочисленность потомственных дворян в общем составе служащих; значительное представительство лиц, происходивших из духовного звания.

6. Материальное положение вологодской бюрократии напрямую зависело от доходов, приносимых служебной деятельностью. Размер оплаты труда большинства служащих на протяжении всего изучаемого периода не достигал прожиточного минимума, что стимулировало поиск нелегальных источников дохода, использование служебного положения в целях личного обогащения и распространение взяточничества.

7. На качестве и оперативности работы органов государственной власти Вологодской губернии отражался низкий уровень нормативно-правового, информационно-коммуникационного и материально-технического обеспечения их деятельности. Решению проблем в указанных сферах центральное правительство уделяло внимание недостаточно.

8. В повседневной работе вологодских служащих широко практиковались полузаконные и незаконные методы деятельности, служившие их личным интересам. Такие правонарушения, как: неисполнение должностных полномочий, злоупотребление служебным положением, сокрытие и уничтожение документов, пристрастное производство дел, намеренное затягивание решений, взяточничество, расхищение казённого имущества – получили повсеместное распространение.

9. В первой половине XIX в. государство не предпринимало решительных действий, направленных на искоренение должностной преступности. Условия функционирования местного управления Вологодской губернии являлись благоприятной средой для совершения правонарушений. И досудебное, и судебное производство по должностным преступлениям предоставляло широкие возможности виновным уйти от положенной по закону ответственности.

10. Приоритетными задачами государства в отношении местного управления Вологодской губернии являлись: поддержание общественного порядка и спокойствия; обеспечение сохранности казённого имущества, стабильного поступления налогов в казну и исправного несения повинностей. При регулирова-

нии вопросов, связанных со структурой государственного аппарата губернии, его численного состава, при определении расходов на его содержание и т.п. центральное правительство руководствовалось сугубо фискальными интересами, допуская только вынужденные издержки.

Теоретическая значимость. Результаты исследования, полученные статистические и конкретно-исторические материалы, имеют ценность для научных работ, как обобщающих историю российской государственности, так и касающихся отдельных аспектов проблемы. Они могут быть использованы в компаративистских исследованиях: стать отправной точкой для научных проектов в рамках краеведения. Предложенный подход к анализу системы местного управления применим к другим историческим периодам, регионам и уровням власти. Методологические основы исследования соответствуют научным направлениям в отечественном государствоведении, что позволит оперировать полученными результатами в ходе разработки теории государственного управления в форме комплексного научного знания.

Практическая значимость. Аналитическая часть и конкретно-исторический материал может быть использован в образовательном процессе: при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по истории России и по истории Вологодского края, спецкурсов и спецсеминаров по истории российской государственности. Выводы и теоретические положения исследования также имеют значимость для осуществления современной государственной политики.

Соответствие шифру специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 07.00.02 – Отечественная история, а именно: п. 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; п. 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 15. Исторический опыт российских реформ.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в 14 научных публикациях (общий объём 9,2 п.л.), 4 из которых – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты работы обсуждались на 5 всероссийских и 9 региональных научных конференциях. В 2015 г. диссертантом проводилась работа по гранту РГНФ: проект 15–51–

00010/15 «Система местного управления в Российской империи в первой половине XIX века (на материалах Вологодской губернии)».

Структура работы включает введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения. Первая глава посвящена анализу региональных особенностей Вологодской губернии как объекта государственного управления первой половины XIX в., характеристике структуры местного государственного аппарата (правовая основа, формирование и эволюция системы органов власти, внутри- и межведомственные отношения). Вторая глава – анализу кадрового обеспечения местного управления (численность служащих, их сословное происхождение, образовательный уровень, возрастной состав) и характеристике материального положения служащих. В третьей главе представлены условия функционирования государственных учреждений, на основании анализа результатов ревизий Вологодской губернии и масштабов должностной преступности описаны методы и формы управленческой деятельности. Основной текст диссертации дополняют 46 приложений с таблицами и документами, иллюстрирующими представленные результаты исследования.

Глава I. Объективные условия функционирования местного управления. Формирование и эволюция государственного аппарата Вологодской губернии

1.1. Особенности Вологодской губернии как объекта государственного управления

Территория Российской империи в природно-географическом, социально-экономическом и политическом плане представляла собой довольно пёструю картину. Особенные черты были присущи и Вологодской губернии. С исследовательской точки зрения наиболее важными факторами, обусловливавшими своеобразие изучаемой территории как объекта государственного управления, являлись следующие: 1) географическое расположение; 2) административное устройство; 3) состав населения; 4) образовательный уровень населения; 5) экономическое развитие; 6) наличие и состояние путей сообщения.

1. Географическое расположение.

Вологодская губерния была одной из крупнейших в Российской империи[130]. В литературе первой половины XIX в. публиковались различные сведения относительно её площади[131], полученные учёными из официальных ведомственных источников, составлявшихся в разное время. Данное наблюдение свидетельствует о том, что по мере развития картографии государство получало возможность к более точному определению границ губернии. В середине XIX в. по поручению Генерального штаба в рамках масштабных работ по военно-статистическому обозрению Российской империи было проведено исследование капитана П.К. Услара. Учёный скорректировал имеющиеся у государства картографические материалы, исходя из собственных наблюдений на местности, и

---

[130] Территория Вологодской губернии, будучи вытянута с юго-запада на северо-восток, граничила на севере с Архангельской губернией, на юге – с Пермской, Вятской, Костромской и Ярославской, на западе – с Новгородской, на востоке – с Тобольской (граница пролегала по хребту Уральских гор). Указанные границы почти повсеместно являлись условными, не привязанными к особенностям местности (Подробнее см.: Данилевский Н. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1851. – № 1. – С. 2–5).

[131] См., например: Брусилов Н.П. Опыт описания Вологодской губернии. – СПб., 1833. – С. 2; Данилевский Н. Ещё отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 2. – С. 15; Дубравин Н. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1845. – № 1. – С. 2; Пушкарёв И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, кн. IV: Описание Вологодской губернии. – СПб., 1846. – С. 1.

привёл свои данные о площади Вологодской губернии – 37 080 395 десятин[132]. Он также зафиксировал весьма важные наблюдения относительно обследуемой территории. В частности, отметил, что граница с Архангельской губернией, «пересекая большей частью совершенно недоступные леса и болота, имела в пустынных местах весьма неопределённое положение», а её уточнению препятствовало то, что «пунктов, определённых астрономически, было весьма немного»[133]. Таким образом, Услар, пытаясь вычислить наиболее точную площадь, обозначил серьёзную проблему, которую государству так и не удалось решить на протяжении первой половины XIX в. Речь идёт о выделении земель в натуре (на местности). Для Вологодской губернии этот вопрос имел первостепенное значение, поскольку земли, занятые населёнными пунктами и пашнями составляли только 2 % от общей площади, а основная территория представляла собой лесную и лесисто-болотистую местность (более 95 %)[134]. Известно, что генеральное межевание, проводившееся на Европейском Севере с конца XVIII в., включало многочисленные, но весьма примитивные, по современным меркам, обследования и хозяйственные описания территорий. Согласно свидетельствам современников «огромные [лесные] дачи Вологодской губернии оставались не обойдёнными, да и межевых ям, по топкости грунта, утвердить не было возможности»[135]. Бездорожье, нехватка квалифицированных кадров, отсутствие необходимых финансовых ресурсов, техническое несовершенство и эпизодичность проводимых работ не позволили создать подробную и достоверную карту местности, которая могла бы служить подспорьем в процессе усовершенствования управленческой деятельности. Кроме того, на протяжении всего изучаемого периода сохранялась неопределённость границы с Архангельской губернией. В частности, некоторые селения, лежащие на р. Печоре, на существовавших тогда картах значились как архангельская территория, но на практике находились под управлением вологодских учреждений[136]. Отсутствие точных сведений о географии подчинённой территории сказывалось на качестве работы лиц, служив-

---

[132] Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб., 1850. – Таблица № 1. Пространства земли (в десятинах) Вологодской губернии.

[133] Там же. – С. 8.

[134] См.: Там же. – Таблица № 1. Пространства земли (в десятинах) Вологодской губернии.

[135] Р... Взгляд на Вологодскую губернию // Иллюстрация. – 1847. – № 27. – Т. 5. – С. 39.

[136] См.: Даниловский Н. Ещё отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 2. – С. 16.

ших непосредственно на местах, и не позволяло выполнять в полном объёме функции, возлагавшиеся на них[137].

II. Административно-территориальное устройство.

Основы административно-территориального устройства были заложены нормативными правовыми актами, изданными в конце XVIII в.[138] Указ от 12 декабря 1796 г. провозглашал создание Вологодской губернии, включавшей пять уездов бывшей Вологодской провинции и семь – Великоустюгской[139]. 27 ноября 1803 г., с утверждением новых штатов, последовало упразднение двух уездов (Лальского и Красноборского)[140]. После 1803 г. административное устройство изучаемой территории не пересматривалось. Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. в состав губернии входило десять уездов (Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Тотемский, Никольский, Сольвычегодский, Устюгский, Устьсысольский, Яренский), включавших в себя 263 волости.

По замечанию одного из современников уезды Вологодской губернии были «весьма различны между собой, как по величине, так и по характеру страны»[141]. К примеру, Устьсысольский уезд, площадь которого составляла 16 109 635 десятин, превышал размеры многих губерний Центральной России[142]. В противовес ему юго-западные уезды (Вологодский и Грязовецкий) за-

---

[137] Наличие бесчисленных, необмежёванных лесных массивов благоприятствовало расхищению древесины, позволяло укрываться от государственной власти преступным группам, раскольникам, крестьянам и т.д. В силу обширности уездов и отсутствия лесных дорог, обнаружение незаконных рубок и поиск беглецов становились трудными задачами, в решении которых провинциальные чиновники не проявляли особенного рвения. Так, судя по материалам делопроизводства земских судов, своевременное выявление мест пребывания беглых людей происходило редко. К примеру, в личном деле исправника П.А. Баратынского значилось, что в 1827 г. он руководил поиском беглых и обнаружил «в непроходимых Тотемского уезда лесах в разных местах 16 домов», в которых более 20 лет проживало 34 крестьянина. Данное мероприятие было организовано и проведено лишь потому, что прямое указание на это дал ревизовавший Вологодскую губернию сенатор И.С. Горголи (Подробнее см.: ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 12 об.).

[138] В ходе губернской реформы Екатерины II 25 января 1780 г. был обнародован указ «Об учреждении Вологодской губернии и о переименовании некоторых селений городами», согласно с которым Архангелогородская губерния была преобразована в Вологодское наместничество, включившее в себя три области, или провинции: Вологодскую, Великоустюгскую и Архангельскую (См.: ПСЗ–1. – Т. 20. – № 14 973). Открытие Вологодского наместничества последовало 30 июля 1780 г., через месяц начали работу присутственные места (См.: Там же. – № 15 045).

[139] В состав Вологодской губернии вошли: Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Красноборский, Лальский, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Устюгский, Устьсысольский и Яренский уезды (См.: Там же. – Т. 24. – № 17 634).

[140] Города Лальск и Красноборск получили статус «заштатных», а территории их уездов вошли в состав Устюгского и Сольвычегодского уездов соответственно (См.: Там же. – Т. 27. – № 21 051).

[141] Данилевский Н. Ещё отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 2. – С. 13.

[142] Подробнее см.: Саввантов П.И. Некоторые сведения об Устьсысольском уезде Вологодской губернии // Москвитянин. – 1842. – Ч. 4. – № 8. – С. 428–429.

нимали совсем небольшие территории (см. прил. 1, табл. 1). С 1837 г. каждый уезд для внутреннего управления разделялся на два стана[143]. К 1841 г. в Вологодской губернии насчитывалось 12 280 населённых мест, в том числе 12 городов (1 губернский, 9 уездных, 2 заштатных), 1 посад, 382 села, 11 885 деревень[144].

Административным центром губернии являлся г. Вологда. По отношению к столицам Российской империи он располагался довольно удачно: расстояние до Санкт-Петербурга равнялось 712 вёрстам, до Москвы – 454. Однако с точки зрения внутригубернского управления его местонахождение едва ли можно признать рациональным. Находясь на юго-западной оконечности губернии, при огромном пространстве последней, он оказывался чрезвычайно отдалён от основной массы уездных городов. Так, расстояние от Устюга до губернского центра составляло 470 вёрст, от Сольвычегодска – 544, от Никольска – 619, от Яренска – 706, от Устьсысольска – 861. При этом расстояние от Вологды до самых крайних северо-восточных волостей превышало 1 200 вёрст[145].

В первой половине XIX в. трудности, связанные с управлением обширными территориями Вологодской губернии, неоднократно обращали на себя внимание высших государственных органов. В октябре 1824 г. Александр I, будучи в Вологде[146], упомянул о возможных административно-территориальных преобразованиях. Император планировал учредить Устюгскую губернию, в которую должны были войти северо-восточные уезды Вологодской губернии, а также пограничные территории Костромской и Вятской. В свою очередь, по замыслам государя, к оставшейся части Вологодской губернии необходимо было присоединить Череповецкий, Кирилловский и Белозерский уезды Новгородской губернии[147]. Следовательно, в обновлённом виде Вологодская губерния стала бы более управляемой, поскольку административный центр располагался бы

[143] С 1849 г., после изменения границы между Вельским и Кадниковским уездами, в последнем был учреждён третий стан (Подробнее см.: ПСЗ–2. – Т. 24. – Отд. 2. – № 23 683).

[144] См.: Статистические сведения о Вологодской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – 1841. – Ч. 42. – № 11 – С. 19.

[145] См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 791. – Л. 6 об.

[146] События, связанные с пребыванием Александра I в Вологде, описаны в воспоминаниях губернатора Н.П. Брусилова (См.: Воспоминания Н.П. Брусилова // Исторический вестник, 1893. – Т. 52. – № 4. – С. 69–71).

[147] См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 791. – Л. 12 об.

примерно посредине её территории. Однако эти намерения не получили реального воплощения.

В 1830 г. сенаторы В.Ф. Мертенс и А.М. Карнилов после ревизии Вологодской губернии вновь подняли вопрос о необходимости территориальных преобразований. Познакомившись с местным аппаратом управления, они пришли к выводу, что обширность губернии и чрезмерная удалённость ряда уездов от Вологды замедляли делопроизводство и затрудняли контроль за работой уездных учреждений, в силу чего способствовали укоренению беспорядков и злоупотреблений чиновников[148]. В таких условиях приносить жалобы на правонарушения местных должностных лиц в земскую полицию простому обывателю было бессмысленно, а обращаться напрямую к губернскому начальству, находившемуся «за 1 000 и более вёрст», как минимум, затруднительно.

Мертенс и Карнилов представили на рассмотрение Комитета министров докладную записку, в которой было предложено выделить из состава Вологодской губернии Устюгский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский уезды и образовать из них новую губернию с центром в Устюге[149]. Комитет министров, обсудив данное предложение, поручил министру финансов произвести расчёты казённых издержек, необходимых для преобразования. В свою очередь министр внутренних дел предложил вологодскому губернатору Н.П. Брусилову предоставить необходимые сведения[150]. Последний не ограничился статистическим обзором и присовокупил к отчёту своё мнение по этому вопросу. Губернатор высказался категорически против разделения губернии, объясняя свою позицию чрезмерными затратами на обустройство нового губернского центра. Очевидно, что это была лишь формальная причина. Истинные мотивы его негодования были обусловлены критикой состояния управления

---

[148] По замечанию сенаторов, отсутствие контроля со стороны губернского начальства предопределило «всевластие, беззаконные поборы и своевольства» земских исправников, которые в глазах ревизоров предстали исключительно людьми «корыстолюбивыми, самых порочных свойств и правил» (См.: Там же. – Л. 3 об).

[149] По мнению сенаторов, преобразование Вологодской губернии решило бы сразу целый комплекс проблем. Во-первых, губернское начальство «сблизилось» бы с «частями своего управления на 450 и более вёрст» и получило бы возможность иметь за ними «строжайший» надзор. Во-вторых, пребывание губернского начальства в Устюге, где производилось большинство торговых сделок по заготовке, сплаву и отправке древесины в Архангельск, снизило бы объёмы незаконных рубок леса. В-третьих, казённые подати начислялись бы более исправно и существенно сократились бы издержки казны на многочисленные командировки чиновников из Вологды в отдалённые уезды. В-четвёртых, превращение Устюга в губернский город было бы выгодно с точки зрения успешного развития торговли и промышленности (См.: Там же. – Л. 6 об.–7 об.)

[150] См.: ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 581. – Л. 1–8.

Вологодской губернией, лежавшей в основе доклада Мертенса и Карнилова. В частности, губернатор пытался всячески оправдаться, указав, что «при бдительном наблюдении губернского начальства никогда ни беззаконные поборы, ни своевольства, ни стеснения, допущены быть не могут и в течение десятилетнего управления моею губернией никогда таких злоупотреблений не происходило»[151]. Для Брусилова вопрос о разделении губернии имел принципиальное значение, поскольку если бы он согласился на преобразования, то по сути бы признал справедливыми замечания сенаторов. Косвенное подтверждение этому обстоятельству мы находим в резолюции министра финансов, посчитавшего «неудобным разделение губернии не только по причине издержек, но и по другим причинам»[152]. Что конкретно имелось ввиду, министр финансов не пояснил. Возможно, он посчитал нецелесообразным создание новой губернии на фоне явного недовольства местных чиновников.

III. Состав населения.

При всей обширности территории, Вологодская губерния являлась одной из наименее населённых в европейской части России. В первой половине XIX в. наблюдались невысокие темпы роста общей численности населения[153]: 1806 г. – 606 164 человек[154], 1816 – 645 033[155], 1833 – 717 890[156], 1842 – 782 142[157], 1846 – 821 742[158], 1851 – 864 268[159]. Размещение населения по территории губернии не было равномерным. На основе данных, приведённых в приложении 1, можно проследить определённую тенденцию: чем удалённее от губернского центра располагался уезд, тем обширнее была его территория и меньше плотность

---

[151] РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 791. – Л. 11 об.

[152] Там же. – Л. 13.

[153] В центральных губерниях в изучаемый период прирост населения был значительно выше (Подробнее см.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). – М., 1963).

[154] См.: Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии, сообщённые в Императорскую академию наук бывшим оныя корреспондентом Яковом Фризом // Приложение технологического журнала, состоящее из Ученых Известий, имеющих предметом приложение учиненных в науках открытий к практическому употреблению. – 1806. – Т. III, ч. 1. – С. 29.

[155] См.: Брусилов Н.П. Опыт описания Вологодской губернии. – СПб., 1833. – С. 10.

[156] См.: Там же. – Статистическая таблица городов Вологодской губернии 1833 года; Статистическая таблица уездов Вологодской губернии 1833 года.

[157] См.: Пушкарёв И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, кн. IV: Описание Вологодской губернии. – СПб., 1846. – С. 28.

[158] См.: Крылов А.Л. Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданнейших отчетов губернаторов, при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. – СПб., 1850. – С. 6.

[159] См.: Кеппен П. Предварительные сведения о числе жителей в России, по губерниям и уездам, в 1851 году. На основании данных 9 народной переписи и других показаний. – СПб., 1854. – С. 4.

населения. Так, треть от всего населения проживала в юго-западных уездах – Вологодском, Грязовецком и Кадниковском, на которые приходилось всего 5 % от общей площади губернии. Самые крупные Яренский и Устьсысольский уезды были наименее людными, основная масса населённых пунктов здесь располагалась по берегам больших рек.

Для Вологодской губернии был характерен низкий уровень урбанизации. Хотя на протяжении изучаемого периода доля городского населения постепенно росла, но даже к середине XIX в. она оставалась незначительной. Так, по нашим подсчётам, в конце XVIII в. численность городских жителей составляла около 2,5 % от полного состава населения[160], в 1819 г. – около 4 %[161], в 1848 – 4,6 %[162]. Города значительно отличались по численности населения (см. прил. 2). На общем фоне выделялись Вологда и Устюг[163], которые получили импульс к развитию в более раннее время, став крупными торговыми центрами Европейского Севера. Основная же масса городов представляла собой небольшие поселения, сохранившие тесную связь с сельским укладом жизни. В первую очередь речь идёт о городах, ставших таковыми в результате губернской реформы 1775 г., когда в одночасье ряд сёл получил статус уездных центров: Вельск, Грязовец, Кадников, Никольск и Устьсысольск. Открытие правительственных учреждений хотя и способствовало росту этих городов, но значительного притока населения не обеспечило.

В изучаемый период далеко не всем уездным городам удалось приобрести соответствующий внешний облик. Так, в 1780 г., при назначении зырянского погоста Устьсысольского уездным городом, из-за малочисленности его населения было решено приписать к нему несколько окрестных деревень, ставших своеобразными слободами. Последствием этого административного решения стало появление самого большого в губернии городского комплекса, растянуто-

---

[160] Подсчитано по: Черненко Д.А., Хитров Д.А., Голубинский А.А. Города Вологодской губернии в конце XVIII в. по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию // Исторический факультет ВГПУ. URL: istfak-vgpu.ru/____3.doc (дата обращения: 08.07.2014).

[161] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 406. – Л. 13 об.–324.

[162] Подсчитано по: Народонаселение Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1848. – № 9. – С. 95.

[163] Подробнее см.: Обозрение состояния городов Вологодской губернии в 1838 году // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1839. – № 35. – С. 281–283; № 36. – С. 289–290; № 46. – С. 365–368; № 47. – С. 373–375; № 48. – С. 381–384; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. – СПб., 1840. – С. 6–7.

го более чем на 11 км. Его центральная часть, где располагались присутственные места, была отделена от слобод обширными пашнями и лесами[164].

По наблюдениям историков наличие в городской черте значительных лесных массивов и земель сельскохозяйственного назначения (пашни, выгоны, сенокосы) следует считать характерной особенностью городов Европейского Севера, отражающей уклад жизни их населения[165]. Расставание жителей с сельскими занятиями проходило очень болезненно. Требования застройки городов по конфирмованным планам для них являлись непонятными. В отчётах ревизоров и вологодских губернаторов за первую четверть XIX в. при характеристике состояния уездных городов отмечалось, что почти повсеместно территории, отведённые под кварталы, не застраивались, а в некоторых случаях они оказывались «запаханы и засеяны хлебом», в связи с чем «не только кварталов, но даже улиц и черты градской узнать [было] не можно»[166]. Высшие должностные лица губернии по-разному трактовали причины этих беспорядков. Так, губернатор В.И. Воейков связывал их с менталитетом горожан, имевших в недавнем прошлом статус крестьян, которые не понимали выгоды от занятий торговлей. Ввиду бедности жителей борьба городских властей с землепашеством была малоэффективной[167]. В противовес этому, губернатор И.И. Попов считал, что нарушения в устройстве городов и селений происходили по причине «послаблений местных начальств», которые «против нечистоты и неопрятности дворов и улиц» не предпринимали никаких мер[168]. Очевидно, что проблема была комплексной и требовала принятия целого ряда мер по развитию городских поселений, чего на протяжении первой половины XIX в. практически не делалось.

В сословной структуре 90 % от всего населения составляли крестьяне, из которых не менее 55 % относилось к разряду казённых, 9 % – удельных, 25 % –

---

[164] В 1810 г. губернатор В.И. Воейков в докладной записке Комитету министров дал следующее описание Устьсысольска: «Городская земля остаётся порожнею и обыватели города живут по окрестным деревням. Кварталы обращены в поля, и производится землепашество. Ибо по учреждении города, соделавшиеся обывателями оного… не отстают от занятий крестьянских в противность правилам для городских жителей установленным. Отчего полиция приведена в невозможность наблюдать за порядком и действовать по своей обязанности» (РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 33 об.)

[165] См.: Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Городское землепользование на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Рязань, 2012. – С. 174.

[166] РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 13.

[167] Подробнее см.: Там же. – Л. 10–41 об.

[168] См.: Там же. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 160. – Л. 9–9 об.

помещичьих (см. прил. 3, 4). Последние были сосредоточены в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском и западной части Вельского уезда. К особенностям изучаемого региона относилось наличие уникальной категории поселян – половников, которые к началу XIX в. нигде в Российской империи больше не встречались[169]. Они были немногочисленны и проживали в Устюгском, Никольском, Сольвычегодском и Яренском уездах. Половники, не будучи закрепощёнными и не имея во владении земли, «кормились» за счёт вольнонаёмного труда[170]. С одной стороны, наличие такой категории населения играло важную роль в экономическом развитии губернии, поскольку многие вологодские дворяне, имея землю, не владели крестьянами, либо их количество было недостаточным. Также, по свидетельствам современников, «значительное число городских жителей других сословий обладали обширными пространствами пахотной и луговой земли, владели даже как собственностью, целыми деревнями, но не на правах дворянских, т.е. есть без права обрабатывать их своими крепостными людьми»[171]. В таких условиях наём решал проблему рабочей силы. С другой стороны, статус половников в изучаемый период оставался зыбким, что постепенно вело к их закабалению[172]. Государство не предпринимало действенных мер для укрепления положения половников, но инициировало мероприятия по наделению их землями с переводом в категорию казённых крестьян.

Сословный состав населения даёт возможность относить Вологодский край к числу «недворянских» губерний, поскольку здесь удельный вес благородного сословия был в три раза меньше, чем аналогичный общеимперский показатель[173]. При этом основная масса потомственных дворян проживала в гу-

---

[169] Подробнее см.: Скворцов Н. О происхождении половников в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1864. – № 29. – С. 93; № 30. – С. 98–99; № 32. – С. 103–104; Русеева Н.Н. Половники на Европейском Севере России в конце XVIII – второй трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2011.

[170] Как правило, половники заключали контракт на срок от 6 до 20 лет с владельцем земли, по которому получали право проживать на ней и обязанность её обрабатывать за половину урожая (Подробнее см.: Половники Вологодской губернии. Историко-юридический очерк экономического состояния половничествующих крестьян // Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 81. – С. 1–2; № 82. – С. 1–2; № 83. – С. 1–2; № 84. – С. 1–2; № 85. – С. 1–2; № 90. – С. 1–2).

[171] О половниках в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1848. – № 6. – С. 63.

[172] Указ от 31 декабря 1827 г., который был призван оградить рассматриваемую категорию населения от нарушений их прав со стороны владельцев земли, на практике не исполнялся (См., например: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 435. – Л. 1–10; ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 675).

[173] К примеру, в 1858 г. удельный вес потомственных и личных дворян Вологодской губернии составлял 0,5 % от всего населения, а в масштабах Российской империи этот показатель достигал 1,5 % (Подсчитано по: Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внут-

бернском городе и в близлежащих уездах (Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский). В северо-восточных землях дворяне пребывали главным образом по долгу службы (см. прил. 5). К отличительным особенностям структуры населения следует отнести также значительную численность представителей духовного сословия. Если в среднем по России их доля составляла не более 1 % от всего населения, то в изучаемой губернии этот показатель превышал 1,5 %[174]. На Европейском Севере при относительно узком слое горожан и дворянства государственная служба становилась перспективной сферой деятельности именно для детей местных священно- и церковнослужителей.

Этнический состав населения губернии не был однородным. Помимо русских здесь насчитывалось значительное количество так называемых зырян (самоназвание – коми), проживавших в Яренском и Устьсысольском уездах[175]. В сословном отношении подавляющее большинство из них входили в разряд казённых крестьян (см. прил. 6). Процесс их ассимиляции в первой половине XIX в. проходил очень медленно. Проживая в отдалённых северо-восточных уездах, они сохраняли свой язык и культуру. Русскую речь понимала лишь небольшая часть этнической группы, а владели ею только единичные представители. Современники отмечали низкий уровень правовой культуры зырян[176], стремившихся обособиться от взаимодействия с государственными институтами и сводивших контакты с чиновниками к минимуму[177].

По религиозной принадлежности почти все жители губернии являлись православными. Своеобразный колорит в духовную сферу вносили проживавшие в основном в Вологодском, Устьсысольском и Сольвычегодском уездах раскольники (около 4 500 человек), деятельность которых должна была нахо-

---

ренних дел, центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / под ред. А. Бушена. – СПб., 1863. – С. 182–183, 267).

[174] Подсчитано по: Там же. – С. 268–269.

[175] В 1844 г. их численность достигала 64 160 человек (См.: Пушкарёв И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, кн. IV: Описание Вологодской губернии. – СПб., 1846. – С. 35).

[176] См., например: Достойнов Я. Из жизни зырянского населения Яренского уезда // Вологодские губернские ведомости. – 1899. – № 207. – С. 2–3; № 224. – С. 2–3; Ежов Ф. Заметки и воспоминания звезского о зырянах // Вятские губернские ведомости. – 1857. – № 21. – С. 126–128; № 22. – С. 134–137; № 23. – С. 142–144.

[177] Затруднительным являлся для местных органов власти контроль за исполнением повинностей, от которых зыряне уклонялись. Так, губернатор И.И. Попов в 1820 г. докладывал Комитету министров, что среди зырянского населения сложился обычай призывникам под видом занятий охотой и рыболовством специально укрываться в лесах в периоды рекрутского набора (См.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 817–819).

диться под постоянным контролем местных чиновников[178]. Доля представителей иных мировых конфессий в составе населения была мизерной (менее 1 %). При этом последние, не будучи коренными жителями Вологодчины, играли заметные роли в местной среде. Одни из них были назначенными на службу чиновниками, другие – торговцами и ремесленниками, третьи – политическими ссыльными[179].

IV. Образовательный уровень населения.

Уровень образованности населения на протяжении изучаемого периода оставался крайне низким. Количество людей, посещавших учебные заведения, даже к середине века не превышало 5 % от общего числа населения губернии. Причины такой статистики взаимосвязаны с процессом создания сети учебных заведений. Реализация Правил народного просвещения 1803 г.[180] на территории Вологодской губернии затянулась на годы. В первое десятилетие XIX в. открылись гимназия, 5 уездных и 4 приходских училища. Осуществить это удалось в основном благодаря преобразованию учебных заведений, учреждённых ещё при Екатерине II[181]. В 1820-е гг., за исключением открытия уездного и приходского училищ в Грязовце, «школьное строительство» на территории губернии практически было свёрнуто.

В целом в первой четверти XIX в. численность обучавшихся была весьма скромной (см. прил. 7). Большая часть из них покидала учебные заведения, не завершив полный курс обучения, ограничиваясь лишь основами грамотности. Сложившаяся ситуация отчасти объяснялась материальными затратами на обучение, отчасти – отсутствием желания и потребностей в приобретении полноценного образования, а также отражала негативное отношение населения к учебным заведениям, проистекавшее из плохой организации учебно-воспитательного процесса и скудной материально-технической базы учрежде-

---

[178] См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 154. – Л. 507–510 об.; Д. 306. – Л. 1021–1027 об.

[179] В изучаемый период Вологодский край являлся местом ссылки политически «неблагонадёжных». Лицам, сосланным административным порядком, запрещалось состоять на государственной или общественной службе, но на практике встречались исключения из правил (См.: Там же. – Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 375 об.–376; Бонфельд М.Ш. Странники поневоле // Вологда: краевед. альманах. Вып. 4. – Вологда, 2003. – С. 63–80).

[180] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 20 597.

[181] Губернская гимназия, уездное и приходское училища в Вологде были созданы на базе главного народного училища; Сольвычегодское, Устюгское и Тотемское уездные училища – на базе малых народных училищ. С нуля были учреждены только Яренское уездное училище и несколько приходских школ (См.: А.Л. Материалы для истории Вологодской дирекции училищ // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. – Вологда, 1860. – С. 69, 72–73).

ний[182]. Документы свидетельствуют, что к 1820-м гг. даже гимназия не приобрела «приличного» здания[183].

После утверждения 8 декабря 1828 г. нового «Устава гимназий и училищ уездных и приходских…»[184] система образования в провинции развивалась более прогрессивно[185]. Внимание стало уделяться материальному оснащению учебных заведений, вносились изменения в образовательный процесс. В этот период произошёл заметный рост численности учащихся (см. прил. 7), большинство из которых целенаправленно готовилось к поступлению на гражданскую службу. Такие перемены стали результатом реформирования системы чинопроизводства (новый порядок приобретения чинов учитывал уровень образования).

Таким образом, в Вологодской губернии число школ и обучающихся в них со временем возрастало, однако процесс создания сети учебных заведений, растянувшийся на десятилетия, не был завершён даже к середине XIX в.[186] По всей видимости, цели обеспечить широкое распространение грамотности среди всех слоёв населения правительство не ставило. На провинциальное образование выделялись незначительные ресурсы, которых едва хватало для того, чтобы открыть минимальное число учебных заведений, но было недостаточно для повсеместного учреждения приходских школ. Государство не желало расходовать средства на создание даже низших профессиональных школ, требовавшихся для развития ремёсел[187]. Основная масса людей, посещавших учебные заведения,

---

[182] Подробнее см.: Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. – [СПб., 1866]. – С. 26–28, 67.

[183] В 1821 г. по предложению губернатора одно из каменных строений Вологодского приказа общественного призрения было продано училищному ведомству для размещения гимназии. Приобретение здания, где до этого находились пансион, воспитательный дом и «родильня», ненамного улучшило условия обучения, поскольку находилось в аварийном состоянии и требовало ремонта с заменой крыши (Подробнее см.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 445. – Л. 1–13).

[184] См.: ПСЗ–2. – Т. 3. – № 2 502.

[185] См.: А.Л. Материалы для истории Вологодской дирекции училищ // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. – Вологда, 1860. – С. 73–75.

[186] Всего к 1845 г. на территории губернии функционировало 25 учебных заведений Министерства народного просвещения (гимназия, 8 уездных, 10 приходских мужских, 5 приходских женских и 1 сельское училища), 57 – духовного ведомства (семинария, 6 уездных и 50 приходских училищ), 10 – удельного ведомства (9 школ и одно ремесленное училище) и один вольный пансион для воспитания девиц. Общая численность учащихся в том же году достигла 5 151 человек (См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1423. – Л. 31–31 об.).

[187] В представлениях центральному правительству вологодские губернаторы неоднократно указывали на ощутимый недостаток ремесленников в отдалённых (в особенности в северо-восточных уездах и, в первую очередь, среди зырянского населения) и необходимость учреждения в Устюге школы для обучения «разным рукоделиям, как то: слесарному, кузнечному и колёсному». Однако эти инициативы не были поддержаны, поскольку материальные затраты на создание даже такого, казалось бы, небольшого учебного заведения, расценивались высшими должностными лицами империи как неоправданно большие. В 1820 г.

являлись выходцами из небогатых дворянских и чиновничьих семей. Среди горожан образованность распространялась медленно и ограничивалась изучением грамоты и основ арифметики. Самая многочисленная категория населения – крестьяне – на протяжении изучаемого периода оставалась почти поголовно безграмотной[188].

Следует подчеркнуть, что при проведении реформ образования государство в первую очередь заботилось о своих нуждах и главной задачей, которую должны были решить местные учебные заведения, считало кадровое обеспечение гражданской службы. При этом учебные программы не были рассчитаны на профессиональную подготовку служащих и не предполагали получение специальных знаний, требовавшихся для работы в государственном аппарате[189]. Известно, что с 1828 г. начали создаваться специальные училища для детей неимущих канцелярских служителей, целью которых являлось обучение «людей, способных к должностям канцелярским и вообще к гражданской службе»[190]. Однако появление этих заведений не могло решить проблемы подготовки кадров для гражданской службы хотя бы потому, что предполагалось открыть всего 10 таких училищ (каждое на несколько губерний) с небольшой численностью учеников. Для Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний училище было учреждено в 1828 г. в Костроме. Из Вологды разрешалось направлять туда по 8 учеников ежегодно, их содержание обеспечивалось средствами приказа общественного призрения[191]. В первой половине XIX в. численность вологодских служащих, получивших образование в Костромском училище, была ничтожна.

губернатору Попову была предложена более «удобная» альтернатива, несопряжённая с казёнными издержками: «чтобы местное начальство, взяв из волостей несколько мальчиков, отдало их мастерам в годы для обучения по примеру тому, как сие делается у добрых помещиков» (См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 38; Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 823–824 об.).

[188] Так, в 1829 г. удельный вес крестьян, владевших грамотой, т.е. умевших читать и писать, составлял 1,5 % от общей численности (См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 523. – Л. 1–37).

[189] Изменения, вносившиеся в учебный процесс, были ориентированы не на повышение качества получаемых знаний, а на воспитание «благонравия», смирения, повиновения властям, что особенно сильно проявилось в «николаевскую эпоху» (См.: Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. – СПб., 1909. – С. 9).

[190] В учебный курс, помимо общеобразовательных предметов, включалось преподавание «формы производства дел и судебного порядка с практическими упражнениями», а также бухгалтерия (См.: ПСЗ–2. – Т. 3. – № 1 814).

[191] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 497. – Л. 8.

V. Особенности экономического развития (см. прил. 8).

В дореволюционной литературе встречаются различные характеристики уровня развития Вологодской губернии в первой половине XIX в.: одни исследователи относили её к экономически слабым частям Российской империи[192], другие – наоборот, акцентировали внимание на богатстве природных ресурсов региона[193]. Не принимая ту или иную точку зрения, попытаемся на основе имеющихся источников описать ключевые отрасли экономики и выявить некоторые особенности их развития.

Основой экономики губернии являлось сельское хозяйство. В государственной деревне количество земель удобных и пригодных для использования было ограничено[194]. Более того в изучаемый период отчётливо проявилась тенденция, негативно сказывавшаяся на общем благосостоянии казённых крестьян, изъятие лучших казённых угодий из крестьянского владения и приобретение их в собственность частными лицами с целью последующей сдачи в аренду тем же крестьянам по завышенным ценам. Охарактеризуем две основные схемы вывода земель. Первая проявилась в ходе генерального межевания, когда при наделении казённых крестьян «15 десятинной пропорцией» вместо того, чтобы закрепить за ними освоенные земли, на которые имелись жалованные грамоты, казённая палата поощряла перекраивание и дробление угодий, отрезая наиболее пригодные к использованию и удобно расположенные участки под видом «излишков»[195]. В результате поселяне не только лишались лучших земель, но и получали наделы, размеры которых не достигали «узаконенной пропорции» (от 9 до 13 десятин)[196]. В ответ на просьбы выделить недостающее количество земель, казённая палата отводила крестьянским обществам неудобные для ведения хозяйства участки (слишком удалённые от селений и/или совсем не пригодные для обработки, реже – требующие расчистки лесные дачи). Отторгнутые земли не возвращались и не пополняли число оброчных статей, а раздавались в

---

[192] См., например: Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб., 1850. – С. 3, 294–295.

[193] К примеру, Н.П. Брусилов, как бы отчитываясь за свою десятилетнюю службу на посту губернатора, характеризовал Вологодский край как «богатейшую» губернию (См.: Брусилов Н.П. Опыт описания Вологодской губернии. – СПб., 1833. – С. 61–62).

[194] См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 921. – Л. 56.

[195] К категории «излишествующих» земель землемеры относили «смежные и замежёванные внутри дач казённых поселян» угодья, использовавшиеся под пашни, выпасы и сенокосы (См.: Там же. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 4 об.–8).

[196] См.: Там же. – Л. 7 об.

качестве «всемилостивейше пожалованных» частным лицам, у которых их перекупали вологодские чиновники и купцы[197]. Вторая схема вывода земель сформировалась в процессе регулирования отношений, связанных с содержанием оброчных статей. Действовавший на местах порядок публичных торгов на казённые угодья был таков, что их отдавали либо состоятельным поселянам, вносившим залог при заключении контракта, либо купцам и горожанам, занимавшимся их субарендой (передачей земель)[198]. При этом наиболее удобные для обработки сельскохозяйственные угодья постепенно выводились из оброчных статей (под предлогом отсутствия желающих взять их в содержание), включались в число «всемилостивейше пожалованных» частным лицам земель, а затем скупались чиновниками и купцами[199].

Как уже стало понятно, в условиях нехватки земли крестьянским обществам не оставалось другого выбора, кроме как арендовать по непомерно высоким ценам изъятые у них участки. Кроме того, при попустительстве местной власти в самой деревне разворачивалась борьба за общинные угодья[200]. В попытках самостоятельно улучшить условия хозяйствования, крестьяне активно закладывали, перепродавали, обменивали находившиеся в их владении участки, что неизбежно приводило к появлению многочисленных и продолжительных судебных земельных споров[201].

Земледелие в условиях северного климата было сопряжено с частыми неурожаями, что в особенности характеризовало ситуацию в северо-восточных уездах. Хлебные избытки, если таковые и имелись, не компенсировали потери неурожайных лет. Основной путь решения проблемы государство видело в создании зерновых запасов[202]. На изучаемой территории данная система «обеспечения народного продовольствия» приживалась долго и болезненно, причиной

---

[197] Описанная схема вывода удобных для сельскохозяйственного использования земель из крестьянских владений действовала и в других губерниях Российской империи (См., например: ПСЗ–1. – Т. 40. – № 30 376).

[198] Описываемый вариант регулирования отдачи в содержание казённых оброчных статей практиковался и в других губерниях (См., например: Малофеева Е.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии, середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.: Дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2001. – С. 64–66).

[199] См., например: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 4 об.–7, 15–15 об., 18–24.

[200] Волостные начальники нередко производили разделы земель по своему произволу. При этом казённая палата утверждала даже очевидно не уравнительные и несправедливые мирские приговоры, а земский суд поддерживал их исполнение (См., например: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 295. – Л. 1–4 об.).

[201] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 814–814об.

[202] Подробнее см.: Котов П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 1 (144). – Вып. 25. – С. 90–96.

чему являлись несколько факторов. Во-первых, местные должностные лица на протяжении всего изучаемого периода были не в состоянии наладить контроль над созданием и работой хлебных магазинов. Учреждение губернской комиссии народного продовольствия в июне 1822 г., призванной аккумулировать усилия по надзору за устройством и содержанием зерновых хранилищ[203], не принесло ожидаемых результатов[204]. Во-вторых, население воспринимало хлебные заготовки исключительно как обременительную натуральную повинность и по возможности уклонялось от её несения[205].

Даже к середине XIX в. хлебные магазины существовали не повсеместно, а те из них, что были учреждены, зачастую оказывались полностью «опустошёнными» в кризисные годы[206]. В связи с этим в изучаемый период местная администрация была вынуждена прибегать к иным методам решения продовольственных проблем. Речь идёт о заготовке хлеба для голодающих крестьянских обществ по так называемым добровольным подпискам, когда губернатор предлагал дворянству и горожанам в качестве пожертвований или в заём собрать зерно и деньги на его покупку[207]. Данные мероприятия не являлись благотворительными акциями. Вне зависимости от того, на каких условиях осуществлялась заготовка хлеба (возмездная или безвозмездная основа сбора), поселянам он отпускался только в кредит, по которому им предстояло расплачиваться наряду с регулярными налогами. Иными словами, местный аппарат управления, инициируя подобные сборы, не использовал казённые средства и при этом получал ещё

---

[203] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 463. – Л. 1–4 об., 6–9, 10–24, 25–27.

[204] В 1840-е гг., после реформирования казённой деревни, Вологодская палата государственных имуществ, принимая в управление запасные магазины, проводила проверки наличности хлеба, в результате чего было выявлено почти повсеместное отсутствие приходорасходной документации, позволявшее скрывать крупные недостачи и нарушения в ходе распоряжения хлебными заготовками (См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 172. – Л. 500–504; Д. 186. – Л. 1176–1177 об.; Д. 213. – Л. 1493–1495; Д. 227. – Л. 880–894; Д. 213. – Л. 223–224, 1152–1156; Д. 227. – Л. 376–385; Д. 258. – Л. 133–137; Д. 271. – Л. 797–810 об., 1327–1329; Д. 284. – Л. 396–428 об.; Д. 301. – Л. 101–110; Д. 302. – Л. 292–312 об.; 1039–1059 об.; Д. 306. – Л. 419–454 об., 468–479об.; и др.)

[205] Негативное отношение к хлебным заготовкам было обусловлено рядом причин: помимо ежегодных зерновых взносов, крестьяне были обязаны за свой счёт возводить и поддерживать в функциональном состоянии хранилища для зерна, при этом в случае необходимости получить хлеб из созданных своими силами запасов можно было только в кредит и с согласия сельского общества. На практике ситуация усугублялась ещё и бездействием полицейских чиновников, не отслеживавших процессы выдачи зерна и своевременного пополнения запасов, благодаря чему смотрители хлебных магазинов раздавали хлеб фактически по своему произволу посредством вымогательства денег и по завышенным ценам (См. например: Там же. – Д. 39. – Л. 1060об.–1063; Д. 41. – Л. 279–284 об.; Д. 56. – Л. 1113–1115об.; Д. 88. – Л. 1014–1046; Д. 116. – Л. 1028–1044об.; Д. 121. – Л. 93–94; Д. 130. – Л. 1055–1056об.; Д. 138. – Л. 786–789об.; Д. 146. – Л. 171–180; Д. 305. – Л. 457–463об.; и др.)

[206] См.: Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 21об.–22.

[207] См., например: Там же. – Д. 246. – Л. 51–223об.; Д. 413. – Л. 38–39 об.

и существенную выгоду, поскольку итоговые суммы с учётом начисляемых процентов, которые приходилось выплачивать крестьянам за полученный хлеб, в разы превышали привлечённые по возмездным подпискам заёмные средства. Заработанные таким путём деньги должны были поступать в капиталы приказа общественного призрения, но, судя по архивным источникам, часть из них «оседала» и в карманах чиновников[208].

Помещичье землевладение в Вологодской губернии не было преобладающим. Несмотря на все преимущества, которыми пользовалось благородное сословие, организовать ведение доходного хозяйства удавалось далеко не многим дворянам[209]. К середине XIX в. более ⅔ помещичьих населённых имений значились должниками государственных кредитных учреждений[210].

Промышленное производство в Вологодской губернии было развито слабо. Численность заводов и фабрик на протяжении изучаемого периода увеличивалась довольно медленно: в 1815 г. – 66[211], в 1833 – 94[212], в 1850 – 105[213]. В основном это были небольшие мастерские, удовлетворявшие нужды местного населения[214]. Крупное производство было представлено единичными предприятиями, функционировавшими главным образом за счёт подневольного труда фабричных крестьян[215]. Порядки, царившие на таких предприятиях, и реальное положение работников не обеспечивали высокой производительности труда[216].

---

[208] Подробнее см.: Там же. – Д. 413. – Л. 38–39 об.

[209] В начале 1830-х гг. в Вологодской губернии насчитывалось около 1250 поместий разной величины (См.: Там же. – Ф. 32. – Оп.1. – Д. 56. – Л. 1–331)

[210] Согласно официальным источникам к 1860 г. 976 помещичьих населённых имений Вологодской губернии состояли в обеспечении долга (См.: Сведение о долгах, состоящих на помещичьих населённых имениях, по всем государственным кредитным установлениям (сохранным казнам опекунских советов, государственному заёмному банку и приказам общественного призрения) по Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. – Вологда, 1860. – С. 4.).

[211] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 11. – Д. 29. – Л. 190 об.–191.

[212] Подсчитано по: Брусилов Н.П. Опыт описания Вологодской губернии. – СПб., 1833. – Статистическая таблица городов Вологодской губернии 1833 года; Статистическая таблица уездов Вологодской губернии 1833 года.

[213] Подсчитано по: Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб., 1850. – Таблица № 11. О числе фабрик и заводов в Вологодской губернии.

[214] В 1850 г. заводы, насчитывавшие менее 10 работников, составляли около 80% от общего числа предприятий Вологодской губернии (Подсчитано по: Там же).

[215] К 1850 г. из 105 заводов и фабрик только 11 насчитывали более 50 работников. Такое же число предприятий имело в своём распоряжении машинную технику. На трёх фабриках нанялись наёмные рабочие (См.: Там же).

[216] К примеру, Серёговский солеваренный завод, считавшийся в конце XVIII в. одним из «самых лучших и доходных» соляных промыслов, уже через несколько десятилетий превратился в убыточный, «накопивший многолетние недоимки в казну». Крестьяне, работавшие на заводе, при отсутствии технического оснащения не демонстрировали высокой производительности труда. Количество добываемой соли

Выявленные в ходе исследования архивные материалы позволяют увидеть, что при возникновении волнений фабричных крестьян, спровоцированных жестоким обращением с ними, местные чиновники всецело поддерживали управляющих предприятиями, игнорируя жалобы рабочих и присылая отряды солдат для наведения порядка[217].

Главным богатством изучаемого региона являлся лес, но обеспечить его сохранность и организовать рациональное, экономически выгодное управление данной отраслью государство не могло (в изучаемый период практически не производилось лесоустроительных мероприятий: инвентаризации, картографирования, выделения на местности границ лесных дач, установки межевых знаков и т.д.). Отсутствие системы учёта и мониторинга лесных ресурсов создавало прекрасные условия для несанкционированных рубок, на что особое внимание было обращено в 1830 г. в ходе сенаторской ревизии[218]. Не имея документальных сведений о площади, границах и состоянии казённых лесных участков, определить на местности масштабы незаконной деятельности не представлялось возможным[219]. Однако удалось установить, что особый урон лесному фонду наносили действия лиц, занимавшихся экспортом древесины. Так, на 1820 г. в частных лесных дачах Вологодской губернии числилось 172 860 деревьев годных к «заморскому отпуску», из которых ежегодно позволялось продавать не более 6 175 деревьев. В реальности, с 1821 по 1831 г. к Архангельскому порту отправили 681 321 бревно, вырубленное «якобы» из этих владений, т.е. в три раза больше количества деревьев, в них произраставших[220]. Очевидно, что чиновники, как вологодские, так и архангельские, выдававшие и проверявшие разрешения на рубку и проплав строевого леса, сознательно покровительствовали расхищению казённой собственности, получая от этого немалую прибыль[221].

было ограничено, а её себестоимость высока и недоступна семействам даже самих рабочих, употреблявшим для консервации рыбы и мяса вместо соли золу (См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 28–28 об.).

[217] См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 1263–1269 об.

[218] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 20 об.–22.

[219] Незаконные рубки, осуществляемые населением для собственных нужд (строительство, отопление и т.п.), были широко распространённым явлением (См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 275–294об.; Д. 48. – Л. 174–176 об.; Д. 119. – Л. 415–438 об.; Д. 142. – Л. 525–535; Д. 146. – Л. 511–517 об.; Д. 169. – Л. 1097–1098 об.; Д. 213. – Л. 819–822; Д. 242. – Л. 1608–1610; Д. 256. – Л. 1302–1303 об.; и др.)

[220] См.: ПСЗ–2. – Т. 10. – Отд. 1. – № 8142.

[221] См., например: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 538. – Л. 1–15; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 953–957 об.; Д. 92 – Л. 1135–1229; Д. 100. – Л. 197–217 об.; Д. 107. – Л. 399–404 об.; Д. 117. – Л. 419–443 об.; Д. 124. – Л. 76–94 об.; Д. 134. – Л. 1286–1290 об.; Д. 142. – Л. 53–55 об., 184–188; Д. 154. – Л. 119–123;

Важным фактором, влиявшим на развитие экономических отношений и игравшим не последнюю роль в деятельности торгующих групп населения, являлась система казённых откупов, подрядов и поставок, от условий и порядка отдачи которых зависели качество и стоимость ряда товаров и услуг. Проанализированные нами архивные материалы позволяют увидеть, что местные органы власти при производстве публичных торгов, нарушая установленные законом правила их проведения, заботились не о казённом, а о собственном интересе. В частности, к участию в торгах допускались не все желающие, а только избранные люди, в том числе высшие должностные лица губернии и другие чиновники; цены на подряды и поставки утверждались не рыночные, а предложенные претендентами; заключаемые контракты не всегда имели должное обеспечение в виде залогов и поручительств; нередко негласным условием заключения контракта являлось удержание чиновниками части выделяемых денежных средств и т.д.[222]

VI. Пути сообщения.

Наличие и состояние путей сообщения напрямую влияло на оперативность работы местных органов власти. В природно-географических условиях Вологодской губернии строительство и поддержание сухопутных дорог являлось для полицейских учреждений трудноразрешимой задачей. Из приложения 9 видно, что общая протяжённость дорог составляла 4 098 вёрст (около 4 372 км), из которых 404 версты (431 км) пролегали по болотистой местности, общая протяжённость мостов через реки – 34 версты (36 км), а число перевозов – 60. До 1818 г. строительство и поддержание рабочего состояния дорог, мостов, перевозов и обывательских станций исполнялись натурой по участкам, распределённым согласно уравнительному расписанию по всем селениям. Посчитав такой порядок слишком отяготительным для казённых крестьян, отвлекающим их от полевых работ, в 1817 г. правительство заменило его денежным сбором[223], Вологодский комитет об уравнении земских повинностей определил сумму

Д. 157. – Л. 580а–580б об.; Д. 160. – Л. 136–141 об.; Д. 163. – Л. 150–162 об.; Д. 169. – Л. 619–623; Д. 242. – Л. 657–670; Ф. 388. – Оп. 2. – Д. 1839. – Л. 1–3 об.; Оп. 6. – Д. 64. – Л. 1–3; и др.

[222] См., например: Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 40–43; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 732–765; Д. 82. – Л. 1422–1428; Д. 98. – Л. 777–784; Д. 109. – Л. 644–675 об.; Д. 256. – Л. 998–1011; Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 12. – Л. 1–16; и др.

[223] См.: ПСЗ–1. – Т. 34. – № 26 634.

налога по 1 руб. 95 коп. с каждой ревизской души[224]. В 1818 г. в капитал на устройство дорог поступило 353 347 руб. 2 коп.[225] Казённая палата провела торги на содержание обывательских станций и перевозов, не руководствуясь принципом экономии, и заключила контракты на общую сумму – 346 403 руб. Исправление дорог было поручено земским исправникам и для поиска подрядчиков на местах ассигновано всего 4 200 руб. на 1818 г. и 4 450 руб. на 1819 г. Неспособность местных учреждений грамотно распоряжаться денежными суммами привела к полной запущенности путей сообщения. Те участки, которые содержались удельными и помещичьими крестьянами на прежних основаниях, пребывали ещё в более-менее приемлемом состоянии, а дороги, пролегавшие в землях казённых крестьян, подвергались только экстренной починке в некоторых местах. В 1819 г. для центрального правительства стало очевидно, что исправление дорожной повинности натурой более эффективный способ. 15 июня 1819 г. министр полиции С.К. Вязмитинов разрешил вологодскому губернатору вернуться к прежним порядкам.

Указом от 13 декабря 1817 г. были утверждены подробные правила устройства дорог[226], реализация которых требовала аккумуляции всех имевшихся ресурсов и координации совместных действий городской и уездной полиции, землемеров и всех сословных выборных органов, что для губернской администрации являлось слишком сложной задачей. В ходе общего транспортных линий, произведённого в 1818 г., выяснилось, что большинство из них проведено беспорядочно с излишними изгибами, увеличивавшими расстояние путей. В 1819 г. губернское правление откомандировало в Вологодский, Кадниковский и Вельский уезды землемеров и служащих земских судов с целью провести перепланировку Архангельского почтового тракта. Результатом работы стал проект, сокращавший его протяжённость на 46 вёрст и исключавший три значительных перевоза[227]. Весной 1820 г. с той же целью был произведён осмотр дорог на Устюг, Пошехонье и Белозерск. Однако в мае 1820 г., когда приступили к строительству новых маршрутов, выяснилось, что землемеры определили линии пу-

[224] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 23.

[225] Собранные с крестьян деньги, наряду с полупроцентным сбором с купеческих капиталов, образовывали особый капитал на устройство дорог, расходование которого шло на оплату контрактов для подрядчиков (См.: Там же. – Д. 414. – Л. 8 об.).

[226] См.: ПСЗ–1. – Т. 34. – № 27 180.

[227] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 414. – Л. 8 об.–10.

тей вновь по болотистым и неудобным местам, причём в обход многих почтовых станций и больших селений[228]. После этого губернское правление приостановило работы и вновь предписало землемерам и земским полициям пересмотреть маршруты, составить расписания на их исправление и устранить нарушения[229]. В целом на протяжении изучаемого периода местным чиновникам удавалось поддерживать даже большие дороги лишь «способными к проезду»[230], но не более того[231].

Подводя итог краткой характеристике состояния Вологодской губернии в первой половине XIX в., подчеркнём региональные особенности, которые требовали учёта при формировании структуры государственного аппарата, определении его состава и численности.

1. Изучаемая губерния, покрытая бесчисленными лесными массивами и болотами, являлась второй по величине в европейской части России. В условиях отсутствия подробной и достоверной карты большей части территории должностным лицам ряда уездов необходимо было выполнять возложенные на них управленческие функции, не имея представления ни об особенностях местности, ни о точных её границах.

2. Форма территориального устройства губернии, состоявшая из административно-фискальных единиц разной величины, не обеспечивала уездным органам власти равные условия в процессе управления подчинёнными территориями. Местоположение губернского центра на окраине губернии обусловливало невозможность синхронизации управленческих процессов и ослабляло подконтрольность отдалённых уездных администраций. Низкий уровень функционального состояния сети сухопутных дорог напрямую влиял на оперативность работы местного государственного аппарата и информационно-коммуникационное взаимодействие его звеньев.

---

[228] См.: Там же. – Л. 51–52 об.

[229] См.: Там же. – Л. 63.

[230] См.: Там же. – Д. 1423. – Л. 22 об.

[231] Яркую иллюстрацию состояния Архангельского почтового тракта представил в своём отношении к губернатору И.И. Попову директор Московского императорского почтамта И. Рушковский (см. прил. 10). Если учесть, что починке Архангельского тракта администрация пыталась уделить внимание, он был протяжённостью всего 322 версты и пролегал по хорошо освоенным и менее болотистым уездам, чем остальная часть губернии, то трудно представить каким образом выглядела, к примеру, дорога, ведущая в Устьсысольск (799 вёрст).

3. Специфика сословного состава населения не позволяла обеспечить значительный приток на государственную службу потомственного дворянства, но предоставляла возможности для комплектования кадров выходцами из духовной среды. Уровень развития ряда городов, назначенных уездными центрами и при этом сохранявших сельский внешний облик и уклад жизни, приводил к трудностям в процессе организации работы правительственных и сословных учреждений, обеспечении условий их функционирования. Преобладание в составе населения казённых крестьян, а также наличие уникальной социально незащищённой категории поселян (половники), требовало активного участия местного государственного аппарата в решении многочисленных хозяйственных вопросов. Этническая неоднородность создавала необходимость взаимодействия местных должностных лиц с обособленно проживавшими зырянами, сохранявшими свой язык и культуру.

4. На территории губернии отсутствовали образовательные учреждения, позволившие бы осуществлять подготовку управленческих кадров. Сеть учебных заведений, демонстрировавшая медленное и неравномерное развитие, не могла обеспечить массовый приток на государственную службу лиц, получивших даже среднее образование. Крайне низкий уровень образования населения для местных должных лиц создавал благоприятные условия для злоупотреблений и манипуляций с законом.

5. Климатические условия территории требовали развития адекватных форм хозяйствования с целью рационального использования и грамотного распределения имевшегося природно-ресурсного потенциала губернии. Решение тормозивших экономическое развитие региона проблем, без их дальнейшего усугубления, было возможно только при активном участии центрального правительства и при условии формирования местных органов власти лицами, не стремившимися к извлечению прибыли в процессе регулирования хозяйственной деятельности.

1.2. Формирование и эволюция системы органов местного управления

Система государственных органов, сословных учреждений и должностных лиц являлась одним из главных элементов местного управления первой половины XIX в. В настоящем параграфе основное внимание будет уделено структуре государственного аппарата Вологодской губернии, его правовой основе и принципам построения. Изменения, вносившиеся в устройство местных органов власти на протяжении изучаемого периода, будут оцениваться с позиции их соответствия потребностям системы управления.

Начало XIX в. ознаменовалось министерской реформой, отчётливо наметившей курс на централизацию системы государственного управления. В ходе реформирования высших органов власти прежние схемы взаимодействия между учреждениями стирались, а новые – ещё предстояло создавать. Перед правительством встала первоочередная задача синхронизации работы обновлённого центрального аппарата с существовавшей губернской системой. Становилось очевидным, что практическое решение этой проблемы невозможно без внесения изменений в модель местного государственного аппарата. Попытаемся проанализировать, какие шаги предпринимались в данном направлении.

Структура государственного аппарата Вологодской губернии была оформлена в соответствии со штатами, утверждёнными 27 ноября 1803 г. (см. прил. 11)[232] и просуществовавшими с некоторыми дополнениями всю первую треть XIX в. Рассмотрим основные принципы построения этой структуры с учётом последующих изменений, происходивших в период правления Александра I.

1. Принцип преемственности.

Предложенное законодателем штатное расписание 1803 г. представляло собой некий компромиссный вариант между двумя предыдущими документами[233], что отражало преемственность губернских реформ и Екатерины II, и Павла I. Александр I, инициируя реорганизацию местного государственного аппарата, подчёркивал, что руководствуется «опытами и наблюдениями, в продол-

[232] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051.
[233] См.: Там же. – Т.20. – № 14 392; Т. 24. – № 17 702.

жении многих лет собранными»[234]. С целью приблизить структуру и состав правительственных мест «к учреждению [«Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. (далее – Учреждение о губерниях 1775 г.)[235]] на коем они основаны»[236] возобновлялась работа ряда присутственных мест и должностей, упразднённых при Павле I: уголовная палата, гражданская палата, совестный суд, врачебная управа, приказ общественного призрения, губернские стряпчие уголовных и гражданских дел, уездные стряпчие, уездные землемеры, городовые магистраты, протоколисты дворянских опек. Таким образом, костяк структуры государственного аппарата составляла совокупность правительственных учреждений и сословных органов, созданных губернской реформой 1775 г. В то же время сохранялся ряд важных изменений, произошедших в предшествующий период. Повсеместное восстановление института наместников и губернских сословных судов (верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа) не предусматривалось. Взамен нижних расправ в состав земского и уездного судов вошли по два заседателя от поселян (наряду с двумя заседателями от дворян).

2. Принцип иерархичности.

Оформившаяся в начале XIX в. структура местного государственного аппарата восприняла заложенные в Учреждении о губерниях 1775 г. положения, разграничивавшие уровни местного управления – губернский и уездный, включавший городское управление. В высшее, губернское, звено входили: губернское правление во главе с губернатором; казённая палата; уголовная палата; гражданская палата; совестный суд; приказ общественного призрения; врачебная управа и ряд должностных лиц (губернский прокурор, губернские стряпчие (уголовных и гражданских дел), губернский землемер, губернский архитектор). Низшее звено управления включало: нижний земский суд, уездное казначейство, уездный суд, дворянскую опеку, городскую полицию во главе с полицмейстером / городничим, городовой магистрат / городовую ратушу, должности уездного стряпчего, уездного землемера, уездного лекаря.

Действие принципа иерархичности имело ряд особенностей, обусловливавших «распределение ролей» в иерархических звеньях и в структуре государ-

---

[234] Там же. – Т. 26. – № 20 004.

[235] См.: Там же. – Т. 20. – № 14 392.

[236] Там же. – Т. 26. – № 20 004.

ственного аппарата в целом, что отражалось на порядке взаимоотношений между учреждениями. Губернское правление, губернские палаты, совестный суд и приказ общественного призрения в отношениях друг к другу признавались местами равными (взаимодействовали посредством «сообщений»)[237]. При этом губернское правление наделялось статусом высшего правительственного учреждения губернии, что всё-таки поднимало его в иерархической цепи[238]. Специфическое положение занимал губернатор. Законодательство не выделяло особо его статус и не возвышало его среди прочих органов власти, но предусматривало, что часть своих функций по управлению губернией он осуществляет будучи председателем губернского правления, а другие – лично, в качестве высшего должностного лица губернии[239]. В последнем случае, он был наделён правом направлять «предложения» всем губернским учреждениям[240]. Весьма шаткую позицию в местном государственном аппарате занимали губернский прокурор и губернские стряпчие: их статус не был обозначен в законе и, более того, не был прописан порядок отношений с другими учреждениями[241]. Правительство, закрепляя в качестве главной обязанности губернского прокурора требование «доносить немедленно губернскому начальству» обо всех замеченных злоупотреблениях и беспорядках[242], ставило тем самым его в подчинённое положение, поскольку такая форма обращения как «доношение» являлась документом, исходящим только от низших органов управления к высшим[243]. В связи с этим,

---

[237] Ст. 193 Свода учреждений государственных и губернских, ссылаясь на Учреждение о губерниях 1775 г., гласила: «Места равные сносятся между собой сообщениями». Статьи Свода, регулировавшие «порядок сношений» губернского правления, губернских палат, совестного суда и приказа общественного призрения, в качестве формы отношений друг к другу закрепляли «сообщение» (Ст. 332, 463, 626, 648) (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 36, 85, 121, 155, 158).

[238] См.: Там же. – С. 4–5.

[239] См.: Там же. – С. 56.

[240] См.: Там же. – С. 69.

[241] В ходе анализа нормативных правовых актов становится очевидным, что законодатель попросту не мог определиться с решением этих вопросов. Так, в Учреждении о губерниях 1775 г. указано, что губернский прокурор относится к губернским местам посредством «напоминаний» и «уведомлений», но в определённых случаях делает губернскому правлению «донесения» (ст. 405). В указе от 8 января 1817 г. прокурорам позволялось в своих отношениях «предлагать, доносить, напоминать или уведомлять оное, как где прилично». Следовательно, прокурор, исходя из обстоятельств дела, должен был сам определять в какой форме обращаться к учреждениям (См.: ПСЗ–1. – Т. 20. – № 14 392; Т. 34. – № 26 604).

[242] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 163.

[243] См.: Там же. – С. 42.

губернское правление и палаты воспринимали должности губернского прокурора и губернских стряпчих как стоящие ниже их на иерархической лестнице[244].

Признавая уездные и городские учреждения местами равными друг другу (уездный суд, нижний земский суд, уездное казначейство, городская полиция, магистрат / ратуша, дворянская опека), законодатель всё же подчёркивал первостепенное значение уездного суда («между равными... есть первый»), единственного среди органов уездного уровня, наделённого правом издавать указы (указами уездный суд оформлял приговоры, определения и решения, направляемые в земский суд для исполнения)[245]. Что же касается уездных стряпчих, то так же, как и в случае с губернским прокурором, их место в уездном звене управления и порядок отношений с другими учреждениями не получили нормативного закрепления[246].

Степень влияния каждого из учреждений высшего порядка на низшие была различной. Губернское правление являлось главным «начальником» уездных и земских судов, городских полиций, городовых магистратов и ратуш. Уездными казначействами оно не управляло, но могло издавать в их отношении указы[247]. Губернатор в непосредственном подчинении учреждений не имел, но был наделён правом давать предписания от своего лица земским исправникам и городничим[248]. Казённая палата непосредственно управляла только работой уездных казначейств и, с 1828 г., деятельностью земских судов, касающейся регулирования хозяйственных процессов в казённой деревне, в остальные же уездные и городские судебные, полицейские учреждения она была правомочна «посылать указы»[249]. Судебные палаты прямое руководство низшими учреждениями не осуществляли, но наделялись правом издавать в их отношении указы[250] (за

---

[244] См., например: ПСЗ–1. – Т. 28. – № 21 523.

[245] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 186, 209.

[246] См.: Там же. – С. 213–215.

[247] См.: Там же. – С. 85, 198.

[248] См.: Там же. – С. 69.

[249] См.: ПСЗ–2. – Т. 3. – № 1 759; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 121.

[250] Исключение составляли дворянские опеки и сиротские суды, которые по управлению вверенным им имуществом отчитывались перед гражданскими палатами (См.: ПСЗ–1. – Т. 25. – № 18 667; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 155, 186, 198, 209, 215, 239).

исключением уездного казначейства и уездных стряпчих, с которыми они не взаимодействовали напрямую). Губернскому прокурору подчинялись только уездные стряпчие[251]. Для совестного суда возможность взаимодействия с учреждениями низшего порядка предусматривалась только в одном случае: направление своих приговоров, определений и решений для исполнения по принадлежности – в земский суд или в городскую полицию[252].

Таким образом, местный государственный аппарат имел весьма громоздкую, но иерархически выдержанную систему взаимоотношений входящих в его состав учреждений. Необходимо отметить, что принцип иерархичности находил проявление во внутреннем устройстве местных органов власти, включавшем «руководящее» присутствие и подчинённую ему канцелярию. При этом и присутствие, и канцелярия, будучи структурными подразделениями одного учреждения, в своём внутреннем устройстве были организованы по принципу соподчинённости[253].

3. Учёт региональных особенностей при определении сословного представительства[254].

Согласно штатному расписанию 1803 г. городовые магистраты учреждались в Вологде, Грязовце, Тотьме, Устюге, Сольвычегодске, Устьсысольске и Яренске. В остальных, уездных и заштатных, городах (Кадников, Вельск, Никольск, Лальск, Красноборск), ввиду того, что они представляли собой совсем небольшие населённые пункты, о чём более подробно указывалось в предыдущем параграфе, предусматривалось открытие городовых ратуш. В первое десятилетие XIX в. в соответствии с населённостью были пересмотрены штаты полицейских управлений Вологды и Устюга[255].

Дворянские выборы в Вологодской губернии проводились только в четырёх уездах: Вологодском, Грязовецком, Кадниковском и Вельском. Причём, ес-

---

[251] См.: Там же. – С. 215.

[252] См.: Там же. – С. 158.

[253] Председатель, руководивший учреждением, занимал главенствующее положение в присутствии, остальные члены – «заседали» по старшинству чинов. Канцелярия состояла из руководящего его работой секретаря, столоначальников, протоколистов, регистраторов и других канцелярских служителей (Подробнее см.: Там же. – С. 8, 12, 13).

[254] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051.

[255] С 1807 г. Вологда подразделялась на три части, в связи с чем в штате полиции, наряду с полицмейстером, предусматривалось 3 частных пристава и 6 квартальных надзирателей. Устюг был разделён на две части, штат его полицейского управления состоял из полицмейстера, двух частных приставов и 4 квартальных надзирателей. Городнические правления в остальных уездных городах изменениям не подвергались (См.: ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 494. – Л. 5–5 об., 16–16 об.; ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 007; Т. 29. – № 22 567).

ли в первых трёх избирался полный комплект сословных должностей, то в последнем действовал «усечённый» вариант выборного представительства. С начала XIX в. в Вельском уезде избирались предводитель дворянства, уездный судья и по одному дворянскому заседателю в уездный и земский суды. С 1820 г. список должностей был урезан: предводитель, судья и дворянский заседатель земского суда. На протяжении всего изучаемого периода в Вологодской губернии встречались затруднения с «наполнением выборных мест»[256], в связи с чем, на дворянских должностях можно было встретить выходцев из других сословий, назначенных правительством. Такая ситуация была характерна для земских судов, чьи дворянские заседатели редко выдерживали на посту полный срок[257], положенный по выборам, и, при отсутствии кандидатов на замещение их должностей, вакантные места заполнялись на общих основаниях.

Правом голоса обладало весьма ограниченное число представителей благородного сословия, постепенно сокращавшееся на протяжении изучаемого периода: в 1822 г. насчитывалось 207 человек, в 1837 г. – 99, в 1844 г. – 75, в 1851 г. – 68[258]. Документы, сопровождавшие дворянские выборы, отражают малочисленность их участников. Так, в 1822 г. на выборах в трёх основных уездах присутствовало 88 человек: 32 – по Вологодскому, 37 – по Грязовецкому и 19 – по Кадниковскому. В то же время не явилось в общей сумме 119 человек. В документах их отсутствие объяснялось разными причинами: кто-то отозвался больным, кто-то находился в отлучке либо вовсе не проживал в губернии, а некоторые к моменту выборов умерли[259]. При подготовке к выборам в Вельском уезде постоянно возникали проблемы с вызовом представителей, а в определённые годы выборы вообще не проводились по причине отсутствия последних. В 1830-е гг., после ряда несостоявшихся выборов, местное дворянское общество предложило центральному правительству упразднить Вельское дворянское собрание, для чего требовалось присоединить к Кадниковскому уезду поместные земли (земли, населённые помещичьими крестьянами, располагались кучно близ границы с Кадниковским уездом)[260]. Это предложение было одобрено

[256] См.: ГА ВО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 11–11 об.

[257] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1151. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 2–2 об.

[258] См.: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 40–49 об.; Д. 291. – Л. 10 об–11; Д. 611. – Л. 5–29; Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 577.

[259] См.: Там же. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 40–49 об.

[260] См.: Там же. – Д. 59. – Л. 577.

только в 1849 г., а с 1851 г. выборное дворянское представительство в Вельском уезде было окончательно отменено[261].

4. Принцип сочетания выборности и назначаемости при комплектовании правительственных органов власти.

В процессе реорганизации государственного аппарата Александром I были сохранены и получили дальнейшее развитие предложенные в ходе губернской реформы 1775 г. принципы комплектования правительственных органов власти, сочетающие назначаемость и выборность: одни должности замещались от короны, другие – по результатам сословных выборов.

Назначение на ключевые губернские должности утверждалось высшими органами власти: губернатор и вице-губернатор определялись «непосредственно от императорского величества»[262], председатели судебных палат (до 1831 г.)[263], советники и асессоры губернского правления и губернских палат, губернский прокурор и губернские стряпчие – Сенатом[264].

При рассмотрении претендентов на высшие губернские должности учитывался опыт службы (не обязательно статской). Так, в Вологодской губернии с 1800 по 1854 г. на посту гражданского губернатора побывало 12 человек (см. прил. 12), из которых шестеро до назначения имели опыт только военной службы (К.И. Линеман, Н.И. Барш, И.И. Попов, С.И. Кузмин, Д.Н. Болговский, И.В. Романус), один – гражданской службы в центральных учреждениях (Н.П. Брусилов); один – гражданской службы в центральных и губернских учреждениях (С.Г. Волховский); трое – гражданской службы только в губернских учреждениях (В.П. Путимцев, А.А. Горяинов, И.И. Винтер); один – военной службы и гражданской службы в Вологодской губернии (В.И. Воейков); один – военной службы и руководства губернией (И.И. Винтер)[265]. Среди всех губернаторов двое до назначения на должность были знакомы с Вологодской

---

[261] См.: ПСЗ–2. – Т. 24. – Отд. 2. – № 23 683

[262] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 54, 98.

[263] С 1831 г. председатели судебных палат избирались дворянством и утверждались на должности именным высочайшим указом из числа избранных кандидатов (См.: Там же. – С. 143).

[264] См.: Там же. – С. 75, 98, 144, 159.

[265] Винтер в 1811 г. временно исполнял должность Финляндского гражданского губернатора (См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 241 (1818 г.). – Л. 2 об.–3; Балакшин Р.А. На службе российской: правители Вологодского края со времён Екатерины Великой до нынешних дней. Кн. I. – Вологда, 2009. – С. 144–254).

губернией (Н.И. Барш и В.И. Воейков[266]). Служба обоих пришлась на непростые для государства годы (с 1809 по 1814 г.) и закончилась снятием с должностей, ввиду подозрений в злоупотреблении властью[267]. По всей видимости, подобные примеры убеждали центральное правительство, что при выборе кандидатов в руководящий состав провинциального государственного аппарата необходимо исключать лиц, имеющих прямое отношение к месту будущей службы, поскольку при наличии родственных связей, дружеских отношений и т.п., вряд ли можно было надеяться на их беспристрастную деятельность.

Определение к должностям в уездные и городские органы также имело ряд особенностей. Уездные казначеи назначались казённой палатой (под её ответственность) и утверждались департаментом государственного казначейства каждые три года, а остальные члены уездного казначейства определялись казённой палатой единолично[268]. Уездные стряпчие назначались губернским правлением по представлению губернского прокурора[269].

В начале XIX в. полицмейстеры, городничие и земские исправники (в уездах, где не полагалось дворянских выборов) определялись к должностям Сенатом из чиновников в воинской или гражданской службе бывших по представлению министра внутренних дел[270]. С 1816 г. был введён новый порядок замещения этих должностей: о каждой открывшейся вакансии министр внутренних дел сообщал Комитету 18 августа 1814 г. и «требовал уведомления: кто из раненых офицеров удостоен будет к помещению на оную». Из числа избранных Комитетом лиц, министр на своё усмотрение производил назначение[271]. С этого времени руководство уездными и городскими полицейскими делами сосредотачивалось в руках «отставных за ранами офицеров». Правила их назначения, не учитывавшие мнение губернской администрации, вызывали недовольство на местах. Так, в 1820 г. губернатор И.И. Попов среди прочих замечаний по управ-

---

[266] И.И. Барш, по предположениям краеведов, родился в Вологде; В.И. Воейков с 1787 по 1806 г. служил в Вологодской казённой палате (сначала экономии директором, затем вице-губернатором) вплоть до назначения вологодским губернатором (См.: Там же. – С. 152, 169).

[267] См.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 41 об.; Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 89; ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 18–18 об.

[268] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 189–190.

[269] См.: Там же. – С. 213.

[270] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 007; Т. 28. – № 21 648.

[271] См.: Там же. – Т. 33. – № 26 255

лению губернией, направленных в Министерство внутренних дел, указывал, что присланные Комитетом отставные военные «большей частью способностями своими не соответствуют ни пользе службы, ни спокойствию жителей»[272]. Те из них, кто занимал должности в Устюгском, Никольском, Яренском, Сольвычегодском и Устьсысольском уездах, пользовались отдалённостью этих уездов от Вологды и причиняли «одни беспорядки». Попов предлагал сделать исключение для обозначенных пяти уездов и предоставить ему право самому выбирать людей достойных полицейских должностей. Конечно, исключения для Вологодской губернии центральное правительство не сделало, но спустя десятилетие оно вынуждено было признать: «опыт показал, что офицеры сии, при всём одобрении прежней их службы, по слабости здоровья часто не соответствуют занимаемым должностям»[273]. Правила назначения отставных военных были пересмотрены: подобранные Комитетом кандидаты поступали на полицейские должности с испытательным сроком в 6 месяцев, по истечении которого губернатор выбирал наиболее способных к службе и делал представление министру внутренних дел.

Секретарей и прочих канцелярских служителей правительственным местам позволялось определять самостоятельно[274].

По результатам сословных выборов в государственных учреждениях замещались главным образом судебные должности. На губернском уровне это были дворянские и купеческие заседатели в судебных палатах (с 1831 г. и председатели палат), а также судья, заседатели от дворян, купечества и поселян совестного суда. В уездных органах выборными являлись должности судьи, заседателей от дворян и поселян уездного суда, исправника, заседателей от дворян и поселян земского суда.

5. Принцип ведомственной подчинённости.

Данный принцип основательно изложил в своих трудах Н.П. Ерошкин, определявший ведомство как «соединение близких по функциям и назначению центрального аппарата каждого министерства с подчинёнными ему местными

---

[272] РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 827 об.
[273] ПСЗ–2. – Т. 6. – Отд. 1. – № 4 406.
[274] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 20 719.

учреждениями»[275]. Описывая порядок оформления ведомственных связей, он указал, что местные органы власти были «расписаны по соответствующим министерствам», назначавшим и утверждавшим их чиновников.

Попытаемся проследить на основе имеющихся в нашем распоряжении нормативных правовых актов, каким образом были зафиксированы ведомственные связи губернских учреждений. Наиболее важными параметрами для анализа структуры местного государственного аппарата являются порядок отношений к высшим органам власти и порядок определения чиновников к должностям. Итак, губернатор, назначавшийся императором, находился в подчинении Сената, от которого получал указы; все предписания министров по делам, «от губернского начальства зависящих», поступали непосредственно к нему; министрам он имел право делать представления[276]. В то же время губернское правление на протяжении всего изучаемого периода подчинялось во всех действиях императору и Сенату и только от них получало указы; определение и увольнение его советников и асессоров производилось Сенатом на основании представлений министра внутренних дел[277]. Напрямую относиться к министрам, в том числе и к министру внутренних дел, губернскому правлению не полагалось, сделать это можно было только через губернатора.

Казённая палата состояла в непосредственном подчинении императора, Сената и министра финансов и только от них получала указы и повеления. Определение и увольнение вице-губернатора производилось императором, советников палаты – Сенатом на основании представлений министра финансов[278]. Кроме того, в 1826 г. министр был наделён правом напрямую назначать губернских и старших лесничих, а департамент государственных имуществ – окружных и учёных лесничих, землемеров и т.п.[279]

Судебные палаты и совестный суд подчинялись императору и Сенату и исключительно от них получали указы. Определение и увольнение председателей (до 1831 г.) и советников палат производилось Сенатом на основании пред-

---

[275] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [Научно-педагогические труды]. – М., 2008. – С. 367.

[276] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 69.

[277] См.: Там же. – С. 75, 85.

[278] См.: Там же. – С. 98, 121.

[279] См.: ПСЗ–2. – Т. 1. – № 415.

ставлений министра юстиции. Губернский прокурор напрямую подчинялся министру юстиции и только от него получал предписания, его назначение производилось Сенатом на основании представлений министра юстиции[280].

Приведённые данные позволяют подчеркнуть важную деталь, характеризующую процесс оформления ведомств. Взаимосвязь учреждений по линии каждого из министерств выстраивалась по-разному. Наиболее жёсткая ведомственная подчинённость была характерна для финансовых учреждений: казённая палата являлась единственным губернским органом, имевшим возможность напрямую взаимодействовать со своим министром. Степень влияния министра финансов на деятельность местных финансовых структур на протяжении изучаемого периода всё более возрастала. Судебная система демонстрировала противоположную тенденцию и, по мере укрепления принципа выборности при комплектовании присутствий, влияние министра юстиции на местный судейский корпус ослабевало. В качестве исключения следует рассматривать должность губернского прокурора. Дабы обеспечить ей более устойчивый статус и обособить от губернской администрации, законодатель поставил прокурора в прямую подчинённость министру юстиции и наделил правом непосредственно ему докладывать. Однако описанные ранее недостатки правового регулирования должности, влиявшие на его положение в местном государственном аппарате, и непокровительственное отношение к данному институту самого министра, превращали прокурорский надзор в фикцию, что подтверждается конкретными историческими фактами и о чём более подробно будет сказано в третьей главе настоящей работы. Ведомственная связь губернской администрации и министра внутренних дел приобрела наиболее сложную форму. По всей видимости, с целью подчеркнуть особый статус губернского правления, был сохранён порядок его взаимодействия, установленный Учреждением о губерниях 1775 г. При этом законодатель наделил министра внутренних дел правом регулировать его основной кадровый состав. Губернатор же, напротив, попал под прямой контроль министра и напрямую взаимодействовал с ним по всем вопросам, относящимся к сфере административно-полицейского управления. Следовательно, губернское правление оказалось исключено из этой ведомственной цепочки, что явно про-

[280] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 144, 155, 158, 159, 167.

тиворечило его положению, определяемому как высшее правительственное учреждение на местах.

Следует отметить, что действия министерств в отношении местных органов власти, что особенно ярко проявилось в первое десятилетие XIX в.[281], не были согласованы между собой. Вероятно, перед лицами, возглавлявшими ведомства, не ставилось чётких и ясных задач в сфере местного управления. Каждый из министров, пользуясь пробелами в законах и основываясь на собственных убеждениях, стремился выстроить удобную для себя схему взаимоотношений с губернскими учреждениями. К примеру, линия на обособление финансового ведомства на местах проявлялась в значительной степени независимости от губернатора и губернского правления казённой палаты, которая в своих действиях руководствовалась в первую очередь предписаниями министра финансов и государственного казначейства, а не нуждами губернии[282].

Среди рассмотренных принципов построения структуры местного государственного аппарата не наблюдается одного и, пожалуй, самого важного – принципа целостности. Целью губернской реформы 1775 г. являлось такое устройство губерний, при котором каждая из них представляла бы «одно целое и само собою движущееся установление»[283]. Предложенная модель управления была выстроена вокруг главного её элемента – наместника. В начале XIX в. структура местного государственного аппарата после «изъятия» из неё института генерал-губернаторства и введения в систему управления министерского начала, уже не являла собой единое целое. Она базировалась на Учреждении о губерниях 1775 г., нормы которого требовали пересмотра с учётом произошедших изменений.

Распатывала правовой фундамент местного государственного аппарата неопределённость положения губернатора. С одной стороны, после упразднения института наместничества возросло практическое значение этой должности, поднявшейся на высшую ступеньку управленческой цепи на местах. С другой – новый статус начальника губернии не был закреплён на законодательном уровне, а его правовое положение регулировалось несколькими несогласован-

[281] Данная проблема была озвучена в 1806 г. в докладной записке министра внутренних дел В.П. Кочубея Александру I (Подробнее см.: РГИА. – Ф. 660. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 6 об.–14).

[282] См.: Там же. – Ф. 994. – Оп. 2. – Д. 131. – Л. 3 об.–4 об.

[283] Цит. по: Страховский И.М. Губериское устройство // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 7. – С. 49.

ными между собой законодательными актами[284]. Естественно, в таких условиях губернаторская должность не могла стать стержнем, цементирующим структуру местного государственного аппарата и обеспечивающим её целостность. Однако до окончательного урегулирования основных внешнеполитических задач в 1815 г. структура местного государственного аппарата значительным изменениям не подвергалась.

В 1816 г. по личному повелению Александра I был разработан проект разделения Российской империи на генерал-губернаторские (наместнические) округа. В историографии не сложилось единого представления о причинах, побудивших императора обратиться к этой идее[285]. Одни ученые полагают, что проект создания укрупнённых округов, управляемых особо доверенными сановниками, заключал в себе признание невозможности эффективно управлять из центра несколькими десятками губерний, а главными причинами его появления стали поиск оптимального средства согласования системы министерского управления с сохранившимися от прежнего времени местными учреждениями и необходимость создания противовеса властным полномочиям министров[286]. Другие исследователи считают, что проект, являясь важной составной частью «Государственной уставной грамоты Российской империи», должен был создать условия для введения конституционного правления[287]. Некоторые историки склонны видеть в институте генерал-губернаторства главного проводника имперской политики на местах[288]. Позицию автора настоящей работы можно изложить следующим образом. Создание министерств не повысило уровень управляемости регионов, что осознавали и сами министры, слабо представлявшие происходящее в провинциях. Становилось очевидным, что вопросы, связанные с адаптацией новых механизмов управления с существовавшей губернской системой, остались нерешёнными.

---

[284] См.: ПСЗ–1. – Т. 8. – № 5 333; Т. 16. – № 12 137; Т. 20. – № 14 392.

[285] Подробнее см.: Ефимова В.В. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 3. – С. 145–162.

[286] Подробнее см.: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1. – СПб., 2001. – С. 65–92.

[287] См., например: Чернов К.С. Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 23–36.

[288] См., например: Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей. – Казань, 2004. – С. 427–458.

Проект разделения Российской империи на генерал-губернаторские округа занял особое место среди преобразовательных планов первой четверти XIX в. По замыслу Александра I, наместник должен был стать «наблюдателем всякого распорядка и всякого исполнения в порученных ему губерниях или ежеминутным инспектором всех частей внутреннего управления в его округе»[289]. Иными словами, он стремился создать независимый, постоянно действующий орган надзора за деятельностью местных учреждений. Император также отмечал, что в губерниях «не достаёт сосредоточения управления» и подчёркивал координирующую роль института наместничества в системе местного управления[290].

Генерал-губернаторы должны были стать доверенными лицами государя на местах. По статусу они приравнивались к министрам и подчинялись только государю, а, следовательно, получали возможность наблюдать за ведомственным управлением в регионах и напрямую об этом докладывать[291]. Последнее обстоятельство предопределило сильную оппозицию со стороны министров, не заинтересованных в создании независимого механизма контроля за их деятельностью, и стало причиной появления многочисленных негативных отзывов относительно внедряемого института[292].

Появление проекта генерал-губернаторской реформы было обусловлено целым рядом причин, но его реализация в общеимперском масштабе была направлена на достижение одной единственной цели – укрепления самодержавной власти. Сложность и многоаспектность задач, возлагавшихся на генерал-губернаторов, породили трудности проведения реформы. Выявленные нами материалы по Вологодской губернии позволяют осветить некоторые проблемы, связанные с процессом введения института наместничества в местный государственный аппарат.

---

[289] Цит. по: Калачов Н.В. Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах»… – СПб., 1867. – С. 56.

[290] Ожидания Александра I относительно института генерал-губернаторства нашли отражение в бумагах А.Д. Балашёва (Подробнее см.: Там же. – С. 54–71).

[291] Указанный тезис подтверждался словами А.Д. Балашёва, который следующим образом описал позицию Александра I: генерал-губернаторы «должны быть род министров в губерниях, кои должны поверять некоторым образом министров столичных» (Письмо графа В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому [3 апреля 1820 г.] // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. – СПб., 1872. – С. 294).

[292] Подробнее см.: Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [в 5 т.]. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). – СПб., 1902. – С. 93–113.

Согласно генерал-губернаторскому проекту территория империи распадалась на 12 округов, состоящих из 3–6 губерний, возглавляемых наместниками. Вологодская губерния, наряду с Архангельской и Олонецкой, была определена в пятый округ с центром в г. Архангельске[293]. Первым генерал-губернатором северных территорий был назначен контр-адмирал (с 1821 г. – вице-адмирал) А.Ф. Клокачёв. Именным указом от 17 марта 1820 г. ему предписывалось обревизовать подконтрольные губернии, после чего приступить к реализации полномочий на основании Учреждения о губерниях 1775 г., Инструкции ревизующим сенаторам от 17 марта 1819 г. и других законов, касающихся должности генерал-губернатора[294].

К исполнению обязанностей Клокачёв приступил практически незамедлительно[295]. 1 августа 1820 г. он прибыл в Вологду с целью ревизии. Ознакомившись с состоянием края, он вынужден был констатировать, что губерния находится в крайне запущенном состоянии и потребуется немало сил для её «исправления»[296]. В такой ситуации на первый план выходила проблема определения полномочий генерал-губернатора. Свои замечания относительно данного вопроса Клокачёв изложил в двух записках, поданных на имя императора, датированных 30 июля 1821 г. В них указывалось, что объём полномочий наместника не столь значителен, чтобы осуществлять эффективное управление и надзор[297], а положение генерал-губернатора не соответствует тому, которое определено Учреждением о губерниях 1775 г. Клокачёв также подчёркивал, что введение министерств привело к разобщению разных частей губернского управления и генерал-губернаторы, которые должны были устранить несогласованность в действиях местных учреждений, столкнулись с тем, что в исключительном ведении министерств находились таможенные органы, лесное управление, коммерческие банки, питейные сборы, соляное управление, управление удельными крестьянами, управление путями сообщения, управление почтовой

---

[293] См.: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1. – СПб., 2001. – С. 74.

[294] ПСЗ–1. – Т. 37. – № 28 202.

[295] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 1.

[296] Дубровин Н.Ф. После отечественной войны // Русская старина. – 1903. – Т. 116. – № 12. – С. 494.

[297] Подробнее см.: Замечания относительно должности генерал-губернатора (мнение генерал-губернатора Клокачёва, поданное императору 30 июля 1821 г.) // СбСЕИВК. – Вып. VII. – С. 197–207.

частью, учебные заведения[298]. Помимо этого, недовольство вызывало отсутствие возможности полноценно влиять на решение кадровых вопросов, а также назначение в тайне от генерал-губернаторов чиновников от министерств для производства следствий на местах[299]. В ответ на записки Клокачёва никаких решительных действий со стороны верховной власти не последовало.

2 января 1823 г. Клокачёв внезапно скончался в Вологде[300]. Вопрос о его преемнике решался на протяжении нескольких месяцев, что свидетельствовало о трудностях с подбором кандидатов. Выбор остановился на генерал-майоре (с 1829 г. – вице-адмирале) С.И. Миницком, назначенном на должность 2 мая 1823 г.[301] 17 апреля 1824 г. ему для ознакомления были переданы записки Клокачёва, в отзывах на которые новый генерал-губернатор полностью согласился с предложениями предшественника. Лично столкнувшись с ограниченностью полномочий, 20 февраля 1825 г. он подал рапорт с более детальным обоснованием своего мнения[302]. Миницкий, вслед за Клокачёвым, констатировал, что существовавшая законодательная база не позволяла выполнять главную функцию, возлагавшуюся на них – общий надзор за местным управлением.

К концу правления Александра I, так и не издавшего «особой инструкции» для наместников, отчётливо стал проявляться их реальный статус в системе государственного управления. Так, в 1825 г. в Вологодской губернии в обход генерал-губернаторской инстанции были заключены контракты на содержание почтовых лошадей по сильно завышенным ценам[303]. Произошедшая ситуация

---

[298] Замечания относительно «особых частей» местного управления появились не на пустом месте. В первой четверти XIX в. совершение преступлений в данных отраслях не являлось редкостью (о злоупотреблениях по питейной части см.: ПСЗ–1. – Т. 38. – № 29 642; о масштабных незаконных рубках леса см. предыдущий параграф).

[299] См.: «Весьма нужно для блага общего…» «Мнения» архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернаторов А.Ф. Клокачёва и С.И. Миницкого о пределах полномочий генерал-губернаторов: 1821–1825 гг. / публ. подгот. В.В. Ефимова // Исторический архив. – 2013. – № 4. – С. 175–176.

[300] См.: Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 г. П. Савваитовым… – Вологда, 1912. – С. 21.

[301] К исполнению обязанностей, согласно данным выявленным В.В. Ефимовой, С.И. Миницкий приступил 18 мая 1823 г. (См.: Ефимова В.В. Генерал-губернатор С.И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 104).

[302] Подробнее см.: «Весьма нужно для блага общего…» «Мнения» архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернаторов А.Ф. Клокачёва и С.И. Миницкого о пределах полномочий генерал-губернаторов: 1821–1825 гг. / публ. подгот. В.В. Ефимова // Исторический архив. – 2013. – № 4. – С. 177–180.

[303] Генерал-губернатор должен был осуществлять надзор за казёнными подрядами и поставками с целью не допустить нанесения ущерба интересам государства. При проведении торгов на содержание почтовых лошадей Миницкий с этой задачей не справился, в результате чего были заключены контракты по сильно завышенным ценам. Министр финансов потребовал объяснений, а Миницкий в своё оправдание

привела к выговору, сделанному министром финансов Мишицкому, должным образом не проконтролировавшему проведение торгов. Данный инцидент весьма показателен, поскольку засвидетельствовал не только отсутствие авторитета наместника среди местных учреждений, воспринимавших его как формальный институт, но и отразил отношение к нему центральной власти: ни о каком равном положении с министрами не могло быть и речи. Ситуации, подобные произошедшей в Вологодской губернии, использовались противниками генерал-губернаторской реформы как доказательство неэффективности окружного управления. Кроме того, реализация проекта столкнулось с ещё одной проблемой. Вопрос о соотношении и разграничении генерал-губернаторской и губернаторской власти оставался открытым.

Видимо, Александр I полагал, что генерал-губернаторская реформа могла бы решить многие проблемы в системе государственного управления, но она так и не была доведена до логического завершения. После вступления на престол Николая I политика в отношении местного государственного аппарата приобрела иной курс. К этому моменту стало ясно, что генерал-губернаторское управление в том виде, в котором оно существовало, не обеспечивает единства в управлении. Вопрос о судьбе проекта был вынесен на обсуждение «Комитета 6 декабря 1826 г.»[304], который пришёл к заключению, что сохранение института наместничества целесообразно лишь на территориях, управляемых на особых основаниях (в столицах и на окраинах империи)[305]. И хотя данное решение не было зафиксировано на законодательном уровне, с конца 1820-х гг. последовала череда упразднения наместнических округов во внутренних губерниях империи. При этом центральное правительство, как правило, дожидалось подходящего повода. Для Олонецкого, Вологодского и Архангельского генерал-губернаторства такой повод настал в 1830 г.

указал, что узнал о торгах только тогда, когда 47 из 59 контрактов были уже зафиксированы (Подробнее см.: ПСЗ–2. – Т. 1. – № 614).

[304] Подробнее см.: «Генерал-губернаторы не только полезны, но и необходимо нужны»: записка генерала от инфантерии А.Н. Бахметева. 1826 г. / публ. подгот.: Р.Н. Кипятков, Д.А. Николаев // Исторический архив. – 2008. – № 2. – С. 190–193; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, относящиеся до преобразования губернского управления // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 90: Бумаги Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. – СПб., 1894. – С. 212–358; Журнал № 44. Заседание 4 мая 1827 г. // Там же. Т. 74: Журналы Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. – СПб., 1891. – С. XVI.

[305] См.: Журнал № 44. Заседание 4 мая 1827 г. // Там же. – С. 145–146.

Генерал-губернаторы, как и большинство местных чиновников, нередко злоупотребляли своим положением в корыстных интересах. Служебная деятельность Миницкого не была исключением. К концу 1820-х гг. он «прочно» освоился на своей должности, что особенно проявлялось в месте его постоянного пребывания – Архангельске. К этому времени относится несколько серьёзных конфликтов между ним и архангельским губернатором В.С. Филимоновым[306], имевших коррупционную подоплёку и приведших к ряду взаимных доносов. В феврале 1830 г. с ревизией в Архангельск был отправлен сенатор граф А.Д. Гурьев[307], который засвидетельствовал многочисленные преступления, в том числе с участием генерал-губернатора и его ближайшего окружения[308]. 18 апреля 1830 г. последовал императорский указ, гласивший: «по дошедшим до Нас сведениям о разных неустройствах и злоупотреблениях в Архангельской губернии, находя действия генерал-губернатора вице-адмирала Миницкого по вверенному ему управлению не только слабыми, но званию его предосудительными и пользе службы не соответственными, признали Мы необходимым отрешить его от настоящей должности»[309]. Новый генерал-губернатор назначен не был, что фактически упразднило наместничество. Для Вологодской губернии это означало восстановление структуры государственного аппарата и принципов его устройства, существовавших до 1820 г.

Во второй четверти XIX в. проблема целостности местного государственного аппарата вновь встала на повестку дня. В правительственных кругах отсутствие единства стало трактоваться как первопричина многих недостатков местного управления[310], в связи с чем пристальное внимание было обращено на губернскую администрацию, но мнения сановников относительно института власти, к которому должны сходиться все «радиусы» управления, разделились. Одни из них полагали, что управление должно быть сосредоточено в губернском правлении. Так, некий чиновник И.В. Минин в записке «О структуре и функци-

[306] Подробнее см.: Ефимова В.В. Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора // Вопросы истории. – 2014. – № 3. – С. 70–81.

[307] РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 28. – Д. 2513. – Л. 1.

[308] Подробнее о ревизии сенатора А.Д. Гурьева см.: Ефимова В.В. Ревизия сенатора А.Д. Гурьева в 1830 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 104–114.

[309] ГА ВО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 139.

[310] См., например: Сперанский М.М. Замечания о губернских учреждениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым: Кн. 1–6. Кн. 4 (с приложением). – СПб., 1859. – С. 92–104.

ях губернских учреждений», адресованной Николаю I, основываясь на положениях действовавшего законодательства[311], считал, что высшая власть на местах должна принадлежать именно этому учреждению. Дабы укрепить статус губернского правления, он предлагал ввести сословное представительство в состав его присутствия (наряду с губернатором, двумя советниками и асессором, включить губернского предводителя от дворянства и губернского главу от купечества) и установить порядок принятия решений большинством голосов. Минин исходил из того, что если нити управления будут сведены к губернатору и он сможет действовать единолично, то это неизбежно приведёт к превышению его полномочий[312]. Другие представители правящей элиты полагали, что ключевой фигурой местного государственного аппарата всё же является губерватор. В 1831 г., после обозрения состояния некоторых губерний, министр внутренних дел А.А. Закревский пришёл к выводу, что в губернских учреждениях «нет единства действий» и обеспечить его нельзя, пока губернатор не будет наделён координирующей ролью в местном государственном аппарате. Для того чтобы это стало возможным он предлагал следующее: 1) наделение губернатора «правом наблюдательной власти», позволяющей ему ежегодно проводить ревизии всех губернских палат и докладывать о результатах проверок по принадлежности министрам; 2) наделение губернатора правом принимать «просьбы на производство в палатах дел и обязанность требовать по оным объяснений, предлагать о скорейшем решении при усмотрении же медлительности, проволочек или упущений в производстве, вникнуть в подлинное дело и представить Сенату или по принадлежности к министру со своим заключением»; 3) введение обязанности для всех председателей и членов палат, губернских и уездных предводителей, начальников и чиновников всех ведомств при чрезвычайных ситуациях «исполнять всё по назначению губернатора под страхом отрешения от должности и предания суду»; 4) расширение состава и увеличение материального обеспечения канцелярии губернатора[313]. По мнению министра, все эти мероприятия не должны были привести к чрезмерному усилению власти губернатора. Однако руководители других ведомств посчитали иначе, почувствовав угрозу вмешательства губернатора в работу их учреждений. В особенности сильное негодо-

[311] См., например: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 20 372.
[312] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 994. – Оп. 2. – Д. 135. – Л. 3–7.
[313] Там же. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 903. – Л. 14 об.–18 об.

вание выразил министр финансов: «от ревизий палат толку не будет и это будет отвлекать губернатора от своих должностных обязанностей»[314]. Главный аргумент Е.Ф. Канкрина состоял в том, что казна ни в ближайшем времени, ни в будущем не сможет позволить себе увеличение затрат на местный государственный аппарат. Комитет министров также высказался против предложения Закревского, считая, что надзор за деятельностью губернских палат всё-таки чрезмерно усилит позиции губернатора. Император, несмотря на то, что на докладной записке министра внутренних дел «собственноручно» отметил: «в необходимости сих мер я давно убежден»[315], всё же поддержал решение Комитета министров, сославшись на доводы Канкрина относительно недостатка финансов.

Надежды на укрепление правового статуса начальника губернии были связаны с принятием «Общего наказа гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. (далее – Наказ губернаторам 1837 г.)[316]. По сути документ представлял собой систематизацию всех прежде изданных норм, переработанных с учётом накопленного опыта управления. Иными словами, правовыми средствами был зафиксирован сложившийся в административной практике порядок со всеми его недостатками и преимуществами. По замыслу законодателя Наказ губернаторам должен был наиболее полно раскрыть правовое поле их деятельности. Согласно положениям документа, место губернатора в структуре государственного аппарата определялось из трёх составляющих: во-первых, он признавался первым должностным лицом губернии и осуществлял руководство высшим губернским учреждением – губернским правлением, во-вторых, он объявлялся блюстителем порядка, наделённым правом общегубернского надзора, в-третьих, он назначался главным администратором, в обязанности которого входило полицейское управление.

В 1837 г. также были внесены изменения в нормативно-правовую базу губернских правлений. Однако принятое 3 июля 1837 г. «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» (далее – Положение о губернских правлениях 1837 г.)[317], в отличие от Наказа губернаторам, не преследовало цель упрочить правовой статус губернского правления. Документ был направлен

---

[314] Там же. – Л. 22.
[315] Там же. – Л. 62.
[316] См.: ПСЗ–2. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 303.
[317] См.: Там же. – № 10 304.

главным образом на упорядочение его делопроизводства и организационной структуры. Несмотря на то, что губернское правление по-прежнему сохраняло наименование высшего органа власти губернии, его деятельность и объём компетенции во многом зависели от губернатора. И если в должности начальника губернии государство видело инструмент для укрепления самодержавной власти, то губернское правление воспринималось как чисто административный институт, предназначение которого состояло в реализации мероприятий по обеспечению благосостояния и безопасности населения.

Принятие Наказа губернаторам и Положения о губернских правлениях следует признать значительным достижением изучаемого периода. Как мы видим, желаемого единства в местном управлении появление таких актов не смогло обеспечить, однако, структура государственного аппарата постепенно приобретала черты целостности, чему также способствовало издание ряда других документов, направленных на обновление правового регулирования деятельности местных учреждений: «Инструкция казённым палатам о порядке производства дел» от 29 сентября 1831 г.[318], «Положение о земской полиции» от 3 июня 1837 г.[319], «Инструкция уездным казначеям» от 10 декабря 1837 г.[320], «Проект учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г.[321] Перечисленные документы базировались на общих принципах, обладали схожим содержанием, нацеленным на решение организационных вопросов (оформление структуры учреждений, конкретизация функций, распределение служебных обязанностей, упорядочение делопроизводства, расширение кадрового состава, улучшение материального обеспечения и т.д.), и представляли собой попытку государства регламентировать деятельность каждого структурного подразделения и каждого должностного лица в нём.

Не вдаваясь в детальный анализ нормативных правовых актов, принятых в 1830-е гг., отметим наиболее важные нововведения, отразившиеся на структуре государственного аппарата Вологодской губернии.

1. Административно-полицейские и финансовые губернские учреждения получили новую организационную структуру.

---

[318] См.: Там же. – Т. 6. – Отд. 2. – № 4 833.
[319] См.: Там же – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 305.
[320] См.: Там же. – Отд. 2. – № 10 792.
[321] См.: Там же. – Т. 13. – Отд. 1. – № 11 189.

В первой четверти XIX в. и вплоть до 1837 г. внутреннее устройство губернского правления выстраивалось по усмотрению присутствующих лиц. К 1830 г. канцелярия Вологодского губернского правления разделялась на 3 экспедиции[322]: первая ведала общеадминистративными (обнародование указов, постановлений, распоряжений и пр., составление отчётов, ведомостей, ведение личных дел служащих и т.д.), политическими и полицейскими делами; вторая – гражданскими судебными и межевыми делами; третья – уголовными, сословными и хозяйственными делами. Положение о губернских правлениях 1837 г. было призвано унифицировать и упорядочить структуру губернской администрации. Отныне внутреннее устройство канцелярии состояло из четырёх отделений с чётким разграничением функций между ними: первое отделение ведало общеадминистративными делами, второе – полицейскими, третье – судебными, четвёртое – хозяйственно-финансовыми. Каждое отделение поступало под управление советника, кроме первого, которое находилось под особым наблюдением вице-губернатора (его определение и увольнение производилось императором на основании представления министра внутренних дел). В 1845 г. устройство канцелярии несколько изменилась[323]. В отдельную структурную единицу была выделена канцелярия присутствия. Порядок отношений губернского правления с высшими органами власти не претерпел изменений: по-прежнему «все сношения с Министерством внутренних дел» производились «не иначе, как чрез начальника губернии»[324].

Структура казённой палаты, складывавшаяся на протяжении первой четверти XIX в., впервые получила утверждение в конце 1823 г.[325] С 1824 г. Вологодская казённая палата функционировала согласно предписанному внутреннему построению и включала четыре отделения: хозяйственное, казначейств, контрольное и винное (питейных сборов) с приобщённой к нему соляной частью[326]. В 1831 г., в соответствии с Инструкцией казённым палатам о порядке производства дел, в составе палаты выделилось лесное отделение. С 1833 г. усилилась ведомственная зависимость учреждения: определение и увольнение её советников и прочих членов присутствия, перемещение их из одного отделения в дру-

[322] См.: РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 2 об.–4.
[323] См.: ПСЗ–2. – Т. 20. – Отд. 1. – № 18 580.
[324] Там же. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 304.
[325] См.: ГАВО. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 928. – Л. 24.
[326] См.: Там же. – Оп. 6. – Д. 29. – Л. 2.

гое, а также в другие губернии, были полностью предоставлены министру финансов, «без испрошения на то утверждения Сената»[327]. В 1837 г. произошли изменения в руководстве казённой палаты: должность вице-губернатора заменялась «назначаемым особо» председателем (его определение и увольнение производилось императором), который становился формально третьим по значимости лицом в губернии. В 1839 г. в связи с реорганизацией системы управления государственным имуществом структура учреждения ещё раз обновилась: лесное отделение упразднялось, хозяйственное переименовывалось в ревизское.

2. Получили утверждение новые штаты местных учреждений, значительно увеличившие число служащих и предусматривавшие для ряда органов управления введение новых должностей[328].

В первой четверти XIX в. законодательно не был зафиксирован штат канцелярии губернатора[329]. В этот период она состояла из правителя канцелярии и нескольких служащих, формально числившихся за штатом губернского правления[330]. Указом от 31 мая 1827 г. всем гражданским губернаторам было позволено иметь при себе двух чиновников для особых поручений[331]. Лица, претендовавшие на эти должности, определялись и увольнялись с утверждения министра внутренних дел. В 1836 г. учреждение получило вид самостоятельного органа управления: впервые был утверждён «Нормальный штат канцелярий гражданских губернаторов» и значительно улучшено их содержание[332], что способствовало их обособлению от деятельности губернского правления. Штатное расписание предусматривало двух чиновников особых поручений, правителя канцелярии, четырёх его помощников, регистратора и писцов (точное число последних не определялось)[333]. При утверждении штата не была разработана структура канцелярии и в каждой губернии устанавливался свой порядок деятельности,

---

[327] См.: ПСЗ–2. – Т. 8. – Отд. 1. – № 6 574.

[328] См.: Там же. – Т. 12. – Отд. 2 – № 10 303; Т. 13. – Отд. 2 – № 11 189; Т. 15. – Отд. 2 – № 14 105; Отд. 3. – № 14 107, 14 108; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657; Т. 20 – Отд. 2. – № 18 580, 18 608.

[329] В штатах Вологодской губернии, утверждённых Екатериной II, Павлом I, Александром I, канцелярия губернатора не указывалась как обособленное учреждение.

[330] В исторических источниках нередко упоминается, что для ведения документации губернатор отрывал «людей из губернского правления, которое само [было] затруднено в способах делопроизводства» (См: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 903. – Л. 6).

[331] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 139.

[332] См.: Там же. – Т. 11. – Отд. 2. – № 9 240.

[333] Архивные документы свидетельствуют, что численность писцов в канцелярии губернатора в разные годы составляла 7–8 человек (См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 473. (1844 г.). – Л. 111 об.–124; ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1348. – Л. 1–29).

который, по-видимому, зависел от количества и круга дел и местных обстоятельств. В канцелярии вологодского губернатора делопроизводство распределялось между четырьмя столами, в работе которых было заметно определённое смешение функций: первый стол занимался в основном административными делами, перепиской с присутственными местами и должностными лицами, собирал и анализировал сведения для всеподданнейших отчётов, занимался служебными вопросами, выдавал паспорта и др.; второй – осуществлял контроль за раскладкой и сбором государственных и земских повинностей и взысканием недоимок, регулировал деятельность внутренней стражи, вёл дела о квартировании и обеспечении продовольствием войск, составлял ведомости о ценах на хлеб и фураж и др.; третий (секретный) – ведал делами политических ссыльных, собирал сведения о политической благонадежности, занимался вопросами религиозного характера, анализировал материалы по судебным делам и др.; четвёртый – осуществлял переписку по административным ссыльным, по надзору за торгово-промышленными заведениями и соблюдением правил торговли и др.

В 1836 г. одобрение Комитета министров получило предложение министра внутренних дел о выделении дополнительных сумм на содержание канцелярий губернских правлений, что позволяло расширить их штаты[334]. Все губернии были разделены на три разряда. Вологодская губерния была отнесена ко второму разряду, для которого предполагался «Нормальный штат» из трёх советников, асессора, секретаря, главного регистратора и его помощника, 9 столоначальников и 9 их помощников, четырёх регистраторов, переводчика, архивариуса и его помощника, экзекутора и его помощника, 30 писцов (всего 64 служащих). В штатах 1845 г. в состав присутствия был включён вице-губернатор[335].

Вологодская казённая палата к началу 1830-х гг. среди присутствующих лиц включала: вице-губернатора, двух советников (хозяйственного отделения и отделения питейных сборов), губернского контролёра, губернского казначея, двух асессоров. При отделениях состояло двое чиновников особых поручений, лесничий, архитектор[336]. Численность канцелярских служителей для каждого отделения устанавливалась особо. В начале 1830-х гг. их общее число составля-

[334] См.: ПСЗ–2. – Т. 11. – Отд. 2. – № 9 240.
[335] См.: Там же. – Т. 20. – Отд. 1. – № 18 918; Отд. 2. – № 18 580.
[336] См.: ГАВО. – Ф. 388. – Оп. 6. – Д. 3801. – Л. 87–89.

ло 50 человек[337], а после реорганизации палаты и упразднения лесного отделения – достигло 68[338].

Из уездных учреждений наиболее значительному реформированию и изменению штатов подверглись уездные полицейские учреждения. «Положение о земской полиции» от 3 июня 1837 г.[339] изменило состав и порядок формирования земского суда, значительно увеличило наличные силы полицейских органов. Взамен выборных дворянских заседателей вводился институт становых приставов, назначаемых губернским правлением. Им были вверены в управление станы, количество которых определялось в зависимости от территории уезда, его населения и особенностей местности. В осуществлении своих полномочий становый пристав опирался на сельских выборных лиц – сотских и десятских. Реформа уездной полиции была призвана провести более рациональное распределение служебных обязанностей и приблизить управление к населению, а также преодолеть частую сменяемость выборных от дворянства лиц.

3. Реформированию подверглась система управления государственным имуществом. Государство не случайно уделило особое внимание местным финансовым учреждениям, поскольку на протяжении первой трети XIX в. они демонстрировали свою несостоятельность в деле сохранения государственной казны. Одной из главных проблем, беспокоящих правительство, являлось накопление большого количества недоимок с казённых крестьян и неудовлетворительное состояние хлебных запасных магазинов Вологодской губернии[340]. Кроме того, оставляло желать лучшего управление в области охраны и использования казённого имущества, в частности крайне слабым был контроль местных учреждений за лесными массивами[341]. На основании «Проекта учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г.[342] управление государственным имуществом изымалось из ведения казённых палат. В губерниях учреждались палаты государственных имуществ, на которые возлагались задачи по попечительству над государственными крестья-

[337] ПСЗ–1. – Т. 38. – № 29 694; Т. 39. – № 30 116

[338] См.: ПСЗ – 2. – Т. 15. – Отд. 3. – № 14 107.

[339] См.: Там же. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 305.

[340] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 1–51; Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 10; Оп. 2 – Д. 32. – Л. 1–81; Ф. 1405. – Оп. 13. – Д. 3599. – Л. 1–4 об; ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1324. – Л. 1.

[341] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 426в. – Л. 1–121; Оп. 5. – Д. 60. – Л. 1–8; Д. 164. – Л. 1–10 об; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 1–117 об; Ф. 1405. – Оп. 28. – Д. 2513. – Л. 134–175 об.

[342] См.: ПСЗ–2. – Т. 13. – Отд. 1. – № 11 189.

нами (хозяйственное отделение) и обязанности по управлению казёнными лесами и землями (лесное отделение). Для непосредственной охраны лесов на местах создавались военизированные корпусы лесничих. Вологодская палата государственных имуществ начала функционировать 1 мая 1839 г.[343] На уровне уезда функции палаты осуществляли окружные управления. Они создавались на территориях уездов, в которых проживало значительное количество казённых крестьян. В изучаемой губернии было учреждено восемь окружных управлений: Вологодское (контролировало сельские общества Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов), Вельское, Тотемское, Устюгское, Никольское, Сольвычегодское, Устьсысольское, Яренское[344].

Следует отметить, что нормативно-правовая база нового учреждения получила детальную проработку. По аналогии с казённой палатой, органы управления государственным имуществом находились в жёсткой подчинённости своему министерству. Палата государственных имуществ подчинялась напрямую министру. Управляющий палатой определялся и увольнялся императором, советники, губернский и учёный лесничие, асессор – министром.

4. В сфере полицейского управления правительство Николая I поддержало и развило наметившуюся в годы правления его предшественника тенденцию по созданию особых специализированных коллегиальных учреждений, сфера деятельности каждого из которых была направлена на решение конкретной задачи. Речь идёт о разного рода комитетах и комиссиях, посредством учреждения которых государство, по всей видимости, пыталось добиться наилучшего, более оперативного и эффективного решения вопросов в сфере административно-полицейского управления. Так, если в первой четверти XIX в. в Вологодской губернии было открыто два таких учреждения: комиссия народного продовольствия и оспенный комитет[345], то во второй – их число значительно возрастает (губернская строительная и дорожная комиссия, губернский статистический комитет, губернская посредническая комиссия, губернское особое о земских по-

---

[343] Открытие в Вологде палаты государственных имуществ // Вологодские губернские ведомости. – 1839. – № 19. – С. 152.

[344] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112.

[345] Комиссия народного продовольствия была образована в 1822 г. на основании указа Сената от 14 апреля 1822 г. Оспенный комитет был учреждён на основании указа Сената от 3 мая 1811 г. для проведения оспопрививания среди населения (См.: ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 463. – Л. 1; ПСЗ-1. – Т. 31. – № 24 622).

винностях присутствие)[346]. Кроме того, при Николае I упрочил свои позиции в структуре государственного аппарата приказ общественного призрения, в деятельности которого на первый план вышли не благотворительные функции, а кредитные. Находившиеся в распоряжении Вологодского приказа общественного призрения денежные средства, отдававшиеся в заклад под проценты, во второй четверти XIX в. были значительны. Так, если в 1820 г. при сумме капиталов в 267 тыс. руб. в обязательствах состояло 255 тыс. руб. (на содержание всех подведомственных приказу учреждений выделялись средства из остаточной суммы)[347], то в 1850 г. при общей сумме в 782 тыс. руб. – 660 тыс. руб.[348]

5. В конце изучаемого периода на основании указа Сената от 23 июля 1852 г. произошло закрытие совестных судов в 18 губерниях[349], среди которых значилась и Вологодская. Официальной причиной стало сокращение штатов в целях экономии государственного бюджета. Скорее всего, правительство считало, что результаты деятельности совестных судов не оправдывали финансовых затрат. Если обратить внимание на объёмы работы Вологодского совестного суда, то мы увидим, что они были более чем скромными, в особенности до середины 1840-х гг., когда в среднем рассматривалось около 27 дел за год. С середины 1840-х гг. количество ежегодно решаемых судом дел возросло в несколько раз и достигло 95. Всего за весь пятидесятилетний период существования Вологодского совестного суда в нём было рассмотрено 1888 дел[350].

Подводя итог анализу структуры государственного аппарата Вологодской губернии, отметим особенности её правовой основы и принципов построения.

1. Основными и наиболее ярко проявлявшимися принципами, заложенными в структуру местного государственного аппарата начала XIX в., были преемственность, иерархичность, учёт региональной специфики сословного состава населения, сочетание выборности и назначаемости при формировании

---

[346] Вологодская губернская строительная комиссия была учреждена на основании «Положения о новом образовании строительной части гражданского губернского ведомства» от 29 сентября 1832 г. Вологодский губернский статистический комитет был открыт 15 мая 1835 г. на основании «Правил для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях» от 20 декабря 1834 г. Вологодское губернское особое о земских повинностях присутствие было учреждено на основании «Правил нового устройства земских повинностей» от 13 июля 1851 г. (См.: ПСЗ–2. – Т. 7. – № 5 624; Т. 9. – Отд. 2. – № 7 684; Т. 26. – Отд. 1. – № 25 398).

[347] См.: ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 12 об.–13.

[348] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 5 об.–6.

[349] См.: ПСЗ–2. – Т. 27. – Отд. 1. – № 26 396.

[350] Подсчитано по: ГАВО. – Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 1–1 об.

правительственных органов власти. Результатом министерской реформы стало поэтапное внедрение принципа ведомственной подчинённости с целью синхронизации работы обновлённого центрального аппарата с существовавшей губернской системой. Процесс оформления ведомств был не согласован и законодательно не проработан, что привело к появлению разных моделей ведомственного взаимодействия, наслаивавшихся на громоздкие схемы внутригубернских взаимоотношений, регулировавшихся устаревшими нормативными правовыми актами предшествующей эпохи.

2. Главным недостатком структуры местного государственного аппарата являлось отсутствие её целостности. Правовой основой организации являлось сохранявшееся в первоначальной своей редакции Учреждение о губерниях 1775 г. Закреплявшаяся в документе модель управления выстраивалась вокруг фигуры наместника, после упразднения которой, в правовом фундаменте местного государственного аппарата появилась брешь. Должность губернатора, практическое значение которой существенно возросло, в условиях юридически неопределённого статуса, не могла обеспечить целостность изучаемой структуры. Попытки Александра I добиться единства в местном управлении путём генерал-губернаторского проекта провалились. Перспективность преобразовательной идеи оказалась перечёркнута непродуманностью и незавершённостью реформы. Архангельское, Вологодское и Олонецкое генерал-губернаторство, просуществовав 10 лет, не смогло продемонстрировать ни управленческой эффективности, ни координирующей функции.

3. 1830-е гг. ознаменовалось попытками правительства обновить правовое регулирование местного управления при помощи издания в отношении отдельных учреждений нормативных правовых актов, систематизировавших прежде изданные документы и нацеленных на решение организационных вопросов. Желаемого единства в местном управлении появление таких актов не могло обеспечить, однако государственный аппарат постепенно приобретал черты целостности. Итогом правительственной политики Николая I стала структура местного государственного аппарата, основной вес в которой заняли административно-полицейские и финансовые учреждения, получившие чёткую организационную структуру и значительно расширившие свои штаты. В роли института, на который возлагались задачи по обеспечению единства управленческих

процессов, стала выступать должность губернатора. Изменения, внесённые в состав местных органов власти, были продиктованы заботой государства об обеспечении наполнения и сохранности государственной казны (реформирование системы управления государственным имуществом, упразднение не оправдывавших финансовых затрат совестных судов).

Глава II. Кадровый состав органов управления Вологодской губернии

2.1. Численность служащих местного государственного аппарата

Данные о количестве служащих государственного аппарата Российской империи известны лишь за отдельные исторические периоды[351]. Относительно общей численности провинциальных служащих первой половины XIX в. в литературе нет даже приблизительных подсчётов[352]. В историографии можно найти либо отдельные цифры, касающиеся только чиновников[353], либо сведения по некоторым губерниям и регионам.

Источники, позволяющие в полном объёме получить данные о численности провинциальных служащих первой половины XIX в. и проследить динамику её изменения, до настоящего времени ещё не выявлены. Для определения количественных показателей государственного аппарата учёные используют различные по происхождению и значению документы (справочные издания, штаты государственных учреждений, официальные списки должностных лиц, материалы делопроизводства и др.)[354], которые могут дать только приблизительные цифры.

Чаще всего исследователи обращаются к трём источникам: 1) адрес-календари Российской империи; 2) штатные расписания местных органов власти, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи; 3) коллекция формулярных списков чинов гражданского ведомства, хранящаяся в РГИА[355]. В приложении 13 показано, что на протяжении изучаемого периода

---

[351] См.: Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. статей. – М., 1964. – С. 239; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 67–68, 221; Зубов В.Е. К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–3 (60). – С. 98–102; Писарькова Л.Ф. Много ли чиновников было в России? // Отечественные записки. – 2004. – № 2. – С. 158–164; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 158, 176.

[352] Благодаря исследованиям Л.Ф. Писарьковой, имеются примерные цифры о количестве провинциальных служащих конца XVIII в.: в 1786 г. в 48 губерниях служило около 49 тыс. человек, в х начало XIX в., после преобразований Павла I, эта цифра сократилась до 30–33 тыс. человек (См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М., 2007. – С. 431–432, 506.).

[353] К примеру, Н.П. Ерошкин на основе данных Адрес-календаря Российской империи подсчитал, что в 1804 г. в губерниях служило 7680 чиновников (См.: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – М., 1981. – С. 63.).

[354] Иванов В.А. Источники о численном составе чиновников местных московский учреждений середины XIX века // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 176.

[355] См.: РГИА. – Ф. 1349.

общая численность служащих Вологодской губернии увеличивалась, однако, цифры, извлечённые из разных источников, расходятся. Для того чтобы выявить причину этого, необходимо рассмотреть, какие органы и должности включались в указанные источники.

Общероссийские адрес-календари являлись официальным справочным изданием о составе центральных и местных государственных учреждений. Они в наименьшей степени информируют о численности служащих, поскольку сообщают сведения лишь о лицах, являвшихся членами присутствий местных органов власти. Из канцелярских работников включены только данные о секретарях. При этом губернские и уездные должности, занимаемые городскими и крестьянскими выборными лицами, а также городские сословные органы управления в адрес-календари не попадали. Следовательно, перед составителями справочника ставилась задача отразить сведения о служащих, пребывавших на ключевых должностях в местном государственном аппарате: назначаемых правительством чиновниках и выборных дворянах. В ходе работы с адрес-календарями нами установлено, что они включали данные не по всем присутственным местам и должностям: уездные стряпчие стали упоминаться с 1808 г., приказ общественного призрения – с 1822 г., частные приставы градских полиций – с 1826 г., винные и соляные приставы – с 1848 г. Палата государственных имуществ была открыта в Вологде в 1839 г., но в адрес-календаре она появляется только с 1844 г., а окружные начальники с 1847 г. Некоторые учреждения периодически включались в издание: губернская строительная комиссия в справочник вносилась с 1835 по 1840 г., комиссия народного продовольствия – с 1837 по 1848 г., врачебная управа – с 1836 по 1840 г. Краткая характеристика источника позволяет понять, почему современные исследователи скептически относятся к возможности его использования для определения численного состава аппарата управления[356]: адрес-календари малоинформативны и не позволяют решить поставленные в настоящем исследовании задачи.

Штатное расписание являлось организационно-распорядительным документом. Оно создавалось, чтобы закрепить структуру местных органов власти и

[356] См., например: Иванов В.А. Численность и состав провинциального чиновничества Центральной России середины XIX в. (по материалам Калужской губернии) // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 3. – Калуга, 2002. – С. 115–129; Румянцева М.Ф. Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII века // Археографический ежегодник за 1991 г. – М., 1994. – С. 64–74.

определить расходы государства на их содержание. Сравнивая данные штатных расписаний с цифрами, полученными из других источников, нетрудно заметить численное преимущество первых. Однако при использовании штатов в исследовании нужно учитывать, что они отражают предполагаемый правительством состав местных учреждений. На основании такого документа можно лишь чисто гипотетически предположить численность служащих, но далеко не всех. В первые десятилетия XIX в. штатные расписания фиксировали только номенклатуру должностей в составе присутствий учреждений (см. прил. 14). Что же касается канцелярских служителей, то их точное число не определялось, но указывался размер суммы, выделяемой на «канцелярские расходы и служителей», исходя из которой, управляющим учреждений позволялось регулировать количество работников и устанавливать для них оплату труда, в зависимости «от способностей и прилежания». С 1820-х гг. штатные расписания становились более подробными и уже включали канцелярские должности (столоначальники, бухгалтеры, журналисты, протоколисты, архивариусы и т.д.), но их список по-прежнему оставался неполным. К тому же, за управляющими учреждений сохранялось право регулировать численность и состав канцелярий.

Необходимо отметить ещё одну особенность штатных расписаний. В них чётко обозначалась численность городских и крестьянских выборных должностей в губернских и уездных учреждениях. Также штатные расписания закрепляли количество городовых магистратов и ратуш и их численный состав. Что же касается других городских сословных органов, то закон лишь определял их виды, структуру, порядок работы. Реальное же количество этих учреждений и их численный состав не фиксировались и зависело, прежде всего, от местных условий. К примеру, согласно закону градская дума должна была включать, помимо главы города, 6 гласных, но на практике число последних, как правило, было иным. Так, по результатам городских выборов в Вологде на 1826–1829 гг. были избраны 10 гласных[357]. Более того, количество городских органов не оставалась стабильным на протяжении изучаемого периода. В связи с вышеописанным, в настоящем параграфе внимание уделено только основным городским сословным учреждениям, которых до 1841 г. в Вологодской губернии насчитывалось 21: 8 градских дум, 7 городовых магистратов и 6 городовых ратуш. В 1841 г.

[357] См.: ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 2. – Д. 105. – Л. 19–21.

взамен Тотемской градской думы и городового магистрата была учреждена городовая ратуша. В 1852 г. была упразднена Лальская градская дума. Подсчёт должностей указанных учреждений производился на основании установленных законом норм, т.е. для градских дум – это один голова и 6 гласных, для городовых магистратов – 2 бургомистра и 4 ратмана, для городовых ратуш – один бургомистр и два ратмана[358].

На протяжении изучаемого периода изменялся не только перечень должностей, но и порядок составления штатных расписаний. В конце XVIII – начале XIX в. они представляли собой единый документ, закреплявший структуру всех местных органов власти. После проведения министерской реформы штаты для учреждений разных ведомств начали издавать обособленно друг от друга. Новые расписания публиковали, как правило, в качестве приложений к законам, реорганизующим деятельность того или иного органа управления. При этом государство проводило явную политику по расширению составов финансовых и полицейских учреждений[359]. Единовременное обновление штатных расписаний по многим ведомствам произошло в 1840 г., в связи с пересчётом окладов служащих на серебро[360]. Исключение составило Министерство юстиции (1844 г.)[361]

Из коллекции формулярных списков РГИА исследователей в первую очередь привлекают так называемые групповые формулярные списки. С конца XVIII в. до середины 1840-х гг. они составлялись в Герольдмейстерской конторе из материалов, присылаемых в Сенат всеми присутственными местами империи[362]. С 1846 г. данная функция перешла к Инспекторскому департаменту чинов гражданского ведомства СЕИВК. Герольдия (в последствии – Инспекторский департамент) ведала вопросами личного состава гражданских чинов, в том числе занималась чинопроизводством, вела учёт дворян на государственной службе и т.п. От местных учреждений требовалось ежегодно предоставлять формулярные списки служащих чиновников, независимо от того занимали ли

---

[358] Для того, чтобы определить точное количество выборных лиц городских сословных учреждений и выявить динамику изменения их численности, необходимо проанализировать материалы городских выборов за разные годы по каждому городу Вологодской губернии. Архивные фонды ГА ВО не сохранили всего комплекса необходимых для этого документов. Изучение вопросов, связанных с городским самоуправлением Вологодской губернии, должно стать предметом отдельного исследования.

[359] См.: ПСЗ–1. – Т. 29. – № 22 567; Т. 30. – № 23 020; Т. 34. – № 26 764; Т. 36. – № 27 668; Т. 38. – № 29 694; Т. 39. – № 30 116; ПСЗ–2. – Т. 4. – № 2 841; Т. 11. – Отд. 2. – № 9 240; Т. 12. – Отд. 2. – № 10 303, 10 304, 10 305; Т. 13. – Отд. 2. – № 11 189; Т. 20. – Отд. 2. – № 18 580.

[360] См.: Там же. – Т. 15. – № 14 098–14 140.

[361] См.: Там же. – Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657.

[362] См.: ПСЗ–1. – Т. 22. – № 16 641.

они классные, канцелярские или выборные дворянские должности. Соответственно, сведения о лицах, не имевших классных чинов (городские и сельские выборные, канцелярские служители), для учёта не были нужны.

Выявленные и проанализированные в ходе исследования групповые формулярные списки по Вологодской губернии в основном включали имеющих классные чины служащих присутствий и канцелярий государственных и сословных учреждений, т.е. служащих чиновников (см. прил. 15). Однако встречались и исключения. В 1806 г. в список попали 17 неслужащих чиновников. В четырёх списках фигурировали служащие, не имевшие классных чинов, и если в 1810, 1818, 1838 гг. их число было незначительно, то в 1844 г. оно достигло 70 человек (9 в составе присутствий учреждений и 61 канцелярский служитель). Кроме того, не был неизменным перечень учреждений, включаемых в групповые формулярные списки. Информация о служащих губернского правления, губернских палат, совестного суда, уездных судов, земских судов, уездных казначейств, дворянских опек, градских полиций, а также о губернском прокуроре и уездных стряпчих присутствовала в каждом из выявленных источников. Остальные же органы управления (врачебная управа, приказ общественного призрения, губернские комиссии и экспедиции, дворянское депутатское собрание) и отдельные должности (уездные землемеры, винные и соляные приставы, уездные лекари) лишь периодически вносились в общие списки. Наиболее полным документом, с точки зрения состава учреждений и должностей, является список 1844 г. Отступления от установленного законом порядка составления групповых формулярных списков отражают качество работы местных органов власти. По всей видимости, канцелярские служащие губернского правления, собиравшие формулярные списки и подготавливавшие их к отсылке, не понимали, что именно от них требует Сенат[363].

Сопоставив разные источники, мы имеем возможность сделать следующие выводы. Содержание информации в них напрямую зависело от цели создания документа. Каждый из рассмотренных источников, из-за неполноты вносимых в них данных, не может дать точных цифр о количестве служащих Вологодской губернии. Групповые формулярные списки из коллекции РГИА позво-

[363] Подтверждение этому предположению мы находим в указе от 31 августа 1839 г., который гласил, что местные органы власти либо «вовсе не доставляют к предписанному времени [формулярных] списков, а другие хотя и доставляют, но не в таком порядке, каковой для оных предначертан» (См.: ПСЗ–2. – Т. 14. – Отд. 1. – № 12 658).

ляют увидеть только их часть: чиновников, задействованных в работе государственного аппарата. Штатные расписания – сложный источник. Полученные по ним данные свидетельствуют, что на протяжении изучаемого периода общее число служащих увеличилось более чем в два раза. Эти сведения нельзя считать истинными, поскольку нужно учитывать, что с 1820-х гг. штатные расписания становятся всё более подробными. Канцелярские должности, которые начинают в них включаться, существовали и до издания штатов, в связи с чем и увеличение числа должностей происходило в большей степени на бумаге, чем в реальности. В доказательство проведём несложные подсчёты. Возьмём для примера один из основных уездных органов управления – уездное казначейство – и посмотрим, как изменялся его состав на протяжении первой половины XIX в. по штатам и на практике. Штатное расписание 1803 г. закрепляло за этим учреждением должности одного уездного казначея и четырёх присяжных[364]. В 1823 г. к штату прибавились бухгалтер и два писца[365], а в 1840 г. – журналист[366]. Если учесть, что в Вологодской губернии функционировало 10 уездных казначейств, то общая численность их служащих изменялась следующим образом: в 1803 г. – 50 человек, в 1823 – 80, в 1844 – 90, т.е. произошло увеличение более чем на 40 %. А теперь проанализируем данные, полученные из делопроизводственных документов. Лучше всего сохранились архивные материалы кадниковского казначейства. Так, к началу XIX в. в нём служили 11 человек[367]: казначей, 3 канцелярских работника (бухгалтер, 3 писца), 1 внештатный писец, 6 низших служителей (4 присяжных, счётчик, сторож); в 1827 г. – 12: казначей, 6 канцелярских работников (бухгалтер, журналист, 4 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож)[368]; в 1838 – 10: казначей, 4 канцелярских работника (бухгалтер, журналист, 2 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож)[369]. Сведения по другим уездным казначействам дают аналогичные показатели[370], следовательно, на протяжении изучаемого периода общая численность их служащих практически не менялась и составляла от 100 до 120 человек. Сравнив данные

[364] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051.
[365] См.: Там же. – Т. 38. – № 29 694.
[366] См.: ПСЗ–2. – Т. 15. – Отд. 3. – № 14 107.
[367] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 2 об.–7.
[368] См.: Там же. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 121. – Л. 2 об.–11.
[369] См.: Там же. – Д. 483. – Л. 27 об.–40.
[370] См.: Там же. – Д. 467. – Л. 2 об.–9; Д. 468. – Л. 2 об.–8; Д. 469. – Л. 2 об.–11; Д. 470. – Л. 1 об.–16; Д. 472. – Л. 1 об.–16; Д. 476. – Л. 2 об.–11; Д. 483. – Л. 2 об.–152; Д. 953. – Л. 2 об.–8; Д. 955. – Л. 2 об.–8.

штатных расписаний и количество реально служивших в учреждениях лиц, мы увидим, что делать выводы о динамике изменения численности государственного аппарата только на основании штатов неправильно.

Наилучшим решением выявленной проблемы является использование метода сопоставления информации, полученной из разных источников. Возьмём за основу данные групповых формулярных списков за 1806, 1826 и 1844 гг. Они сообщают сведения о численности чиновников присутствий и канцелярий основной массы государственных учреждений. Так, в 1806 г. в составе присутствий служило 136 чиновников, в том числе 33 выборных дворянина, включая предводителей дворянства, в составе канцелярий – 189, включая секретарей[371]; в 1826 – 131:31:288 соответственно[372]; в 1844 – 192:40:309[373]. Как уже упоминалось выше, в групповом списке 1844 г. содержались сведения о 70 должностных лицах, не имевших классных чинов (9 присутствующих и 61 канцелярский служитель).

Получив необходимую информацию из формулярных списков, сравним её со штатными расписаниями, действовавшими в указанные годы и попробуем определить недостающие данные. Следует отметить, что такой метод анализа позволяет лишь частично компенсировать пробелы основного источника, поскольку штатные расписания дают нам достоверную информацию только о количественных составах присутствий учреждений и о числе государственных должностей, функционировавших обособленно. Итак, нас интересуют следующие сведения. Во-первых, в формулярные списки попали не все государственные учреждения и должности: в 1806 и 1826 гг. пропущены служащие врачебной управы и уездные лекари, губернский и уездные землемеры, винные приставы, надзиратели питейных сборов; за 1844 г. – служащие палаты государственных имуществ и окружных управлений, губернский прокурор и губернские стряпчие, губернский и уездные землемеры, надзиратели питейных сборов. Во-вторых, в формулярные списки не включались городские и крестьянские выборные должности в губернских и уездных государственных учреждениях (купеческие заседатели губернских судебных палат и совестного суда, сельские

---

[371] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176.

[372] См.: Там же. – Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492.

[373] См.: Там же. – Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1446. – Л. 30–32; Д. 1059. – Л. 15–15 об.; Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 918. – Л. 1; Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 933. – Л. 3–5; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 48.

заседатели совестного суда, уездных и земских судов), а также городские выборные органы. В-третьих, учреждения, вошедшие в формулярные списки, не всегда имели полные составы служащих. Причины пропуска должностей в списках могли заключаться в том, что их занимали лица, не имевшие чинов, либо они пребывали вакантными[374].

Благодаря штатным расписаниям, мы можем установить недостающее количество присутствующих и выборных лиц. По данным на 1806 г. их общее число составляет 188 человек, из которых 75 служили в государственных учреждениях (27 назначались правительством, 6 избирались городским обществом и 42 – сельским); 113 – в сословных городских учреждениях (выборные лица градских дум, городовых магистратов и городовых ратуш)[375]. По штатным расписаниям на 1826 г. недостающее число служащих составляет 252 человека, из которых 139 должностных лиц государственных учреждений (88 назначались правительством, 3 избирались дворянским обществом, 6 – городским и 42 – сельским); 113 выборных лиц сословных городских учреждений[376]. На 1844 г. число выявленных по штатным расписаниям лиц составляет 265 человек, из которых 159 служили в государственных учреждениях (111 назначались правительством, 6 избирались городским обществом и 42 – сельским); 106 – в сословных городских учреждениях[377].

Общие сведения о численности служащих будут неполными, если не учесть канцелярских служителей. Следует несколько пояснить, о чём идёт речь. В законодательстве и делопроизводственной документации первой половины

---

[374] Определить наличие вакантных мест в присутствиях учреждений можно при помощи данных адрес-календарей. К примеру, в групповом формулярном списке 1806 г. пропущены списки губернского стряпчего казённых дел, исправника Вельского земского суда и секретаря Устюгского земского суда. В адрес-календаре 1806 г. все три должности были заполнены, а по данным справочника на 1807 г. – на первых двух должностях произошла замена, а третья пребывала вакантной (Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето 1806 от Рождества Христова. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1806. – С. 83–90; То же. – СПб., 1807. – С. 86–95). Следовательно, на момент отправления формулярных списков в Сенат одни служащие уволились, а новые ещё не получили назначения. Тот факт, что должности, согласно адрес-календарю 1807 г. были уже заняты, объясняется разными сроками, которые устанавливались для отсылки сведений в Герольдию (в августе месяце каждого года (См.: ПСЗ–1. – Т. 22. – № 16 641) и для составления справочника (как правило, в конце года; в адрес-календарях фиксировались точные даты получения списков служащих).

[375] См.: Там же. – Т. 27. – № 21 051; Т. 44. – Ч. 2.

[376] См.: Там же. – Т. 29. – № 22 567; Т. 30. – № 23 020; Т. 34. – № 26 764; Т. 36. – № 27 668; Т. 38. – № 29 694; Т. 39. – № 30 116; Т. 40. – № 30 291; Т. 44. – Ч. 2.

[377] См.: ПСЗ–2. – Т. 4. – № 2 841; Т.11. – Отд.2. – №9 240; Т. 12. – Отд. 2. – № 10 303, 10 304, 10 305; Т. 13. – Отд. 2. – № 11 189; Т. 15. – Отд. 2. – № 14 105, 14 106; Отд. 3. – № 14 107, 14 108, 14 134; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657.

XIX в. понятия «канцелярский чиновник» и «канцелярский служитель» чётко различались. И те, и другие состояли на службе в канцеляриях учреждений, занимаясь перепиской и исполнением бумаг. Однако канцелярские чиновники, в отличие от служителей, имели классные чины и, соответственно, попадали в групповые формулярные списки, ежегодно отсылавшиеся в Сенат. Канцелярские служители, до изменения правил чинопроизводства, носили канцелярские звания: «копиист» (низшее), «подканцелярист» (среднее) и «канцелярист» (высшее). Сроки перехода из одного звания в другое напрямую зависели от способностей и усердия, проявленных на службе. В 1834 г. все канцелярские служители в зависимости от полученного образования были разделены на три разряда с различными сроками выслуги на получение первого классного чина[378]. С этого времени канцелярские звания упразднялись, но в документации местных учреждений они продолжали использоваться[379].

Определение точного количества канцелярских служителей является одной из самых сложных задач по причине фрагментарности источниковой базы. Штатные расписания не могут дать необходимых данных, поскольку, во-первых, в первые десятилетия XIX в. должности канцелярских работников в штатах не прописывались, а с 1820-х гг. их списки были неполными; во-вторых, даже имея полный список, определить, какие из должностей были заняты чиновниками, а какие лицами, не имевшими чинов, невозможно: архивные материалы свидетельствуют, что канцелярские служители могли назначаться на вакансии секретарей, в то время как, среди писарей состояли и чиновники; в-третьих, в канцеляриях учреждений нередко содержались служащие сверх установленного штата.

В такой ситуации основным источником информации о канцелярских служителях являются их формулярные списки, отложившиеся в архивных фондах. В ходе работы с материалами ГА ВО выяснилось, что документы, датированные ранее 1840 г., сохранились крайне плохо. Из всех губернских учреждений наиболее полный комплект формулярных списков обнаружен в фонде совестного суда[380]. В 1800–1820-е гг. его канцелярия включала в среднем 10–11

---

[378] Подробнее см.: Там же. – Т. 9. – Отд. 1. – № 7 224.

[379] Только к середине 1840-х гг. разряды канцелярских служителей полностью вытеснили прежние звания из официального употребления.

[380] Сохранились формулярные списки Вологодского совестного суда за 1802, 1806, 1810, 1811, 1819, 1820, 1822–1825, 1827–1829, 1831–1835, 1838–1840 гг. (См.: ГА ВО. – Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 3 об.–376).

служащих (половину составляли внештатные работники), из которых 4–6 человек являлись канцелярскими служителями (т.е. их доля в составе канцелярии достигала 50 %). В 1830-е гг. денежной суммы, выделяемой совестному суду на канцелярию, хватало на содержание только 2–3 человек, среди которых состояло не более одного канцелярского служителя. По другим губернским органам сохранились только более поздние формулярные списки. Из документов палаты гражданского суда выявлены сведения за 1820–1830-е гг.[381] С 1828 по 1836 г. её канцелярия действовала в составе 21–23 человек, при этом численность канцелярских служителей на протяжении этого периода постепенно возрастала: в 1828 г. – 4 человека, в 1829 – 6, в 1831 – 7, в 1834 – 13, в 1835 – 14, в 1836 – 16. С 1837 по 1840 г. общее количество работников канцелярии возросло и колебалось от 23 до 28 человек, а число канцелярских служителей несколько уменьшилось и стало более стабильным: в 1837 г. – 14, в 1838 – 12, в 1839 – 12, в 1840 – 13. В целом доля канцелярских служителей в составе канцелярии гражданской палаты выросла с 20 % (в 1828 г.) до 40 % (в 1840 г.). В архивном фонде приказа общественного призрения удалось выявить формулярные списки служащих канцелярии за 1830-е гг.[382] На протяжении этого периода их численность возросла с 8 до 13 человек, при этом доля канцелярских служителей в общем составе колебалась от 40 до 50 % (в 1833 г. – 4 человека, в 1838 – 7, в 1840 – 5). Также обнаружены сведения о служащих канцелярии губернского прокурора за 1839 г.[383], которая состояла из двух чиновников и одного канцелярского служителя. Подведём некоторый итог представленным разрозненным цифрам. Сохранившиеся документы не дают возможности произвести точные подсчёты по всем губернским учреждениям. Однако установлено, что доля канцелярских служителей в составе их канцелярий в среднем не превышала 30–40 %.

По уездным учреждениям сохранились формулярные списки уездных судов[384], в результате анализа которых установлено, что в конце 1810-х – середине 1830-х гг. они располагали канцеляриями в составе 8–12 человек, а количество

---

[381] Сохранились формулярные списки Вологодской палаты гражданского суда за 1828, 1829, 1831, 1833–1840 гг. (См.: Там же. – Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 1 об.–10; Д. 3. – Л. 1 об.–11; Д. 4. – Л. 1 об.–13; Д. 7. – Л. 1 об.–17; Д. 11. – Л. 1 об.–14; Д. 13. – Л. 5 об.–6; Д. 14. – Л. 1 об.–11; Д. 18. – Л. 4 об.–5; Д. 20. – Л. 3 об.–4; Д. 23. – Л. 1 об.–15; Д. 27. – Л. 1 об.–12; Д. 30. – Л. 1 об.–21; Д. 36. – Л. 1 об.–17; Д. 39. – Л. 1 об.–15).

[382] Сохранились формулярные списки Вологодского приказа общественного призрения с 1833 по 1840 г. (См.: Там же. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1 об.–159).

[383] См.: Там же. – Ф. 806. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 8 об.–15.

[384] Сохранились формулярные списки Кадниковского уездного суда за 1818–1835 гг. (См.: Там же. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 332. – Л. 5 об.–133; Д. 560. – Л. 1 об.–67).

канцелярских служителей не превышало 5 человек. Численность канцелярий уездных казначейств мы можем проследить по архивным материалам с середины 1820-х гг.[385] В этот период они насчитывали от 4 до 6 человек. Исключением являлось только вологодское – 7–10 человек. Численность канцелярских служителей в среднем составляла 40–50 % от общего состава. В архивных фондах не удалось обнаружить данных по земским судам, но с уверенностью можно сказать, что их канцелярии были не больше, чем в уездных судах. Предположим, что и число канцелярских служителей было примерно таким же. По городским правительственным учреждениям сохранились формулярные списки канцелярии Грязовецкого городнического правления за 1806, 1819–1821 гг.[386], которая в указанные годы включала 3–4 человека, в среднем двое из них являлись канцелярскими служителями. По вологодской и устюгской полициям данных не выявлено, но известно, что их канцелярии были в два раза крупнее.

Итак, все выявленные формулярные списки свидетельствуют, что доля канцелярских служителей в составе канцелярий государственных учреждений в среднем составляла 40 %. При этом она была ниже в губернских органах, а также в вологодских, грязовецких и кадниковских городских и уездных учреждениях (от 20 до 40 %). Что же касается органов управления, располагавшихся в отдалённых от губернского центра уездных городах, то здесь канцелярские служители достигали 50–60 % в общем составе канцелярских работников. Имея в распоряжении численные показатели о канцелярских чиновниках, мы можем рассчитать примерное количество канцелярских служителей. Если предположить, что они в среднем составляли половину работников канцелярий, то получаются следующие данные: 1806 г. – 126; в 1826 – 192. Конечно, такой метод подсчёта не позволяет получить точные цифры, но в условиях плохой сохранности архивных документов, он единственно возможный. Попытаемся проверить, подтверждаются ли полученные данные иными источниками.

В историографии представлены материалы о численности аппарата управления Вологодского наместничества конца XVIII в. В 1786 г. количество

---

[385] Сохранились комплекты формулярных списков по всем уездным казначействам Вологодской губернии за 1826–1827 и 1838 гг., а также по Сольвычегодскому уездному казначейству за 1834 г. и Устьсысольскому – за 1836 г. (См.: Там же. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 121. – Л. 2 об.–11; Д. 467. – Л. 2 об.–9; Д. 468. – Л. 2 об.–8; Д. 469. – Л. 2 об.–11; Д. 470. – Л. 1 об.–16; Д. 472. – Л. 1 об.–16; Д. 476. – Л. 2 об.–11; Д. 483. – Л. 2 об.–152; Д. 953. – Л. 2 об.–8; Д. 955. – Л. 2 об.–8).

[386] См.: Там же. – Ф. 469. – Оп. 2. – Д. 210. – Л. 3 об.–21.

канцелярских должностей составляло 535 единиц (список по Вологодскому наместничеству 1786 г. подготовлен и опубликован Л.Ф. Писарьковой[387]). По нашим подсчётам после реформирования системы управления Павлом I, а затем Александром I, их численность сократилась примерно на треть и государственные учреждения, функционировавшие в начале XIX в., содержали в своих канцеляриях около 330 служащих. Мы предположили, что в 1806 г. насчитывалось 315 канцелярских чиновников и служителей. В целом это соответствует действительности. Среди архивных материалов обнаружены отчёты полицмейстеров и городничих (всех кроме вологодского и грязовецкого), сообщающие сведения о жителях городов, датированные 1819–1820 гг.[388] В ходе формирования этих документов городские полиции по-разному разделили горожан на категории и провели подсчёты: одни – предоставили общие данные о канцелярских чиновниках и служителях вместе с их детьми мужского пола (в Вельске таковых было 33 человека, в Тотьме – 14, в Устюге – 46), другие – указали только канцелярских служителей с детьми мужского пола (в Сольвычегодске – 40, в Яренске – 13, в Устьсысольске – 15), третьи – канцелярских служителей с жёнами и детьми (Никольск – 92). Кадниковский городничий подсчитал общее количество канцелярских чиновников и служителей без жён и детей (36 человек). Если сопоставить эти данные с полученным нами общим числом служащих канцелярий городских и уездных учреждений на 1826 г. (около 480 человек), то даже с учётом увеличения их количества за 6-летний период, цифры получаются вполне соответствующие. По Вологде обнаружены более поздние данные: в 1836 г. здесь проживало 210 канцелярских служителей вместе с детьми мужского пола[389], что также сходится с нашими подсчётами.

Начиная с 1840-х гг. сохранность архивных материалов гораздо лучше и позволяет получить более точные сведения о численности канцелярских служителей. Установлено, что в 1846 г. по всем местным учреждениям, подведомственным министерствам юстиции и финансов, в общей сложности их насчитывалось 199 человек (в судебных органах – 129, в финансовых – 70)[390]. Докумен-

---

[387] См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М., 2007. – С. 704–717.

[388] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 406. – Л. 18 об.–68.

[389] См.: Там же. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 9 об.

[390] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256.

ты также дают возможность определить, какова была их доля в общем составе канцелярий, и сравнить с нашими предыдущими подсчётами. Так, в губернских финансовых органах (казённая палата) состояло на службе 63 % канцелярских чиновников и 37 % канцелярских служителей, в судебных (судебные палаты, совестный суд, канцелярия губернского прокурора, губернская посредническая комиссия) – 48 и 52 соответственно. В канцеляриях уездных казначейств доля чиновников достигала лишь 42 %, а 58 % служащих чинов не имели; в уездных судебных органах – 36 и 64 соответственно. В городских сословных судебных учреждениях, чьи канцелярские работники с 1837 г. получили статус государственных служащих[391], доли канцелярских чиновников и канцелярских служителей имели равное соотношение.

Если анализировать общие данные по всем финансовым и судебным органам (всего – 46 учреждений), то канцелярские служители составят чуть больше половины из общего состава (53 %). Пожалуй, этот показатель с уверенностью можно рассматривать как среднестатистический. По учреждениям Министерства внутренних дел в нашем распоряжении нет полных списков служащих середины 1840-х гг., но известна численность их канцелярских чиновников по групповому формулярному списку 1844 г. (130 человек), и установлено, что их доля должна составлять около 47 % в общем составе канцелярии: путём несложных подсчётов мы получим примерную цифру – 145 канцелярских служителей. Проверим полученные данные по формулярным спискам, сохранившимся в фондах ГА ВО. Выявлены точные сведения по канцелярии губернатора (5 канцелярских служителей)[392] и по приказу общественного призрения (1)[393]. По остальным учреждениям сведения либо отрывочны, либо отсутствуют, но подсчёты можно произвести по штатным расписаниям, которые с 1840-х гг. включали полный перечень должностей для губернских правлений, земских судов, полицейских и городнических правлений. В ходе работы с делопроизводственными материалами установлено, что указанные органы власти, как правило, соблюдали предложенный законом штатный состав[394]. Сопоставив данные группового формулярного списка 1844 г. со штатами, мы подсчитали по губернско-

[391] См.: ПСЗ–2. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 315.
[392] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1348. – Л. 18 об.–19, 63 об.–67, 83 об.–84, 104 об.–105.
[393] См.: Там же. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 334 об.–355.
[394] См.: Там же. – Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 78 об.–82; Ф. 688. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 99 об.–103; Д. 197. – Л. 104 об.–106; Д. 275. – Л. 64 об.–66.

му правлению 33 пропущенные канцелярские должности, по комиссии народного продовольствия – 1, по губернской строительной комиссии – 1, по земским судам – 60, по городским полициям – 18, по градским думам – 2. Таким образом, в общей сумме в групповой формулярный список оказался не включён 121 канцелярский работник органов Министерства внутренних дел, что укладывается в наши подсчёты (145 человек). Ввиду того, что и та, и другая цифра получена путём логических размышлений, будем придерживаться наибольшей величины.

Сведения по учреждениям Министерства государственных имуществ не известны, однако, общее количество штатных канцелярских должностей в 1844 г. в палате государственных имуществ и в окружных управлениях было на треть меньше, чем в губернских и уездных финансовых органах (всего не более 75 человек). Можно предположить, что количество канцелярских чиновников составляло около 35 человек, а служителей – примерно 40. Проведённые подсчёты согласуются с данными выявленных формулярных списков палаты государственных имуществ и окружных управлений 1852 г. (51 канцелярский чиновник)[395]. Разница между нашей цифрой и информацией, полученной из формулярных списков, объясняется тем, что с 1845 г. в палатах государственных имуществ на треть увеличились штаты (учреждены контрольные отделения)[396]. В связи с этим и число канцелярских чиновников возросло до 40 человек. Численный состав окружных управлений остался прежним и насчитывал 11 канцелярских чиновников.

Таким образом, использование метода сопоставления информации, полученной из разных источников, позволило определить количественные показатели местного аппарата управления наиболее близко к реально существовавшим. В приложении 16 представлены итоговые данные о численности служащих Вологодской губернии с учётом динамики, происходившей в первой половине XIX в. Низшие служители (сторожа, рассыльные, присяжные и т.д.), не имевшие непосредственного отношения к управлению, были исключены из подсчётов. Следовательно, учитывались только служащие присутствий и канцелярий учреждений.

---

[395] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 2324. – Л. 1 об.–54.
[396] Подробнее см.: ПСЗ–2. – Т. 20. – Отд. 2. – № 18 608.

Проведённое исследование отражает рост общей численности служащих на 46 % (с 639 человек в 1806 г. до 1183 – в 1844). В изучаемый период центральное правительство проводило политику по усилению полицейских и финансовых органов. При этом приоритет отдавался последним. К 1844 г. на территории Вологодской губернии развернули свою деятельность палата государственных имуществ и подчинённые ей окружные управления, а казённая палата, несмотря на упразднение в её структуре хозяйственного и лесного отделений, превратилась в самый крупный орган управления. В отношении полицейского управления правительство демонстрировало несколько иной подход: не расширяя состав губернского правления (за 40 лет общая численность служащих изменилась незначительно), оно способствовало созданию особых специализированных учреждений, сфера деятельности каждого из которых была направлена на решение конкретной задачи (комиссия народного продовольствия, губернская строительная комиссия, губернский статистический комитет и др.). Значительно вырос штат приказа общественного призрения, фактически превратившегося в кредитное учреждение. Что же касается губернских органов юстиции, то судебные палаты на треть увеличили свои канцелярии. В совестном суде, наоборот, число канцелярских работников сократилось до минимума (с 10 человек в 1806 г. до 2 в 1844 г.).

Уездные органы управления на протяжении изучаемого периода значительно не пополнили свои составы, несмотря на то, что на их долю выпадал большой объём непосредственной работы на местах[397], с которым они не справлялись быстро и успешно. Конечно, в условиях ограниченности людских ресурсов медлительность в решении дел никого не удивляла. Почему же государство не желало расширить штаты уездных учреждений? Этому можно найти разные объяснения. В ходе исследования обнаружены многочисленные материалы, свидетельствующие о небрежности, праздности и незаконной деятельности служащих, что в особенности отличало именно уездное звено управления. Вероятно, государство осознавало, что при дефиците квалифицированных кадров увеличение штатов уездных органов не ускорило бы их работу, а лишь пополнило бы «армию» взяточников и бездельников. Кроме того, возможно, что госу-

[397] См., например: ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 2 об.–5.

дарство действовало в целях экономии, считая, что финансовые затраты на расширение штатов не оправдают ожидания.

Анализируя изменения в соотношении разных категорий служащих в составе местного аппарата управления, необходимо отметить ещё одну тенденцию: постепенное увеличение удельного веса лиц, занимавшихся канцелярской работой. По всей видимости, центральное правительство таким образом надеялось повысить оперативность и ускорить управленческие процессы. Но, как уже стало ясно, расширение составов канцелярий допускалось по преимуществу для губернских учреждений и только для тех из них, которые имели дело с большими объёмами документооборота. В первую очередь речь идёт о казённой палате, которая увеличила свою канцелярию к середине 1840-х гг. больше чем в два раза по сравнению с 1806 г. Как отдельные учреждения начали функционировать канцелярия губернатора, насчитывавшая к концу изучаемого периода не менее 20 человек, и канцелярия губернского прокурора. Кроме того, росту численности способствовало включение в разряд государственных служащих канцелярских работников городских сословных учреждений.

Удельный вес канцелярских служителей в составе государственного аппарата постепенно увеличивался и к середине 1840-х гг. достиг почти 33 %. Эти показатели соответствуют и общероссийским данным. В частности, П.А. Зайончковский определил, что в 1857 г. количество канцелярских служителей составляло 35,55 % от общего числа служащих[398]. Л.Ф. Писарькова установила, что в 1832 г. в петербургских учреждениях канцелярские служители составляли 25 %. Исследователь также отметила, «что в местном управлении, которое по числу низших штатных должностей превосходило центральное», этот процент мог быть выше[399].

В первой четверти XIX в. в составе канцелярий доминировали чиновники, а во второй – уже канцелярские служители. Динамика соотношения этих категорий служащих напрямую зависела от порядка и условий получения чинов. Известно, что звание канцелярского служителя являлось временным и утрачивалось с приобретением классного чина. В первой четверти XIX в. правила чи-

---

[398] См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 68–69.

[399] Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. – 1995. – № 3. – С. 123.

нопроизводства не были законодательно упорядочены. На практике представление к чинам зависело от воли губернского начальства: одни лица получали содействие в продвижении по карьерной лестнице и приобретении чинов, другие – могли прослужить десятилетия, сохраняя звание канцеляриста. В связи с этим, среди канцелярских служителей этого периода присутствовали лица разных возрастных категорий, с различным стажем работы.

При Николае I система чинопроизводства была реформирована: с 1827 г., после издания указа «О канцелярских служителях гражданского ведомства», для всех лиц, поступающих на службу, в зависимости от их сословного происхождения устанавливались точные сроки производства в первый классный чин[400]. Произошедшие изменения, с одной стороны, предоставили возможность претендовать на получение чина, но с другой – сроки производства для ряда категорий канцелярских служителей оказывались продолжительными (до 12 лет). Именно с этим и связано увеличение их количества в общем объёме служащих и замедление роста численности канцелярских чиновников. В целом к 1840-м гг., когда новый порядок чинопроизводства был полностью налажен, состав канцелярских служителей помолодел.

Зарубежные исследователи, сопоставляя данные о численности служащих в России и Западной Европе, приходят к заключению, что в первой половине XIX в. Российская империя испытывала острую нехватку административного персонала (в России на 1 тыс. человек приходилось от 1,1 до 1,3 чиновника, что было в 3–4 раза меньше, чем за рубежом)[401]. При этом западные историки критикуют многих российских исследователей за то, что они рассуждают об избытке чиновничества, приводя в доказательство лишь выдержки из художественной и мемуарной литературы XIX в. В противовес этому следует сказать, что такими источниками чаще пользуются публицисты, а учёные, проводящие конкретно-исторические исследования, всё-таки имеют в распоряжении документальные свидетельства и делают обоснованные выводы. Однако среди современных историков, изучающих местное управление первой половины XIX в., есть и такие, которые склонны считать, что аппарат управления к середине XIX в. «разросся

[400] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 469.

[401] Подробнее см.: Большакова О.В. Социальная история бюрократии императорской России в англо-американской историографии // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX вв.: Общее и особенное: материалы XII Всерос. науч.-теорет. конф. Москва, 29–30 мая 2008 г. – М., 2008. – С. 81–87.

до немыслимых размеров»[402]. На наш взгляд, прежде чем делать подобные выводы, следует соотнести данные о служащих с общей численностью населения.

В 1844 г. в Вологодской губернии проживало около 800 тыс. человек и на каждого служащего приходилось не меньше 700 жителей, если брать в расчёт только присутствующих лиц, непосредственно управлявших населением, то 1 к 1750. Ещё более «немыслимые размеры» отражает соотношение сведений о служащих уездных органов управления с численностью населения уездов: Вологодский уезд – 1 служащий на 1730 жителей, Грязовецкий – на 1580, Кадниковский – на 2130, Вельский – на 1660, Тотемский – на 1870, Устюгский – 1680, Никольский – на 1910, Сольвычегодский – на 1470, Яренский – на 630, Устьсысольский – на 745. Даже в учреждениях самого «бюрократизированного» Яренского уезда насчитывалось не больше 50 служащих.

Подводя итог характеристике численности служащих Вологодской губернии, отметим следующее.

1. Использование исторических источников, традиционно применяемых исследователями для определения количественных показателей государственного аппарата, обособленно друг от друга не позволяет получить точные цифры о численности служащих. Предложенный нами метод сопоставления информации групповых формулярных списков из фондов РГИА, ГА ВО и штатных расписаний предоставил возможность компенсировать пробелы источников и выявить данные о служащих Вологодской губернии наиболее близко к реально существовавшим в изучаемый период. Это также позволило установить соотношение между численностью основных категорий служащих и проследить динамику изменений.

2. На протяжении первой половины XIX в. наблюдался рост численности служащих по всем ведомствам: к концу 1844 г. он составил 46 % по сравнению с показателями 1806 г. Доля чиновников достигала половины от общего состава. Увеличение их количества напрямую зависело от порядка чинопроизводства и происходило вне зависимости от возрастания числа штатных должностей. Динамика соотношения категорий служащих отражает постепенное увеличение удельного веса лиц, занимавшихся канцелярской работой и, в частности, канцелярских служителей. При этом, если в первой четверти XIX в. в составе канце-

[402] Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I – М., 1998. – С. 195.

лярий доминировали чиновники, то во второй – канцелярские служители, что явилось результатом реформирования системы чинопроизводства.

3. Укрупнение местного аппарата управления для верховной власти являлось вынужденной мерой, нацеленной на обеспечение оперативности управленческих процессов. Если учесть, что российское государство в первой половине XIX в. экономило каждую казённую копейку, а расширение аппарата управления всегда являлось дорогостоящим мероприятием, то, следовательно, эти изменения считались оправданными. Рост местного государственного аппарата был непропорциональным. Главным образом центральное правительство усиливало финансовые и полицейские учреждения, что свидетельствует о приоритетных задачах государства в системе местного управления: поддержание общественного порядка и безопасности, обеспечение сохранности казённого имущества и стабильного поступления денежных средств в казну. При этом увеличение числа служащих допускалось по преимуществу для губернских учреждений и только для тех из них, которые имели дело с большими объёмами документооборота. В то же время состав уездных органов пополнился незначительно. По всей видимости, расширение их штатов, в условиях дефицита квалифицированных кадров, способных к интенсивному труду в рамках закона, представлялось нецелесообразным. В целом данные о количестве служащих, соотнесённые с общей численностью населения, приводят к выводу о «недостаточной управляемости» Вологодской губернии, в особенности если рассматривать уездное звено управления.

2.2. Сословное происхождение, возрастной состав и образовательный уровень чиновничества

Эффективность управленческой деятельности во многом зависела от кадрового обеспечения государственных органов. Характеристика бюрократии даёт возможность не только проследить процесс комплектования кадров, но и оценить уровень подготовленности работников к осуществлению возложенных на них обязанностей в рамках закона и должностных инструкций. Основным источником информации, широко используемым при характеристике российской

дореволюционной бюрократии, являются формулярные списки служащих. Из всего многообразия содержащихся в них сведений, нас интересуют: сословное происхождение, возраст и образование. Эти показатели, определявшие социальный облик чиновничества, рассматривались законодателем в качестве условий поступления на гражданскую службу.

Одной из главных в послужном списке была графа, фиксировавшая сословное происхождение чиновника. Законодатель предписывал вносить в документ сведения о «звании», из которого происходил служащий. Речь шла о социальном статусе отца. По всей видимости, подразумевалось, что чиновник должен был предоставить информацию о сословной принадлежности родителя на момент его рождения. Однако данный тезис не был конкретизирован в законе, а ввиду того, что статус родителя мог измениться на протяжении его жизнедеятельности, чиновник при заполнении своего послужного списка предпочитал сообщать сведения более выгодные для себя, нежели те, которые интересовали государство. Подобные нарушения порядка составления формулярных списков вызвали к жизни указ 1828 г., предписывавший, чтобы в графе о происхождении, звание отца чиновника обозначалось со всею точностью, «хотя бы сам он находился уже в чинах, присваивающих дворянское достоинство»[403]. Появление этого закона не следует трактовать как акт правительства, требующий от всех состоявших на службе лиц в обязательном порядке предоставить свои метрические свидетельства и переоформить послужные списки. Положение 1828 г. напрямую связано с указом 1827 г. «О канцелярских служителях гражданского ведомства», реформировавшем систему чинопроизводства. Во второй четверти XIX в. законодателя в первую очередь интересовали не состоявшие при должностях чиновники, а лица, поступавшие на государственную службу. Ввиду того, что канцелярские служители разделялись на три разряда по сословному признаку, от новобранцев требовалось предоставить документального подтверждения своего происхождения. Следовательно, сведения, содержавшиеся во второй графе формулярных списков чиновников, вступивших на службу ранее 1828 г., можно считать достоверными лишь с определённой долей условности.

Данные послужных списков содержат разрозненную информацию, указывающую либо на сословную принадлежность чиновника («из дворян», «из ду-

[403] ПСЗ–2. – Т. 3. – № 1 904.

ховного звания», «из приказнослужительских детей», «из мещан», «из купцов» и т.д.), либо на чин родителя («сын коллежского секретаря», «сын губернского секретаря», «сын подпоручика» и т.д.), либо на профессию или род занятий родителя («сын сторожа», «сын помощника землемера», «солдатский сын», «секретарский сын» и т.д.), либо на образовательное или воспитательное заведение, из которого вышел чиновник («из семинаристов», «из студентов», «из воспитанников», «воспитанников Московского императорского воспитательного дома» и т.д.), либо на национальную принадлежность («из шведских дворян», «из польского шляхетства», «из вольноопределяющихся немецкой нации» и т.д.).

Не систематизированная информация вызывает определённые трудности для исследования. Сталкиваясь с разбросом данных, учёные предлагают разные классификации. У С.М. Троицкого она наиболее дробная и включает следующие группы: дворяне, дети личных дворян, приказные служители, церковники, солдаты, однодворцы, казаки, крестьяне, посадские люди, купцы, разночинцы и иноземцы[404]. У. Пинтнер выделил более крупные группы: дворянство, обер-офицерство, гражданские служащие (приказные служители), духовенство, купечество, «низшее сословие», иностранцы, «нерусские», т.е. представители других народов России[405]. М.Ф. Румянцева предложила разделить всех чиновников на потомственных дворян, разночинцев и выходцев из податных сословий[406]. Слишком дробную классификацию нельзя признать удобной, поскольку численность ряда категорий лиц, состоявших на службе, была незначительной. В настоящем исследовании выделяются следующие группы: потомственные дворяне; дети «обер-офицеров»; дети приказных служителей; духовенство; прочие социальные группы (купечество, мещанство, крестьянство, иностранцы и др.), представители которых были малочисленны в составе чиновничества. Размещённые в приложении 17 данные позволяют оценить соотношение указанных групп и дают возможность проследить изменения в их численности на протяжении изучаемого периода.

---

[404] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 213.

[405] Pintner W. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. – Chapel Hill, N.C., 1980. – P. 195.

[406] Румянцева М.Ф. Источники о социальном составе служащих местных государственных учреждений в последней четверти XVIII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. – М., 1985. – С. 197–199.

В первую группу включены чиновники, в формулярных списках которых содержалось указание на дворянское происхождение, вне зависимости от того, каким способом приобретено «благородство». Чаще всего в документах встречается запись: «из дворян». Более конкретные формулировки, позволяющие определить к какому разряду относится дворянин[407], прописывались в редких случаях: «из российских князей» (титулованное дворянство), «из штаб-офицерских детей» (дворянство, приобретённое военной службой), «сын статского советника» (дворянство, приобретённое гражданской службой) и т.д. Исключение составляет принадлежность к иностранному дворянскому роду, что обычно отражалось в послужном списке («из шведских дворян», «из австрийских дворян», «из польского шляхетства», «из дворян греческой нации» и т.д.). В Вологодской губернии дворян-иностранцев среди чиновников было немного (в 1801 г. – 7 человек, в 1806 – 5, в 1810 – 5, в 1818 – 1, в 1826 – 1, в 1838 – 2). Часть из них была переведена на службу по определению от правительства, часть – пребывала в ссылке за политические преступления[408] (практика приёма ссыльных на службу в провинциальные канцелярии получила определённое распространение во время губернаторства Д.Н. Болговского)[409]. В случаях, когда принадлежность чиновника к благородному сословию не была подтверждена согласно требованиям закона, в формулярном списке указывалось – «из недоказавших дворян»[410]. Такие лица при подсчётах были отнесены к дворянам.

Данные, представленные в приложении 17, отражают невысокую численность потомственных дворян в составе органов управления Вологодской губернии. При этом если рассматривать абсолютные показатели, то их количество хотя и колебалось в разные годы, но в целом постепенно росло, однако же,

---

[407] Подробнее о разрядах дворянского сословия см.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979. – С. 24–25.

[408] Так, в 1838 г. в Вологде проживал уроженец Минской губернии дворянин И.В. Курженицкий, проходивший подсудимым по делу революционного деятеля эмиссара Ш. Конарского (один из основателей организации «Молодая Польша»). Непосредственное участие в антиправительственных действиях он не принимал, однако знал о планах Конарского и «по злонамеренности, не донося о сём начальству, обнаружил тем самым участие своё в преступных его покушениях» и за это был приговорён к высылке «на всегдашнее жительство в отдалённой губернии». Вследствие ходатайства губернатора Болговского в октябре 1839 г. был принят на службу в его канцелярию (См.: ГА ВО. – Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 375 об.–376).

[409] В воспоминаниях современников о Болговском упоминается, что он запомнился вологжанам как «горячий ходатай о прощении тех из удалённых в Вологодскую губернию административным порядком, в которых наконец исправление в образе мыслей или поведении» (Цит. по: Кощеев В.А. Вологодские древности: лит.-краевед. очерки. – Архангельск, 1985. – С. 149).

[410] Формирование дворянской родословной книги на протяжении изучаемого периода происходило очень медленно. За первые два десятилетия XIX в. в неё было внесено только 120 дворян (Подробнее см.: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 124. – Л. 1–4 об.).

удельный вес среди общей массы чиновников снизился за изучаемый период почти на 8 % (с 26 до 18 %). Следовательно, государственный аппарат рос более быстрыми темпами, чем число дворян, желавших пополнить ряды государственных служащих. Подобную статистику исследователи часто объясняют нелюбовью благородного сословия к гражданской службе, о чём свидетельствуют воспоминания современников[411]. На наш взгляд, проблема, связанная с вологодскими дворянами на гражданской службе, кроется несколько глубже, чем кажется на первый взгляд.

В первую очередь нужно учитывать, что дворянство в структуре российского общества было весьма немногочисленно, а, как уже стало ясно из первой главы, в Вологодской губернии его представительство было ещё меньше. Региональные особенности имели большое значение. В первой половине XIX в. вологодское благородное общество следует характеризовать как дифференцированное и поляризованное. В дворянскую корпорацию была консолидирована лишь небольшая часть состоятельных представителей сословия, проживавших компактно близ губернского центра[412]. Очень тонкой прослойке обеспеченных дворян противостояла значительная масса обедневших представителей сословия. В архивных фондах сохранился ряд документов, которые позволяют осветить данную проблему. В марте 1839 г. губернатор доносил министру внутренних дел о том, что «в Вологодской губернии есть много таких бедных дворян, которые не имеют никаких способов отправлять детей своих в армейские полки и содержать оных»[413]. В ответном сообщении министр указал, что ему известно о таких дворянах, которые «имея совершенно незначительное количество земли вынуждают, по причине бедности своей, наниматься даже в самые низкие должности и иногда служат у помещичьих крестьян работниками и пастухами»[414], в связи с чем он предписал губернатору составить именной список таких лиц. В 1840 г. уездные предводители дворянства выявили 47 бедствующих семей, из них 6 по Вологодскому уезду, 29 – по Грязовецкому, 12 – по Кадников-

---

[411] См., например: Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. Кн. 1. – М., 2003. – С. 152–153. Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. – 1899. – Т. 97. – С. 565–566.

[412] Согласно данным 8-й ревизии численность землевладельцев, обладавших крепостными душами в Вологодской губернии, составляла 1 589 человек. При этом четверть от общего количества крестьян (более 23 тыс. душ муж. пола) принадлежала всего 27 помещикам (См.: Народонаселение Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1848. – № 9. – С. 96).

[413] См.: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 152. – Л. 1.

[414] Там же. – Л. 1–1 об.

скому. Из составленных списков следовало, что абсолютное большинство этих дворян занимались «хлебопашеством» на своей земле, некоторые жили на благотворительные пожертвования или зарабатывали пропитание «прошением милостыни»[415]. При этом был обнаружен только один бездетный дворянин, служивший в земском суде, а также пять семейств, из которых дети пошли на военную либо гражданскую службу.

В 1843 г. на проблему обеднения дворянства обратил пристальное внимание Комитет министров, повелев всем гражданским губернаторам собрать сведения «сколько в каждой губернии находится помещиков, имеющих 25 и менее душ с означением уезда, сколько земли и какое у помещика семейство»[416]. В архивных фондах обнаружены первичные списки, составленные уездными предводителями по результатам «ревизий» дворянских имений и итоговый сводный список по всей губернии, который был отправлен министру внутренних дел. Анализ последнего позволил сделать подсчёты, представленные в приложении 18. В отличие от списков 1840 г., когда выявлялись только самые бедные семьи, в 1844 г. были собраны сведения по формальному имущественному критерию – наличие 25 и менее ревизских душ. Попадание в такой список ещё не означало, что дворянин не имел иных средств к существованию, но однозначно свидетельствовало о его неблагополучном имущественном положении. Кроме того, нужно подчеркнуть, что число обедневших дворянских семей вероятно было больше, чем количество, показанное в итоговом сводном списке. В ходе изучения первичных документов было обнаружено множество фамилий, исключённых из учёта по причине того, что они не проживали на постоянной основе в том уезде, где располагалось их имущество. Такой подход был правильным в отношении семей, обосновавшихся в других губерниях. Однако нами выявлено 111 дворян, не пребывавших в своих имениях, но проживавших в других уездах Вологодской губернии и оказавшихся не включёнными в итоговый список. Из общей массы бедных представителей благородного сословия на государственной службе состояло менее 10 %.

Резюмируя проведённый выше анализ, отметим, что только каждый десятый представитель дворянского общества, имевший право на участие в выборах

[415] Там же. – Л. 11–21.
[416] Там же. – Д. 253. – Л. 1.

по имущественному цензу[417], может быть отнесён к его верхушке. Четверть от всех дворян обладала лишь небольшими клочками земли и незначительным числом ревизских душ, а треть – относилась к разряду беспоместных (в 1844 г. последних насчитывалось 282 семьи). Принимая в учёт состояние вологодского дворянства, проблема малочисленности этого сословия в составе местных органов управления представляется совершенно в ином свете. Такие мотивы, как нелюбовь к гражданской службе или нежелание трудиться, были свойственны состоятельным людям, и они не объясняют, почему обедневшие и стоящие на грани бедности семьи не обеспечивали приток своих представителей в местные органы власти. В архивных документах ответа на этот вопрос мы не найдём и можем только предположить возможные причины. Во-первых, на службе требовались грамотные люди, а бедность не позволяла дать детям достойное образование. Во-вторых, местные органы власти нуждались в опытных, знающих делопроизводство работниках, поэтому служебный путь молодые люди начинали с самых низов канцелярии, а, как известно, такой труд низко оплачивался и, в отсутствии иных источников дохода, не позволял прокормить обедневшую семью. Возможно, именно по этой причине в предпочтении оказывалось «хлебопашество» на своей земле. В-третьих, чиновничество в изучаемый период имело определённые признаки кастовости, когда при приёме на службу преимущество получали дети служащих чиновников. Отец имел возможность пристроить своего ребёнка в канцелярию учреждения, где работал, когда тот пребывал ещё в малолетнем возрасте. Так, в формулярном списке секретаря Устюгского уездного суда П.А. Вячеславова, датированном 1806 г., значилось, что он «имеет сына Дмитрия 9 лет, который находится в Устюгском уездном суде подканцеляристом»[418]. Сама по себе эта запись уже говорит о том, что попал в канцелярию Дмитрий прежде, чем ему исполнилось 9 лет, так как «новобранцы» приступали к работе в звании кописта. Аналогичные записи в послужных списках встречаются крайне редко, но это вовсе не означает, что подобная практика не была распространена. Учитывая, что закон устанавливал возрастные ограничения начала действительной службы, то отражение в делопроизводстве подобной информации скорее рассматривалось правительством как свидетельство нару-

[417] Численность дворян, имевших право участвовать в выборах, представлена в первой главе.
[418] РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 132.

шений в порядке работы местных учреждений. В целом, если мы возьмём формулярные списки родственников и детей чиновников, то увидим, что они, как и Дмитрий, в канцелярии поступили в раннем возрасте, а к 16 годам уже имели необходимый для работы опыт, позволявший занимать ведущие канцелярские должности. В такой ситуации молодые дворяне из обедневших семей, не имевшие ни опыта, ни образования, не могли составить конкуренцию претендентам на государственную службу, вышедшим из семей чиновников и приказных служителей.

Вторую группу чиновников в соответствии с сословным происхождением составляют «обер-офицерские дети», статус которых не имел законодательного оформления, в связи с чем в литературе можно встретить разные подходы к определению данного понятия. Так, В.Р. Лейкина-Свирская рассматривала «обер-офицерских детей» как социальный слой разночинцев, включавший детей чиновников и офицеров, выслуживших «личное дворянство на низших ступенях табели о рангах»[419]. Более точную и развёрнутую характеристику интересующей нас группы предложил С.В. Волков: «дети гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины "обер-офицерских" классов – от XIV до IX, дававших не потомственное, а только личное дворянство, и дети офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство»[420]. Последнее определение согласуется как с законодательством[421], так и со сведениями, которые сообщают формулярные списки[422]. С 1832 г. дети личных дворян на законодательном уровне получили статус потомственных почётных граждан[423]. По всей видимости, этот факт позволил Л.Е. Шепелёву утверждать, что с этого момента дети личных дворян утратили статус «обер-офицерских детей»[424]. На официальном уровне это было так, но в делопроизводственных материалах, в

---

[419] Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971. – С. 24.

[420] Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 2003. – С. 66.

[421] См.: ПСЗ–1. – Т. 22. – № 16 667.

[422] К примеру, в 1826 г. в канцелярии Вельского уездного суда работали коллежский секретарь М.Г. Шуйский, происходивший из духовного сословия, и его сын Г.М. Шуйский, в формулярном списке, которого значилось, что он «обер-офицерский сын»; в 1846 г. в Никольском уездном казначействе на службе состояли казначей титулярный советник Г.М. Кузнецов («из приказных служителей»), и два его сына: журналист Д.Г. Кузнецов и писец И.Г. Кузнецов («обер-офицерские» дети) (См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 129 (1826 г.). – Л. 323 об.–325; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 931 об.–937).

[423] См.: ПСЗ–2. – Т. 7. – № 5 284.

[424] См.: Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. – М., 2005. – С. 40.

том числе и в формулярных списках, прежнее понятие продолжало использоваться при определении сословного происхождения чиновников.

Таким образом, в ходе анализа вологодского чиновничества к группе «обер-офицерские дети» мы относили детей личных дворян, выслужившихся на гражданской службе, а также лиц, в формулярных списках которых обозначалось: «сын губернского секретаря», «сын коллежского секретаря», «сын титулярного советника» и т.д. Полученные данные свидетельствуют, что на протяжении первой половины XIX в. численность рассматриваемой категории в составе органов управления Вологодской губернии неуклонно возрастала и к 1850-м гг. более чем в 5 раз превысила показатели начала века (с 4 до 21,8 %) (см. прил. 17). Эта тенденция в полной мере объясняется политикой правительства по отношению к формированию кадрового состава местных органов власти. С одной стороны, дворянство не поставляло требуемого количества чиновников из своей среды, и вакантные места заполнялись выходцами из других социальных групп, которые, получив первый классный чин, приобретали статус личных дворян[425]. С другой стороны, государство старалось ограничить возможности быстрого приобретения такими лицами потомственного дворянства[426]. После изменения порядка и условий получения чинов в середине 1830-х гг., продвижение по службе стало напрямую зависеть от уровня образования и сословного происхождения лица: для получения восьмого классного чина детям личных дворян, имеющим среднее образование требовалось «беспорочно» прослужить 26 лет, а с высшим – 20[427]. Формулярные списки свидетельствуют, что на практике допускались отступления от правил, однако, для большинства «детей обер-офицеров» карьера заканчивалась чином титулярного советника. Правительственная политика давала свои плоды: получение потомственного дворянства затруднялось, численность личных дворян из года в год росла, а их дети шли по стопам отцов, пополняя ряды гражданских служащих.

Третью группу составляют представители «духовного звания». Формулировки в послужных списках, указывающие на принадлежность к данному сословию, отличаются большим разнообразием. Среди них можно выделить две

---

[425] См.: ПСЗ–1. – Т. 6. – № 3 890.

[426] По указу 1809 г. для того, чтобы получить чин коллежского асессора, помимо определённой выслуги лет, необходимо было иметь высшее образование (См.: Там же. – Т. 30. – № 23 771).

[427] См.: ПСЗ–2. – Т. 9. – Отд. 1. – № 7 224.

категории: дети священнослужителей («из священнослужительских детей», «священнический сын», «из поповских детей», «из диаконских детей», «сын протоиерея») и дети церковнослужителей («из пономарских детей», «сын дьячка», «из причетнических детей»). Кроме того, в формулярных списках первой четверти XIX в. нередко употреблялись записи: «из семинаристов», «из студентов», «из студентов семинарии», что являлось указанием на образование. Такие лица при подсчётах были отнесены к духовенству, поскольку семинария являлась средним учебным заведением для детей священно- и церковнослужителей, присваивавшим звание студента семинарии в случае успешного прохождения полного курса обучения. Судя по всему, в формулярных списках чиновников, не закончивших образование, указывали – «из семинаристов», а прошедших полный курс – «из студентов»[428]. Подтверждение нашим рассуждениям можно найти, сравнив данные более ранних послужных списков с более поздними, относящимися ко второй четверти XIX в.[429], в которых информация была конкретизирована в связи с изданием «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе» 1834 г.[430]

Из приложения 17 следует, что за первую четверть XIX в. удельный вес представителей духовенства среди вологодских чиновников значительно снизился (с 44 % до 24,1 %), а во второй четверти – их доля неуклонно росла и к середине века они снова количественно преобладали над остальными группами (46,3 %). Причины такой динамики кроются в разной политике российских монархов, проводимой в отношении духовного сословия. Екатерина II рассматривала его в качестве одного из основных источников комплектования канцелярий многочисленных присутственных мест[431], созданных в результате губернской

---

[428] Запись «из студентов» не относилась к лицам с неполным высшим образованием (в таком случае делалась запись «из университетских учеников») и с высшим образованием (в таком случае присваивались степени «действительного студента» и «кандидата») (См.: ПСЗ–1. – Т. 36. – № 27 646).

[429] К примеру, в формулярном списке канцелярского чиновника Вологодского губернского правления И.Ф. Троицкого за 1818 г. значится, что он происходит «из студентов», а в его же списке за 1835 г. – «из духовного звания» и в сведениях об образовании указано обучение в семинарии (См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 241 (1818 г.). – Л. 48 об; Д. 326 (1835 г.). – Л. 76 об.)

[430] См.: ПСЗ–2. – Т. 9. – Отд. 1. – № 7 224.

[431] Указом от 11 апреля 1784 г. предписывалось: «семинаристов», которые «окажут склонности к гражданской службе… отсылать для определения в канцелярские служители» (См.: ПСЗ–1. – Т. 22. – № 15 978). Во многом определению детей духовенства, которые были «грамотны, послушны, небогаты, а потому готовы к службе за жалование», на канцелярские вакансии способствовал генерал-губернатор А.П. Мельгунов. Так, «к началу 1780-х годов по его "разнарядке" около 400 человек из детей духовенства Архангельской губернии … покинули духовное сословие» (Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. – Вологда, 1992. // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/5.htm#6 (дата обращения: 24.02.2014).

реформы 1775 г. При Павле I «излишних» детей священно- и церковнослужителей отправляли уже не на гражданскую службу, а на военную, чтобы те приносили пользу «по примеру древних левитов, которые на защиту отечества вооружались»[432]. К тому же вводился запрет на увольнение семинаристов из духовного звания «для определения в статскую службу» без личного согласия императора[433]. Александр I в целом продолжил политику отца, ограничивавшую количество представителей духовного звания на гражданской службе[434]. Апогеем стал указ от 23 декабря 1813 г., согласно которому «в статскую службу» допускались только те лица, «которые окончили полный курс своего учения в семинариях»[435], но основная масса таковых оставалась в духовном ведомстве. При Николае I духовенство вновь становится одним из основных источников пополнения государственного аппарата, даже несмотря на то, что право поступления на службу было дано только детям священнослужителей, а церковнослужители его лишались[436].

В четвёртую группу вошли дети приказных служителей. Сам термин «приказные служители» был унаследован от системы управления российским государством, существовавшей до реформ Петра I. Он употреблялся по отношению к служащим приказов, главным образом, к подьячим, выполнявшим основную делопроизводственную работу[437]. Канцелярские служители, пришедшие им на смену в XVIII в., продолжали именоваться «подьячими». Термины «приказные служители», «приказнослужители», «дети приказных служителей» упоминаются в правительственных указах и официальном делопроизводстве и в первой половине XIX в.[438], в том числе и в формулярных списках чиновников («из приказнослужительских детей», «из приказных», «из подьяческих детей»). В данную группу включены и те лица, в формулярных списках которых обозначалось «из канцеляристов», «из канцелярских детей», «из третьего разряда», «из регистраторских детей», «из секретарских детей», а также дети «подлекарей»,

---

[432] См.: ПСЗ–1. – Т. 24. – № 17 675.
[433] См.: Там же. – Т. 26. – № 19 434.
[434] См.: Там же. – Т. 29. – № 22 362.
[435] См.: Там же. – Т. 32. – № 25 506.
[436] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 469; Т. 3. – № 1 853.
[437] См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М., 2007. – С. 49–54.
[438] См., например: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 469.

«лекарских учеников», поскольку, согласно закону, они имели равный статус с канцелярскими служителями[439].

Динамика численности детей приказных служителей среди вологодских чиновников диаметрально противоположна динамике представителей духовенства: за первую четверть XIX в. их доля увеличивалась (с 13,3 % до 30,2 %), а во второй – уменьшалась и к середине века составила всего 9 % (см. прил. 17). На этот процесс влияли изменения в положении самих канцелярских служителей, происходившие на протяжении изучаемого периода. Верховная власть традиционно рассматривала их в качестве одного из главных источников пополнения государственного аппарата, постепенно превращая приказную службу в наследственную. Во второй половине XVIII в. был принят ряд указов, предписывающих не определять «детей секретарских и прочих людей нижнего приказного звания, кои не из дворян, ни в какую службу, кроме приказной»[440]. Присутственные места ни по своей инициативе, ни по желанию канцелярских служителей не имели права увольнять или переводить их на другие должности[441]. Приказная служба являлась повинностью, освободить от которой могла только старость или болезнь, не позволявшая исправлять должность (болезнь должна была подтверждаться свидетельством медицинской коллегии или её конторы)[442]. С конца XVIII в. молодых «нерадивых и неспособных» к работе стали отсылать на военную службу[443]. В целом, дети приказных служителей воспринимались государством как претенденты только на канцелярские должности. Вследствие этого их путь по карьерной лестнице был не из лёгких, а получение классных чинов затруднено[444], что непосредственно отражено в статистике, представленной в приложении 17.

Во второй четверти XIX в. ситуация меняется. Происходит законодательное оформление статуса детей канцелярских служителей. Они получили возможность претендовать на регулярное повышение в чинах[445]. Кроме того, им было разрешено записываться в мещане без согласия общества и без удостове-

---

[439] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 13.

[440] См.: ПСЗ–1. – Т. 14. – № 10 473; Т. 19. – № 141 37.

[441] См.: Там же. – Т. 18. – № 13 128; Т. 19. – № 13 613.

[442] См.: Там же. – Т. 20. – № 14 413.

[443] См.: Там же. – Т. 25. – № 18 705.

[444] См.: Там же. – Т. 17. – № 12 465.

[445] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 469.

рения о неспособности к гражданской или военной службе[446]. Последнее являлось важным обстоятельством, поскольку не все из них имели возможность получить образование, которое позволило бы добиться успехов на службе, тем более, что в 1844 г. производство в первый классный чин было поставлено в непосредственную зависимость от образования (не имевшие аттестатов высших или средних учебных заведений дети приказных служителей лишались этого права[447]). Создававшиеся при Николае I специальные училища для детей неимущих канцелярских служителей не могли содержать большое количество учеников. К тому же во второй четверти XIX в. путь на гражданскую службу был открыт для священнослужителей, постепенно вытеснявших детей приказных.

В составе местных органов власти присутствовали также представители других социальных групп, которые объединены нами в категорию «прочие» (см. прил. 17). Сюда включены выходцы из мещанства и купечества. В формулярных списках первых обычно писали «из мещан», вторых – «купеческий сын» или «из купеческих детей». Определить из какого разряда горожан происходит чиновник можно в редких случаях. Дети купцов и мещан в аппарате управления Вологодской губернии занимали скромное место. Купечество представлено в основном в первой четверти XIX в. (1801 г. – 8 человек, 1806 – 10, 1810 – 9, 1818 – 5, 1826 – 2). Характерно, что почти все эти чиновники свою службу начали в последней четверти XVIII в. в качестве работников канцелярий[448]. В 1838 и 1844 гг. в аппарате управления состояло только по одному представителю купеческого звания. Дети мещан появляются в основном во второй четверти XIX в. (1810 г. – 1 человек, 1818 – 1, 1838 – 3, 1844 – 6, 1850–1852 – 12), несмотря на то, что приём на службу лиц из податного состояния был запрещён.

Представители крестьянского сословия («из помещичьих крестьян», «из казённых крестьян», «из однодворцев», «из вольноотпущенных», «из экономических крестьян», «из дворовых», «из помещичьих дворовых» и т.д.) среди вологодского чиновничества были немногочисленны: 1801 г. – 1 человек, 1806 – 6, 1810 – 6, 1818 – 4, 1826 – 2, 1838 – 6, 1844 – 5, 1850–1852 – 3. В основном это

---

[446] См.: Там же. – Т. 7. –№ 5 842.

[447] См.: Там же. – Т. 19. – Отд. 1. – № 18 474.

[448] Нетипичной для представителей «купеческих детей» была карьера дворянского заседателя Вельского уездного суда М.Ф. Боковикова. В 1789 г. он поступил на военную службу, но через 4 года вышел в отставку в чине подпоручика, после чего пополнил ряды гражданских служащих (Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 41 (1799 г.). – Л. 32 об.–33.).

были лица, начинавшие свою службу с низших должностей канцелярии, однако встречались и уникальные примеры карьерного пути, когда представителям податного состояния удавалось не только дойти до высоких должностей в местном государственном аппарате, но и выступать в роли дворянских представителей[449].

В пятую группу также включены иностранцы и представители других народов Российской империи, в чьих формулярных списках не содержалось точного указания на сословную принадлежность («из иностранцев», «из лифляндцев», «из вольноопределяющихся немецкой нации», «из иностранцев прусской нации», «из польских военнопленных», «из малороссиян» и т.д.): 1801 г. – 2 человека, 1806 – 3, 1810 – 3, 1818 – 2, 1826 – 2, 1838 – 3, 1844 – 2. Для иностранцев было характерно то, что они шли на гражданскую службу после военной (таких большинство), либо, получив образование (как правило, медицинское). Нетипичным представителем провинциального чиновничества являлся уроженец Баварского королевства И.И. Энгельмейер. Получив в 1802 г. степень кандидата хирургии, он поступил на военную службу лекарем; принял участие во многих военных походах, а после выхода в отставку в 1815 г. возглавлял Вологодскую врачебную управу до начала 1840-х гг.[450] Как уже говорилось ранее, на службу в аппарат управления Вологодской губернии удавалось попасть сосланным под надзор полиции иностранцам, некоторые из которых демонстрировали весьма успешную деятельность[451].

В последнюю группу включены также дети унтер-офицеров и солдат (1801 г. – 12 человек, 1806 – 9, 1810 – 10, 1818 – 9, 1826 – 6, 1838 – 1, 1844 – 2), в подавляющем большинстве являвшиеся отставными военными[452], и чиновни-

---

[449] К примеру, выходец из крестьянской среды М.А. Смекашов начал службу в 1811 г. рядовым в армии. За отличие, оказанное в военных походах, был награждён орденом Св. Анны 4-й степени. Вышел в отставку в 1833 г. в чине поручика с мундиром и «пенсионом 2/3 жалованья». В 1838 г. был избран дворянством станным приставом Вологодского земского суда, в 1847 – дворянским заседателем Вологодского уездного суда, в 1852 – непременным заседателем Вологодского земского суда, и, наконец, в 1857 – дворянским заседателем уголовной палаты (См.: ГА ВО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 293 об.–295; Д. 10. – Л. 115 об.–121, 345 об.–346).

[450] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 1 об.–6.

[451] Наиболее яркой была карьера Г.А. Перетца. Вследствие ходатайства гражданского губернатора и «за поручительством его шурина помощника статс-секретаря в Государственном совете барона Гревеница» ему было разрешено поступить на службу: в 1840 г. он канцелярский чиновник в приказе общественного призрения, в 1843 – чиновник особых поручений при губернаторе, а в 1844 – уже советник губернского правления (См.: Там же. – Оп. 1. – Д. 1348. – Л. 70 об.–71).

[452] К детям унтер-офицеров и солдат отнесены лица, в чьих формулярных списках указывалось: «из унтер-офицерских детей», «из сержантских детей», «капральский сын», «из солдатских детей», «из военных кантонистов», «из вагенмейстерских детей» и т.д.

ки, сословную принадлежность которых определить сложно. К последним мы отнесли детей низших служителей гражданского ведомства[453] («из сторожевских детей», «сын переплётчика», «сын счётчика»), военного («из цалмейстерских детей»), почтового («сын почталиона», «сын почтового», «из детей смотрителя почтового ведомства»), духовного («из архиерейских служителей», «из монастырских служителей»), а также выходцев из воспитательных учреждений («из воспитанников», «из воспитанников гражданского ведомства», «из воспитанников Московского императорского воспитательного дома», «из воспитанников свободного состояния») и тех, в формулярных списках которых обозначалось: «из университетских учеников», «из незаконнорожденных прижитых дворянином», «из вольноопределяющихся», «из вольных»: 1801 г. – 8 человек, 1806 – 13, 1810 – 8, 1818 – 8, 1826 – 9, 1838 – 14, 1844 – 12, 1850–1852 – 8.

Удельный вес вышеописанных социальных групп в составе местных органов власти был весьма небольшим и постепенно сокращался на протяжении изучаемого периода (с 12,5 до 4,7 %). Наблюдаемая динамика вполне понятна, если в конце XVIII – начале XIX вв. государство, в условиях нехватки кадров, допускало на службу представителей податных сословий[454], то после издания указа 1827 г., в котором чётко определялся список тех, кто имел право вступать в ряды канцелярских служителей, доступ на службу оказался закрыт для многих категорий населения[455].

Региональные особенности сословного происхождения вологодского чиновничества можно выявить путём сравнения полученных нами данных с результатами исследований по другим губерниям за аналогичный период. Для сравнения были взяты: Вятская губерния, которая по административно-территориальному устройству и социально-экономическому развитию (в том числе и по сословному составу населения) была схожа с Вологодской[456]; Костромская и Калужская губернии, которые, напротив, значительно отличались

---

[453] Низшие служители не объединены с канцелярскими, потому что их статус существенным образом отличался. В низшие служители дозволялось принимать отставных военных и лиц из податного состояния; их дети, по общему правилу, не имели права поступать на действительную гражданскую службу.

[454] Подробнее см.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М., 2007. – С. 419–420.

[455] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 469.

[456] См: Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1997. – С. 28–41.

Приведённые в приложении 19 сведения позволяют увидеть общие тенденции изменения соотношения изучаемых групп в составе чиновничества рассматриваемых губерний. На протяжении первой половины XIX в. сокращался удельный вес потомственных дворян. Это ещё раз подтверждает тезис о том, что рост числа представителей благородного сословия, желавших вступить в ряды государственных служащих, не был пропорционален росту штатных единиц и правительство было поставлено в необходимость открыть доступ на гражданскую службу прочим сословиям[457], к которым относилось, в первую очередь, духовенство, активно пополнявшее ряды гражданских служащих во всех рассматриваемых губерниях. Росла в изучаемый период доля детей «обер-офицеров» («потомственных администраторов»), что говорит о постепенной профессионализации кадрового состава местных органов власти, даже, несмотря на то, что удельный вес детей приказных служителей (также наследовавших профессию своих отцов), был невелик во всех губерниях. В общей сложности к середине века они составляли от 30 до 40 % всех чиновников, тем самым, обеспечивая своего рода конкуренцию представителям духовного звания на гражданской службе. Доля выходцев из иных сословий на протяжении первой половины XIX в. неуклонно сокращалась, что логично связать с политикой Николая I, закрывшего «двери» на гражданскую службу для лиц из податного состояния.

Особенности сословного состава вологодского чиновничества напрямую связаны с особенностями населения и нашли проявление, во-первых, в небольшом удельном весе дворян среди служащих; во-вторых, в значительном количестве чиновников, происходивших из духовного звания.

Таблицы, размещённые в приложении 20, позволяют увидеть сословный состав чиновничества губернских, уездных и городских органов власти Вологодской губернии, а также дают возможность выяснить в каких учреждениях и на каких должностях служили представители каждой из рассматриваемых групп.

Государство предпочитало видеть на ключевых должностях в местном аппарате управления потомственных дворян. В составе присутствий губернских органов власти их удельный вес варьировался от 76 (1818 г.) до 56,4 % (1844 г.),

[457] Подробнее см.: Евреинов В.А. Гражданское чиноупроизводство в России. Исторический очерк. – СПб., 1887. – С. 56.

уездных – от 44,1 (1806 г.) до 24,8 % (1838 г.), городских – от 58,3 (1801 г.) до 35,7 % (1844 г.). Наибольшая концентрация дворян наблюдалась в органах управления, расположенных в «дворянских» уездах: Вологодском, Грязовецком и Кадниковском. Что касается остальных выделенных нами групп, то они, хотя и уступали по численности дворянам, но всё же были представлены в присутствиях учреждений всех уровней. По всей видимости, в их отношении главную роль при определении к должностям играло не сословное происхождение, а служебный опыт либо полученное образование.

Среди канцелярских работников губернских органов власти преобладали выходцы из духовного звания. В канцеляриях уездных и городских учреждений, наряду с последними, весомую долю занимали дети приказных служителей. Что же касается благородного сословия, то до 1840-х гг. на канцелярских должностях пребывало в среднем только 10–11 % от общего числа служивших дворян. Большую часть этих лиц объединяло то, что они были молоды (не старше 30 лет) и состояли в губернских учреждениях. Как правило, они являлись детьми чиновников. Их отцы не были достаточно богаты и влиятельны, чтобы отдать сыновей на военную службу или удобно «пристроить» в столице. Однако добиться успеха в провинции было вполне реально. При этом, как уже стало ясно, не последнюю роль играли личные и родственные связи, а также авторитет родителей. Так, в 1806 г. советник губернского правления М.С. Кисёлев устроил на должность регистратора в этом учреждении своего малолетнего сына[458]. В 1810 г. в числе приказных служителей губернского правления состоял П.К. Линеман, сын гражданского губернатора К.И. Линемана, который, несмотря на свой юный возраст (15 лет), имел уже чин коллежского регистратора[459]. Схожая ситуация, когда родители оставляли детей служить под своим началом, была характерна и для уездных и городских органов управления[460]. С 1840-х гг. количество молодых дворян в канцеляриях постепенно росло. Описываемый

[458] Точный возраст П.М. Кисёлёва при вступлении его в службу по формулярным спискам установить сложно. В нашем распоряжении есть послужной список 1844 г. Документ сообщает, что в этом году чиновнику было 43 года, тогда получается, что регистратором губернского правления он стал в возрасте 5 лет. Вряд ли такое было возможно. Скорее всего, ошибку допустили при переписывании формулярного списка. При этом анализ содержащейся в нём информации позволяет судить, что на момент начала службы Кисёлёву было не более 10 лет. (См.: ГА ВО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 55 об.–56).

[459] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1810 г.). – Л. 41 об.–42.

[460] См.: Там же. – Д. 241 (1818 г.). – Л. 153 об.–161.

процесс являлся отражением целенаправленной политики государства по отношению к дворянской молодежи (о чём далее будет сказано более подробно).

Большинство исследователей, вслед за С.М. Троицким[461], на основе Табели о рангах выделяют разряды чиновников, которые соотносят с данными об их социальном происхождении (см. прил. 21). К первому разряду относят чиновников I–V классов (так называемая сановная бюрократия), ко второму – VI–VIII, к третьему – IX–XIV. В отличие от общероссийских показателей (как по центральным, так и по местным учреждениям), данные по Вологодской губернии, свидетельствуют о том, что потомственные дворяне численно преобладали только в первом и во втором разрядах, в третьем – они значительно уступали духовенству, а в середине XIX в. и детям «обер-офицеров». Существенная разница в показателях по центральным и местным учреждениям объясняется престижностью столичной службы. На протяжении изучаемого периода увеличивалась доля представителей других сословий во втором разряде, что связано с изменениями в системе чинопроизводства. В первой четверти XIX в. попытки государства её упорядочить не были успешными. Формулярные списки свидетельствуют, что на практике правила чинопроизводства соблюдались далеко не всегда[462]. Выявлены многочисленные примеры, когда повышение в чинах происходило совершенно по-разному для служащих, находившихся в равных условиях и не имевших преимуществ друг перед другом, в том числе и для дворян[463]. Причина заключалась в том, что представление к получению чинов входило в компетенцию лиц, возглавляющих присутственные места, которые должны были оценивать работу подчинённых (аттестации). И здесь, конечно, немаловажную роль играл фактор личных взаимоотношений. В 1809 г. произ-

[461] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 170–175, 213–215.

[462] Процедура чинопроизводства, действовавшая с конца XVIII в., закрепляла трёхлетние сроки пребывания в каждом чине с XIV по IX класс; для производства в чин коллежского асессора выходцу не из потомственных дворян необходимо было ещё 12 лет «беспорочной службы» (См.: ПСЗ–1. – Т. 23. – № 16 930). В 1799 г. были определены сроки выслуги с IX по V чин (4, 5, 6, и 4 года соответственно), при этом указывалось, что четырёхлетний срок для получения чина коллежского асессора распространялся только на потомственных дворян. Чины выше пятого жаловал государь. (См.: Там же. – Т. 25. – № 19 219).

[463] Формулярные списки одних дворян демонстрировали ускоренный темп чинопроизводства, а других – крайне медленный. Так, служащий гражданской палаты А.А. Монаков, получив через три года после вступления в службу первый чин, прошёл путь от XIV до VIII класса за три с половиной года, минуя чин коллежского секретаря (См.: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 19 об.–20). Служащий уездного суда К.Ф. Колчинский лишь спустя 12 лет был удостоен чина коллежского регистратора, ещё 17 лет ему потребовалось для выслуги чина губернского секретаря, а затем 7 лет – для коллежского секретаря (См.: Там же. – Л. 74 об.–75). И тот, и другой дворянин не были под судом, не выходили в отставку, к продолжению службы и к повышению в чине аттестовались как способные и достойные. Ни один из них не имел преимуществ по образованию.

водство в чин коллежского асессора стало зависеть от наличия высшего образования[464]. И хотя впоследствии допускались исключения из этого правила, для рядовых провинциальных служащих чин титулярного советника становился вершиной карьеры («вечный титулярный советник»). Из приложения 25 мы видим, что в 1826 г. ярко проявились последствия принятия указа 1809 г., когда доля коллежских асессоров в составе вологодского чиновничества составляла всего 0,2 % (в 1806 г. – 6,5 %). После модернизации системы чинопроизводства во второй четверти XIX в. служащие получили желаемое – право претендовать на повышение в чинах со строго определённой периодичностью; государство же сумело упорядочить этот процесс и к середине 1840-х гг. добилось того, что приобретение чинов стало строго согласовываться с установленными законом сроками выслуги лет. Наши наблюдения подтверждаются при соотнесении рангов чиновничества с возрастным составом. Так, к 1844 г. численность чиновников VIII класса заметно увеличилась и приблизилась к показателям начала века. В последующие годы большую роль сыграл указ от 11 июня 1845 г., согласно которому «недворяне, поступающие в гражданскую службу» получали потомственное дворянство только с чином V класса[465]. Соответственно, отпала необходимость сдерживать приобретение чинов второго разряда, так как угрозы «размывания» и «чрезвычайного умножения дворянского сословия» теперь уже не было. К началу 1850-х гг. удельный вес коллежских асессоров в составе вологодского чиновничества вырос до 8,4 %.

За исследуемый период в Вологодской губернии не обнаружено служащих, имевших чины I–II классов. Чины III–V классов имели потомственные дворяне, занимавшие самые высокие должности в губернском аппарате управления (см. прил. 22). Подавляющее большинство из них добилось успехов на военном поприще и затем перешло на гражданскую службу; некоторые имели опыт службы в центральных государственных учреждениях. За весь период с 1801 по 1855 г. в Вологодской губернии служило всего 43 чиновника первого разряда[466]. На протяжении первой четверти XIX в. численность «сановников»

---

[464] См.: ПСЗ–1. – Т. 30. – № 23 771.

[465] См.: ПСЗ–2. – Т. 20. – Отд. 1. – № 19 086.

[466] Чины III класса имели только 3 губернатора, IV – 11 губернаторов, 4 вице-губернатора, 1 председатель казённой палаты и 1 губернский предводитель дворянства. Чин статского советника имели 23 чиновника, среди которых были вице-губернаторы (2 человека), председатели губернских палат (8), советники губернского правления и казённой палаты (7), губернские прокуроры (2), губернские предводители дворян-

сокращалась (с 1816 по 1826 г. никто кроме губернаторов в административном аппарате не имел чинов первого разряда), а при Николае I вновь начала постепенно расти, особенно с 1830-х гг.

Среднее звено аппарата управления составляли чиновники VI–VIII классов, которых в провинции также было немного. Динамика их численности на протяжении первой половины XIX в. схожа с изменениями числа чиновников первого разряда: 1801 г. – 33 служащих, 1806 – 42, 1810 – 43, 1818 – 28, 1826 – 26, 1838 – 40, 1844 – 58, 1850–1852 – 60. С 1809 по 1834 г., когда действовал указ от 6 августа 1809 г., численность второго разряда заметно сократилось. В целом лица, имевшие чины VI–VIII классов, наряду с чиновниками первого разряда, составляли ядро губернской администрации: именно из них формировались присутствия губернских учреждений. В уездных и городских органах власти служащие такого ранга были редким явлением. В большинстве случаев они являлись потомственными дворянами, назначенными правительством на руководящие посты либо избранными в качестве сословных представителей. Самым многочисленным был третий разряд чиновников (IX–XIV классы). Если в губернском аппарате управления на их долю выпадала только канцелярская работа, то в масштабе уездной власти в основном именно из них и состояли учреждения.

При исследовании государственного аппарата нельзя обойти вниманием возрастные характеристики чиновничества. Законодатель предписывал вносить в послужные списки количество полных лет служащего на момент составления документа. Однако, как уже говорилось ранее, местные органы власти не слишком утруждали себя перепроверкой данных при ежегодном переписывании формулярных списков. Нередко при их копировании возраст чиновника, наряду с другими сведениями, оставался неизменным. По всей видимости, государство

ства (2), товарищ председателя гражданской палаты (1) и инспектор врачебной управы (1) (Подсчитано по: Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето ... от Рождества Христова. – СПб., 1802–1804; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето … от Рождества Христова. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1805–1829; Адрес-календарь. Месяцеслов и Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1830–1842; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1843–1849; Адрес-календарь: Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1850; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1851–1855).

прекрасно осознавало эту ситуацию и в 1831 г. законодательно предписало вносить в послужные списки число, месяц и год рождения чиновника, т.е. информацию, подтверждавшуюся выпиской из метрической книги. В указе уточнялось, в отношении кого действовали новые правила: «правило не распространять на формуляры тех чиновников, которые вступили в службу прежде опубликования сего положения, ибо собирание свидетельств о рождении будет сопряжено с величайшими затруднениями»[467]. Следовательно, метрические справки требовались только от лиц, поступавших на службу. Однако на практике установленный законом 1831 г. порядок так и не был введён в действие. В ходе изучения архивных источников нами не выявлено ни одного послужного списка, где бы указывалась точная дата рождения чиновника.

Источниковедческие и биографические изыскания, проводимые методом сравнительного анализа большого массива разновременных послужных списков, составлявшихся на одних и тех же чиновников, подтверждают неточность сведений и приводят к выводам, что совпадение возраста, записанного в формуляре, с реальным являлось скорее исключением, чем правилом[468]. Учёными установлено, что наиболее близкие к действительности сведения о возрасте содержат составлявшиеся при поступлении на службу первые послужные списки, а последующие дают только примерные цифры, так как записанная в них информация расходилась с реальным возрастом в среднем на 2–3 года[469]. Таким образом, данные о возрастном составе чиновничества, полученные путём анализа формулярных списков, нельзя признать абсолютно достоверными, однако для настоящего исследования важно отметить, что подсчёт статистических показателей по возрастным группам имеет незначительные погрешности.

По нашим данным, в начале XIX в. более 70 % вологодских чиновников были в возрасте от 30 до 50 лет (см. прил. 23; 24, табл. 1). В 1801 г. средний возраст служащих составлял 38 лет. Данные характеристики кадрового состава объясняются тем, что основная масса этих людей пришла на службу во время

---

[467] ПСЗ–2. – Т. 6. – Отд. 1. – № 4 313.

[468] Подробнее см.: Иванов В.А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 36; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиографический справочник. – СПб., 2001. – С. 9–11.

[469] См.: Иванов В.А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 36

открытия присутственных мест, созданных в ходе губернской реформы 1775 г. В последующие годы корпус государственных служащих постепенно молодел. К 1826 г., когда средний возраст чиновников составил 34 года, а число лиц не старше 40 лет превысило 75 %, произошла «смена поколений» служащих. В эпоху Николая I значительный приток молодых людей на гражданскую службу наблюдался с середины 1840-х гг. (в начале 1850-х гг. средний возраст составил 35 лет).

Характеризуя возрастной состав, не следует забывать, что групповые формулярные списки дают информацию только о чиновниках. Следовательно, при подсчётах не учитывались сведения о выборных городских и крестьянских лицах и канцелярских служителях, численность которых в общей сумме достигала 40 % от всего состава государственного аппарата. И если первые из них по возрастным характеристикам не сильно отличались от чиновников, то состав канцелярских служителей обычно был моложе. В нашем распоряжении есть сведения по учреждениям министерств финансов и юстиции за 1846 г., включавшие всех служащих, в том числе сословных выборных лиц и канцелярских служителей. Анализ этой информации позволил определить, что в указанном году средний возраст служащих составлял 34 года[470], тогда как средний возраст чиновников – 36. Руководящий состав губернских и уездных органов власти формировался из опытных лиц: удельный вес людей старше 30 лет превышал 80 % (см. прил. 24, табл. 2). В то же время состав канцелярских работников по преимуществу был молодым (70–80 %). В городских органах управления лица в возрасте от 30 до 50 лет составляли костяк и присутствий, и канцелярий.

Большинство гражданских служащих начинали работать в молодости и уходили в отставку тогда, когда уже физически были не способны выполнять свои обязанности (численность лиц, периодически служивших по дворянским выборам, а также лиц, в зрелом возрасте переходивших с военной на гражданскую службу в Вологодской губернии была небольшой). Законом устанавливалась нижняя возрастная граница: «не достигший четырнадцатилетнего возраста не может быть причислен ни к одному гражданскому ведомству»[471], но, как мы

[470] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

[471] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 5.

уже знаем, в канцеляриях могли состоять и более молодые писари, информация о которых редко отражалась в документах. Возрастных пределов для службы не имелось. По анализируемым источникам мы можем выяснить, каковы были границы возраста чиновников. В формулярных списках 1801 г. самому молодому чиновнику был 21 год, самому старшему – 70, в 1806 – 17 и 75 соответственно, в 1810 – 15 и 78, 1815 – 19 и 72, 1826 – 18 и 70, 1838 – 22 и 89, в 1844 – 16 и 96, в 1850 – 19 и 77. Самым старшим по возрасту, из всех чиновников, служивших в первой половине XIX в., был винный пристав М.М. Кутелевский: в 1846 г. в возрасте 98 лет он всё ещё состоял в действительной службе[472].

При характеристике кадрового состава местных учреждений первой половины XIX в. одной из самых сложных задач является анализ уровня образования, что связано с особенностями источниковой базы, и на чём следует остановиться несколько подробнее. В большинстве послужных списков первой трети XIX в. мы не найдём конкретной информации о полученном чиновником образовании. Законодатель не предусмотрел внесение таких сведений в формуляр, структура которого не содержала соответствующего раздела. По всей видимости, чиновники, при составлении послужных списков, сообщали информацию, которая с их точки зрения была наиболее значима для карьерного роста. Посещение высших учебных заведений, в особенности, если их удавалось закончить, в документах упоминалось. Что же касается среднего и низшего образования, то оно отражалось лишь в редких случаях, поскольку не оказывало влияние ни на приобретение чинов, ни на замещение должностей.

В 1834 г. было принято «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе», которое кардинально изменило ситуацию[473]. Все, кто имел право поступать на службу, разделялись на три разряда в зависимости от образования: в первый входили лица с высшим образованием, во второй – со средним, в третий – все остальные. Для каждой категории были установлены разные сроки выслуги лет в каждом чине, которые могли быть сокращены «за отличия, оказанные в службе». Для того чтобы получить высокий чин, не обязательно было учиться в университете, но наличие «свидетельства» о таком образовании давало преимущества и значительно ускоряло процесс чинопроизводства. Изменения в законодательстве не только мотивировали будущих государ-

[472] См.: ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 900 об.–901.
[473] См.: ПСЗ–2. – Т. 9. – Отд. 1. – № 7 224.

ственных служащих к получению образования, но и привели к усовершенствованию документирования прохождения государственной службы. Поскольку новобранцы при поступлении на службу предъявляли имевшиеся аттестаты учебных заведений[474], в формулярные списки стала вноситься более конкретная и достоверная информация. В то же время начали появляться сведения об образовании и в документах чиновников, уже состоявших при должностях, а из графы о сословном происхождении стали исчезать записи типа «из семинаристов», «из студентов», «из университетских учеников» и т.п. В 1849 г. требование о внесении в формуляр сведений об образовательном уровне чиновника было закреплено в законодательстве[475]. Отныне в документах должны были фиксироваться не только название учебного заведения, но количество законченных классов («получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук»), если чиновник не посещал учебное заведение, то делалась запись: «получил домашнее воспитание».

Ввиду указанных особенностей источниковой базы, логично рассматривать имеющуюся в нашем распоряжении информацию в связи со следующими хронологическими отрезками: 1) первая четверть XIX в.; 2) вторая четверть XIX в.; 3) середина XIX в. Итак, проанализируем сведения об образовательном уровне вологодского чиновничества, извлеченные из формулярных списков первой четверти XIX в. Интересующие нас данные включали немногие документы: в групповых формулярных списках 1801 г. образование указано только у 2 из 248 чиновников, в 1806 – у 13 из 325, 1810 – у 11 из 325, 1818 – у 29 из 324, 1826 – у 32 из 419[476]. Косвенным свидетельством посещения учебных заведений следует считать записи в графе о сословном происхождении: «из студентов» (семинария) и «из семинаристов» (незаконченное семинарское обучение). В общей сумме таких чиновников выявлено в 1801 г. – 37, в 1806 – 35, в 1810 – 32, в 1818 – 17, в 1826 – 18.

Полученные данные мы классифицировали в зависимости от уровня образования: высшее (университеты, лицеи, академии и др.), среднее (гимназии, семинарии, кадетские корпуса и др.), начальное (светские и духовные уездные

---

[474] См. например: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1348; Ф. 177. – Оп. 3. – Д. 20, 21, 23; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 10, 13, 18, 79, 247, 314, 326.

[475] См.: ПСЗ–2. – Т. 24. – Отд. 1. – № 23 401.

[476] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492.

училища, приходские училища)[477]. Итоговые показатели выглядят следующим образом (см. прил. 26). В первой четверти XIX в. чиновники с высшим образованием были редким явлением на службе в провинции. Причина такой ситуации вполне понятна. Обучение в университетах было весьма дорогостоящим мероприятием, а возможность попасть на казённое содержание давалась только преуспевшим в изучении наук. К тому же большинство выпускников высших учебных заведений предпочитали поступать на службу в столичные учреждения, более престижные, нежели провинциальные.

На протяжении рассматриваемого периода наблюдалась положительная тенденция роста численности лиц, получивших среднее образование. Основная масса этих чиновников прошла курс семинарского обучения. Отчасти это объясняется тем, что до конца XVIII в. семинария являлась единственным учебным заведением в губернии, позволявшим получить среднее образование, отчасти – значительным удельным весом выходцев из среды духовенства в составе аппарата управления. Количество выпускников гимназии, учреждённой в 1804 г., в составе чиновничества первой четверти XIX в. была незначительной, как и общая численность учащихся гимназии за эти годы (см. прил. 7).

Во второй четверти XIX в. численность служащих с высшим и средним образованием заметно увеличилась. Положительные изменения были обусловлены как развитием системы образования, так и изменениями в законодательстве. К этому времени свои плоды принесли реформы светского и духовного образования Александра I, скорректированные в конце 1820-е гг. Если в первой четверти XIX в. служащие с высшим образованием в основном являлись уроженцами Вологодской губернии, вернувшимися домой по семейным или иным обстоятельствам, то с 1830-х гг. в провинциальном аппарате управления значительно возрос удельный вес лиц, прошедших специальную подготовку и приехавших сюда по назначению правительства. В первую очередь речь идёт о медиках, которые в совокупности представляли собой едва ли не самую образованную часть служащих. В 1838 г. лекарей, получивших образование в университетах и медико-хирургических академиях, на службе состояло 14 человек, в

[477] Списки учебных заведений см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 19–62, 259.

1844 г. – 17[478]. В 1830-е гг. в Вологодской губернии начали появляться молодые люди со среднеспециальной подготовкой, назначавшиеся на должности в соответствии с областью своих знаний (землемеры и архитекторы).

Определённым образом на рост численности служащих с высшим образованием повлиял указ от 23 января 1837 г., согласно которому данные молодые люди, получив аттестат, обязаны были прослужить не менее трёх лет «в местах губернских, или им равных в столицах»[479]. В 1844 г. таких молодых людей в Вологодской губернии было двое. Во второй четверти XIX в. правительство подталкивало провинциальных дворян к получению гимназического образования. До начала 1830-х гг. в гимназии ежегодно обучалось в среднем 45 человек, из них полный курс заканчивало менее четверти, а успешно проходили выпускные испытания лишь единицы[480]. В 1830-е гг. гимназия, после преобразования по новому уставу учебных заведений[481] и открытия при ней благородного пансиона, превратилась в крупное по численности воспитанников учебное заведение: количество учащихся резко возросло и в 1840-е гг. превышало 200 человек. К 1844 г. среди чиновников, получивших среднее образование, численность выпускников гимназии достигла 1/3. В этот период значительное увеличение учащихся было характерно и для семинарии[482].

Немаловажное влияние на рост числа учащихся оказывали изменения в законодательном регулировании поступления на гражданскую службу, ориентировавшем их на получение аттестата о законченном образовании. С 1814 г. запрещалось принимать «в статскую службу» уволенных из духовного звания лиц, не прошедших полный курс обучения в семинарии[483], с 1827 г. для многих разрядов населения доступ на службу оказался закрыт[484], а с 1834 г. продвижение по службе было поставлено в зависимость от уровня образования[485]. К

---

[478] При подсчётах учитывались служащие врачебной управы, уездные лекари и врачи, состоявшие в штате приказа общественного призрения.

[479] Подробнее см.: ПСЗ–2. – Т. 12. – Отд. 1. – № 9 894; Репинский Г.К. Привлечение образованных людей на службу в провинции // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 4. – С. 280–281.

[480] Подробнее см.: Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. – [СПб., 1866]. – С. 44–74.

[481] См.: ПСЗ–2. – Т. 3. – № 2 502.

[482] См.: Материалы для истории вологодской семинарии // Вологодские епархиальные ведомости. – 1870. – № 19. – С. 670–675; № 20. – С. 712–716; № 21. – С. 736–743; № 22. – С. 763–769; № 23. – С. 805–811; № 24. – С. 832–839.

[483] См.: ПСЗ–1. – Т. 32. – № 25 506.

[484] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 469.

[485] См.: Там же. – Т. 9. – Отд. 1. – № 7 224.

1844 г. общий удельный вес служащих Вологодской губернии, имевших высшее и среднее образование, достиг 17 %.

Определить, какова была численность служащих, имевших незаконченное среднее и низшее образование, по формулярным спискам данного периода невозможно. В таблице, размещённой в приложении 26, цифры, представленные в графе «среднее незаконченное образование» в большей степени отражают процесс усовершенствования содержания и оформления документов, а не реальную обстановку. Данные о неполном среднем образовании с 1818 по 1826 гг. получены путём подсчёта служащих, в формулярных списках которых значилось, что они происходят «из семинаристов». С 1830-х гг. эти показатели сокращаются по причине того, что формулировка «из семинаристов» исчезает из документооборота, а конкретные упоминания о незаконченном среднем образовании в послужных списках были редкостью.

В настоящей работе при анализе источников применялась методика, впервые предложенная П.А. Зайончковским, а в последствии ставшая общепринятой в исторических исследованиях, согласно которой все чиновники, не указавшие в формулярном списке уровень образования, отнесены к категории получивших домашнее воспитание[486]. Следует подчеркнуть высокую степень условности такого обобщения, так как отсутствие сведений в документах не означало, что человек не посещал учебных заведений. Несомненно, в начале века количество чиновников с домашним воспитанием должно было быть значительным, так как учреждённые в конце XVIII в. народные училища вплоть до их преобразования существовали лишь номинально, и в целом наши данные (более 80 %) соответствуют действительности. Однако по мере развития сети учебных заведений и роста численности учащихся в них, доля лиц, готовившихся к поступлению на службу в домашних условиях, должна была сокращаться. Государство неоднократно требовало «неослабного надзора за приватными учителями и уничтожения непозволенных училищ»[487]. Также не стоит забывать, что в составе вологодского чиновничества был высоким удельный вес детей священно- и церковнослужителей, для которых обучение грамоте являлось обязательным. Конечно, в семинарию попадали не все, но после реформы 1808–

[486] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 12–13.

[487] Подробнее см.: Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. – [СПб., 1866]. – С. 30.

1814 гг. сыновьям духовных лиц предписывалось посещение уездных духовных училищ[488].

Наиболее точные данные об образовательном уровне чиновничества сообщают источники середины XIX в. В ходе исследования удалось выявить формулярные списки по учреждениям министерств финансов (за 1850 г.[489]) и юстиции (за 1851 г.[490]). Из органов подведомственных Министерству внутренних дел, в нашем распоряжении только послужные списки приказа общественного призрения (1851 г.[491]), Вологодского полицейского управления (1852 г.[492]), губернатора и губернского предводителя дворянства (1853 г.[493]). Итоги анализа данных источников выглядят следующим образом (см. прил. 27). В середине XIX в. удельный вес служащих Вологодской губернии, посещавших высшие учебные заведения составлял не более 3 %, что уступает показателям 1838 и 1844 гг. Эта разница объясняется тем, что нам не удалось выявить формулярные списки медиков, которые, как уже было сказано ранее, почти все имели высшее образование. Следовательно, в действительности численность данной категории служащих в 1850-е гг. была выше.

Удельный вес лиц, получивших среднее образование, составлял 21 %, а посещавших, но не закончивших данный тип учебного заведения – почти 25 %. Сколько классов имел за плечами чиновник и по каким причинам не закончил своё обучение, упоминалось не всегда. В большинстве выявленных случаев исключались из учебного заведения из-за неуспеваемости («за малоуспешностью», «по великовозрастию и малоуспешности», «за безуспешность, леность и рассеянность», «за неуспешность в науках», «за безуспешность к продолжению дальнейших наук» и т.д.), а также увольнялись «по собственному прошению для определения к должности». Интересная запись сохранилась в формулярном списке писца казённой палаты А.А. Непотерина: «по желанию родителей уволен из 2-го класса гимназии для поступления в службу»[494]. К середине XIX в. весомую долю служащих Вологодской губернии составляли лица, обучавшиеся в

[488] См.: ПСЗ–1. – Т. 30. – № 23 122.
[489] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 7664. – Л. 1–288.
[490] См.: Там же. – Д. 4783. – Л. 1–389.
[491] См.: ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591.
[492] См.: Там же. – Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.
[493] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об.–6.
[494] См.: Там же. – Оп. 5. – Д. 7664. – Л. 169 об.–170.

начальных образовательных учреждениях (законченное низшее – 25 %, незаконченное – 17 %).

Анализ приведённых выше показателей в сравнении с данными 1838 и 1844 гг. может привести к выводу о стремительном росте удельного веса лиц, посещавших средние и низшие учебные заведения, и резком сокращении числа домашних воспитанников (с 80 до 10 %). Конечно, достичь такого прогресса за 6–7 лет было невозможно, что доказывает возрастной состав чиновников середины XIX в.: около 50 % из них были старше 30 лет, состояли на службе не один год и указали прохождение своей подготовки в разного рода учебных заведениях. Следовательно, значительная разница в итоговых цифрах обусловлена недостаточной информативностью источников 1838 и 1844 гг., в ходе обработки которых все те, кто не имел в формулярном списке записей об образовании, попали в категорию получивших домашнее воспитание. В такой ситуации можно лишь частично восполнить пробелы, путём сопоставления разновременных послужных списков чиновников. Возьмём для примера крупнейший по численности губернский орган власти – казённую палату. Формулярные списки 1844 г. содержат следующие сведения об образовательном уровне служащих данного учреждения: высшее образование – 1 %, среднее – 17 %, неполное среднее – 2 %, начальное – 4 %. В документах основной массы служащих образование не указывалось, в связи с чем все эти лица были отнесены нами к категории воспитывавшихся на дому (76 %). Формулярные списки казённой палаты 1850 г. представляют совершенно иную картину: высшее образование – 4 %, среднее – 27 %, неполное среднее – 27 %, начальное – 30 %, неполное начальное – 11 %, домашнее воспитание – 1 %. Сравнение списков показывает, что 45 человек, работавших в 1844 г., состояли на службе в казённой палате и в середине века, т.е. к 1850 г. учреждение на 52 % сохранило свой прежний состав. Среди выявленных 45 человек домашнее образование имел только один, а остальные проходили обучение в средних (полный курс – 1 человек, неполный – 15) и начальных учебных заведениях (полный курс – 13, неполный – 8). Полученная статистика свидетельствует о том, что ошибочно считать всех лиц, не указавших в формулярном списке образование, получившими домашнее воспитание. До 1849 г., когда предоставление информации об образовательном уровне стало обязательным, служащие приносили свои аттестаты учебных заведений только

в том случае, если видели в этом необходимость. В то же время чиновники, долгое время состоявшие на гражданской службе, либо перешедшие с военной, а также выборные дворяне[495], как правило, такие сведения не давали (исключение составляли только лица, имевшие высшее образование).

Выявление точных данных об образовании каждого провинциального чиновника первой половины XIX в. – удел скрупулёзных биографических исследований. В рамках настоящей работы мы же имеем возможность только сравнить имеющиеся в нашем распоряжении разновременные формулярные списки, составленные на одних и тех же служащих. По аналогии с казённой палатой проанализированы данные и по другим учреждениям, которые дают нам следующие показатели. В общей сумме среди формулярных списков по всем финансовым и судебным учреждениям середины XIX в. обнаружено 134 человека, состоявших на службе в 1840-е гг. и учтённых нами как имевших домашнее воспитание при подсчётах образовательного уровня в 1844 г. Эти сведения позволяют нам скорректировать данные, отражённые в приложении 26. Проведя соответствующие подсчёты, мы установили, что удельный вес служащих, посещавших учебные заведения в 1844 г. составлял примерно 57 % (высшее образование – 4 %, среднее – 17 %, неполное среднее – 15 %, начальное – 13%, неполное начальное – 7 %), а получивших домашнее воспитание – около 43 %. В целом это согласуется и с данными середины XIX в., и с описывавшимися ранее процессами развития сети учебных заведений Вологодской губернии, и с изменениями законодательного регулирования государственной службы. Всё это даёт основание утверждать, что во второй половине 1830-х гг. на гражданскую службу приходили в основном лица, посещавшие учебные заведения, а в середине 1840-х гг. они начали преобладать в аппарате управления над теми, кто получил домашнее воспитание. Однако уровень образования вологодского чи-

[495] К примеру, в формулярном списке П.А. Межакова, рождённого в состоятельной помещичьей семье, первая запись в графе о прохождении службы гласит: «в 1802 г. вступил в Государственную коллегию иностранных дел по знанию им иностранных языков и наук». В 1826 г. он вышел в отставку, оставил столицу и вернулся в родовое имение, а с 1844 г. неоднократно избирался дворянством на различные почётные должности (губернский предводитель дворянства, вице-президент попечительного о тюрьмах комитета и др.). При этом его обучение в Московском университетском благородном пансионе в документах изучаемого периода не отражалось. По всей видимости, Межаков, награждённый ещё в 1826 г. чином статского советника, не желавший служить в провинции по определению от правительства и вполне доказавший свои способности успешной столичной карьерой, не видел необходимости в предоставлении данной информации (См.: ГА ВО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 1 об.–5; Д. 10. – Л. 86 об.–91).

новничества даже в середине века был невысоким (не менее 70 % от всех служащих имели образование ниже среднего).

Уровень образования служащего во многом зависел от социальной среды, из которой он происходил, и определялся степенью благосостояния его семьи[496]. Таблица 2, размещённая в приложении 27, позволяет сопоставить сословное происхождение и образовательный уровень служащих середины XIX в. Дворянство в указанный период продемонстрировало самые высокие показатели по числу лиц, получивших высшее (12 %) и среднее образование (43 %). В то же время удельный вес тех, кто обучался в низших учебных заведения и воспитывался в домашних условиях, составлял треть от всех выходцев из благородного сословия.

Дети «обер-офицеров» и приказных служителей, целенаправленно готовившиеся к поступлению на гражданскую службу, предпочитали ограничиваться посещением низших учебных заведений. Конечно, наиболее способным «в науках» удавалось пройти полный курс гимназии, а некоторым – получить высшее образование, но число таких лиц было невелико. Среди представителей этих социальных групп также присутствовали и те, кто имел только домашнее воспитание. Л.В. Мерзлякова, характеризуя в своём исследовании качество такого обучения, приводит красноречивую выдержку из документа «О нуждах и недостатках по Вятской губернии»: «Отцы весьма ограничены в содержании своего семейства, сыну своему дают только при себе первое обучение, чтоб потом скорее сбыть его к поступлению на первую – приказнослужителя вакансию…»[497]. На наш взгляд, ситуация, сложившаяся в соседней Вятской губернии, не сильно отличалась от происходившего в среде вологодского чиновничества, тем более, что в ходе исследования обнаружены многие документы, прямо или косвенно свидетельствующие о существовании практики устройства малолетних детей в канцелярии учреждений. Иными словами, едва научившись в до-

[496] Интересные сведения о процессе получения образования в домашних условиях можно подчеркнуть из мемуарной литературы (См., например: Воспоминания о моей жизни. Из записок Николая Степановича Ильинского // Русский архив. – 1879. – Кн. 3. – № 12. – С. 407; Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. – СПб., 1909. – С. 25; Из воспоминаний Г.И. Мешкова // Русская старина. – 1903. – Т. 114. – № 6. – С. 555–556; Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. – М., 1990. – С. 1–2; Резанов А.Ф. Арабески моей жизни // Памятники культуры: новые открытия. Ежегодник. – М., 1972. – С. 86–130).

[497] Цит. по: Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1997. – С. 104–105.

машних условиях читать и писать, они сразу приступали к получению опыта делопроизводственной работы.

Выходцы из духовной среды демонстрировали высокие показатели по численности лиц, прошедших подготовку в средних и низших учебных заведениях, чему благоприятствовало наличие к середине XIX в. на территории Вологодской губернии развёрнутой сети духовных образовательных учреждений. В то же время дети священнослужителей, получившие высшее или домашнее образование, на службе были большой редкостью.

Сравнить образовательный уровень служащих губернских, уездных и городских органов власти в середине XIX в. позволяют данные, приведенные в таблице 3, представленной в приложении 27. Наиболее образованные лица входили в губернский аппарат управления. Более 60 % служащих, пребывавших на руководящих постах, имели высшее и среднее образование, а 23 % «присутствующих» – домашнее. Это, несомненно, свидетельствует о том, что высокий уровень образования в этот период предоставлял возможности успешно продвигаться по служебной лестнице. Однако по-прежнему сохранялись и другие факторы, оказывавшие влияние на карьерный рост: сословное происхождение (речь идёт о потомственном дворянстве) и опыт работы. Состав канцелярий губернских учреждений был менее образован, чем состав присутствий (70 % служащих имели образование ниже среднего).

Если в губернских учреждениях низшее образование позволяло рассчитывать только на занятие канцелярских должностей, то в уездах на руководящих и ключевых постах в управлении (судьи, заседатели, казначеи, уездные стряпчие и т.д.) нередко оказывались лица, не закончившие даже полный курс уездного училища. Так, в 1850 г. из 10 уездных казначеев: 2 имели низшее образование, 5 – незаконченное низшее, 1 – вообще нигде не обучался и, судя по тому, что происходил из приказных служителей, то мог и не получить приличного домашнего воспитания. Большая часть малообразованных чиновников, занимавших высокие должности, служили в отдалённых от губернского центра уездах (Никольском, Яренском, Устьсысольском, Сольвычегодском). Правительству приходилось с этим мириться, так как в эти уезды квалифицированные и образованные люди не стремились. Эту проблему озвучили в своём отчёте ревизовавшие в 1830 г. Вологодскую губернию сенаторы В.Ф. Мертенс и

А.М. Карнилов[498]. Они предложили для гражданских служащих отдалённых уездов установить льготы при прохождении службы, что было сделано только спустя десять лет (в 1842 г.[499]), но, по всей видимости, ожидаемого результата к середине века ещё не успело принести. В городских органах власти на назначаемых правительством должностях весомую долю составляли бывшие военные (полицмейстеры и городничие), имевшие домашнее образование или прошедшие обучение в кадетских корпусах, а на постах частных приставов и квартальных надзирателей пребывали лица с образованием ниже среднего. Претензии, предъявляемые к объёму знаний канцелярских работников уездных и городских учреждений, были весьма скромными. В целом уровень их образования много уступал канцеляриям губернского аппарата управления (более 90 % служащих имели образование ниже среднего).

Пожалуй, самый важный вопрос, который должен задавать исследователь, изучающий кадровый состав местных органов власти, – насколько уровень знаний, умений и навыков служащих соответствовал целям и задачам государственного управления. В научном сообществе часто выводы о профессиональной пригодности и способности (или неспособности) чиновников осуществлять, возложенные на них обязанности, основываются на анализе только показателей уровня их образования (высшее, среднее, низшее, домашнее). На наш взгляд, следует несколько изменить угол зрения и обратить внимание не на количество лиц, получивших образование, а на сами учебные заведения, осуществлявшие подготовку служащих, а вернее сказать – на специфику и объём полученных ими знаний. Именно по этой причине в ходе анализа формулярных списков мы отдельно выделяли служащих, прошедших полный и неполный курс обучения. Эти сведения важны, поскольку покидали учебные заведения в абсолютном большинстве те, кто был элементарно не способен к обучению.

Приложение 28 позволяет соотнести уровень образования служащих в середине XIX в. с типами учебных заведений. Мы видим, что половина служащих (54 %) проходила обучение в духовных учреждениях, учебные программы которых были рассчитаны исключительно на подготовку кандидатов в священно- и

---

[498] См.: РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 82–84.

[499] Списки учебных заведений см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 228.

церковнослужители. Какие полезные для работы в государственных органах знания и навыки имели эти служащие? Пожалуй, только умение читать, писать и использовать четыре действия арифметики. В высших классах семинарии, до которых удавалось дойти лишь каждому пятому будущему служащему, предоставлялась возможность познакомиться с логикой и с одной из отраслей права – каноническим. Духовную академию закончил лишь один представитель вологодского чиновничества.

Воспитанники кадетских корпусов и военных училищ были немногочисленны среди служащих (около 4 %). Почти все эти лица имели значительный опыт военной службы. Случаи, когда чиновник был исключён из подобного учебного учреждения – единичны (среди формулярных списков середины XIX в. выявлен один человек). Нужно отметить, что процент обучавшихся в военных учреждениях, скорее всего, был выше. При подсчётах мы учитывали только лиц, конкретно указавших на наличие такого образования. Среди служащих, попавших в категорию домашнее воспитание, есть проходившие военную службу дворяне и дети обер-офицеров, которые, по всей видимости, тоже учились армейскому делу (их удельный вес составлял около 3 %). Бывшим военным отводилась важная роль в местном аппарате управления. Они преобладали в руководстве учреждений Министерства государственных имуществ и занимали главные полицейские уездные и городские должности (полицмейстеры, городничие, земские исправники), а также часто избирались в качестве дворянских заседателей. Приходя на гражданскую службу, такие чиновники имели лишь военный опыт, в том числе и боевых действий, который оказывался полезен только в одном случае – борьбе с мятежами и волнениями. В специфике работы местных учреждений и делопроизводственных процессах они мало что смыслили, а архивные материалы свидетельствуют, что некоторые из них едва научились писать и не всегда грамотно.

Около 40 % служащих получили образование в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Из них 2/3 удалось отучиться в начальных учебных заведениях или пройти несколько классов гимназии. В современном понимании это люди, не овладевшие курсом общеобразовательной школы. В случае, если же удавалось получить аттестат гимназии, какие знания молодой

человек приносил с собой на службу[500]? Наилучший ответ на этот вопрос дал в 1838 г. после обозрения гимназии губернатор Д.Н. Болговский: «Воспитанники в гимназиях обучаются многим и многим предметам, … но для какой цели, какому классу людей предметы сии преподаются, – того гимназии, кажется, в виду не имеют, что доказывается следующими примерами: воспитанник гимназический свой курс кончил достохвально, выучен всему и, снабжённый превосходным аттестатом, с ним, вместо того, чтобы идти докончить образование в высших учебных заведениях, является к начальнику губернии (и сиё потому, что на казённое иждивение он нигде не принимается) и просит службы или, правильнее сказать, жалованья, без которого с минуты выпуска его из гимназии он не имеет иногда и дневного пропитания. Уважая столь гибельное положение сего недоросля и независимо от того, что везде места штатные всегда почти замещённые, сего юношу с аттестатом начальник губернии принимает в свою или губернского правления канцелярию, и сей полустудент, полувыученный тому и другому и всему понемножку, по несчастию, ничего того решительно не знает, что на его поприще знать ему было необходимо, а в довершение столь фальшивого положения сего юноши, он вместе с вступлением на стезю подьячего и весьма в короткое время совершенно забывает всё то, чему и научен был, – одним словом, он остаётся подьячим навсегда, принимая и всю его нравственность. Таковых примеров много, а других и ожидать не следует»[501]. Очевидно, что даже лучшие выпускники гимназии обладали лишь поверхностным, энцик-

---

[500] В данном контексте особый интерес представляют дневниковые записи вологодского чиновника К.А. Берёзкина, сделанные сразу после окончания полного курса гимназии: «Хочется поскорее определиться куда-нибудь на должность, да вот беда, писать то я не умею вовсе, папенька обещает местечко у себя в приказе, через год я получу чин, а там через два года могу за отличие получить и другой, следовательно, небольшая потеря в том, что я не получил в гимназии права на чин 14 класса, теперь надобно только поучиться получше, набить руку, так сказать, и законы немного посмотреть, знать хоть, как развернуть их…» (Дневник Кирилла Антоновича Берёзкина / под ред. Г.Л. Шапаганой. – СПб., 2014. – С. 185–186).

[501] Полный текст записки Д.Н. Болговского «Об изменениях в устройстве губернских гимназий», датированной 1838 г., опубликован В.А. Кошелевым. В этом документе Болговский, рассуждая о нехватке образованных кадров в провинции, предложил ориентировать учебные заведения на подготовку специалистов для гражданской службы: «В губерниях везде есть секретарь, судья, стряпчий, бухгалтер, землемер, архитектор и врач, но кроме последнего, в которых терпится крайний недостаток, – все остальные чиновники большею частию несут только одно название, но на самом деле они весьма редки». По мнению губернатора, учебные программы необходимо было преобразовать таким образом, чтобы «они выпускали специалистов, "потребных" на своем месте» («дать правительству секретаря, судью, бухгалтера и сии три предмета окончательно заключить в губернском учебном заведении, землемера, архитектора и врача, доведя их до известной степени приуготовительного образования, кончить оное на казённом же иждивении в высших учебных заведениях») (Подробнее см.: Кошелев В.А. Вологодские давности: лит.-краевед. очерки. – Архангельск, 1985. // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dav/nos/ty/6.htm (дата обращения: 21.02.2014).

лопедическим образованием, которое являлось подготовкой не к государственной службе, а к поступлению в университет.

К середине XIX в. небольшой удельный вес в составе местного аппарата управления занимали люди, получившие специальное образование (около 2 %). Ввиду того, что в ходе исследования удалось выявить формулярные списки не по всем местным учреждениям середины XIX в., мы располагаем сведениями об образовании только землемеров, которые прошли профессиональное обучение разного уровня (Константиновский межевой институт, Марьинское межевое училище, военно-топографическое депо при Главном штабе, школа чертежников при Московской межевой канцелярии, класс элементарного землемерия при уездном училище). Как уже неоднократно упоминалось ранее, отсутствуют сведения о медиках (присутствующие врачебной управы, уездные и городские лекари), которые с конца 1830-х гг. почти в полном составе являлись либо выпускниками медико-хирургических академий и университетов (медицинский факультет), либо слушателями, сдавшими квалификационный экзамен.

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении источники, в том числе и воспоминания чиновников, можно попытаться выделить факторы, оказывавшие решающее влияние на уровень профессиональной подготовленности служащих. Таковых, на наш взгляд, два: проводимая правительством кадровая политика и отношение служащих и претендентов на службу к образованию как таковому.

Несомненно, государство хотело видеть в аппарате управления образованных людей, но условия для достижения этой цели в изучаемый период отсутствовали. Сеть учебных заведений, в том числе и высших, создавалась медленно, налаживание в них процесса обучения происходило с переменными успехами. Проводя реформы, правительство Александра I рассчитывало, что лица, целенаправленно готовящиеся к службе, будут получать систематическое образование, проходя все ступени от училища до университета, но таковых было не много. Историки нередко используют в своих исследованиях выдержку из дневника чиновника Министерства народного просвещения А.В. Никитенко, где сравниваются официальные данные о численности выпускников высших учебных заведений с количеством служащих: «Из 80 000 чиновников империи ежегодно открывается вакантных мест 3 000. В продолжение двух или трёх лет с

1857 г. из всех университетов, лицеев и школы правоведения выпускалось ежегодно 400 человек, кроме медиков. Вывод из этого: как невелико у нас число образованных людей для занятия мест в государственной службе»[502]. Конечно, для абсолютного большинства будущих управленцев высшее образование оказывалось недоступным, а широкомасштабного финансирования подготовки кадров для гражданской службы правительство не проводило. Кроме того, в учебных заведениях особым покровительством пользовались потомственные дворяне и дети обер-офицеров, а возможности получить хорошее образование у одарённых представителей иных социальных групп были весьма ограничены.

Большое влияние на уровень подготовки к гражданской службе оказывало отношение претендентов к поступлению на службу и их родителей к образованию. Многочисленные воспоминания современников свидетельствуют, что опытные провинциальные чиновники были искренне убеждены в бесполезности вообще любого образования, тем более высшего, для государственной службы. Главное, что требовалось – это слепое повиновение, аккуратность, беспрекословное исполнение приказаний, пусть даже и бессмысленных, отсутствие самостоятельности мышления и воли, а также «хороший писарский почерк да уменье угодить кому следует, подслужиться»[503]. Достаточно познакомиться с записками педагога Н.Ф. Бунакова, где он размышляет о пользе посещения учебных заведений и потребностях службы того времени. Будучи воспитанным в чиновничьей семье, он чётко усвоил наставления умудрённого опытом отца Ф.Н. Бунакова, не получившего в своё время никакого образования и служившего в конце 1830-х гг. правителем дел канцелярии вологодского губернатора: «в науке и высшем образовании нет надобности ни для пользы службы, ни для успехов служебных и житейских»[504]. Воспитывая в таком духе своего сына, Бунаков старший приводил множество примеров того, как люди, служившие вместе с ним «без всякого научного образования достигали высших ступеней по служебной лестнице». Также он рассказывал об университетских выпускниках,

---

[502] Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 34.

[503] Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. – СПб., 1909. – С. 25.

[504] Подобные рассуждения можно найти во многих мемуарах чиновников. Так, сын чиновника Г.И. Мешков вспоминал, что его отец в процессе многолетней службы пришёл к выводу о бесполезности высшего образования для гражданской службы (См.: Из воспоминаний Г.И. Мешкова // Русская старина. – 1903. – Т. 114. – Вып. 6. – С. 555–556).

не пользовавшихся в провинциальном обществе ни малейшим почётом, служивших в канцеляриях под началом «какого-нибудь опытного чиновника из семинаристов» и крайне медленно продвигавшихся по карьерному пути. Кроме того, Бунаков подчёркивал, что высокообразованные люди в государственном аппарате Вологодской губернии не пользовались «благоволением начальства и расположением товарищей», руководители не хотели их видеть в своих учреждениях, а если и принимали, то уделяли много времени их «перевоспитанию»[505]. По всей видимости, у многих молодых людей, желавших вступить на государственную службу в провинции отсутствовала потребность в получении образования. Знания, которые могли дать учебные заведения, не находили применения на практике, а тем более и не приветствовались. Главная задача, которая стояла перед учениками, – это освоить элементарную грамоту (чему, собственно говоря, можно было научиться и в домашних условиях). При этом большинство стремилось не пройти полный курс обучения и получить аттестаты, а найти вакантное место в канцелярии и как можно раньше приступить к службе, чтобы приобрести необходимые для карьерного продвижения связи и опыт, поскольку при замещении должностей именно это имело преимущественное значение.

Подводя итог характеристике сословного происхождения, возрастного состава и образовательного уровня чиновничества Вологодской губернии, отметим следующее.

1. Процесс комплектования вологодского чиновничества имел ярко выраженные региональные особенности. Потомственные дворяне были в численном меньшинстве по отношению к остальным группам, и на протяжении изучаемого периода отчётливо проявилась тенденция сокращения их удельного веса. При этом они, преобладая среди чиновников высшего и среднего разрядов, твёрдо удерживали за собой руководящие позиции в местном управлении. Основным источником кадров являлось духовенство, представители которого доминировали среди чиновничества низшего разряда и доминировали среди канцелярских служителей губернских учреждений. Из года в год увеличивалась численность «детей обер-офицеров», которых, наряду с «детьми приказных служителей», следует рассматривать как «потомственных служащих». В общей сложности к

[505] См.: Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. – СПб., 1909. – С. 25.

середине века они составили более 30 % от всех чиновников, что свидетельствует о постепенной профессионализации кадрового состава. Представители других слоёв населения были немногочисленны: их появление в конце XVIII в. было связано с единовременным открытием большого количества присутственных мест. К концу изучаемого периода их количество сократилось до минимума, а поступление на службу стало возможным только при наличии аттестата об образовании или опыта военной службы.

2. На протяжении всего изучаемого периода средний возраст чиновников составлял от 34 до 38 лет. Руководящий состав органов власти формировался из опытных служащих, а канцелярии заполняли преимущественно молодые люди. Смена поколений служащих пришлась на середину 1820-х гг., когда удельный вес лиц не старше 40 лет превысил 75%. Подавляющее большинство чиновников начинали карьерный путь в юном возрасте с низших ступеней канцелярии и уходили со службы, когда уже физически были не в состоянии выполнять свои обязанности.

3. Выявленные источники отражают положительную тенденцию роста образовательного уровня чиновничества. Зависимость продвижения по службе от уровня образования, установленная в 1834 г., привела к притоку лиц, посещавших учебные заведения, которые к середине 1840-х гг. стали преобладать в аппарате управления над теми, кто получил домашнее воспитание. В провинции появлялись специалисты, прошедшие профессиональное обучение (медики, землемеры). К концу изучаемого периода более 60% служащих, пребывавших на руководящих постах, имели высшее и среднее образование. Однако в целом уровень образования даже к середине XIX в. не соответствовал потребностям системы управления, поскольку в подавляющем большинстве чиновники являлись малообразованными и некомпетентными людьми, объём полученных ими знаний едва ли соответствовал программе начальной школы. Решающими факторами, влиявшими на уровень образованности, стали: отсутствие налаженной системы подготовки кадров и искренняя убеждённость провинциальных служащих в бесполезности образования, дававшего знания и умения, не применимые на практике. Главная задача, которую ставили перед собой рядовые претенденты на государственную службу, освоить элементарную грамоту и, сдав

экзамен, как можно раньше приступить к приобретению необходимого для карьерного роста опыта канцелярской работы.

2.3. Материальное положение служащих

На материальное положение провинциальных чиновников в изучаемый период оказывали влияние следующие факторы: 1) размер жалованья; 2) стимулирующие выплаты и награды; 3) наличие собственности.

Система оплаты труда государственных служащих базировалась на нормативных правовых актах, принятых ещё в XVIII в. Постоянное денежное жалованье было введено указом от 15 декабря 1763 г. Причины, побудившие правительство к принятию этого акта, излагались во вводной части текста: «многие наши верноподданные от разных судебных правительств… не только не получают в делах своих скорого и справедливого по законам решения, но ещё от насилия и лихоимства… во всеконечное разорение нищенство приходят»[506]. Следовательно, государство пыталось таким образом снизить уровень злоупотреблений и взяточничества, создав систему стимулирования труда, обеспечивавшую безбедное существование должностным лицам и способствовавшую притоку в государственный аппарат «достойных в знании и честных людей». Оклады жалованья для классных чиновников стали фиксироваться в штатных расписаниях. Одновременно с этим вводилась дифференцированная оплата труда канцелярских служащих[507]. Чуть позже, в 1764 г., были утверждены нормы пенсионного обеспечения, претендовать на которое могли лица, состоявшие в действительной службе не менее 35 лет, либо вынужденные оставить службу из-за болезни, не позволявшей более исправлять должность[508]. В качестве условия получения пенсии закреплялось отсутствие штрафов и судимости за должностные преступления. Количество пенсионов устанавливалось, исходя из выделяемой на эти цели суммы. Соответственно, возможности получить денежное довольствие были ограничены: фактически вводилась система очерёдности, ко-

[506] ПСЗ–1. – Т. 16. – № 11 988.
[507] См.: Там же. – № 11 989.
[508] См.: Там же. – № 12 175.

гда претенденту на пенсию необходимо было ждать назначения на освободившееся место.

Законодательно установленный порядок выдачи жалованья в начале XIX в. выглядел следующим образом. Для табельного чиновничества в штатных расписаниях закреплялись полагавшиеся в соответствии с их должностями суммы годового оклада, которые пропорционально делились на три части и выдавались по окончанию каждой трети года. Для определённых должностей дополнительно полагались столовые и квартирные деньги (или предоставление квартиры за казённый счёт). Выдача жалованья производилась в том же учреждении, в котором лицо состояло на службе, ассигнациями и медной монетой[509].

Анализ штатных расписаний позволяет увидеть, что оклады провинциальных чиновников зависели не только от занимаемой должности, но и от значения учреждения в структуре местного государственного аппарата (см. прил. 29). Естественно, служащим губернского уровня власти назначались более высокие размеры жалованья, чем уездным (к примеру, секретарь губернских учреждений в 1803 г. получал 350 руб., а уездных – 200). Кроме того, существовала разница и между окладами руководителей учреждений одного уровня власти. Так, ключевым фигурам уездного звена управления согласно штатам начала XIX в. полагалось: уездному судье и городничему по 300 руб., земскому исправнику и уездному казначею по 250, уездному стряпчему – 150. Как уже упоминалось в первой главе, все указанные должности, за исключением уездного судьи, законодательно объявлялись равными между собой по статусу. По всей видимости, данная норма была лишь формальностью, поскольку дифференцированный подход к оплате их труда свидетельствовал далеко не об одинаковом положении. Также величина денежных окладов не соответствовала классам, присвоенным должностям, что особенно ярко проявилось при повышении жалованья губернского звена управления в 1820-е гг. Так, советнику губернского правления, губернскому казначею, губернскому прокурору, совестному судье, состоявшим в V классе, по штатам 1803 г. полагалось одинаковое по размеру жалованье – 600 руб., а в 1820-е гг. советнику губернского правления и губерн-

[509] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1337. – Л. 5; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 169, 178–179.

скому казначею было назначено 1500 руб., губернскому прокурору – 2000, а жалованье совестного судьи осталось неизменным.

Изменение размеров выплат в 1820-е гг. коснулось далеко не всех должностей и учреждений. Правительство допустило увеличение жалованья только для наиболее важных, с его точки зрения, должностей. Так, улучшилось содержание большинства губернских чиновников, включая секретарей. Прежними остались только оклады выборных дворянских должностей (совестный судья, заседатели губернских палат) и инспектора врачебной управы. Размеры жалованья уездных учреждений не пересматривались. Исключение составили только уездные казначейства, оклады которых возросли в 3–4 раза. Конечно, изменения подобного рода стали возможны лишь потому, что на этом настоял Е.Ф. Канкрин. Его позиция нашла чёткое отражение в тексте указа от 18 декабря 1823 г.: «министр финансов, убедясь, что нет иного способа к приведению казённых палат и уездных казначейств в возможность исполнять с желаемым успехом лежащие на них обязанности, как посредством улучшения настоящего их положения», представил на утверждение новые штатные расписания местных финансовых органов, предусматривавшие увеличение окладов[510]. Следовательно, главным аргументом министра были не взятки и не растраты, а неисполнение должностных обязанностей. Естественно предположить, что в условиях жалкого содержания не появлялось желание работать не только у казначеев, но и у других служащих уездных учреждений, на которых возлагались не менее важные функции (городские полиции, уездные и земские суды), по-видимому, государство эта проблема интересовала меньше, чем забота о наполнении казны.

В штатных расписаниях первой четверти XIX в. оклады канцелярских служителей не указывались. Приводилась лишь общая сумма, выделяемая каждому учреждению «на канцелярских служителей и расход» (см. прил. 30)[511]. Право регулирования численности служащих канцелярии и назначения каждому из них жалованья предоставлялось руководству учреждения. «По распоряжению начальства жалованье… назначается канцелярским чиновникам, не занимающим штатных должностей, из общей суммы, штатом на них определённой, по

[510] ПСЗ–1. – Т. 38. – № 29 694.

[511] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 169.

мере трудов, способностей и заслуг каждого. Начальства, коим присвоено сиё право, не должны, однако же, отнюдь выходить из общей суммы, штатом определённой»[512]. Из этого следовало, что каков бы ни был объём делопроизводственной работы, сумма, выделяемая на канцелярию, оставалась фиксированной даже в случае острой нехватки канцелярских служителей. В таких условиях, начальники, при расширении состава писцов, изыскивали средства на содержание новобранцев за счёт урезания жалованья состоявших на службе лиц (т.е. действовала формула: чем больше канцелярских служителей, тем меньше их жалованье). Кроме того, сумма, прописывавшаяся в штатном расписании, была общей для оплаты труда канцеляристов и иные расходы. Следует пояснить, каким образом происходило её распределение. Руководство, получая данные средства, в первую очередь определяло объём затрат, без которых невозможно было нормальное функционирование учреждения: канцелярские расходы в собственном смысле слова (чернила, перья, бумага и проч.), покупка дров для отопления помещений, оплата работы сторожа и т.п. И только после этого, из оставшихся в наличии денег, делалась раскладка жалованья приказным служителям. Понять о каких суммах идёт речь, мы можем только на основе архивных материалов. В нашем распоряжении имеются ведомости на выдачу жалованья служащим Вологодской палаты уголовного суда на начало XIX в. Итак, канцелярским служителям, в составе 19 человек, назначалось (без вычетов): протоколисту – 222 руб. 75 коп.; архивариусу – 129 руб.; писцам, имевшим чин коллежского регистратора – от 98 до 129 руб.; писцам в звании канцеляристов – от 52 руб. 50 коп. до 126 руб.; писцам в звании подканцеляристов – от 57 руб. 50 коп. до 60 руб. 75 коп.; писцам в звании копиистов – от 27 руб. до 27 руб. 55 коп. Также при штате состоял вахмистр, получавший 38 руб., и два сторожа – по 24 руб. 76 коп. каждый (см. прил. 31)[513]. В отличие от правил, действовавших в последней четверти XVIII в., когда при определении окладов канцелярским служителям применялись «примерные расписания»[514], в изучаемый период раз-

---

[512] См.: Там же. – С. 171.

[513] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 687–688; Д. 5. – Л. 631–633об., 1584–1586.

[514] В «примерных расписаниях» последней четверти XVIII в. устанавливались ориентировочные суммы к выплате канцелярским и низшим служителям. Размеры жалованья для канцелярских служителей находились в зависимости от их звания (канцелярист, подканцелярист, копиист). Так, согласно «примерному расписанию» 1780 г., обнаруженному в делопроизводственных материалах Вологодского уездного суда, канцеляристам полагалось жалованье в 75 руб. в год, подканцеляристам – 50, копиистам – 40, перешётчику – 24, сторожу – 18 (См.: Там же. – Ф. 235. – Оп. 2. – Д. 505. – Л. 2).

меры жалованья были дифференцированы вне зависимости от чина, звания и канцелярской должности, поскольку напрямую зависели от оценки начальством результатов работы служащего (принцип оплаты труда – «по заслугам»), что ярко проиллюстрировано в представленной ведомости палаты уголовного суда (см. прил. 31).

Стоит подчеркнуть, что на протяжении первой четверти XIX в. объёмы документооборота учреждений увеличивались, а вместе с ними постепенно расширялись и канцелярии (о чём говорилось в первом параграфе настоящей главы), а по мере роста численности канцелярских служителей, сокращались размеры их жалованья. Так, к началу 1830-х гг. в канцелярии губернского правления самые крупные оклады составляли около 400 руб., самые маленькие – 30; в уездных учреждениях (не считая уездное казначейство) – 30 и 10 соответственно[515].

Проводя анализ источников, не стоит забывать, что штатные расписания первой четверти XIX в. фиксировали оклады в ассигнационных рублях, которые, как известно, в этот период быстро обесценивались по отношению к серебряной монете. Динамика изменений размеров жалованья, на первый взгляд кажущаяся положительной, предстаёт совершенно в ином свете, если рассматривать суммы с учётом курса ассигнационного рубля. В 1803 г. он равнялся 80 коп. серебром и, соответственно, жалованье чиновников в пересчёте на серебро выглядело вполне достойно (см. прил. 29). Однако уже с 1804 г. наметилась тенденция резкого падения курса рубля, которое удалось остановить только к 1811 г. В течение последующих десятилетий, вплоть до реформы Е.Ф. Канкрина 1839–1843 гг., курс ассигнаций держался на уровне 26–27 коп. серебром[516]. Вместе с обесцениванием денег, ухудшалось и материальное положение чиновников, жалованье которых не индексировалось в зависимости от уровня инфляции. Таким образом, в 1811 г. реальные оклады служащих составляли только одну треть от суммы, предусмотренной действовавшими штатами. Повышение жалованья, произошедшее в 1820-е гг., не компенсировало потери, связанные с инфляцией. Так, если 3 000 руб. ассигнациями, получаемые вологодским губернатором в 1803 г., соответствовали 2 400 руб. серебром, то его

[515] См.: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 903. – Л. 11.
[516] Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. – М., 2009. – С. 240.

оклад в 1827 г., возросший до 6 000 руб., составлял только 1 620 руб. серебром, т.е. реальный доход губернатора, даже с учётом повышения жалованья, уменьшился. К тому же в 1820-е гг. оклады были увеличены только для «избранной» части местного государственного аппарата. Что же касается остальных, в основном уездных чиновников, то до середины 1830-х гг. их оклады выглядели более чем скромно. Так, жалованье городничих и уездных судей, равнявшееся в 1803 г. – 240 руб. серебром, в 1827 г. – составляло всего 81 руб. серебром (реальный доход сократился в три раза). Наиболее тяжело падение курса ассигнаций отразилось на имущественном положении канцелярских служителей.

Для того чтобы компенсировать столь существенное ухудшение материального обеспечения служащих, центральное правительство допускало, в качестве исключений, ассигнование «прибавочных сумм» на жалованье и канцелярские расходы. В приложении 32 представлены государственные расходы по Вологодской губернии на 1824 г. (см. табл. 1), которые включали многочисленные экстраординарные статьи. Анализ этих данных позволяет нам сделать несколько выводов. Во-первых, сумма, в действительности расходовавшаяся на местный государственный аппарат, была выше, установленной действовавшими на тот момент штатными расписаниями, а, следовательно, и жалованье служащих на практике было несколько больше, чем представленное нами в таблице 1 приложения 29. Так, в соответствии со штатами на 1824 г. губернатору было положено 6 000 руб., но в действительности он получил 8 950 руб. Во-вторых, несмотря на то, что «прибавочные суммы» отпускались почти на все учреждения, распределение расходов среди ведомств не было пропорциональным. Так, из общей суммы расходов по губернии почти 75% приходилось на учреждения Министерства финансов.

Избирательный подход в регулировании материального обеспечения местных учреждений не мог не вызывать недовольства как среди провинциальных служащих, так и в самом правительстве, тем более, что при обсуждении большинства предложений министров, касающихся повышения окладов, министр финансов отзывался отсутствием средств, тогда как подведомственным себе учреждениям обеспечил наилучшие условия функционирования. В 1831 г. министр внутренних дел после личного посещения ряда губерний попытался обратить внимание императора на данную проблему. В частности, он отметил

неблагополучное состояние городских полиций, уездных и земских судов: «скудность окладов сих присутственных мест несоразмерна с жалованьем по ведомствам Министерства финансов, императорского двора и почтового управления, несмотря на то, что труды там легче и имеют более разделения»[517]. Наибольшее беспокойство министра вызвало материальное обеспечение канцелярских служителей, размер жалованья которых не привлекал на службу людей способных к делам: «какого же можно ожидать усердия от человека, решившегося служить за 5, и даже за 1 только рубль в месяц»[518]. Анализируя составы провинциальных канцелярий, он пришёл к заключению, что они «наполнены людьми, которые или не могли уже найти для себя ничего лучшего, или мальчиками, вступающими сюда для того только, чтобы, приобретя малейший навык к делам, выиграть случай к перемещению в другое ведомство, где труды их гораздо лучше вознаграждаются»[519]. Министр предложил пересмотреть суммы, выделявшиеся по штатным расписаниям на жалованье и канцелярских служителей полицейских учреждений. В частности, для Вологодской губернии, по его подсчётам, прибавочная сумма должна была составить 49 740 руб., из которых 6 700 – на канцелярию губернатора, 2 000 – на жалованье городничим и 4 500 – на их канцелярии, 10 300 на жалованье земским судам и 15 240 – на их канцелярии[520]. Однако министр финансов не поддержал данное предложение, указав, что прибавка жалованья слишком отяготительна для государственного казначейства[521].

В 1830-е гг. общегубернские расходы стали более сбалансированными: удельный вес суммы, приходившейся на финансовые учреждения, снизился до 55% (см. прил. 32, табл. 2). Однако размеры жалованья чиновников продолжали регулироваться избирательно и несоответственно закреплённым в штатных расписаниях окладам. Из отчётов Вологодской казённой палаты о расходах за 1835 г. можно вычленить данные о суммах, выплаченных служащим разных учреждений. Так, по итогам года каждому из земских исправников было выдано по 980 руб., исключение составил только оклад устюгского исправника (653 руб. 32 коп.). Дворянским заседателям земских судов полагалось к выдаче:

[517] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 903. – Л. 11.
[518] Там же. – Л. 11 об.
[519] Там же. – Л. 11–11об.
[520] См.: Там же. – Л. 54–58.
[521] См.: Там же. – Л. 22.

вологодскому – 2 319 руб. 32 коп., грязовецкому – 2 000 руб., кадниковскому – 2 330 руб. 22 коп., вельскому – 1 524 руб. 45 коп., тотемскому – 1 306 руб. 66 коп., устюгскому – 1 232 руб. 63 коп., никольскому – 1 306 руб. 66 коп., сольвычегодскому – 1 158 руб. 54 коп., яренскому – 1 560 руб., устьсысольскому – 1 568 руб. Жалованье сельских заседателей земских судов, также в зависимости от местонахождения учреждения, варьировалось от 198 (Никольский уезд) до 396 руб. (Грязовецкий, Вельский, Устюгский). Размеры выплат уездным судьям составили по 879 руб., за исключением вологодского (586 руб.) и сольвычегодского (857 руб.); дворянских заседателей Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Никольского, Яренского уездных судов по 1 073 руб., Тотемского – 1 026 руб., Устюгского – 849, Сольвычегодского – 988, Устьсысольского – 993, Вельского – 1 053. Жалованье уездных стряпчих было следующим: тотемскому стряпчему полагалось 423 руб. 66 коп., сольвычегодскому – 633 руб. 72 коп., остальным – по 635 руб. 50 коп.[522] Представленные цифры отражают сразу несколько важных моментов в регулировании оплаты труда служащих. Во-первых, разброс данных, присущий одним и тем же должностям, объясняется наличием постоянных и временных денежных вычетов из жалованья чиновников и канцелярских служителей. Среди первых, законодательство называло установленный с 1827 г. ежегодный вычет для пополнения пенсионного капитала (из жалованья, не превышавшего 142 руб. 95 коп. в год, вычитался 1%, из превышавшего – 2%; из назначаемых чиновникам столовых денег удерживался 1%), из которого полагалось назначать пенсии и единовременные пособия отставным служащим, их вдовам и сиротам[523]. Временные вычеты из жалованья предусматривались в следующих случаях: 1) при повышении в чинах; 2) во время отпусков (жалованье удерживалось, если отпуск превышал 29 дней);

[522] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 991. – Л. 232 об.–238.

[523] В Уставе о пенсиях и единовременных пособиях от 6 декабря 1827 г. упоминалось, что «правила, по коим сии вознаграждения были доселе производимы, не имели ни надлежащей определённости, ни соразмерности. Сверх того не было постановлено постоянных правил на призрение вдов и сирот по смерти лиц, продолжительно и беспорочно служивших» (ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 592). До 1827 г. отставные провинциальные чиновники, получавшие пенсии, были скорее исключением, чем правилом. Так, в 1824 г. в Вологодской губернии проживало четыре чиновника из «отставных за ранами офицеров», пенсионы которым были исходатайствованы Комитетом 18 августа 1814 г. из процентов инвалидного капитала, и один отставной гражданский служащий уездного казначейства, пенсия которого выплачивалась за счёт казны (См.: ГА ВО. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 103. – Л. 39 об.; Д. 949. – Л. 16). Устав о пенсиях 1827 г. фактически положил начало реформированию пенсионного обеспечения гражданских служащих. К середине 1830-х гг. в основном были урегулированы вопросы, связанные с порядком назначения и выплаты пенсий и пособий. Численность выделяемых пенсионов значительно возросла. В 1840-е гг. даже служащим, побывавшим под судом и полностью неоправданным в соответствии с действовавшими нормами, и их вдовам удавалось получить денежное довольствие (См., например: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1397. – Л. 1 об.–36).

3) «за самовольные отлучки от должности» (в первый раз удерживалось месячное жалованье, во второй – «третное», т.е. треть годового оклада); 4) при пожаловании орденами; 5) по частным долгам и взысканиям; 6) «за несвоевременное представление отчётов в денежных поручениях»; 7) во время нахождения под судом и следствием; 8) «по разным другим штрафам, казённым начётам и взысканиям»[524]. Перечисленные вычеты могли достигать значительных размеров. К примеру, при чинопроизводстве взыскивалась пошлина, включавшая следующие сборы: месячное жалованье[525], пошлина за приложение к патенту государственной печати (сумма зависела от того какой утверждался чин: от 45 коп. серебром при награждении XIV–X чином до 120 руб. 15 коп. – I-м), печатная пошлина (60 коп. серебром), деньги за негербовую бумагу (3 руб. 60 коп. серебром), а также сбор для сенатской типографии за напечатание патента (акт, удостоверявший пожалование чина)[526]. Так, канцелярский чиновник Вологодской палаты гражданского суда А.В. Гуляев, получая в 1839 г. чин коллежского секретаря, при годовом окладе 144 руб. серебром должен был заплатить пошлину размером 18 руб. 37 ½ коп. серебром[527].

Во-вторых, данные, полученные из отчётов Вологодской казённой палаты за 1835 г., свидетельствуют, что итоговые суммы, выдававшиеся чиновникам, даже при наличии системы денежных вычетов, были выше окладов, положенных им по штатам. Очевидно, что путём «прибавочных сумм», использования неказённых источников и разного рода исключений жалованье чиновников постепенно возрастало, но этот процесс был неравномерным и не пропорциональным. Всё это приводило к разным размерам выплат даже для аналогичных должностей в равных между собой учреждениях. Так, каждому из дворянских заседателей уголовной палаты было выдано по 1247 руб. 20 коп., а гражданской – по 831 руб. 44 коп., тогда как по штатам им полагались одинаковые и меньшие суммы (по 360 руб.).

---

[524] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 180–181.

[525] Месячное жалованье рассчитывалось не из фактически получаемого чиновником годового оклада, а из сумм, законодательно установленных для соответствующего чина (См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 5]: Уставы казённого управления. Ч. 1. Уставы о податях, пошлинах, сбор и акциз и питейном, и акцизе с табаку. – СПб., 1842. – С. 326–327).

[526] См.: Там же; ПСЗ–2. – Т. 1. – № 199.

[527] См.: ГАВО. – Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 9 об.–10.

В 1830-е гг. получила законодательное оформление система обеспечения чиновников, командируемых по делам службы, денежным довольствием. Предусматривались следующие виды пособий: прогонные деньги, подорожные деньги, пособия на подъём и на путевые издержки, суточные деньги, квартирные деньги. Все издержки за время поездки принимались «на счёт казны»[528].

К началу 1840-х гг. сложилась запутанная система оплаты труда провинциальных служащих, которую не могли понять даже лица, возглавлявшие ведомства. Так, в 1843 г. министр юстиции, «не имея определительных сведений об окладах», поручил губернскому прокурору представить ведомость, в которой должны быть приведены «в совершенную ясность все оклады жалованья, получаемые чиновниками, служащими по ведомству Министерства юстиции по назначению от правительства и по дворянским выборам»[529]. Так, согласно с ведомостью о суммах, отпускаемых на содержание Вологодского совестного суда, жалованье присутствующим выплачивалось из государственных доходов, ориентируясь на штаты 1803 г. (совестному судье – 171 руб. 42 ⅔ коп. серебром, дворянским заседателям – каждому по 102 руб. 85 ⅔ коп. серебром, сельским – по 28 руб. 57 ⅛ коп. серебром; купеческим заседателям жалованье не полагалось). Из «валовой суммы 222 руб. 85 коп. серебром, ассигнуемой правительством» на канцелярские расходы и служителей, на первое – в год употреблялось 51 руб. 42 коп. серебром, на жалованье письмоводителю – 147 руб. 43 коп. серебром, сторожу – 24 руб. серебром. Совестный суд также указал, что в его канцелярии состоял один служитель, которому жалованье не выплачивалось. Этот факт обратил на себя внимание губернского прокурора, попросившего объяснить причину отсутствия жалованья, а также «бывает ли он ежедневно у должности и какого рода его занятия»[530]. Отвечая на этот вопрос, суд указал, что происхождением чиновник из молодых дворян и по собственному желанию поступил в канцелярию «для узнания гражданской службы», но работает без жалованья «по недостатку штатных сумм, отпускаемых на содержание суда; у должности бывает и во время оной занимается частию составлением из производящихся дел выписок и разных по суду исходящих бумаг и с оных отпусков к

[528] Подробнее см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 184–196.

[529] ГАВО. – Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 36. – Л. 20.

[530] См.: Там же. – Л. 48.

делам»[531]. По всей видимости, именно сведения, полученные с мест таким путём, легли в основу определения оптимального уровня оплаты труда служащих при обновлении штатных расписаний, которое по большинству ведомств произошло в 1840 г.[532], а по Министерству юстиции – в 1844 г.[533] Помимо единовременного повышения должностных окладов, новые штаты зафиксировали их в соответствии с курсом серебряного рубля. Данные изменения стали возможны благодаря реформе Е.Ф. Канкрина (1839–1843 гг.), в ходе которой был осуществлён перерасчёт всех государственных доходов и расходов, в том числе и окладов служащих. Отныне содержание стало отпускаться «во всех случаях ассигнациями, по постоянному и непременяемому на серебро курсу, считая серебряный рубль как в крупной, так и в мелкой монете, в три рубля пятьдесят копеек ассигнациями»[534]. Следовательно, если до этого жалованье, установленное в штатных расписаниях, не подвергалось изменениям в случае падения курса бумажного рубля, то после реформы Е.Ф. Канкрина, оклады в штатах фиксировались в рублях серебром и, хотя платежи по-прежнему производились ассигнациями, выплачивались они по соответствующему курсу. Архивные материалы (книги и ведомости на выдачу жалованья) свидетельствуют, что с данного времени оклады служащих были приведены в строгое соответствие с суммами, утверждёнными в новых штатах[535].

Пересчёт окладов на серебро существенно улучшил материальное положение служащих. Однако при определении размеров должностных окладов в штатных расписаниях 1840-х гг. сохранялись особенности регулирования материального обеспечения, сложившиеся в предыдущие десятилетия (см. прил. 29, табл. 2). Во-первых, они дифференцировались в зависимости от значимости учреждения в местном государственном аппарате. Так, оклады служащих губернских судебных палат по сравнению с 1803 г. возросли, а у чиновников совестного суда – остались неизменными (а если учитывать курс ассигнационного рубля, то ещё и уменьшились). Во-вторых, непосредственное влияние на размер

---

[531] Там же. – Л. 49 об.–50.

[532] См.: ПСЗ–2. – Т. 15. – № 14 098–14 140.

[533] См.: Там же. – Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657.

[534] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 179.

[535] См., например: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1059. – Л. 15–15 об.; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 918. – Л. 1; Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 7333. – Л. 67–67 об.; Оп. 6. – Д. 143. – Л. 1 об.–12.

жалованья оказывал статус должности в самом учреждении (при этом величина оклада не зависела от класса, присвоенного должности). Оплата труда руководства губернских и уездных органов, по сравнению с началом века, возросла значительно (председатели губернских палат, губернский прокурор, губернские стряпчие, земские исправники). Весьма ощутимой стала разница между жалованьем руководителей учреждений и остальных членов присутствия (особенно в губернских органах). К примеру, если в 1803 г. оклад председателя губернской палаты был в 2 раза больше жалованья дворянского заседателя, то в 1840-е гг. – уже в 4. В уездных учреждениях этот процесс был менее ярко выражен: в 1840-е гг. оклад уездного судьи превышал жалованье дворянского заседателя уездного суда только на треть.

Особенностью штатных расписаний 1840-х гг. следует признать внесение в них канцелярских должностей с фиксированными суммами их окладов (столоначальники, помощники столоначальников, журналисты, протоколисты, архивариусы и т.д.)[536]. В свою очередь сумма, выделявшаяся на канцелярские нужды, стала прописываться в качестве отдельной статьи расхода. Данное нововведение стабилизировало и улучшило положение лишь части канцелярских служителей, поскольку оно не коснулось штатов ведомства Министерства юстиции, в которых по-прежнему указывалась общая сумма «на канцелярских служителей и расходы». Так, если палате гражданского суда полагалось 10 775 руб. ассигнациями на канцелярских служителей и расходы, то губернскому правлению – 10 000 руб. ассигнациями только на расходы и типографию. Формулярные списки, в которые с середины 1840-х гг. начали вносить сведения о жалованье, показывают, что оплата труда служащих канцелярий судебных учреждений была значительно ниже, чем у органов, подведомственных мини-

[536] Так, по штату губернского правления 1837 г. главному регистратору (X класс) было положено 600 руб. ассигнациями (171 руб. 59 коп. серебром), его помощнику (XIV) – 400 (114 руб. 39 коп.), столоначальнику (IX) – 600 (171 руб. 59 коп.), его помощнику (XII) – 400 (114 руб. 39 коп.), переводчику (X) – 600 (171 руб. 59 коп.), архивариусу (XII) – 600 (171 руб. 59 коп.), его помощнику (XIV) – 350 (100 руб. 6 к.), экзекутору (XII) – 600 (171 руб. 59 коп.), его помощнику (XIV) – 350 (100 руб. 6 коп.), приходорасходчику – 300 (85 руб. 78 коп.), писцу высшего разряда – 400 (114 руб. 39 коп.), писцу среднего разряда – 280 (80 руб. 6 коп.) и писцу низшего разряда – 250 (71 руб. 48 коп.) (См.: ПСЗ–2. – Т. 12. – № 10 304; Т. 15. – № 14 105). По штатам земских судов столоначальнику (XIV класс) полагалось 450 руб. ассигнациями (128 руб. 70 коп. серебром), регистратору (XIV) – 400 (114 руб. 39 коп.), канцелярским служителям среднего оклада – 300 (85 руб. 78 коп.), а низшего оклада – 250 (71 руб. 47 коп.) (См.: Там же. – Т. 12. – № 10 305; Т. 15. – № 14 105).

стерствам внутренних дел и финансов[537]. Размеры жалованья писцов палаты гражданского суда колебались от 24 до 96 руб. серебром, а писцов уездных судов – от 15 до 80[538]. На законодательном уровне было закреплено право канцелярских служителей на паёк и обмундирование[539].

Законодательство первой половины XIX в. предусматривало для служащих награды «за действительные заслуги и особенное усердие», которые могли существенно улучшить их имущественное положение и, соответственно, стимулировать к более успешному исполнению должностных обязанностей. В качестве вознаграждения выступали: арендные деньги, земельные участки, прибавочное жалованье и пенсионы сверх жалованья, единовременные денежные выдачи в размере годового оклада и т.п.[540] Пожалование происходило «по Высочайшему благоусмотрению» вследствие ходатайства «высшего начальства». Право представления к награде имели лица, состоявшие на службе не менее трёх лет.

Как правило, щедрых подарков удостаивались только высокопоставленные провинциальные чиновники: губернаторы, вице-губернаторы, губернские прокуроры и т.д. Так, вологодский губернатор Н.П. Брусилов за время своей службы был награждён единовременно годовым окладом жалованья, а в 1819 г. ему был назначено «в пенсион сверх жалованья по 1 500 руб.» ассигнациями ежегодно[541]. Другой губернатор С.И Кузмин «за отличную и ревностную службу» в 1822 г. был награждён 3 тыс. десятин земли, а в 1831 – «арендою», вместе с которой «в течение 12 лет [ему полагалась доплата] по 1 000 руб. серебром ежегодно»[542]. При Николае I успешная служба также вознаграждалась довольно щедро. Губернатор С.Г. Волховский за время своей карьеры многократно был представлен к единовременным денежным выдачам (в том числе 2 раза по 3 000 руб. ассигнациями, 2 – по 4 000). С 1830 г. сверх получаемого оклада жалованья ему были назначены столовые деньги (по 1 800 руб. ассигнациями в год). В дополнение к этому во время пребывания на губернаторском посту в Вологде ему

---

[537] См., например: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 7664. – Л. 1–288; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 918. – Л. 1; Д. 1059. – Л. 15–15 об.; Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 7333. – Л. 67–67об.

[538] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 4783. – Л. 1–389.

[539] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб., 1842. – С. 183.

[540] Там же. – С. 196.

[541] РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 129 (1826 г.). – Л. 4 об.–5.

[542] Там же. – Д. 326 (1835 г.). – Л. 4 об.–7.

было «пожаловано прибавочное сверх жалованья содержание по 2 000 руб. серебром в год доколе будет состоять в должности»[543].

Законодательство предусматривало возможность улучшить материальное положение и рядовых служащих, право ходатайствовать за которых предоставлялась их непосредственному начальству. Руководители учреждений могли, не выходя за пределы назначенной общей суммы на канцелярские расходы, премировать наиболее способных и усердных канцелярских служителей. Конечно, в условиях скудного материального обеспечения, когда выделяемых государством сумм едва хватало, а чаще не хватало, даже на необходимые расходы, применять в работе прогрессивное стимулирование труда провинциальные присутственные места не могли. Однако, судя по архивным источникам, прошения «усердных» чиновников и канцелярских служителей об оказании им материальной поддержки, подтверждаемые свидетельствами о бедности (такие справки составляли полицейские органы), правительство нередко удовлетворяло[544].

В 1840-е гг. на законодательном уровне были утверждены преимущества гражданской службы в отдалённых губерниях. На необходимость введения льгот при прохождении службы в некоторых уездах Вологодской губернии впервые указали сенаторы В.Ф. Мертенс и А.М. Карнилов в 1830 г., после проведённой ревизии[545]. Потребовалось более 10 лет, для того, чтобы правительство решилось претворить в жизнь подобную идею: в 1842 г. были введены денежные доплаты лицам, поступавшим на службу в Яренский, Устьсысольский и Сольвычегодский уезды. Чиновникам выдавалось «из казны не в зачёт денежное пособие на подъём и обзаведение», равное годовому окладу жалованья, а канцелярским служителям и лицам ещё не служившим – 50 руб. серебром (и те, и другие, воспользовавшись предоставленной льготой, обязаны были прослужить в названных уездах не менее трёх лет). Помимо этого, «при исправлении беспорочно и усердно штатных должностей», они получали право на прибавку к жалованью: через 8 лет – ¼ годового оклада, 14 лет – ½, 20 лет – ¾, 25 лет – пол-

[543] Там же. – Д. 473 (1844 г.). – Ч. 3. – Л. 1 об.–31.

[544] См.: ГА ВО. – Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 326. – Л. 20–26.

[545] Оценивая общее состояние управления губернии, сенаторы пришли к заключению, что люди ответственные и честные уклонялись от службы в отдалённых уездах и, наоборот, стремились туда те, кто не мог больше нигде найти себе место службы или те, «которые презрев долг присяги, чести и совести надеются посредством притеснений и поборов стяжать себе состояние». Единственным способом привлечь в отдалённые от губернского центра места опытных и знающих своё дело чиновников и канцелярских служителей и «заменить неблагонадёжных лучшими», по их мнению, являлось дарование преимуществ по службе (Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 82–84).

ного оклада по занимаемому месту. Выплата льгот прекращалась в случае: 1) удаления от службы с преданием суду; 2) отрешения от должности по неблагонадёжности; 3) увольнения от службы по прошению; 4) перемещения на службу в другой уезд или губернию[546].

На материальном положении провинциального чиновничества также отражалось наличие или отсутствие личной собственности. Графа формулярного списка, отражавшая владение движимым и недвижимым имуществом, позволяет нам увидеть о каких размерах собственности идёт речь. В приложении 33 систематизированы данные о душевладении вологодского чиновничества первой половины XIX в. Проведённые нами подсчёты отражают малочисленность чиновников, обладавших движимой собственностью, на службе в Вологодской губернии. Основная масса из них имели менее 50 душ мужского пола (в 1801 г. – около 85% от всех чиновников-душевладельцев, в 1826 – 70%, в 1844 – 60%).

Следует отметить, что на протяжении изучаемого периода удельный вес дворян-душевладельцев на службе постепенно сокращался (с 22,6% в 1801 г. до 12% в 1850-е гг.). Данная тенденция объясняется, во-первых, постепенным уменьшением доли потомственных дворян среди вологодских чиновников, во-вторых, спецификой занимаемых ими должностей: дворяне, в том числе помещики, в местном государственном аппарате состояли в основном на руководящих постах и в выборных дворянских органах. Количество таких должностей, несмотря на рост аппарата управления, даже к середине XIX в. увеличилось незначительно. Крупные душевладельцы (свыше 100 душ мужского пола) служили исключительно в центральных уездах и входили в управленческую элиту губернии. При этом наиболее состоятельные помещики занимали выборные дворянские должности: предводители дворянства, депутаты для составления дворянских родословных книг и раскладки земских повинностей, заседатели губернских палат и т.д. Это подтверждает озвученный ранее тезис, что обеспеченные дворяне, если и шли на службу, то ради почёта, а не с целью построить успешную карьеру чиновника или получить материальные выгоды.

Около четверти служащих душевладельцев являлись лицами недворянского происхождения (в 1801 г. – 14 человек, в 1826 – 13, в 1844 – 18). Если в начале века собственность таких чиновников была незначительной (до 10 душ

[546] См.: ПСЗ–2. – Т. 17. – Отд. 1. – № 15 731.

мужского пола) и в большинстве своём состояла из нескольких дворовых, то во второй четверти XIX в. появились лица, владевшие более крупным имуществом. Так, «обер-офицерский сын» Н.Г. Кузьмин, бывший в 1851 г. посредником «полюбовного специального размежевания земель» по Кадниковскому уезду, имел 122 души мужского пола[547]. Крепостные души поступали во владение лиц недворянского происхождения не только путём их покупки, но и вследствие заключения брака. Согласно формулярному списку инспектора врачебной управы И.И. Энгельмейера, по происхождению иностранца («из граждан королевства Баварского»), за ним состояло два дворовых человека, а его жене принадлежало в Вологодском и Грязовецком уездах 149 душ мужского пола[548]. Стремление к приобретению крепостных душ являлось отражением желания чиновников, выслуживших потомственное дворянство, подчеркнуть свою принадлежность к благородному сословию.

Конечно, на основании анализа зафиксированных в формулярных списках размеров собственности, не стоит делать выводы о реальном имущественном положении чиновников. Далеко не секрет, что в изучаемый период дворяне весьма активно пользовались правом получения ссуды в кредитных учреждениях под залог своей собственности (в том числе, крепостных душ). Вологодская губерния не была исключением. В первой главе настоящего исследования уже упоминалось о том, что к середине XIX в. более ⅔ помещичьих населённых имений Вологодской губернии значились должниками государственных кредитных учреждений[549]. Из текста формулярных списков мы не можем узнать, каков был статус имения чиновника, было ли оно заложено и сколько раз. В ходе работы с данным видом источника обнаружено только одно упоминание о залоге: в послужном списке председателя палаты уголовного суда Н.Д. Андреева за 1844 г. указано, что за женой его состоит 148 душ крестьян и дворовых людей, находившихся «в залоге в опекунском совете по займу в нём денег»[550].

Таким образом, мы вынуждены прийти к заключению, что основным источником средств к существованию для абсолютного большинства провинци-

---

[547] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 4783. – Л. 147 об.–148.

[548] См.: Там же. – Оп. 4. – Д. 441 (1838 г.). – Ч. 1. – Л. 59 об.–60.

[549] См.: Сведение о долгах, состоящих на помещичьих населённых имениях, по всем государственным кредитным установлениям (сохранным казнам опекунских советов, государственному заёмному банку и приказам общественного призрения) по Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. – Вологда, 1860. – С. 4.

[550] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 473 (1844 г.). – Ч. 2. – Л. 1 об.–2.

альных чиновников была их служебная деятельность. И здесь возникает главный вопрос, уже давно привлекающий внимание историков, насколько достаточным было материальное обеспечение служащих? Как правило, ответ исследователи пытаются найти в мемуарах чиновников, которые много уделяли внимания этому аспекту своей жизнедеятельности. Так, Л.Ф. Писарькова в своём исследовании приводит многочисленные выдержки из мемуарной литературы, свидетельствующие о бедствующем положении служащих (в особенности канцелярских служителей)[551]. Проанализированные исследователем воспоминания оставили лица, служившие в столице, где для того, чтобы прилично содержать семью, чиновник должен был получать жалованье, значительно превышавшее суммы, требовавшиеся для проживания в провинции. Мемуары, оставленные вологодскими чиновниками, единичны и не позволяют в полной мере ответить на поставленный вопрос. Так, в своём дневнике вельский исправник А.И. Дружинин, чья служебная деятельность пришлась на трудные для местного государственного аппарата, с материальной точки зрения, годы (1819–1833 гг.), представил красочную характеристику «своего секретаря» как человека нечестного, «нерадивого, недалекого и весьма [...] ограниченного» и зафиксировал красноречивые его выражения: «В[сякий пребывающий в сей] должности с честностью и благородством умрёт с голоду»[552]. Дружинин, с сарказмом подчёркивая, что это «достойные слова и мысль секретаря земского суда!», приводил много размышлений о взятках (в его интерпретации – «выгодах»), которые он сам брал «якобы» из-за вынужденного положения. При этом на страницах дневника отчётливо прослеживается его размышление о том, что должность исправника его вполне устраивала, поскольку она предоставляла отличные возможности для незаконного обогащения.

При анализе источников личного происхождения, конечно, нужно учитывать субъективный фактор, поскольку каждое конкретное должностное лицо по-своему оценивало, насколько его материальное обеспечение соответствовало его же потребностям. Так, министр финансов Е.Ф. Канкрин считал, что изменения, произошедшие в оплате труда государственных служащих во второй чет-

[551] Подробнее см.: Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. – 1995. – № 3. – С. 121–139.

[552] Дневник и записки А.И. Дружинина / публ. подгот. Е.Р. Дружинин // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 609.

верти XIX в., обеспечили достойное содержание чиновников, как губернских, так и столичных. Однако служащие продолжали «жаловаться на скудость [их] содержания», что, собственно, и находило отражение в мемуарной литературе. Причину такой ситуации Канкрин видел «в стремлении государственных служащих низших рангов равняться в образе жизни на своих более обеспеченных коллег старших рангов», так как в российском государстве к тому времени «ещё не установилось необходимой "постепенности и определительности в образе жизни между разными классами служащих и неслужащих", умения достойно вести скромный образ жизни»[553]. В связи с этим отдельного внимания заслуживает анализ расходов чиновников.

В исследовании П.А. Зайончковского приводится бюджет кишинёвского чиновника середины XIX в., месячный расход которого составлял 11 руб. 69 коп. серебром (140 руб. 28 коп. в год). Среди статей расхода указаны следующие: квартира – 1 руб. 35 коп.; дрова с рубкой – 2 руб.; 30 фунтов говядины – 1 руб. 35 коп.; 30 хлебов – 90 коп.; зелень – 30 коп.; крупа для супа – 40 копеек; вода – 30 коп.; 3 фунта свечей – 39 коп.; мытьё белья – 60 коп.; стрижка – 50 коп.; смазка сапог – 10 коп.; ремонт и приобретение посуды – 10 коп.; одежда и обувь – 3 руб.; баня, лекарства, улучшенная пища на случай болезни, разные духовные потребности – 1 руб.; предметы роскоши – 20 коп.[554] В ходе настоящего исследования аналогичных источников не удалось обнаружить. В наших силах лишь попытаться проанализировать уровень цен на продукты питания и предметы потребления в Вологодской губернии и соотнести их с размерами жалованья служащих.

В приложении 34 представлена динамика цен на протяжении изучаемого периода, исходя из которой, мы можем заключить, что стоимость товаров росла неравномерно. Наибольший рост цен был свойственен для привозных продуктов (чай, арбузы, осётр и др.), а увеличение стоимости на товары местного производства было умеренным. Современники отмечали, что по сравнению с другими городами жизнь в Вологде была весьма недорогой. Л.Д. Александров относительно 1870-х гг. писал: «с внешней стороны жизнь в Вологде, конечно, не отличалась от таковой же многого множества городов обширной матушки Руси,

---

[553] Цит. по: Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб., 2001. – С. 120–121.

[554] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 84.

но имела и некоторые свои особенности, между коими баснословная дешевизна занимала далеко не последнее место… Цены на все жизненные продукты были столь низки, что целые семьи в 6–8 душ, не нуждаясь, проживали на 25–30 руб. [серебром] в месяц, считая тут квартиру и образование детей». Автор указал цены на некоторые продукты питания: фунт лучшего сорта мяса стоил 5–6 коп. серебром, телятина – 3–4 коп., масло – 18 коп. Сравнение этих цифр с данными конца 1830-х гг., даёт основание считать, что за 20 лет цены выросли примерно на треть. «Для простого рабочего люда, – отмечал Л.Д. Александров, – существовали харчевни, где за плату в 3 коп. можно было получить сытный обед из двух блюд… За 10 руб. в месяц можно было найти отличную большую квартиру. Очень дёшевы были дома. Так, за 1,5–2 тыс. можно было приобрести двухэтажный дом с обширной землёй и хозяйственными постройками»[555]. К этому следует добавить, что стоимость товаров и услуг в уездных городах была ниже, чем в Вологде[556]. Имея в распоряжении такие данные, логично предположить, что расходы рядового чиновника Вологодской губернии не должны были превышать бюджета, опубликованного Зайончковским.

Следует также уделить внимание и результатам исследований В.А. Иванова, подсчитавшего прожиточный минимум провинциальных служащих. Так, в середине XIX в. для холостого чиновника, по мнению автора, он составлял 125 руб. в год, для семейного, имевшего не более 4 детей – 200 руб.[557] Исходя из данных формулярных списков, в которые с 1840-х гг. начали вносить сведения об окладах, мы можем привести некоторую статистику относительно размеров получаемого чиновниками содержания. Так, в середине XIX в. 21,6% служащих Вологодской губернии полагалось жалованье менее 100 руб.; 62,9% – от 100 до 300; 14,7% – от 300 до 1 000; 0,8% – свыше 1 000[558]. Если мы соотнесём размеры жалованья с указанными выше нормами прожиточного минимума, то получатся следующие цифры: среди холостых служащих, включая вдовцов без детей, 44% получали менее 125 руб. в год, 45% – от 125 до 300, 11% – свыше 300; среди семейных, включая бездетных, 53% получали менее 200 руб., 31% – от 200 до 300,

---

[555] Александров Л.Д. Внешняя жизнь в Вологде (Из воспоминаний о 70–80 годах в Вологде) // Светоч и дневник писателя. – 1910 – № 3. – С. 104–105.

[556] См.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 441 (1838 г.). – Ч. 1. – Л. 371 об.–380.

[557] См.: Иванов В.А. Уровень материального обеспечения местного чиновничества в России в середине XIX в. (опыт статистического анализа) // Власть. – 2012. – № 8. – С. 124.

[558] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288.

16% – свыше 300. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что крайне низкое жалованье (менее 100 руб.) в середине века было у каждого пятого служащего, до прожиточного минимума не дотягивали доходы (считая семейных и холостых) – у каждого второго. Достойное содержание обеспечивалось лишь 15% чиновничества (оклады свыше 300 руб., включая столовые и квартирные деньги). К этому следует добавить, что собственным жильём была обеспечена лишь треть служащих[559] (по данным формулярных списков в 1838 г. 27% от всех чиновников обладали домами, в 1850-е гг. – 30%)[560].

Подводя итог характеристике материального положения служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в., отметим следующее.

1. Основным источником средств существования для абсолютного большинства служащих государственного аппарата Вологодской губернии была их служебная деятельность, в легальной плоскости которой основную роль играла величина получаемого жалованья.

2. Должностные оклады чиновников первой четверти XIX в., выплачиваемые ассигнациями, регулировались штатными расписаниями начала века и не индексировались по уровню инфляции. Ухудшающееся по мере обесценивания бумажных денег положение служащих, правительство пыталось улучшить путём ассигнования «прибавочных сумм» и позволения экстраординарных сборов, но делало это избирательно и несбалансированно, что на практике привело к появлению запуганной системы оплаты труда. В наиболее выгодном положении оказались местные учреждения Министерства финансов, которые к 1830-м гг. получали от ½ до ¾ от общей суммы расходов на государственный аппарат губернии.

3. В первой четверти XIX в. наименее обеспеченной частью бюрократического аппарата были канцелярские служители, чьё денежное довольствие определялось по остаточному принципу из общих сумм, выделявшихся на канцелярию, а размеры выплат напрямую зависели от воли начальства. На величине жалованья приказных служителей отражалось не только обесценивание денег, но и

---

[559] В 1835 г. дворянам и чиновникам Вологодской губернии принадлежало 552 дома (Линк И. Обозрение состояния городов Вологодской губернии в 1835 году // Журнал Министерства внутренних дел. – 1836. – № 12. – С. 389).

[560] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. –6; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

происходившее по мере увеличения объёмов делопроизводства расширение составов канцелярий, обусловливавшее их нищенское положение.

4. В конце 1830-х – начале 1840-х гг., вместе с пересмотром штатных расписаний, пересчётом окладов на серебро, упорядочиванием компенсационных и стимулирующих выплат, оформлением системы пенсионного обеспечения, материальное положение чиновничества существенно улучшилось. В обновлённых штатных расписаниях закрепился дифференцированный подход к оплате труда, что проявилось в зависимости размера жалованья от статуса и значимости учреждения / должностного лица в структуре государственного аппарата. Реальные денежные выплаты чиновникам были приведены в соответствие с закреплёнными законом окладами. В проигрышном положении оказались судебные учреждения, объёмы финансового обеспечения которых заметно уступали полицейским и финансовым органам. По мере фиксации в штатных расписаниях канцелярских должностей с указанием их окладов положение данной категории служащих стабилизировалось и улучшалось.

5. В процессе регулирования расходов на содержание местного государственного аппарата правительство отодвинуло на второй план заботу о наполнении присутственных мест «достойными в знании и честными людьми» и руководствовалось сугубо фискальными соображениями, допуская только минимально необходимые издержки и частично покрывая затраты посредством постоянных и временных вычетов из окладов служащих. Такой подход позволил государству к середине XIX в. обеспечить приемлемый уровень оплаты труда лишь руководящему составу губернского и уездного звена управления. Основная же масса служащих довольствовалась очень скромными выплатами, суммы которых не обеспечивали условий для нормальной жизнедеятельности.

Глава III. Деятельность государственного аппарата Вологодской губернии

3.1. Условия функционирования органов местного управления

Механизм функционирования местного государственного аппарата – наиболее сложная, с исследовательской точки зрения, составляющая системы местного управления, в процессе изучения которой историки применяют разные методы и подходы, используют различные по происхождению и значению документальные свидетельства. В настоящем параграфе основное внимание будет уделено условиям функционирования местного государственного аппарата, оказывавшим непосредственное влияние на ход и результаты его работы.

1. Нормативно-правовое обеспечение деятельности местного государственного аппарата.

Деятельность местных органов власти определялась исходящими от верховной власти указами, постановлениями и инструкциями, уровень понимания которых не только влиял на качество работы, но и предопределял её конечный результат. Иными словами, каждый служащий должен был осознавать, какая перед ним стоит задача, каким образом он должен её решать.

Детальный анализ правового регулирования деятельности всех учреждений, входивших в структуру местного государственного аппарата, в рамках настоящего исследования, физические объёмы которого весьма ограничены, не позволит раскрыть иные аспекты изучаемой проблемы. Поэтому мы остановимся на рассмотрении центрального элемента местного управления – губернской администрации. Ввиду того, что правительство уделяло повышенное внимание губернаторам и губернским правлениям, анализ правового регулирования их деятельности позволит оценить общий уровень нормативно-правового обеспечения изучаемой системы.

Как уже стало ясно из предыдущего текста, законодательная база системы местного управления начала XIX в. формировалась вокруг положений Учреждения о губерниях 1775 г., в соответствии с которыми и регулировалась деятельность губернской администрации. Между тем, данный законодательный акт, в процессе его практического применения, вызывал серьёзные затруднения. Во-первых, оставалось неясным какие именно полномочия, из закреплённых за

должностью наместника, переходили к губернатору. Во-вторых, после упразднения института наместничества силу приобретал порядок замещения должностей, изложенный в ст. 102, в соответствии с которым губернатор, становясь начальником губернии, должен был отправлять свою должность «по данным губернаторам наказам»[561]. Речь идёт о Наказе губернаторам и воеводам и их товарищам от 12 сентября 1728 г.[562] и Наставлении губернаторам от 21 апреля 1764 г.[563] Оба документа, хотя и содержали перечень занятий начальников губернии, но, очевидно, что к началу XIX в. уже безнадёжно устарели. В-третьих, полномочия губернского правления определялись более чем размыто[564]. Следовательно, губернатор и губернское правление не имели чётких указаний и инструкций на то, что конкретно им нужно было делать, при помощи чего и каким образом, и каков должен быть конечный результат их деятельности. Иными словами, эти два важнейших института в системе местного управления вынуждены были работать, не имея представления ни о своих полномочиях, ни об их пределах.

Уже сразу после вступления в силу Учреждения о губерниях 1775 г. стали появляться затруднения. В 1780–1790-е гг. выработалась практика заполнения обнаружившихся пробелов правового регулирования отдельными указами, которые представляли собой реакцию на выявляемые проблемы и были посвящены частным аспектам деятельности губернской администрации. Эта тенденция наблюдалась в период правления Александра I, а затем и Николая I (до 1837 г.). В приложении 35 все выявленные узаконения, регулировавшие деятельность губернской администрации, сгруппированы в зависимости от их содержания и распределены по хронологическим отрезкам в соответствии с датой их обнародования (табл. 1, 2). В первую очередь нас интересовали отдельные указы, издававшиеся для конкретизации и дополнения основных законодательных актов,

[561] См.: ПСЗ–1. – Т. 20. – № 14 392.

[562] См.: Там же. – Т. 8. – № 5 333.

[563] См.: Там же. – Т. 16. – № 12 137.

[564] Ст. 96 Учреждения о губерниях 1775 г. следующим образом определило полномочия губернского правления: «бдение своё прилежно простирает, дабы законы были везде исполняемы, взыскание чинит со всех непослушных, роптивых, ленивых и медлительных, пеню на них налагает, и буде не исправляются, то оных к суду отсылает; тщание имеет, дабы учреждения полицейские или благочиния и торговли сохраняемы и исполняемы были с точностью. Все непорядки законам противные заблаговременно прекращает, прилежное старание имеет о установлении, утверждении и сохранении в ненарушимости всякого рода благоиравия, порядка, мира и тишины не токмо в городах, селях и деревнях, но и во всех подчинённых той губернии землях и водах, также и на дорогах во оной лежащих» (См.: Там же. – Т. 20. – № 14 392).

поэтому в подсчёт не включены Учреждение о губерниях 1775 г., Наказ губернаторам 1837 г., Положение о губернских правлениях 1837 г. и Учреждение губернских правлений 1845 г., о которых будет сказано особо.

Избранный нами метод позволяет увидеть: во-первых, в какой период времени недостатки нормативно-правового обеспечения ощущались особенно остро; во-вторых, каким сферам правового регулирования государство уделяло основное внимание. Итак, с 1775 по 1855 г. в отношении губернского правления издано 339 указов, в то время как начальникам губерний был адресован – 451. Среди первых половину составляли законодательные акты, разрешавшие проблемы в деятельности губернских правлений конкретных губерний, среди вторых – напротив, преобладали указы, регулировавшие общий порядок исполнения должности. Ввиду того, что правовые условия деятельности и того, и другого института местной власти в равной мере нуждались в пересмотре, выявленные цифры свидетельствуют о том, что правительство заботило положение губернатора, которого, видимо, оно рассматривало в качестве центральной фигуры системы местного управления.

Наибольшая законотворческая активность приходится на период 1801–1837 гг., что неудивительно. В условиях усложнявшихся управленческих процессов, как в центре, так и на местах, пространство полномочий губернской администрации продолжало оставаться размытым и открытым для интерпретаций, что неизбежно приводило к появлению проблем практического характера. Проследим, какую информацию сообщает содержание указов. Численность актов обязывающего характера отражает то, что законодательство шло по пути конкретизации и детализации должностных обязанностей. Львиная доля указов содержала требования о регулярном доставлении в центр разного рода статистических справок и срочных ведомостей (данные о работе присутственных мест, разного рода статистика: движение народонаселения, урожайность, промышленность, подати и повинности, происшествия, здравоохранение, учебные заведения и т.д.). Определённая часть законов, именовавшихся «подтверждениями», содержали предписания полностью или частично дублировавшие друг друга или ранее изданные акты (в том числе нормы Учреждения о губерниях

1775 г.)[565] Иными словами, правительство напоминало губернской администрации, какие обязанности на них лежали и предписывало ей руководствоваться в деятельности существующим законодательством. Так, Александр I трижды указывал губернаторам на обязанность соблюдать «пределы власти, назначенные им законами»[566]. В тексте первого из этих указов (от 16 августа 1802 г.) содержалось перечисление того, что дозволено делать начальникам губерний и что запрещено. Этот документ можно считать единственной законодательной попыткой за всю первую четверть XIX в. очертить круг их полномочий[567]. Последующие два указа (1814 и 1816 гг.) обязывали следовать закону от 16 августа 1802 г.

Нормативные правовые акты, принимавшиеся в отношении расширения прав, либо были продиктованы практической необходимостью[568], либо касались маловажных вопросов[569], либо носили вынужденный характер, будучи связанными с проблемами, решение которых возможно было только при активном участии губернского начальства[570]. В целом правительство, допуская расшире-

---

[565] Подтверждения в отношении губернатора см., например: Там же. – Т. 26. – № 20 372; Т. 32. – № 25 028, 25 738; Т. 33. – № 26 407; Т. 35. – № 27 563; Т. 37. – № 28 715; Т. 40. – № 24 425а; ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 096, 1 656; Т. 5. – № 3 565; Т. 7. – 5 161, 5 632; Т. 8. – Отд. 1. – № 6 476, 6 518; и др. Подтверждения в отношении губернского правления см., например: ПСЗ–1. – Т. 25. – № 18 737; Т. 27. – № 20 251, 20 372; Т. 33. – № 26407; Т. 36. – № 27 654, 27 660; ПСЗ–2. – Т. 1. – № 589; Т. 2. – № 1 070, 1 424, 1 484; Т. 3. – № 2 313; Т. 8. – Отд. 1. – № 6 476; Т. 9. – Отд. 2. – № 7 558; Т. 10. – Отд. 2. – № 8 409; и др.

[566] См.: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 20 372; Т. 32. – № 25 738; Т. 33. – № 26 407.

[567] С целью устранения имевших место нарушений норм Учреждения о губерниях 1775 г. губернаторам предписывалось управлять не единолично, а посредством губернских правлений, повсеместно следить за исполнением законов, усилить контроль над городской и сельской полицией, следить за законностью судебных определений, пресекать «гнусное лихоимство, отвращая малейшее поползновение к оному», не допускать медленности и нарушения канцелярского порядка в работе присутственных мест, не допускать превышения полномочий должностных лиц, следить за застройкой городов согласно утверждённым планам. Губернаторам запрещалось производить произвольную выдачу в заём сумм приказа общественного призрения, вмешиваться в рассмотрение судебных дел, своевольно и пристрастно назначать, увольнять и представлять к повышению в чине служащих присутственных мест, вмешиваться в дворянские и гражданские выборы, давать чиновникам частные поручения по маловажным и несрочным делам, рассматривать частным порядком, поступающие к ним жалобы (См.: Там же. – Т. 27. – № 20 372).

[568] Например, указ от 23 октября 1817 г., разрешавший «гражданским губернаторам [при экстренных сборах] приготовлять дрова и солому для войск, без предварительных о том сношений с управляющим Министерством полиции»; указ от 24 января 1836 г., дозволявший губернаторам «вводить военную экзекуцию в упорствующие в платеже податей казённые селения» (См.: Там же. – Т. 40. – № 27 104в; ПСЗ–2. – Т. 11. – Отд. 1. – № 8 813).

[569] Например, указ от 30 ноября 1829 г., предоставлявший губернаторам право «утверждать на счёт градских доходов постройки, не превышающие 1000 руб. ассигнациями»; указ от 24 сентября того же года, разрешавший губернаторам «в непредвиденных случаях расходы на земские повинности до 2000 руб.»; указ от 20 февраля 1837 г., дозволявший губернаторам «самим разрешать освобождение от крепостных работ бродяг, которые по истечении срока, окажутся хорошего поведения, не представляя высшему начальству» (См.: Там же. – Т. 4. – № 3 190, 3 312; Т. 12. – Отд. 1. – № 9 955).

[570] Например, указ от 1 января 1831 г., позволявший губернаторам «производить доследование по делам уголовным, поступающим к ним на утверждение из второй уголовной инстанции»; указ от 11 октября

ние полномочий губернской администрации, в первую очередь преследовало свои интересы, поскольку продолжительные переписки по каждому, даже самому незначительному вопросу, вели к увеличению объёмов документооборота в министерствах. Кроме того, в чрезвычайных случаях, когда определяющее значение имел фактор времени, прохождение согласований по всем вышестоящим инстанциям могло нанести и существенный вред.

Издание запретительных указов было направлено на предупреждение превышения властных полномочий. Несмотря на немногочисленность таких нормативных правовых актов, их содержание имеет большую ценность для настоящего исследования, поскольку фиксирует нарушения в деятельности губернских администраций, которые не оставались без внимания верховной власти. Среди них особо следует выделить несколько направлений.

Во-первых, государство демонстрировало намерение бороться со взятками. О запрете губернаторам принимать подарки Александр I предписывал четырежды, а в 1832 г. ещё раз напомнил Николай I[571].

Во-вторых, следует выделить ряд указов, направленных на защиту прокурорского надзора от влияния губернской администрации: указ от 29 сентября 1805 г. О запрете губернаторам давать ордеры губернским прокурорам; от 28 сентября 1828 г. О запрете губернаторам производить аттестации губернских прокуроров и стряпчих; от 14 июля 1833 г. О запрете губернским правлениям определять к должностям стряпчих без представления губернского прокурора[572]. Согласно законодательству единственным предметом деятельности губернского прокурора и стряпчих являлся «непосредственный надзор за порядком производства дел» в присутственных местах[573], однако справиться с этой

1839 г., предоставляющий губернаторам право «назначать наказание за членовредительство, учинённое во избежание рекрутства» (См.: Там же. – Т. 6. – Отд. 1. – № 4 235; Т. 14. – Отд. 1. – № 12 759).

[571] См.: ПСЗ–1. – Т. 26. – № 20 030; Т. 32. – № 25 028; Т.37. – № 28 715; Т. 40. – № 24 425а; ПСЗ–2. – Т. 7. – № 5 223.

[572] См.: ПСЗ–1. – Т. 28. – № 21 923; ПСЗ–2. – Т. 3. – № 2 309; Т. 8. – Отд. 1. – № 6 322.

[573] Закон отводил прокурорам и стряпчим роль сторонних наблюдателей за деятельностью местных учреждений, главной функцией которых являлось информирование обо всех выявленных фактах нарушения закона. Практическое осуществление их полномочий сталкивалось с абсолютной размытостью правовой регламентации. Аморфные формулировки норм, раскрывавших компетенцию прокурора («наблюдать» за исполнением законов, «содействовать» законному течению дел, «побуждать» к исполнению должностных полномочий, «отвращать» злоупотребления и т.п.), не содержали указаний на конкретные действия, а сущность властных полномочий определялась как обязанность «по всем замеченным им злоупотреблениям и беспорядкам доносить немедленно губернскому начальству», а в определённых случаях – министру юстиции (См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 160, 163).

задачей, будучи зависимыми от губернской администрации, в подчинении которой находились учреждения, было крайне сложно. Также согласно указу от 27 апреля 1826 г. губернаторы несли персональную ответственность «за медленность в производстве дел по присутственным местам их губернии», а на губернских прокуроров возлагалась обязанность в случае замеченного «небрежения» сразу же доносить министру юстиции, который ежемесячно должен был представлять императору списки тех донесений[574]. Основным инструментом прокурорского надзора являлся просмотр делопроизводственной документации местных учреждений (журналы заседаний), а также сбор статистических данных о движении дел. При обнаружении нарушений установленного порядка работы присутственных мест, прокурор сообщал об этом губернскому начальству, которое должно было принять соответствующие меры. На практике данная форма взаимодействия работала далеко не всегда гладко и могла привести к конфликтным ситуациям.

Ярким примером может служить карьера А.А. Зубова, назначенного в декабре 1825 г. вологодским прокурором. Его отношения с губернской администрацией с самого начала складывались непросто. С лета 1827 г. Зубов неоднократно доносил министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому, что губернатор Н.П. Брусилов игнорирует его замечания по поводу работы полиции[575]. К концу 1829 г. отношения между губернатором и прокурором обострились. В октябре 1829 г. Брусилов в отчёте «об обозрении вверенной ему губернии» указал, что все учреждения находятся в «хорошем виде». Вслед за этим прокурор Зубов представил министру юстиции Д.В. Дашкову пять рапортов, в которых негативно отзывался о работе местной полиции. Он указывал на фиктивность отчёта губернатора и доказывал, что местное начальство, поддерживаемое генерал-губернатором С.И. Миницким, покрывало злоупотребления чиновников. Возможно, этот протест прокурора остался бы без внимания, если бы в дело не вмешался генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф, который в феврале 1830 г. настоятельно попросил министра юстиции разобраться в ситуации. При этом граф указал, что Зубов «один из лучших и справедливейших чиновников губернии», а «губернатор с некоторого времени открыто говорит в городе, что он настоит,

[574] См.: ПСЗ–2. – Т. 1. – № 281.
[575] См.: ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 508. – Л. 1–2.

чтоб прокурора сменили»[576]. Описываемый инцидент стал одной из причин сенаторской ревизии в 1830 г., о которой подробнее будет сказано далее. Конечно, подобные ситуации были редкостью, потому что основная масса местных чиновников не имела таких покровителей как шеф жандармов и старалась не конфликтовать с губернской администрацией[577].

В-третьих, несмотря на то, что руководство делами губернии должно было осуществляться только посредством губернских правлений, «обременять» их «излишней переписки» губернаторам запрещалось (указ от 21 ноября 1804 г.), так же как и отвлекать чиновников «от исполнения их должностей посторонними и маловажными поручениями» (указ от 24 июля 1823 г.)[578]. В данном случае мы выходим на проблему обеспеченности начальников губерний ресурсами, необходимыми для исполнения всё возраставшего на протяжении изучаемого периода количества должностных обязанностей. Естественно, в таких условиях губернаторам приходилось периодически «заимствовать» помощников из губернских учреждений. Остановимся несколько подробнее на этой проблеме. В период до 1836 г. по штату губернаторы могли иметь при себе только секретаря, а также им выделялась совсем небольшая сумма на наём писцов. В то же время, помимо исполнения основных обязанностей по управлению губернией, важной частью работы губернатора являлось составление отчётов, справок, знакомство с содержанием статистических ведомостей, объёмных приговоров суда и т.п. Так, в 1834 г. количество документов, адресованных вологодскому губернатору, равнялось 7 755, а численность дел, поступивших в его канцелярию – 2 239[579]. Соотнеся данные цифры с числом присутственных дней в году, мы получим, что ежедневно губернатору необходимо было ознакомиться с 18 бумагами и ещё по 12 бумагам принять решение и начать производство. Канцелярия вологодского губернатора, по сравнению с соседними, не отличалась высокими показателями обрабатываемой документации (см. прил. 36), однако при условии добросовестного исполнения и точного следования всем положениям закона,

[576] См.: Там же. – Ф. 806. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 9–10 об.

[577] Мнение прокурора далеко не всегда встречало поддержку министра юстиции. Так, согласно с официальными данными в 1844 г. в Министерство юстиции поступил 271 протест губернских прокуроров, из которых 171 был предложен на рассмотрение Сената, а 90 – оставлено «без последствий». Из 271 протеста 99 было по уголовным делам, 95 – по гражданским, 77 – по делам управления и надзора, из которых дошло до рассмотрения Сената всего 56 (См.: Муравьёв Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1: Прокуратура на Западе и в России. – М., 1889. – С. 348).

[578] См.: ПСЗ–1. – Т. 28. – № 21 522; Т. 38. – № 29 548.

[579] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 3366. – Л. 4 об.–5.

даже выполнение такого уровня нагрузки должно было занимать и рабочее, и нерабочее время губернатора и требовало наличия аналитических способностей и таких личных качеств, как внимательность, педантичность, аккуратность, повышенная работоспособность. Для начальников губернии, особенно пришедших с военной службы, где более приветствовались дисциплина и физические, нежели умственные «упражнения», а таких в Вологодской губернии было большинство, эта составляющая их служебной деятельности вызывала определенные сложности.

В первой четверти XIX в. некоторое распространение получила практика командирования губернатором доверенных лиц из числа присутствующих губернских органов власти с разного рода поручениями[580]. Именно на борьбу с этим явлением был направлен указ, запрещавший отвлекать чиновников. Между тем, в 1820 г. губернатор И.И. Попов в своём отчёте указал, что в Вологодской губернии чаще, чем в других, появлялась необходимость «посылать надёжных чиновников по уездам», и ходатайствовал о назначении при нём двух служащих для особых поручений[581]. Однако эта должность появилась в местном государственном аппарате только в 1827 г.[582]

В законодательстве не указывались обязанности чиновников для особых поручений, но в формулярных списках служащих часто прописывалось, какие именно поручения им давали. Ввиду того, что роли и значению этой должности в системе внутригубернского контроля не уделялось внимания в историографии, следует рассмотреть данный вопрос. В приложении 37 приведены списки поручений, исполнявшихся двумя чиновниками: Е.И. Зависецким и И.С. Груздевым. Е.И. Зависецкий являлся одним из первых, кого назначили на должность в момент её учреждения. За время своей службы, с марта 1829 г. по октябрь 1836 г., он исполнил 17 поручений, среди которых: три секретных дела с политическим подтекстом; девять расследований правонарушений, включая пять должностных преступлений, и два нарушения правил продовольственного обес-

---

[580] К примеру, П.И. Жеребчиков за время пребывания в должности дворянского заседателя Вологодской палаты гражданского суда в 1820–1822 гг. был пять раз командирован для исполнения разного рода «особых поручений»: в Кадниковский уезд для расследования должностных преступлений, в Грязовецкий – для проведения следствия по уголовному делу, в Вологодский – для ревизии приходорасходных книг комиссионера провиантского штата, в Сольвычегодск и в Великий Устюг для взыскания недоимок (См.: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 94 об.–95).

[581] См.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 824 об.–825.

[582] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 139.

печения войск; один осмотр частного лесного участка; расследование причин нехватки хлеба в одной из волостей и помощь во взыскании податей; два задания по оценке состояния больших дорог; ряд поручений в связи с эпидемией холеры[583]. Обратив внимание на даты исполнения служебных заданий, мы увидим значительный временной промежуток после 25 октября 1830 г., когда Е.И. Зависецкий был привлечён к работе по борьбе с холерой. В формулярном списке не перечислялись конкретные мероприятия, в которых он принимал участие, но, очевидно, их было довольно много, поскольку на преодоление эпидемии и её последствий ушло более года[584]. После этого до ноября 1834 г. указано только одно поручение, что трудно объяснить, поскольку данных об отпуске или отлучке от должности нет. По каким-то неизвестным причинам в этот период он не получал заданий и, возможно, занимался при канцелярии делопроизводственной работой.

И.С. Груздев был назначен на должность в то время, когда чиновники особых поручений были законодательно закреплены в структуре канцелярии губернатора. За время службы, с сентября 1839 г. по декабрь 1842 г., он исполнил 35 поручений, а именно: три секретных дела с политическим подтекстом; девятнадцать расследований правонарушений, включая шесть должностных преступлений; пять осмотров частных лесных участков; две ревизии делопроизводства правительственных учреждений; два задания по оценке состояния хлебных магазинов помещичьих крестьян; один осмотр частновладельческих заводов; два поручения по контролю за исполнением рекрутской повинности; одно поручение по контролю за исполнением городских повинностей[585].

Проанализировав содержание особых поручений, можно выделить характерные черты рассматриваемой должности. Во-первых, служба чиновников предполагала большое количество командировок по всей территории губернии (численность заданий, исполнявшихся в пределах губернского города, была незначительной). Во-вторых, поручения исходили как от начальника губернии, так и от губернского правления, следовательно, чиновники действовали от лица всей губернской администрации (в современном понимании, принцип делегиро-

[583] См.: ГА ВО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 153 об.–163.

[584] См., например: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 514. – Л. 667; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 297, 421–421 об., 428, 442, 451; Д. 104. – Л. 6–6 об., 85–85 об., 172 об.–173, 203, 204, 222 об., 234; и др.

[585] См.: Там же. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 214 об.–233.

вания полномочий). В-третьих, особые поручения охватывали широкий круг вопросов: от помощи по взысканию податей и недоимок до следствий по делам особой важности, расследований преступлений. Поручения, не относившиеся к ведению полиции, исполнялись совместно со служащими тех учреждений, которые были уполномочены решать эти вопросы. В-четвёртых, в лице чиновников особых поручений губернская администрация получила инструмент для контроля качества работы уездных должностных лиц. Таким образом, главным назначением института чиновников особых поручений являлось оперативное реагирование на нарушения и сбои в работе уездного звена государственного аппарата. Исполнение поручений предполагало тщательную проверку произошедшей на месте ситуации, с целью выявить её причины и способствовать её разрешению. Появление этой должности и закрепление её в структуре государственного аппарата преследовало цель повысить качество работы губернской администрации.

Весьма интересной стороной правового регулирования деятельности губернской администрации являлись нормы, устанавливавшие ответственность. В современном обществе общепризнанно действие принципа: чем выше уровень занимаемой должности, тем больше ответственность. Однако из приложения 35 мы видим, что указы, это предусматривавшие, немногочисленны. Содержание норм обнаруживает различные позиции императоров по данному вопросу. Так, наиболее жёсткие меры были характерны для законодательства Павла I. Указом от 15 апреля 1797 г. предписывалось налагать на имения губернаторов секвестр за накопление недоимок, а указом от 1 марта 1800 г. – исключать из службы и «подвергать имение ответственности» за разграбление почты[586]. В отношении губернских правлений император также проявлял жёсткую позицию, налагая на них ответственность за медлительность (согласно указу от 18 июля 1797 г., если будет замечено промедление губернского правления в процессе взысканий, то недостающие суммы обращать на присутствующих лиц с преданием их суду)[587]. При Александре I указанные нормы не применялись на практике, даже в случаях, когда недоимки по отдельным губерниям достигали огромных размеров (о чём более подробно будет сказано во втором параграфе настоящей главы). В

[586] См.: ПСЗ–1. – Т. 24. – № 17 920; Т. 26. – № 19 301.
[587] См.: Там же. – Т. 24. – № 18 052.

целом нормотворчество первой четверти XIX в. не предусматривало суровых наказаний провинившимся начальникам губерний[588]. При Николае I наметилась обратная тенденция. Был принят уже ранее упомянутый указ об ответственности губернаторов за медлительность в делопроизводстве присутственных мест. Под страхом увольнения запрещалось предавать суду невиновных подведомственных чиновников[589]. Также предписывалось взыскивать с начальников губерний расходы на временные экспедиции при губернских правлениях, создававшиеся для решения накопившихся дел и ещё ряд указов, предусматривавших имущественную ответственность[590]. Однако все принятые за период с 1775 по 1837 гг. законы устанавливали меры взыскания лишь в редких случаях. Регламентированной процедуры привлечения к ответственности не существовало. Возможно, именно этим объясняются многочисленные примеры недобросовестного исполнения губернаторами своих прямых обязанностей, нашедшие отражение в мемуарной литературе[591].

Следует отметить, что вологодские губернаторы не отличались особым усердием в своей служебной деятельности. Абсолютное большинство из них мало следили за делопроизводственными процессами, не замечая беспорядков и должностных преступлений даже в своей канцелярии[592]. Иного и не следовало ожидать, поскольку выявленные в ходе исследования материалы свидетельствуют, что высших должностных лиц губернии даже за преступное поведение с трудом привлекали к ответственности, а что до их небрежного отношения к службе, то негативных последствий практически никогда не наступало, хотя встречались и исключения из правил. Так, к примеру, в результате халатности чиновников, в том числе и служащих приказа общественного призрения, вологодской помещице был причинён ущерб в 3 100 руб.[593] После почти десятилетнего судебного разбирательства и неоднократного возвращения дела из Сената в

---

[588] См., например: Там же. – Т. 32. – № 25 209.

[589] См.: ПСЗ–2. – Т. 1. – № 174.

[590] См.: Там же. – Т. 2. – № 1 301; Т. 5. – Отд. 2. – № 4 206а; Т. 6. – Отд. 1. – № 4 289.

[591] См., например: Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева // Русский архив. – 1891. – Кн. 1. – № 2. – С. 329; То же // Там же. – Кн. 3. – № 11. – С. 435; Воспоминания Валерьяна Ивановича Сафоновича // Русский архив. – 1903. – Кн. 2. – № 5. – С. 107; Губернатор доброго старого времени. Воспоминания старожила // Русская старина. – 1907. – Т. 131. – № 7. – С. 188–193; Казанская старина (Из воспоминаний Ив. Ив. Михайлова) // Русская старина. – 1899. – Т. 100. – № 10. – С. 100; Листовский И. Рассказы из недавней старины // Русский архив. – 1879. – Кн. 3. – № 10. – С. 261; и др.

[592] См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 744–749; Д. 186. – Л. 1237–1239 об.; Д. 199. – Л. 630–634.

[593] См.: Там же. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 26. – Л. 10.

палату уголовного суда на пересмотр[594] в 1836 г. император одобрил решение, по которому ущерб должны были покрыть все причастные к делу чиновники пропорционально получаемому ими жалованью[595]. К таковым относился и глава приказа общественного призрения губернатор Н.П. Брусилов. Конечно, он тут же подал жалобу в Государственный совет в попытке опротестовать приговор, но привлечение его к ответственности в полной мере соответствовало законным предписаниям[596].

Абсолютное большинство норм рассмотренных нами указов, регламентировавших работу губернской администрации, выработались в процессе административной практики. Иными словами, при появлении затруднения в решении того или иного вопроса либо вскрытии нарушения в деятельности конкретного губернского правления или начальника губернии, сложившаяся ситуация рассматривалась в правительстве, а принимаемое им решение облекалось в форму указа. Конечно, такой подход к законотворчеству неизбежно приводил к дублированию норм, появлению противоречащих друг другу актов, вёл к казуистичности права, детализировавшего и конкретизировавшего вопросы, имевшие частное значение, что попросту «засоряло» законодательство. Однако осознание необходимости пересмотра нормативно-правового обеспечения местного государственного аппарата пришло далеко не сразу. Так, в 1833 г. Сенат слушал предложение министра юстиции по поводу «возникающих сомнений между присутственными местами и начальниками губерний в применении вновь выходящих постановлений к прежде изданным законам». Министр счёл, что исходящие из местных учреждений запросы на разъяснение новых указов следует удовлетворять только в том случае, если «ими действительно были встречены на опыте затруднения в исполнении оных, или когда бы самый буквальный смысл изданного закона подавал повод к недоразумению»[597]. Следовательно, губернским администрациям запрещалось «обременять напрасными вопросами» правительство. При этом ни министр, ни Сенат при рассмотрении этого вопроса не учитывали, что губернские места были наполнены полуграмотными и профессионально неподготовленными чиновниками, которые в действительно-

[594] Подробнее см.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 121. – Л. 447–447 об.; Д. 123. – Л. 745–746.
[595] См.: Там же. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 26. – Л. 10.
[596] См.: Там же. – Л. 3–3 об.
[597] См.: ПСЗ–2. – Т. 8. – Отд. 1. – № 5 992.

сти могли не понимать смысла указа и применять его на практике совершенно не так, как то предполагал законодатель. Естественно, в таких условиях сложно было привлекать к ответственности чиновников, нарушавших свои должностные обязанности, по причине их непонимания.

Между тем в 1830-е гг. становилось очевидным, что фактическое состояние губернской администрации, не наделённой законными средствами достаточными для поддержания порядка на местах, требовало особого внимания властей. В частности, в 1831 г., после обозрения состояния ряда губерний, на эту проблему обратил внимание министр внутренних дел А.А. Закревский: «Гражданский губернатор, от всех называется начальником или хозяином губернии. Всё, что ни делается, особенно же всякий беспорядок в губернии по какой бы части он не происходил, относится к нему первому. Обиженный и притеснённый, терпящий от проволочки дела или от неправого решения ропщет на губернатора, не рассуждая ни о пределах его власти, ни о способах, чем и как ей дозволено действовать. Власть губернатора по губернскому правлению, по градским полициям и земским судам довольно значительна… Но к сожалению недостаток способов и средств и здесь полагает ему камень преткновения… В прочих частях губернского управления влияние губернатора весьма слабое или вовсе ничтожное»[598]. Губернское правление министр внутренних дел охарактеризовал как учреждение, главной заботой которого было не утонуть в огромном потоке бумаг[599].

Важным положительным результатом систематизации законодательства второй четверти XIX в. стала возможность увидеть и проанализировать имевшиеся пробелы и недостатки правового регулирования местного государственного аппарата, что, по всей видимости, и позволило разработать нормативные правовые акты, принятые в 1837 г. Наказ губернаторам 1837 г. стал документом, вобравшим все прежде изданные указы, переработанные с учётом накопленного опыта управления. Он представлял собой обширный документ, включавший 346 статей, сгруппированных в 14 разделов[600]. Наказ отличался четкой последовательностью, основное место в нём отводилось полномочиям, сгруппированным в соответствии со сферами реализации. Управленческие и надзорные права и

[598] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 903. – Л. 1–2.
[599] См.: Там же. – Л. 7–7 об.
[600] См.: ПСЗ–2. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 303.

обязанности губернатора в количественном соотношении между собой характеризовались следующими показателями: 9,5% касались вопросов общегубернского управления, 55,8 – полицейского (из них 13,6% – охрана безопасности и общественного спокойствия, 19,7% – народное продовольствие и общественное хозяйство, 9,9% – надзор за исполнением повинностей, 5,1% – охрана народного здравия, 7,5% – управление опеками и общественным призрением), 10,9% – казённого, 20,4% – судебного и 3,4% – отношения с военным ведомством. Как видим, большинство норм закона было посвящено административно-полицейским функциям. Осуществлять он мог их только посредством коллегиальных органов – губернского правления и специальных учреждений (приказ общественного призрения, комитеты и комиссии), в которых председательствовал. Полномочия губернатора и губернского правления были тесно переплетены и взаимозависимы. Так, губернатор самостоятельно выбирал время для ревизии губернии и определял её объёмы, но результаты проверки со своими замечаниями и предложениями он представлял в губернское правление, одобрение которого являлось обязательным условием для принятия любой меры в отношении проинспектированных учреждений. Губернатор обязан был ежедневно присутствовать на заседаниях губернского правления[601], но на практике это требование соблюдалось далеко не всегда. Судя по записям в журналах Вологодского губернского правления за первую четверть XIX в. губернаторы в среднем посещали только четверть от всех заседаний[602]. Во второй четверти XIX в. ситуация несколько изменилась: одни губернаторы практически не пропускали заседаний[603], другие – появлялись в исключительных случаях[604]. Конечно, не следует относить журналы к источникам, дающим абсолютно достоверную информацию. Практика работы местных учреждений свидетельствует, что присутствующие нередко пропускали заседания, а документы на просмотр и подпись им приносили домой канцелярские служители[605]. Поэтому не будет излишним предположение, что и губернаторы могли подписывать постановления губернского правления уже по-

---

[601] В 1833 г., ввиду систематических нарушений, губернаторам было «неотложайше» предписано ежедневно присутствовать в губернских правления (См.: Там же. – Т. 8. – Отд. 1. – № 6 455).

[602] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 23, 368, 744.

[603] См.: Там же. – Д. 1050.

[604] См.: Там же. – Д. 1134.

[605] См., например: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 371–384 об.; Д. 69. – Л. 221–226; Д. 82. – Л. 1355–1363.

сле их вынесения, не утруждая себя личным участием в продолжительных заседаниях.

Относительно казённого, судебного и других, не входивших в круг общего управления губернией, ведомств начальники губерний располагали функцией надзора за законностью. При выявлении нарушений, губернатор должен был уведомить об этом местные финансовые и судебные учреждения, которым предоставлялась самостоятельность в устранении беспорядков. В случае невыполнения данных им предписаний, он должен был довести это до сведения министров. Примечательно, что описание конкретных мероприятий, при помощи которых он мог осуществлять надзор, в тексте закона встречается довольно редко. Ввиду того, что Наказ «впитал» в себя нормы прежде изданных указов, в нём изобиловали и формулировки из этих актов, указывавшие, что губернаторы «должны стараться» в исполнении своих обязанностей всеми зависящими от них «средствами», «способами», «мерами» и так далее, но, какими именно могли быть эти меры – не прописывалось. Следовательно, подробное изложение того, что должен делать губернатор, не сопровождалось указанием на то, как и при помощи чего он будет это делать. На практике получалось, что «хозяин губернии» оказывался ограниченным в правовых средствах воздействия на аппарат управления. В делах, не терпевших промедления, или подлежавших тайне, или особо порученных от высшего начальства, губернатор мог действовать единолично, прямыми от себя предписаниями и распоряжениями. Естественно, круг таких дел был ограничен, а ответственность высока за принимаемые решения и их результаты. Так, в 1853 г. министр внутренних дел поручил губернатору лично произвести «внезапную и тщательную ревизию наличному капиталу, билетам кредитных установлений и проч., по книгам и документам» во всех учреждениях ему подведомственных, расположенных в губернском городе[606].

[606] Предписание министра внутренних дел было получено 4 марта. Спустя неделю губернатор начал проводить «внезапное освидетельствование» на предмет выявления растрат. Первыми осмотренными учреждениями стали губернское правление, приказ общественного призрения и вологодская градская полиция (12 марта). Затем ревизии подверглись земский суд, градская дума, общественный банк и квартирная комиссия (13 марта). В последнюю очередь проверка постигла канцелярию губернатора, комиссию народного продовольствия и оспенный комитет (14 марта). В отчёте о проделанной работе значилось, что никаких растрат не обнаружено. Исполнение данного поручения предполагало, что губернатор будет действовать от своего лица, но это не означало, что в одиночку. Обязательным условием свидетельства денежных сумм было присутствие губернского прокурора (когда речь шла о губернских учреждения) или уездного стряпчего (если ревизовались уездные и городские учреждения) (Подробнее см.: Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1488. – Л. 1–16).

В целом Наказ губернаторам 1837 г. продемонстрировал неоднозначную позицию законодателя по отношению к губернатору, что прослеживалось уже в первых его статьях. В § 1 начальник губернии официально объявлялся «блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, польз государства и повсеместного, точного исполнения законов», а в § 2 указывалось, что он является только исполнителем и не вправе делать новых постановлений или отступать от существующих. Сочетание коллегиальной формы обсуждения дел с единоличным принятием решений, видимо, должно было обеспечивать необходимый баланс сил на местах, не позволяя губернаторам проявлять самоуправство. Ни о какой инициативе или самодеятельности не могло быть и речи, почти все свои действия он должен был согласовывать с высшими учреждениями. Становясь по сути чиновником Министерства внутренних дел, он по-прежнему был ограничен в возможности контролировать учреждения, относившиеся к другим ведомствам. Получается, что с одной стороны государство пыталось превратить губернатора в институт, обеспечивавший единство и целостность структуры местного государственного аппарата, а с другой – опасалось укрепления позиций в провинции такого должностного лица, не располагало к нему доверием и не желало расширять его властные полномочия.

Несомненным достоинством Наказа губернаторам 1837 г. стало то, что в нём были сведены воедино и приобрели некоторую завершённость нормы, касавшиеся порядка принятия и сдачи управления губернией, отчётности, ревизии (порядок обозрения губернии), ответственности (указывались случаи её наступления и виды возможных наказаний). Остановимся несколько подробнее на этих вопросах.

Проработка механизма сменяемости губернаторов имела принципиальное значение как для нормативно-правового обеспечения должности, так и для функционирования государственного аппарата в целом, поскольку регулярная сменяемость высших должностных лиц губернии являлась характерной особенностью изучаемого периода. В Вологодской губернии продолжительное время при должности состояли только два человека: Н.П. Брусилов (более 12 лет) и С.Г. Волховский (почти 10 лет). Для остальных же должностных лиц средний срок пребывания на посту не превышал 3–3,5 лет. Пожалуй, данные показатели следует относить к проявлениям недоверия высшей власти к местным началь-

никам, поскольку чиновник, способный честно и добросовестно исполнять ответственную и сложную работу в условиях отсутствия системного контроля, являлся большой редкостью. Материалы по изучаемой губернии содержат примеры того, как губернаторы даже за короткий срок успевали погрязнуть в коррупционных делах[607]. Так, И.И. Винтер в 1814 г., будучи прикомандированным к сенатору А.З. Хитрово, помогал изобличать преступления бывшего тогда губернатора Н.И. Барша, а затем, заняв его должность, вместо наведения порядка в полной мере использовал свою власть в корыстных целях[608].

Механизм сменяемости оказывал как положительное, так и отрицательное влияние. С одной стороны, появление нового губернатора встряхивало систему местного управления и, хотя бы на какое-то время, аккумулировало управленческие процессы. Непродолжительные сроки пребывания в должности не позволяли «засидеться» на одном месте, и побуждали к демонстрации успешной деятельности на своём посту. С другой стороны, приехав на новое место, губернатор должен был незамедлительно приступить к исполнению своих обязанностей, для чего требовалось не только разобраться с «наследием», оставленным предшественником, но и суметь быстро адаптироваться к региональным особенностям и непривычным условиям службы. Негативно сказывался на работе местных органов власти и сложившийся на практике порядок передачи губернии, превращавший смену руководства в долгий и болезненный процесс. Правительство отзывало губернатора, не дождавшись его преемника, который прибывал на место службы в среднем через 1,5–2 месяца после издания указа о его назначении. В Вологодской губернии встречались и такие случаи, когда губернатор прекращал исполнение обязанностей в условиях, когда его замена ещё не была найдена. Рассмотрим наиболее показательный пример. 3 ноября 1850 г. на имя С.Г. Волховского поступил указ о его назначении на должность начальника только что созданной Самарской губернии. Казённые средства, необходимые для переезда, он получил 16 ноября, а из Вологды отбыл 18 числа того же месяца[609]. С этого момента место начальника Вологодской губернии оставалось ва-

---

[607] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 38 об.–39 об.; Д. 1324. – Л. 1.

[608] См.: Там же. – Д. 413. – Л. 38–43.

[609] О приехавших и выехавших с 18-го по 25-е ноября 1850 г. // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1850. – № 47. – С. 543; О назначении вологодского гражданского губернатора тайного советника Волховского самарским гражданским губернатором // Вологодские губернские ведомости: отдел первый. Часть официальная. – 1851. – № 1. – С. 1.

кантным на протяжении целого года: следующий за С.Г. Волховским губернатор – И.В. Романус – был назначен только в декабре 1851 г., а прибыл на место службы 29 января 1852 г[610]. Таким образом, процесс подбора кандидатуры на пост затянулся более чем на год.

Во время отсутствия губернатора исполняющим его обязанности являлся вице-губернатор, а в случае, когда последний не имел возможности осуществлять данные функции, то они возлагались на старшего в чине председателя губернских палат[611]. Такую практику замещения должностей нельзя признать оптимальной, поскольку, во-первых, исполняющего обязанности не освобождали от своей непосредственной службы и ему приходилось совмещать должности, во-вторых, далеко не каждый губернский чиновник обладал необходимыми качествами даже для временной работы на столь ответственном посту и, если в периоды непродолжительных командировок губернатора заместителям удавалось справляться, то при смене руководства дела по общему управлению губернией могли оказаться крайне запущенными. Так, И.И. Попов, назначенный на должность вологодского губернатора 18 марта 1819 г., но приступивший к исполнению обязанностей только 4 июня того же года, обнаружил свою канцелярию в полном «расстройстве». Разобраться в беспорядочных грудах бумаг ему было непросто, поскольку отвечал за документооборот только один секретарь, который умер ещё до его прибытия в Вологду, не оставив после себя никаких описей[612]. Аналогичным образом шли дела и в губернском правлении: крайняя медлительность и бездеятельность присутствия и канцелярии, отсутствие настольных реестров входящих и исходящих бумаг и т.д. На протяжении нескольких месяцев даже указы Сената оставались без движения. Уездные и городские учреждения «оказывали такое же внимание повелениям» губернских властей[613]. Выяснить причины, приведшие к беспорядкам, новому губернатору не удалось. По-видимому, исправлявшие его должность председатели губернских судебных палат (палаты гражданского суда А.М. Евдокимов – с конца марта по момент своей смерти 23 апреля, палаты уголовного суда Н.Д. Андреев – с

---

[610] Высочайшее повеление // Вологодские губернские ведомости: отдел второй. Часть официальная. – 1851. – № 50. – С. 422; О присхавших и выехавших с 26-го января по 2-е февраля 1852 г. // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1852. – № 5. – С. 48.

[611] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 85; Д. 377. – Л. 1; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 93.

[612] См.: Там же. – Д. 413. – Л. 18.

[613] См.: Там же. – Л. 19 об.

23 апреля по 4 июня)[614] уделяли мало внимания общему управлению губернией. Более того, они, пользуясь своим положением, нарушали установленные законом сроки представления приговоров в губернское правление и затягивали решения по определённым делам до 8–10 месяцев. В итоге, Попову пришлось потратить семь месяцев на то, чтобы наладить более-менее нормальный ход работы губернской администрации.

Наказ губернаторам 1837 г. систематизировал порядок отчётности. На протяжении первой четверти XIX в. в числе обязанностей губернатора всё больше и больше появлялось указаний на сбор разного рода статистических ведомостей и обзоров состояния вверенного в управление края. Однако формы отчётности не были между собой согласованы. Для каждого документа устанавливался свой срок и регулярность подачи, адресат, к которому он направлялся (как правило, министры). Форма ежегодного общего отчёта о состоянии губернии на законодательном уровне не была закреплена. Из архивных материалов мы видим, что губернаторы вносили в них сведения: о населении, о городах, о числе фабрик и заводов, об исполнении повинностей, о продовольственной ситуации и хлебных магазинах, о состоянии приказа общественного призрения и его заведений, о движении дел в подведомственных учреждениях и др.[615]

В первые годы своего правления Николай I инициировал усиление отчётности и заявил о стремлении лично контролировать происходящее в губерниях и, в особенности, работу губернаторов[616]. Комитету министров предписывалось следить за исполнением правительственных распоряжений данных на места, для чего вменялось требовать от губернаторов ежемесячные ведомости о получении и исполнении «именных указов и высочайших повелений»[617]. С 1828 г. губернаторы были обязаны ежегодно предоставлять в Министерство внутренних дел отчёты обо всех их действиях по управлению губернией и «предложения к лучшему оных устройству»[618]. Министр в свою очередь был обязан доводить полу-

[614] См.: Там же. – Д. 400. – Л. 1-2.

[615] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 29. – Л. 1–203.

[616] В указе от 18 октября 1827 г. говорилось: «его императорскому величеству угодно,… чтоб каждый из гражданских губернаторов неотменно один раз в год объезжал все уездные города, ревизуя в них все присутственные места, тюрьмы и всё прочее… и по возвращении своём в губернский город доносил его императорскому величеству в собственные руки, о найденном им порядке, или беспорядке, равно и о том, какие сделаны им распоряжения к прекращению последнего» (ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 479).

[617] Там же. – № 1 334.

[618] Там же. – Т. 3. – № 2 007.

ченные документы до сведения императора. В нашем распоряжении имеются отчёты вологодских губернаторов, составлявшиеся согласно озвученным предписаниям в 1828–1830 гг. По содержанию документ изменился не сильно, что свидетельствует об уже сложившемся на местах подходе к оформлению подобного рода документации. К уже перечисленному выше, прибавились сведения о суммах, отпускаемых на содержание канцелярии губернатора, губернского правления, городничих и земских судов, и сведения, полученные в ходе обозрения губернии (о местах заключения, о злоупотреблениях чиновников («беспорядки по частям управления»))[619].

С 1837 г. ежегодный отчёт губернатора стал основной формой контроля и источником информации о состоянии губернии. Была установлена его структура с чётким перечислением требуемых сведений. В последующие десятилетия форма и объём содержащейся информации изменялись: из года в год возрастало число пунктов отчётности, документы становились всё более подробными. К 1845 г. мы видим следующую форму. Она включала три раздела: первый – «Суд, полиция и народное здравие», содержавший информацию о состоянии административно-полицейских учреждений, тюрем, приказа общественного призрения и других губернских комитетов и комиссий, врачебной управы, рабочих и смирительных домов, сведения о народном здравии, об определённых категориях лиц (арестанты, лица, состоявшие под надзором полиции, беглые и бродяги, бессрочноотпускные нижние чины, отставные нижние чины, иностранцы), о наградах и взысканиях; второй – «Часть хозяйственная», содержавший сведения о повинностях, казённых зданиях, городских доходах и расходах, дорогах, мостах и перевозах, почте; третий – «Общие замечания и сведения», содержавший информацию об учебных заведениях, типографиях, жалобах населения[620]. К письменному отчёту прилагались статистические ведомости по губернии. В 1845 г. губернаторам предписывалось особо указывать, какие именно меры ими были приняты для исправления замеченных ими беспорядков по разным частям управления[621].

Без сомнения, строгая отчётность дисциплинировала высшее губернское начальство, но, насколько информация, изложенная на бумаге, была объектив-

---

[619] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 30. – Л. 4–32 об.
[620] См.: ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1423. – Л. 3–33.
[621] См.: ПСЗ–2. – Т. 20. – Отд. 2. – № 14 573а.

на? Губернаторы были заинтересованы в том, чтобы до центра доходила информация, создававшая впечатление о благополучии, спокойствии и процветании губернии. Изображение иной обстановки свидетельствовало бы об их управленческой несостоятельности. Кроме того, представление в отчёте благополучной обстановки в полной мере устраивало все местные учреждения. Такой подход позволял избегать нежелательных ревизий.

Из всех статистических показателей в отчётах правительство наибольшее значение придавало числу исполняемых дел. Эти сведения неизменно на протяжении всего изучаемого периода запрашивались центральными учреждениями. По всей видимости, на основании таких параметров, как «решено дел в течение года» и «осталось нерешённым к началу следующего года», оценивались результативность работы местных органов власти и состояние местного управления в целом. Иными словами, для государства было важно не качество исполнения чиновниками их должностных обязанностей, а количество решённых ими дел за единицу времени. Губернская администрация признавалась непосредственно ответственной за быстроту и оперативность работы подчинённых ей учреждений, о чём ей регулярно напоминалось. Так, в отчёте губернатора А.А. Горянинова за 1801 г. было отражено весьма успешное течение дел в губернском правление и явная медлительность нижестоящих органов. Реакцией Александра I стал упрёк губернскому начальству. Император напомнил губернатору, что «губернское правление обязано за сим строгое иметь наблюдение, ибо должность его не в том только состоит, чтоб дела непосредственно к нему входящие успешно решены были, но чтоб ему во всех подчинённых местах правосудие отправлялось без волокиты и коснения»[622].

Анализируя данные статистических ведомостей о движении дел в местных учреждениях, следует учитывать степень их достоверности. Так, по данным губернаторских отчётов в 1801 г. в губернское правление поступило 4 667 дел (из них было решено в течении года 4 608 и осталось нерешённым к началу следующего года 59)[623]; в 1811 – 7 828 (7 802 и 154 соответственно)[624]; в 1813 – 6 394 (6 394 и 103)[625]; в 1815 – 5 527 (5 480 и 87)[626]. С чем связана представлен-

[622] ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 24–24 об.
[623] См.: Там же. – Л. 21.
[624] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 29. – Л. 37 об.–38.
[625] См.: Там же. – Л. 128 об.–129.
[626] См.: Там же. – Л. 202 об.–203.

ная динамика и насколько правдивы сведения, точно сказать крайне сложно, поскольку реестры входящих бумаг, реестры исполненных и неисполненных документов в этот период в губернском правлении попросту не велись. Если цифры по 1801 г. ещё можно с определённой долей сомнения отнести к истинным, то по 1810-м гг. возникает множество вопросов. С 1811 по 1814 г. во главе губернии стоял Н.И. Барш, затем его сменил – И.И. Винтер (1814–1819 гг.). Оба были сняты с должностей и осуждены за преступное поведение. Назначенный в 1819 г. И.И. Попов обнаружил канцелярию губернского правления в полном беспорядке[627]. В 1820 г. в ходе ревизии генерал-губернатору А.Ф. Клокачёву были поданы отчётные ведомости, согласно которым за губернским правлением числилось всего 234 неисполненных дела. Однако он обнаружил, что таковых в наличности гораздо больше и привёл цифру 1 500. Определить точнее было невозможно, поскольку отсутствовала необходимая для этого документация[628]. Следовательно, генерал-губернатор выявил фальсификацию данных в губернаторских отчётах, которая, по всей видимости, допускалась и Баршем, и Винтером и привела к накоплению значительного количества дел. Учитывая обстоятельства, послужившие поводом к увольнению указанных губернаторов, можно с уверенностью сказать, что делам по губернскому правлению они уделяли крайне мало внимания. Из материалов ревизий удалось узнать, что в 1820-е гг. численность дел прежних лет неуклонно сокращалось. Так, к 1827 г. нерешённым оставалось 1 216 дело, в 1828 – 860, в 1829 – 734, а к 1830 – 628[629]. Видимо, ревизия Клокачёва и последовавший за ней постоянный контроль за движением старых дел[630] послужили побуждающим мотивом к более продуктивной работе учреждения. В целом ежегодное количество дел, поступавших в губернское правление в период с начала 1820-х по 1837 г., варьировалось в пределах от 3 600 до 4 800 дел[631]. Стоит также отметить, что после упразднения должности генерал-губернатора, в 1830-е гг. возросла численность нерешённых дел (к примеру, в 1834 г. она достигла 914)[632]. В 1839 г. вновь вступило 3 765 дел, к 1840 г.

[627] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 19 об.–20.

[628] См.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 200 об.

[629] Подсчитано по: Там же. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 30а. – Л. 17; Д. 30б. – Л. 14; Д. 30в. – Л. 36; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 2 об.

[630] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 56–56 об.

[631] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 30а. – Л. 17; Д. 30б. – Л. 14; Д. 30в. – Л. 36; Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 3366. – Л. 4 об.–5; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 2 об.

[632] См.: Там же. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 3366. – Л. 4 об.

осталось в «нерешении» 659 дел[633]. В 1840-е гг. число поступавших дел держалось на уровне 4 000 в год[634]

Надзор губернатора и губернского правления за течением дел в подчинённых местах осуществлялся посредством сбора ежемесячных и годовых отчётов, где отражалось число решённых и нерешённых дел к следующему месяцу или году и указывались причины затягивания производства по отдельным делам. В приложении 38 отражены данные о движении дел в уездных и городских органах управления на начало века и за 1840 г. Очевиден рост объёмов делопроизводства, увеличившийся за 40 лет почти в 10 раз. Число нерешённых дел также возросло, но их доля по отношению к исполненным делам не превышала 20–30 %. На протяжении изучаемого периода реакция высшего начальства на показатели делопроизводства изменилась. Если в 1801 г. 500 нерешённых дел по всем учреждениям для Александра I являлись свидетельством неудовлетворительной работы губернской администрации, то в 1840-е гг. 3 500–4 000 дел уже воспринимались как норма. Так, губернатор С.Г. Волховский, приводя в своём отчёте подобные показатели, оценивал состояние делопроизводства в присутственных местах как удовлетворительное, с чем было согласно и Министерство внутренних дел[635].

Анализируя данные о количестве нерешённых дел, следует упомянуть о методах, практиковавшихся для сокрытия истинного положения вещей в учреждениях. Нерешённые дела в отчётах подразделялись на два вида: те, итоговое решение которых зависело от работы отчитывающегося учреждения, и те, чьё производство остановилось из-за непредставления другими присутственными местами разного рода справок. В ходе сенаторской ревизии 1830 г. при внимательном знакомстве с документацией было установлено, что за каждым из местных учреждений среди нерешённых дел по бумагам числились в основном только текущие. Но при этом обнаружилось большое число не включённых в отчётные ведомости дел, в остановке которых были виноваты другие присутственные места, не удовлетворявшие вовремя запросы или не исполнявшие предписания. Следовательно, это была фальсификация показателей работы, достигаемая вполне законным методом: каждое из учреждений в ходе производ-

[633] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 2 об.–5.
[634] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 3–3 об.
[635] См.: Там же. – Л. 2–2 об.

ства по делу в случае необходимости имело право посылать запросы в другие учреждения до тех пор, пока не приведёт все обстоятельства дела в совершенную ясность. В конечном итоге, получалась ситуация, когда присутственные места обвиняли друг друга в промедлении и бездеятельности, но по бумагам число нерешённых дел за каждым из них значилось в пределах нормы.

Анализ делопроизводственных процессов останется незавершённым, если не сопоставить численность служащих объёму и сложности выполняемой работы. Приведённые в приложении 41 данные (табл. 1, 2) позволяют увидеть количество дел, поступивших в присутственные места в 1839 г. и оставшихся неисполненными от предыдущего года. Из губернских учреждений наибольшая рабочая нагрузка приходилась на казённую палату (в 1839 г. 87 служащим предстояло решить около 7 000 дел) и губернское правление (64:4 500 соответственно). Среди общей массы дел, проходивших через эти два органа управления, не меньше трети составляли так называемые интересные дела (т.е. затрагивавшие интересы государства), которые требовали особого отношения со стороны служащих, поскольку центральное правительство отслеживало их движение и могло привлечь к ответственности в случае явных нарушений и ошибок. Наименьшая рабочая нагрузка приходилась на совестный суд (10:27).

Среди уездных органов управления следует обратить внимание на земские суды, общая численность служащих которых достигала 140 человек. В 1839 г. этим учреждениям предстояло решить почти 6 000 дел. Часть из них требовала сбора справок, документов и переписки бумаг, однако более 2 000 дел (уголовные и следственные) не могли быть исполнены без проведения следственных действий с выездом на место происшествия. В среднем на каждую уездную полицию в 1839 г. приходилось около 200 уголовных и следственных дел. Основной груз оперативной работы (проверка сообщений о правонарушениях, сбор доказательств, розыск преступников и т.д.) ложился на двух становых приставов и двух сельских заседателей. Учитывая количество присутственных дней в году, обширность уездов, состояние дорог, а также то, что помимо расследования преступлений, на присутствующих возлагались и иные обязанности (надзор за несением земских повинностей, организация сбора недоимок и т.д.), становится очевидным уровень сложности данной работы, требовавший колоссального напряжения. В более благоприятной ситуации находилась город-

ская полиция. Из 5 000 дел, поступивших в 1839 г., только 350 относились к категориям уголовных и следственных. Городским учреждениям, несмотря на ограниченность людских ресурсов, удавалось справляться с таким объёмом работы. По всей видимости, этому способствовала служба на локальной территории, не предполагавшая длительных командировок.

Ещё одним важным, с точки зрения правительства, показателем, отражавшим качество работы местного государственного аппарата, являлось количество недоимок по губернии. Обеспечение по всей стране своевременных платежей и рекрутских поставок в полном объёме по объективным обстоятельствам было недостижимо в изучаемую эпоху. Осознавая это, верховная власть определяла некие границы допустимых размеров недоимок, которые свидетельствовали о нормальном функционировании местного управления. В то же время рост количества недоимок и превышение возможных пределов сигнализировали о неблагополучной обстановке в губернии и требовали вмешательства центральных учреждений. Такая ситуация произошла в Вологодской губернии в 1814 г.

В самом начале XIX в. согласно с отчётной документации ситуация со сбором налогов в губернии была благополучной. К 1801 г. всего в недоимке числилось 175 тыс. руб. (см. прил. 39). Затем размеры недоборов постепенно увеличивались и достигли к 1811 г. 339 тыс. руб., а в 1813 – уже более 3,5 млн. руб.[636] Для министра финансов столь «сильное и внезапное накопление недоимок» отражало критическое состояние местного управления[637], в связи с этим он рекомендовал обстоятельно разобраться с ситуацией на месте. В 1814 г. была назначена сенаторская ревизия Вологодской губернии (об этом подробнее будет сказано далее), после которой потребовалось целое десятилетие для того, чтобы выбраться из долговой ямы. В 1819 г. недоимка составляла 2 360 тыс. руб., из них по питейным откупам 1 230 тыс. руб.[638], в 1820 – 1 770 тыс. руб. и

---

[636] См.: Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [в 5 т.]. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). – СПб., 1902. – С. 436; РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 5, 9 об.

[637] Законодательство устанавливало следующие правила сбора недоимок. Роль губернатора и губернского правления состояла в побуждении населения к «бездоимочному взносу податей». Финансовые органы, фиксируя появление недобора, сообщали губернскому правлению, которое предписывало подчинённым учреждениям отправиться на место и выяснить причины. В случае если они были уважительными (к примеру, неурожай), то губернское правление могло сделать представление высшему начальству о рассрочке платежа. Если же причина недоимки «не заслуживала уважения начальства», то налагался штраф и полицейские служители принимали меры, при необходимости силовые, к взысканию недостающей суммы.

[638] См.: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 160. – Л. 2 об.–3.

1 180 тыс. руб. соответственно (см. прил. 39). С начала 1820-х гг. процесс взыскания долгов активизировался и к 1827 г. они составляли 620 тыс. руб.[639] Только в 1830–1840-е гг. размеры недоимок сократились до 300 тыс. руб.[640]

Надзор за проведением рекрутских наборов также входил в сферу особого интереса государства. Однако отслеживать ход исполнения данной повинности из центра было крайне сложно. Она являлась ненавистной для населения, находящегося в постоянном поиске путей её обхода. Существовал вполне законный способ откупиться от рекрутского набора, найдя себе замену (наём «охотников»). Однако такой путь являлся слишком дорогостоящим[641] и не имел популярности. Более экономичным вариантом представлялся подкуп врача с целью получить свидетельство о негодности к военной службе, в котором, как правило, указывалось, что призывник «одержим болезнью припадка» или страдает «слабоумием»[642]. Самой крайней, но весьма распространённой мерой являлось членовредительство (отрезание руки или пальцев, перелом руки, гноение ушей, травмы головы, повреждение глаз и т.п.)[643]. Ситуация осложнялась ещё и тем, что для местных органов власти рекрутские наборы стали важным источником нелегального дохода[644].

---

[639] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 508. – Л. 3 об.

[640] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 18 об.; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 97 об.; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 45, 47;

[641] В 1840-е гг. такая услуга стоила 200 руб. серебром и прочие расходы на содержание и отправку «охотника» (см.: Там же. – Ф. 771. – Оп. 1. – Д. 184. – Л. 5).

[642] См., например: Там же. – Д. 839. – Л. 6.

[643] См., например: Там же. – Д. 109. – Л. 9–18.

[644] Работа рекрутских присутствий всегда была сопряжена со взятками и подкупами (См., например: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 381–389 об., 373–380, 431–458, 755–769; Д. 73. – Л. 512–532, 620–627 об., 932–939; Д. 74. – Л. 317–340 об., 395–405, 749–761 об.; Д. 78. – Л.86–95 об.; Д. 79. – Л. 411–420, 519–536 об., 537–669 об.; Д. 82. – Л. 1227–1228 об.; и др.). Чиновники, руководившие работой рекрутских присутствий, могли лишь принимать деятельное участие в должностных преступлениях либо закрывать на них глаза, поскольку бороться с ними было бесполезно. В ходе исследования выявлен один случай, когда в 1828 г. председатель Устюгского рекрутского присутствия губернский предводитель дворянства А.Н. Левашов попытался пресечь незаконные действия. Ситуация разворачивалась следующим образом. Левашов заподозрил во взяточничестве входившего в состав присутствия никольского лекаря И. Георгиевского, который принимал на дому «не в приличные времена родственников рекрут» и «сильно браковал рекрут». Подозрения были вполне обоснованными, тем более, что губернский предводитель точно знал, что в прошлые наборы «Георгиевский всегда принимал к себе ходатаев в рекруты». В попытке изобличить лекаря он посылал служащих «подслушивать и подсматривать при квартирах чиновников рекрутского присутствия», однако, доказательств взяток так и не сумел получить. Родственники рекрутов жалоб не подавали. Тогда Левашов просто отстранил лекаря от работы присутствия и нашёл ему замену. В свою очередь, Георгиевский подал рапорт губернатору, гласивший, что его незаконно отстранили, и описывавший нарушения порядка приема рекрутов со стороны губернского предводителя. За этим последовала длительная переписка, вылившаяся в уголовное разбирательство. И хотя подозрения на взяточничество подтвердил в показаниях входивший в состав рекрутского присутствия начальник III отделения 1-го округа корпуса жандармов Дейер, лекаря полностью оправдали, а действия Левашова осудили (Сенат в 1831 г. предписал «поставить [ему] на вид, чтоб воздерживался от подобных поступков, в противном случае последует строгое взыскание по законам») (Подробнее см.: Там же. – Оп. 3. – Д. 26. – Л. 6, 17 об.–59). Следует также отметить, что чиновни-

Губернская администрация не проявляла рвения в борьбе со злоупотреблениями, сопряжёнными с рекрутской повинностью. Судя по всему, и центральное правительство не стремилось уличить в этом местных чиновников, поскольку с основной задачей – поставкой новобранцев на военную службу – они всё-таки справлялись (см. прил. 40). Конечно, в общей статистике рекрутских наборов сохранялись недоимки, причины появления которых объясняются, во-первых, значительным числом «забракованных» при освидетельствовании лиц[645], во-вторых, случаями неявки рекрутов. Так, казённые крестьяне, стоявшие на очереди, прибегали к хитрости: за определённую плату получали билеты на отлучку из своего селения на весь период проведения набора[646]. Некоторые же, просто сбегали и укрывались в лесах. Среди зырян такая практика фактически превратилась в обычай: во время наборов они укрывались в лесах; местные чиновники были вынуждены продолжительное время ждать их возвращения и, в крайнем случае, забирать «неочередных» взамен беглецов[647]. Относительно надзора за исполнением рекрутской повинности в крепостной деревне следует отметить, что губернская администрация допускала особые послабления вологодским помещикам (хронические неплатежи рекрутских складочных денег, затягивание поставки людей в рекрутские присутствия, значительное число «забракованных» среди помещичьих крестьян[648]).

До 1837 г. ревизии губернаторов не были регламентированы. Закон лишь упоминал, что в компетенцию губернатора входили «обозрения как общие, так и частные всех местных управлений, лично или чрез отряжаемых чиновников»[649], о результатах которых он должен был докладывать высшему начальству. При этом не определялось ни условий, ни процедуры, ни масштабов про-

---

ки периодически вмешивались в процесс «раскладки» повинности, самостоятельно назначая людей в рекруты и стремясь извлечь из этого выгоду. Так, в 1816 г. устьсысольский исправник А. Кубенский во время рекрутского набора насильно увозил партиями по 20 человек очередных и неочередных состоятельных крестьян и требовал с них определённую сумму в качестве выкупа. Тех, кто отказывался платить – отсылал к отдаче в рекруты (См.: Там же. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 6–11 об.; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 903 об.)

[645] В некоторых волостных правлениях число «забракованных» рекрутов могло достигать 40–50% от общего количества, стоявших на очереди лиц (См., например: Там же. – Ф. 771. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 18).

[646] См., например: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 1062–1063.

[647] Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 817–818.

[648] Об исполнении рекрутской повинности крепостным крестьянством Вологодской губернии подробнее см.: Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность в России в XIX в. на примере Вологодской губернии // Вопросы истории. – 2011. – № 1. – С. 115–123.

[649] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. – СПб., 1833. – С. 60–61.

верок, в связи с чем они производились беспорядочно, в зависимости от предпочтений губернаторов. Исходя из содержания дневника исправника А.И. Дружинина, мы можем судить о том, как в 1828 г. производил осмотр Вельского уезда Н.П. Брусилов. Судя по записям Дружинина, рано утром к нему пришёл «вестовой» от полицмейстера и предупредил о приезде губернатора. Исправник встретил экипаж в 15-ти верстах от города, чтобы как положено поприветствовать важного гостя. Сопроводив губернаторскую повозку до города, Дружинин «о благополучном состоянии отрапортовал и отдал рапорт»[650]. После непродолжительной беседы с полицмейстером, Брусилов отправился отдыхать, а затем поехал дальше. Единственное, на что начальник губернии обратил внимание – отводы на большой дороге, по поводу чего и сделал выговор. Таким образом, Брусилов, воспринимая обязанности по осмотру губернии более чем формально, во время пребывания в уездном городе, даже не познакомился с состоянием присутственных мест. Ему было достаточно устного доклада исправника и его отчётной ведомости.

С принятием Наказа губернаторам 1837 г. получил законодательное оформление «порядок обозрения губернии», органично внедрённый в процедуру передачи губернии. Документ предусматривал, что первое «обозрение» губернии происходило сразу же, после назначения на должность, в последующем ревизии проводились с определённой периодичностью (для небольших губерний – ежегодно; для крупных – раз в два года). Процедура ревизии в обоих случаях была единой, с той лишь разницей, что при назначении губернатора на должность, он должен был уделить пристальное внимание состоянию губернского города, а затем уже перейти к общему осмотру губернии. В ходе поездки губернатор инспектировал «каждое уездное присутственное место и казначейство, не по одним токмо показаниям ведомостей и настольных реестров, но и через сличение, когда он признает нужным, сих показаний с самыми делами и документами»[651]. При обнаружении нарушений или злоупотреблений, он был

---

[650] Дневник и записки А.И. Дружинина / публ. подгот. Е.Р. Дружинин // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 633.

[651] В ходе общей ревизии губернатор должен был соотнести реальное положение вещей с информацией, поступавшей в губернский центр, в связи с чем во время проезда по губернии необходимо было иметь при себе соответствующую документацию, предварительно затребованную от разных учреждений (от губернского правления последние отчётные ведомости уездных присутственных мест; от казённой палаты ведомости о состоянии казначейств, о недоимках, о винных и соляных магазинах, о количестве денежных повинностей с казённых крестьян, об оброчных статьях; от губернской дорожной комиссии сведения о со-

уполномочен принять соответствующие меры (в зависимости от уровня компетенции: отдать личное распоряжение, предложить на рассмотрение губернского правления или представить решение высшему начальству). Проезжая по территории губернии, он также обязан был принимать жалобы от населения (в том числе и на действия должностных лиц) и обеспечивать их дальнейшее законное рассмотрение.

Целью ревизии для губернатора являлось обнаружение недостатков в деятельности подчинённых ему учреждений, исправлению которых он должен был уделить особое внимание. Государство же придавало данному мероприятию ещё и иное значение. Не случайно, осмотр губернии был законодательно закреплён как обязательная составляющая процедуры принятия губернии. Губернатор, покидавший пост, обязан был представить министру внутренних дел и своему преемнику подробный итоговый отчёт, включавший сведения: о количестве нерешённых дел по канцелярии губернатора, губернского правления, приказа общественного призрения; о состоянии продовольствия; о количестве недоимок, а также свои замечания относительно дальнейшего развития губернии. Вступавший на пост губернатор при осмотре территории и каждого правительственного учреждения обязан был отмечать всё, что на его взгляд требовало исправления, и соотносить увиденное с отчётом предыдущего губернатора. По всей видимости, правительство, устанавливая такой механизм взаимного контроля, надеялось на получение более объективных сведений об общем состоянии губернии, позволявших оценить служебную деятельность губернатора. На практике данная процедура, хотя и некоторым образом дисциплинировала чиновников, но обозначенной цели не достигала. Когда губернатор получал приказ об отзыве из губернии, он оказывался крайне ограничен во времени, которого не хватало, чтобы исполнить все законные требования. Так, С.Г. Волховский, получив указ отправиться в Самарскую губернию, имел в распоряжении всего неделю. Его отчёт, датированный 18 ноября 1850 г., был составлен формально: обзор десятилетнего управления и анализ состояния губернии сумел разместиться на 22 листах, и в основном дублировал текст предыдущих отчётов[652].

стоянии дорог; от комиссии народного продовольствия ведомость о состоянии хлебных запасных магазинов и недоимки по ним и т.п.) (См.: ПСЗ–2. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10 303).

[652] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 1–22.

В Вологодской губернии, ввиду обширности территории, плановые губернаторские ревизии позволялось производить один раз в два года. Документы свидетельствуют, что они часто проводились посредством нескольких поездок, чтобы не допускать слишком продолжительного отсутствия губернатора в Вологде. Однако, учитывая состояние путей сообщения, осмотр даже половины уездов являлся длительным мероприятием (в зависимости от времени года командировка могла занимать 1–1,5 месяца)[653]. Итоги губернаторской ревизии оформлялись несколькими документами. Во-первых, составлялся доклад для представления в губернское правление[654]. По структуре и содержанию он напоминал сводную ведомость, включавшую численные показатели деятельности обревизованных присутственных мест (количество нерешённых дел, количество содержавшихся под стражей лиц, количество подсудимых), а также замечания губернатора относительно причин «нерешения дел» и оценку канцелярского порядка в учреждениях[655]. Доклад губернатора «предлагался к рассуждению» губернского правления, которое должно было принять меры по устранению беспорядков в подведомственных местах. Во-вторых, готовился отчёт для представления центральному правительству[656].

В ходе изучения архивных документов установлено, что губернское правление оценивало состояние губернии именно по результатам ревизий, но губернаторы во время осмотров присутственных мест лишь рассматривали подаваемые чиновниками ведомости с итоговыми цифрами и не производили сверок отчётных данных с исходной документацией учреждений (как собственно, и губернский прокурор и стряпчие). Как уже стало ясно, характеризовать работу местных органов власти только на основании показателей о движении дел нецелесообразно в рамках настоящей работы, в связи с чем в ходе анализа материалов губернаторских ревизий проводился поиск информации о состоянии делопроизводства по уездным и городским органам власти. Так, в 1840 г., после очередной ревизии присутственных мест, губернатор Д.Н. Болговский представил в губернское правление подробный доклад, оценивавший канцелярскую работу учреждений. В отчёте были приведены не только статистические сведения, но и

---

[653] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 17.

[654] Обязанность представлять доклад о результатах ревизии на рассмотрение губернского правления была установлена указом от 11 ноября 1815 г. (См.: ПСЗ–1. – Т. 33. – № 25 995).

[655] См., например: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 742. – Л. 1–20.

[656] См.: ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 479.

изложены выявленные нарушения, которые сведены нами в таблицу в приложении 42. Мы видим, что канцелярский порядок в абсолютном большинстве органов управления отличался от установленных законом правил, при этом те виды документов, по которым можно было подсчитать решённые и нерешённые дела и проследить оперативность работы должностных лиц, составлялись небрежно или вовсе отсутствовали. Получается, что проверить на местах отчётные цифры было либо крайне сложно, либо вообще невозможно. Конечно, Д.Н. Болговский не ставил перед собой такой цели в ходе ревизии. В конечном итоге он оценил работу учреждений как вполне нормальную и предложил губернскому правлению разослать предписания об исправлении нарушений.

Описанная схема действий являлось стандартной процедурой для губернской администрации. На протяжении всего изучаемого периода во время ревизий, проводимых сенаторами, генерал-губернаторами и другими уполномоченными чиновниками, обнаруживались аналогичные беспорядки в делопроизводстве уездных и городских органов управления[657]. Каждый раз губернское правление, получая упрёк за отсутствие должного внимания, «строжайше» и «наистрожайше» предписывало исправить нарушения, но изменений не происходило. По сути местные должностные лица это игнорировали и работали так, как считали более удобным для себя. Данная ситуация становилась возможной главным образом потому, что чиновники не боялись последствий. В ответ на предписания губернского начальства уездные и городские учреждения рапортовали, что всеми средствами будут стараться исправить нарушения, но этот процесс уже никто не отслеживал. По всей видимости, губернское начальство заботило лишь одно – отражение более-менее благоприятной статистики в отчётах и при этом оказывалось неважным, насколько она соответствовала реальному положению вещей. Своей деятельностью губернское правление не активизировало делопроизводственные процессы, а только способствовало поддержанию их на определённом удовлетворительном уровне. Административные наказания по отношению к должностным лицам применялись лишь тогда, когда под угрозой ответственности могло оказаться само губернское начальство[658]. Привлечение к

[657] См., например: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 200 об.–202 об.; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 29–74.

[658] До 1831 г. губернское правление обладало правом наложения денежного взысканий (пени) для побуждения к деятельности подчинённых мест (См.: ПСЗ–1. – Т. 33. – № 25 867). С 1831 г. взамен денежных взысканий была введена система выговоров и строгих выговоров (См.: ПСЗ–2. – Т. 6. – Отд. 2. – № 4 945).

уголовной ответственности за медлительность и бездеятельность губернское правление самостоятельно инициировало крайне редко, предпочитая делать это в определённых законом случаях: по предписаниям высшего начальства, на основании рапортов и донесений самих же чиновников, по жалобам от частных лиц.

Положение о губернских правлениях 1837 г., как затем и Учреждение губернских правлений 1845 г., имело главной целью упорядочить делопроизводственные процессы в учреждении, помочь ему не утонуть в «бумажном потоке». Иными словами, указанные акты были ничем иным как, попыткой компенсировать недостатки работы губернского правления решением вопросов практического характера: оформление организационной структуры, чёткое разграничение функций между отделениями, распределение обязанностей между служащими, упорядочение и упрощение порядка решения дел и отчётности. Позиция законодателя вполне понятна, поскольку после учреждения министерств объёмы документооборота губернской администрации стали быстро увеличиваться, но канцелярский порядок оставался архаичным и опирался на положения Генерального регламента, изданного 28 февраля 1720 г.[659]

С 1845 г. в губернских правлениях система делопроизводства разделялась на три группы: 1) дела судебные, решавшиеся коллегиальным порядком большинством голосов; 2) дела распорядительные, решавшиеся постановлениями присутствия, но по усмотрению и с утверждения губернатора; 3) дела исполнительные, которые состояли «в одном только исполнении законных требований разных мест и лиц», решавшиеся членами правления без участия губернатора[660]. Согласно отчёту губернатора перестройка работы Вологодского губернского правления произошла очень успешно и в самые краткие сроки (новый порядок делопроизводства был введён в действие с июня 1845 г.)[661] Всё это не удивительно, поскольку Учреждение губернских правлений 1845 г. иллюстрирует компромиссную политику «частичных улучшений» системы местного управления, когда государство пыталось облачить в нормативную форму уже устоявшиеся традиции ведения дел в учреждении, максимально снижая нагрузку присутствующих и закрепляя основной объём делопроизводственной работы за

[659] См.: ПСЗ–1. – Т. 6. – № 3 534.
[660] См.: ПСЗ–2. – Т. 20. – Отд. 1. – № 18 580.
[661] См.: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 3 об.

канцелярскими служителями. Кроме того, правительство смирилось с медлительностью и проволочками в работе, разослав в 1843 г. на места предписание министра внутренних дел, позволяющее губернаторам в ведомостях о движении дел, прилагаемых к ежегодным отчётам, не включать сведения о тех из них, которые значились нерешёнными более трёх лет[662]. Отныне можно было совершенно законно откладывать часть бумаг в долгий ящик и забывать про них без каких-либо последствий.

После обновления нормативно-правового обеспечения деятельности губернской администрации, произошедшего в 1837–1845 гг., случаи возникновения проблем из-за непонимания компетенции и объёмов полномочий не исчезли, о чём свидетельствуют представленные в приложении 35 данные о количестве указов, потребовавшихся для их урегулирования. Как и в предыдущий период (до 1837 г.) правительство заполняло таким путём обнаруживавшиеся пробелы правового регулирования. Отметим наиболее важные тенденции в изменении правовой базы должности губернатора, наблюдавшиеся с 1838 по 1855 г., и губернского правления – с 1845 по 1855 гг.

Для регулирования деятельности губернского правления было характерно издание указов, дублировавших нормы ранее принятых законов, что неудивительно, поскольку ни в 1837 г., ни в 1845 г. его компетенция, в отличие от губернатора, не получила чёткую регламентацию[663]. В отношении должности губернатора подобные нормативные правовые акты появлялись реже[664]. Видимо, Наказ губернаторам 1837 г. смог обеспечить более-менее ясное представление о его полномочиях и порядке их исполнения. В то же время, после реформы государственной деревни, внимание на себя обратили вопросы взаимодействия с новыми для системы местного управления институтами, подведомственными Министерству государственных имуществ, чему было посвящено несколько нормативных правовых актов[665]. Важным для должности губернатора стал указ от 29 декабря 1841 г., который в целях «предупреждения невыгодных последствий от неопытности лиц» устанавливал своего рода испытательный срок для

---

[662] См.: Там же. – Оп. 3. – Д. 173. – Л. 24.

[663] См., например: ПСЗ–2. – Т. 14. – Отд. 1. – № 12 255; Т. 20. – Отд. 2. – № 19 506; Т. 21. – Отд. 1. – № 19 634, 20 146; Т. 24. – Отд. 1. – № 23 159; Т. 25. – Отд. 1. – № 23 894, 24 074; Т. 27. – Отд. 1. – № 26 480, 26 718.

[664] См.: Там же. – Т. 21. – Отд. 2. – № 20 667, 20 668; Т. 23. – Отд. 1. – № 21 891; Т. 27. – Отд. 1. – № 26 209.

[665] См.: Там же. – Т. 13. – Отд. 1. – № 11 189, 11 207; Т. 14. – Отд. 1. – № 12 166.

претендентов на этот пост[666]. Кроме того, в 1840-е гг. правительство несколько расширило влияние губернатора на подчинённых ему должностных лиц, позволив указом от 27 июля 1843 г. единолично налагать взыскания на лиц, виновных в упущениях по службе[667].

Подводя итог анализу нормативно-правового обеспечения деятельности губернаторов и губернских правлений, проведённому посредством сопоставления с результатами их работы, отметим, что аналогичные недостатки правового регулирования были свойственны и для других местных учреждений и должностей. Их полномочия также имели размытые очертания, а возникавшие в процессе их деятельности проблемы, правительство пыталось решать частными указами.

2. Информационно-коммуникационное обеспечение деятельности местного государственного аппарата

Обнародование законов, постановлений и объявлений высших органов власти и, в случае необходимости, разъяснение их смысла для нижестоящих учреждений являлось прерогативой губернского правления. Делалось это посредством рассылки коий указов во все местные учреждения. Важным нововведением, утверждённым Положением о губернских правлениях 1837 г., стало предписание, обязывавшее при каждом губернском правлении издавать «особые губернские ведомости», в которых должны были публиковаться сведения о постановлениях и распоряжениях высшего и губернского начальства. В Вологодской губернии первый выпуск газеты увидел свет 1 января 1838 г.[668]

К середине века произошли изменения в работе губернской типографии, находившейся под непосредственным управлением губернского правления. Если в первой трети XIX в. она не отличалась продуктивностью, то с 1840-х гг. налицо была её коммерциализация и успехи деятельности, выражавшиеся в денежном эквиваленте. Видимо, к этому периоду служащие осознали возможности извлечения прибыли и способствовали усовершенствованию работы типографии, благодаря чему начали получать заказы на издание от частных лиц. Так, в 1841 г. типография заработала 200 руб., а в 1849 – уже 5 344 руб. В конце

[666] См.: Там же. – Т. 16. – Отд. 2. – № 13 165.

[667] См.: Там же. – Т. 18. – Отд. 1. – № 17 073.

[668] Экземпляры официальной части губернских ведомостей рассылались во все губернские, уездные и городские присутственные места, предводителям дворянства и в духовные консистории.

1850 г. принадлежащий ей капитал составлял 8 500 руб. в билетах приказа общественного призрения и 905 руб. наличными деньгами[669].

Особую роль в информационном обеспечении деятельности государственного аппарата играл губернатор, к которому стекались распоряжения министров. Он осуществлял регулярный сбор многочисленных сведений о состоянии управления и о состоянии губернии в целом, многие из которых приходили с пометкой «срочно». Для оформления каждой подобной бумаги требовались сведения от многих правительственных мест и должностных лиц. В качестве примера можно рассмотреть процесс составления ежемесячной ведомости о ценах на продаваемый для войск провиант и фураж. Губернатор, получив из Сената указ о предоставлении сведений[670], пересылал его копии через губернское правление главам уездных, городских и сословных органов (всего 47 учреждений: 4 уездных предводителя дворянства, 10 уездных судей, 10 земских исправников, 10 городничих, 13 городских глав). Попытаемся определить, сколько времени требовалось на сбор и обработку информации. Процесс составления бумаг для рассылки в губернском правлении занимал один день. Скорость доставления бумаг из губернского центра в уездные колебалась от 1 (в вологодские уездные и городские учреждения) до 11 дней (в устьсысольские). На составление ответа уходило от 1 до 3 дней. Скорость доставления бумаг обратно в губернский город, соответственно, занимала от 1–2 дней из ближайших уездов до 8–11 – из дальних. Процесс обработки полученных сведений и составления отчёта для Сената длился ещё 2 дня. Итак, с момента получения указа из Сената до момента создания итоговой ведомости уходило около месяца (28 дней), но на это могло быть затрачено и больше времени, поскольку для примера взят случай сбора данных, происходивший в конце лета – начале осени[671] (в сезоны распутицы сроки доставления бумаг увеличивались вдвое).

На особенности и объёмы делопроизводственной работы накладывала отпечаток необходимость согласования действий на разных уровнях и между разными учреждениями (уездные органы вели переписку между собой и с губернским аппаратом, губернские учреждения также, помимо внутреннего согласования, получали одобрение высшего начальства, а в период с 1820 по 1830 г. ещё

[669] Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 4 об.–5.
[670] На доставку указа из Сената в Вологду уходило не менее 10 дней.
[671] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 1–41.

и генерал-губернатора), приводившая к увеличению документооборота. В Руководстве к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России, изданному в 1858 г., было изображено, какие инстанции должен был пройти документ, прежде чем он получал окончательное утверждение. Наглядность этого руководства ценна тем, что позволяет увидеть, что бумагопоток приобрёл к середине XIX в. гипертрофированные формы[672]. Сама по себе длительная процедура замедлялась условиями функционирования местного государственного аппарата на обширных пространствах Вологодской губернии при крайне неудовлетворительном состоянии путей сообщения.

3. Материально-техническое обеспечение деятельности местного государственного аппарата

Содержание присутственных мест производилось за счёт средств, получаемых из трёх источников: казённые, общественные и земские платежи. Выявленные в ходе исследования данные о доходах и расходах по Вологодской губернии свидетельствуют, что затраты на местный государственный аппарат были значительно ниже сумм, собираемых в казну. При этом в изучаемый период рост доходов заметно опережал увеличение расходов. Так, в 1804 г. расходы по губернии составили 419 199 руб. 67 ½ коп. при доходе в 1 805 655 руб. ½ коп.[673], а в 1824 г. эти цифры составляли 867 077 руб. 38 ½ коп. и 4 496 297 руб. 14 коп. соответственно[674].

Архивные материалы также показывают, что ассигнуемых сумм едва хватало, чтобы содержать присутственные места. Наиболее проблематичным было размещение учреждений. В ходе губернской реформы 1775 г. губернские и вологодские уездные и городские присутственные места заняли двухэтажную каменную перестроенную палату Кирилло-Белозерского монастыря, а в апреле 1797 г. были переведены в двухэтажный каменный дом, ранее принадлежавший генерал-губернатору. В этом здании учреждения размещались следующим образом: на верхнем этаже губернское правление, губернский прокурор, казённая палата, губернские судебные палаты, совестный суд, губернское рекрутское присутствие, на нижнем – врачебная управа, губернский землемер, вологодские

[672] Подробнее см.: Кокорев А. Руководство к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России. – М., 1858. – С. 3–9.

[673] Подсчитано по: ГА ВО. – Ф. 388. – Оп. 9. – Д. 57. – Л. 1–6.

[674] Подсчитано по: Там же. – Оп. 8. – Д. 103. – Л. 33 об.–54 об.

уездные учреждения (уездный суд, земский суд, дворянская опека, уездное казначейство), здесь же размещались архивы всех учреждений. Во флигеле, рядом с основным корпусом, размещались вологодская градская полиция и арестантская комната. Губернатор и его канцелярия к 1818 г. переехали в двухэтажное здание, купленное казной в 1807 г. у Н.И. Барша[675], будущего вологодского губернатора. В 1833 г. основное здание присутственных мест в Вологде сгорело. На постройку нового здания казна средств не выделяла, как и не озаботилась ремонтом сгоревшего[676]. Возникла необходимость найма помещений, для чего предписывалось использовать средства из экстраординарной суммы, выделявшейся на губернию[677]. По частным квартирам вологодские присутственные места размещались вплоть до 1850-х гг. При этом лиц, желавших сдавать здания казённым учреждениям, было немного. Так, в 1840-е гг. губернское правление и приказ общественного призрения находились в доме, первый этаж которого занимали «лавки с мукой, свечами, дичью и проч.»[678]. Губернские судебные палаты и совестный суд занимали маленький ветхий дом. Палата государственных имуществ, губернская строительная комиссия, губернская чертёжная, губернский прокурор, уездный и земский суды также размещались в «тесных неудобных квартирах»[679]. В более-менее удобных зданиях располагались казённая палата, уездное казначейство и тюремный замок. В гораздо худших условиях работали присутственные места в уездных городах. Казённых строений не было для размещения учреждений в Вельске, Никольске, Яренске и Устьсысольске.

Во время ревизий губернии и генерал-губернатор А.Ф. Клокачёв в 1820 г., и сенаторы в 1830 г. обращали особое внимание на условия работы уездных и городских учреждений, располагавшихся в ветхих и безобразных строениях. Ещё хуже выглядели остроги, которые в первой четверти XIX в. имелись не везде. К 1840-м гг. тюрьмы, хотя и были учреждены во всех городах, кроме Грязовца (арестанты содержались в наёмном доме), половина из них находилась в крайне ветхом состоянии (в отчётной документации их состояние описывалось

---

[675] См.: Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 350. – Л. 28–31.

[676] Сгоревшее здание простояло почти 20 лет без крыши, пришло в совершенную негодность и требовало значительных средств на ремонт. К середине века оно так и не было отремонтировано (См.: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 1 об. –24.

[677] См.: ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 592. – Л. 1–28.

[678] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 18 об.

[679] Там же. – Л. 18–18 об.

так: «старые деревянные, с некоторыми починками они смогут простоять ещё некоторое время»)[680]. Всего в 1844 г. на наём зданий тратилось 9 002 руб. ассигнациями в год[681].

Не лучшим образом выглядели полицейские команды и пожарные части, располагавшиеся при них. Средства на их содержание должны были выделяться из городских доходов, однако, их катастрофически не хватало даже в губернском городе, наиболее населённом и экономически развитом. Так, в 1818 г. было предписано в каждой части губернских городов иметь свой пожарный инструмент и отдельное помещение для его хранения, обозы лошадей, фурманов, а также учредить при полиции должности брандмейстера и двух его учеников. По подсчётам городских властей, суммы, которые они могли выделить на эти цели, были недостаточны[682]. Для приведения вологодской полиции в надлежащий вид был введён дополнительный налог с населения – по 2% с оценки недвижимых имений горожан, а также увеличились процентные ставки по уже действовавшим налогам[683]. Городские полиции и пожарные команды уездных городов выглядели гораздо скромнее (см. прил. 43). Так, в 1845 г. губернатор С.Г. Волховский в отчёте следующим образом охарактеризовал состояние пожарных команд: «в Вельске и Яренске пожарная часть в жалком положении, трубы их от давности сделались неспособными, других орудий также недостаточно, городских доходов едва хватает на самые необходимые расходы… В других городах пожарная часть в посредственном состоянии. В Устюге инвентаря достаточно, в хорошем состоянии»[684].

Центральное правительство, не желая увеличивать ассигнования на строительство и починку зданий, с 1830-х гг. пошло по пути создания особых капиталов, из которых должны были выделяться суммы на эти цели. Так, в 1832 г. в Вологде был создан губернский попечительный о тюрьмах комитет. Под его заведыванием начал формироваться особый капитал на устройство тюрем и острогов в губернии путём пополнения добровольными пожертвованиями частных лиц, а также денежными взысканиями, налагавшимися уголовным судом на

---

[680] ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1423. – Л. 8–8 об.
[681] См.: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 24–25.
[682] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 29 об.–30 об.
[683] См.: Там же. – Л. 44–46.
[684] Там же. – Д. 1423. – Л. 6–6 об.

осуждённых. Аналогичный особый капитал был создан для устройства пожарных частей, состоявший из доходов приказа общественного призрения. Однако «отпуск сумм» из этих капиталов для городов был возможен только «заимообразно» и только с разрешения Министерства внутренних дел[685].

Подводя итог анализу условий функционирования государственных органов Вологодской губернии в первой половине XIX в., отметим следующее.

1. В качестве главных составляющих функционирования местных органов власти, наряду с кадровым обеспечением, которое было рассмотрено особо, следует выделять нормативно-правовое, информационно-коммуникационное и материально-техническое обеспечение. Нормативно-правовое обеспечение изучаемого периода представляло собой «лоскутное одеяло», состоявшее из прецедентов, облачённых в формы сенатских указов и ведомственных актов, издававшихся по мере обнаружения затруднений и недостатков в деятельности местного государственного аппарата. Метод «залатывания дыр» в нормативно-правовом поле приводил к ещё большей путанице, что напрямую отражалось на деятельности должностных лиц, не имевших чёткого представления ни о своих полномочиях, ни об их пределах. Пробелы и недостатки правового регулирования частично были компенсированы во второй половине 1830-х гг. путём издания ряда законодательных актов, систематизировавших выработанные административной практикой методы и формы управленческой деятельности (сочетание коллегиальности и единоначалия, согласование действий на всех уровнях, делегирование полномочий и др.).

2. Недоверие к местной администрации выражалось в ограниченности её самостоятельности и необходимости согласования с руководством практически любой более-менее значимой бумаги или решения, что на практике приводило к росту документооборота. По мере усиления отчётности и увеличения объёма предоставляемых сведений о состоянии губернии всё больше проявлялся формализм. В целях получить удовлетворительную оценку своей деятельности в работе местных учреждений укоренялись полузаконные методы снижения количества нерешённых дел путём рассылки запросов, в связи с чем переписка из формы согласования превращалась в самоцель.

[685] См.: Там же.

3. Информационно-коммуникационное обеспечение местного государственного аппарата напрямую зависело от объективных обстоятельств, затруднявших доставление документации и сбор сведений. В условиях обширной территории губернии при неудовлетворительном состоянии путей сообщения показатели оперативности работы были крайне низкими.

4. На протяжении всего изучаемого периода одной из главных проблем местного государственного аппарата, наряду с жалованьем служащих, являлось скудное материально-техническое обеспечение его функционирования. Органы власти, вынужденные ютиться в непредназначенных для управленческого персонала съёмных частных квартирах, не были обеспечены соответствующими правительственным учреждениям условиями службы. В наихудшем положении оказывались городские полиции, основная нагрузка в содержании которых ложилась на плечи малообеспеченных горожан.

3.2. Деятельность местных органов власти в отражении материалов ревизий губернии

Проверка деятельности местных правительственных учреждений уполномоченными на то чиновниками центрального правительства представляла собой чрезвычайную форму контроля, которой были присущи свои особенности. Сроки и масштабы ревизий законодательно не определялись, а цели проверок в каждом случае были различны. Как правило, поводом к их назначению служили систематические нарушения законности в местном управлении. Перед направляемым в губернию чиновником ставилась задача исследовать сложившуюся ситуацию, собрать все необходимые сведения и материалы и представить их вместе с отчётом. В определённых случаях, помимо решения главной задачи, ревизоры должны были оценить работу всего аппарата управления губернией, что находило отражение в их рапортах правительственным учреждениям. Руководством для проведения ревизии, как правило, выступала «высочайше утверждённая» Инструкция от 1 декабря 1799 г., дополненная указами Сената 1805 и 1819 гг.[686] Обозначенные документы, хотя и были адресованы ревизующим се-

[686] См.: ПСЗ–1. – Т. 25. – № 19 212; Т. 28. – № 21 861; Т. 36. – № 27 722.

наторам, но служили ориентиром для действий и других чиновников, назначаемых «по высочайшему повелению» для осмотра губерний. В Инструкции определялись общие полномочия ревизоров и указывались те направления деятельности местного государственного аппарата, которые больше всего интересовали государство и на которые, вне зависимости от главной цели ревизии, уполномоченные лица должны были обращать пристальное внимание: соблюдение порядка в организации работы «присутственных мест», законность принимаемых ими решений, полицейское управление, наличие незаконных поборов и взяточничества, уровень развития земледелия и управление казённым имуществом.

В ходе настоящего исследования были выявлены и проанализированы материалы пяти ревизий, проводившихся на территории Вологодской губернии в первой половине XIX в.: сенаторская ревизия А.З. Хитрово (1814 г.), ревизия командира 6-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Е.И. Властова (1818 г.), ревизия генерал-губернатора А.Ф. Клокачёва (1820 г.), сенаторская ревизия И.С. Горголи (1827 г.), сенаторская ревизия В.Ф. Мертенса и А.М. Корнилова (1830 г.). Установлено также, что в 1827 г. в изучаемую губернию был направлен с ревизией флигель-адъютант императора князь А.К. Ливен. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения об этой ревизии отрывочны и не позволяют в полной мере раскрыть её ход и результаты[687].

Первая сенаторская ревизия проходила с января по март 1814 г. Причина её назначения заключалась в следующем. В 1813 г. на заседании Комитета министров министр финансов Д.А. Гурьев обратил внимание «на сильное и внезапное накопление недоимок в Вологодской губернии»: ещё в 1811 г. они составляли только 339 тыс. руб., а в 1813 – уже более 3,5 млн. руб.[688] Для выяснения причин сложившейся ситуации Комитет министров откомандировал сенатора тайного советника А.З. Хитрово, который прибыл в Вологду 12 января 1814 г. Он проводил следствие в течение нескольких месяцев[689] и итоги поде-

---

[687] Известно, что причиной ревизии послужили доносы содержателей и ямщиков почтовых станций «о взимании с них почтовыми чиновниками и почтальонами денег» (лихоимство), принесённые подполковнику корпуса жандармов Дейеру. Последний, по всей видимости, доложил об этом непосредственному начальству в столице, после чего в губернию, в ноябре 1827 г. был направлен князь Ливен с целью обследования состояния почтовых станций (Подробнее см.: ГАВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 142. – Л. 1278 –1302 об.).

[688] Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [в 5 т.]. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). – СПб., 1902. – С. 436; РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 5, 9 об.

[689] Для более успешного и быстрого проведения ревизии вместе с Хитрово в губернию были направлены чиновники центральных учреждений. Среди них находился служащий Департамента разных

ланной работы изложил в двух рапортах. Первый из них был заслушан Комитетом министров 24 февраля 1814 г. В документе были представлены результаты расследования причин накопления недоимок по питейным сборам. Сенатор пришёл к выводу, что деньги в казну не поступали из-за недобросовестности содержателя питейных сборов четырёх уездов губернии статского советника М.А. Ленивцева. Хитрово указал, что он «почти с самого вступления в содержание сборов с 1811 г. сделался несостоятельным… Откупная часть оставлена в совершенном небрежении и предана в самовольное распоряжение управляющего комиссионера, который пользуясь бездействием местного начальства, старался токмо соблюдать собственные свои и своего доверителя выгоды…»[690] В рапорте сенатор предложил Ленивцева отдать под суд, а его собственность оценить и обратить в уплату по недоимке.

Сенатор установил, что «злонамеренное накопление» откупных недоимок во многом стало возможным из-за бездействия и попустительства местных финансовых учреждений и начальника губернии[691]. Это заключение вполне закономерно, так как именно местные органы власти должны были осуществлять непосредственный контроль своевременного поступления платежей. Согласно условиям содержания питейных откупов, действовавшим с 1811 по 1815 г., деньги необходимо было вносить в казну через каждые полмесяца. Если в указанный срок они не поступали, то предоставлялась отсрочка платежа на 10 дней, по прошествии которой откупщик признавался «неисправным». В таком случае казённая палата должна была потребовать от него соразмерного недоимке дополнительного залога и, если данное обязательство оставалось неисполненным, то откупщик признавался безнадёжным «к дальнейшему содержанию питей», его долг подлежал принудительному взысканию, а откуп отдавался другому претенденту[692]. В отношении статского советника Ленивцева узаконенный порядок действий применён не был.

Судя по документам, ситуация развивалась следующим образом. В 1811 г., уже в первые месяцы после вступления Ленивцева в управление питей-

---

податей и сборов Министерства финансов Н.Ф. Остолопов. Этот чиновник был выбран неслучайно: в 1808–1812 гг. он исполнял должность вологодского губернского прокурора и, следовательно, был хорошо знаком с аппаратом управления губернией (См.: Там же. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1810 г.); Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 25).

[690] Там же. – Л. 3–5 об.

[691] См.: Там же. – Л. 5.

[692] См.: ПСЗ–1. – Т. 30. – № 23 995.

ным откупом, «подати начали поступать не вполне»[693]. Самостоятельно дать распоряжение о принятии решительных мер по взысканию недоимок казённая палата не имела права. Для этого необходимо было разрешение центральных учреждений, а также поддержка губернского правления, которое руководило полицейскими органами, осуществлявшими взыскание недоимок. Единственное, что могла сделать казённая палата – это донести Сенату, Министерству финансов, губернскому правлению и залогодателям о нарушениях в управлении питейными откупами. Вице-губернатору Д.Н. Муханову пришлось объясняться перед Хитрово и доказывать, что такие сообщения делались регулярно[694].

Первое донесение о неуплате Ленивцевым податей поступило, видимо, в центр в мае – начале июня 1811 г. 23 июня Сенат приказал определить «к питейным сборам казённый присмотр», задачей которого являлась проверка состоятельности откупщика и, в случае установления его неплатёжеспособности, назначение новых торгов на содержание откупа. Но казённая палата промедлила и приступила к исполнению предписания только в сентябре 1811 г. В Вологде в «казённый присмотр» за питейными сборами вошли советник казённой палаты и губернский стряпчий казённых дел, в уездных городах – городничие, уездные стряпчие и члены магистрата. Убедившись в том, что Ленивцев не в состоянии исполнять возложенные на него обязательства, казённая палата напечатала в ведомостях объявление на вызов желающих принять содержание откупа. В свою очередь Ленивцев подал в Сенат жалобу на действия местных органов власти, объясняя, что созданный надзор лишь мешает управлению откупом. Он просил отменить его, обещая предоставить дополнительные залоги и заплатить накопленную недоимку[695]. 27 ноября 1811 г. первый департамент Сената удовлетворил просьбу Ленивцева и упразднил «казённый присмотр», передавая откуп вновь в его полное управление[696]. Остаётся неясным, какими соображениями руководствовались сенаторы, принимая такое решение, идущее вразрез с интересами казны. Скорее всего, проживавший в столице Ленивцев добился этого благодаря личным связям в высших учреждениях, потому что никем иным

[693] ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 5 об.
[694] См.: Там же. – Л. 5 об–6 об.
[695] См.: Там же. – Л. 7–7 об.
[696] См.: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 3 об.

нельзя объяснить, почему вопреки законам откуп остался на прежнем основании и почему принимались на веру ничем не подкреплённые обещания.

Подобная ситуация повторилась весной 1812 г. Казённая палата ежемесячно доносила о том, что обещаний своих откупщик не выполнял, никаких залогов не предоставил и недоимка увеличивалась. 28 марта 1812 г. Сенат вновь предписал взять откуп в «казённый присмотр», но опять же Ленивцев не был отстранён от управления. При этом единственным аргументом Сената было то, что это даст откупщику возможность выполнить его обещания перед правительством. В связи с этим Сенат приказал казённой палате потребовать от Ленивцева внесения платежей или дополнительного залога[697]. Однако исполнить это предписание не удалось, так как откупщик находился в столице. Тогда же в дело вмешался губернатор Н.И. Барш, который полностью взял надзор за питейными сборами в своё ведение и отстранил от контроля казённую палату[698].

Все описанные события привели к тому, что в начале 1814 г. недоимка по питейным сборам в Вологодской губернии, числившаяся за статским советником Ленивцевым, составила 1 415 тыс. руб.[699] Более того, в 1814 г. были выявлены и другие его преступления, нанёсшие значительный ущерб казне. Как оказалось, с 1811 по 1815 г. Ленивцев содержал откупы также в Оренбургской, Тверской, Томской, Новгородской, Ярославской губерниях и управлял Тобольскими и Томскими винокуренными заводами[700]. Повсеместно открывались случаи его злоупотреблений, а общая сумма долга перед казной превысила 5 млн. руб.

Очевидно, Ленивцеву удалось создать целую коррупционную сеть, в которую были вовлечены чиновники разных уровней власти. Трудно судить о том, понял это Хитрово или нет, но из материалов дела следует, что он попытался оградить Сенат, возложив всю ответственность на Ленивцева и местные государственные учреждения. Конечно, с одной стороны, губернатор и казённая палата отвечали за своевременное поступление платежей, поэтому исключить их вину было нельзя, так как в ходе следствия обнаружились явные нарушения закона: медленное реагирование на распоряжения правительства и на действия

---

[697] См.: Там же.
[698] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 8 об.–10 об.
[699] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 5.
[700] См.: ПСЗ–1. – Т. 38. – № 29 642.

откупщика; превышение власти со стороны губернатора, отстранившего казённую палату от надзора за питейными сборами. С другой стороны, степень влияния местных учреждений на процесс управления откупом была невелика. Они не могли без разрешения правительства применить карательные санкции по отношению к Ленивцеву. Сенат неоднократно предписывал губернатору и казённой палате, чтобы они «о немедленном взыскании недоимок употребили всевозможное попечение и деятельным настоянием старались бы побудить содержателей питейных сборов к платежу»[701]. Однако не сообщалось, какие конкретно меры нужно применить. Сенат лишь ссылался на то, что губернские органы власти должны поступать согласно правилам содержания питейных откупов. При этом сам же Сенат и нарушал эти правила, не позволяя отстранить Ленивцева от управления и делая ему снисхождения. Подобное поведение выглядело более чем странно, поскольку ещё в 1812 г. министр финансов Д.А. Гурьев делал представление о неудовлетворительном управлении питейными сборами во многих губерниях, в особенности выделяя те территории, откупы в которых состояли за Ленивцевым[702]. Таким образом, именно распоряжения Сената привели к накоплению огромных недоимок, причём не только в Вологодской, но и в других губерниях.

Действия центральных учреждений отчасти можно объяснить чрезвычайным положением в государстве. Необходимы были огромные средства, как для ведения военных действий, так и для восстановления хозяйства страны. Это обстоятельство заставляло идти на компромисс с откупщиками, так как питейные сборы составляли львиную долю бюджета. Когда в 1809 г. Сенатом были объявлены торги на винные откупы с 1811 по 1815 г., оказалось, что желающих их взять не так уж много. К назначенному сроку не явилось ни одного претендента[703]. Дата торгов переносилась несколько раз и когда 21 марта 1810 г., наконец, появились желающие, они представили Сенату свои замечания относительно откупных условий. Частично эти требования были удовлетворены правительством, но основная их часть была признана противоречащей казённым интересам ввиду того, что создавала возможности для злоупотреблений[704]. Обстоя-

[701] Там же. – Т. 32. – № 25 233.
[702] См.: Там же.
[703] См.: Там же. – Т. 30. – № 23 517; 24 017.
[704] См.: Там же. – Т. 31. – № 24 181.

тельства, при которых производились торги, позволяют понять, почему Ленивцеву было разрешено взять питейное управление сразу в нескольких губерниях. Однако остаётся неясным, почему откупы были отданы ему без соответствующего денежного обеспечения, и по каким причинам он не отстранялся, даже несмотря на то, что не выполнял обязательства.

В ходе следствия по делу Ленивцева обнаружилось, что собственности для уплаты долгов у него не имелось[705]. Пожалуй, единственным объяснением такой ситуации является подкуп должностных лиц. Ленивцев проживал в столице и в его руках, видимо, имелось достаточно денежных средств, чтобы влиять на мнение даже самых высокопоставленных чиновников. В пользу этой гипотезы говорит также то, что следствие по делу оказалось беспрецедентным и по срокам, и по результатам. В мае 1818 г. первый департамент Сената предписал учреждениям всех губерний, где производились расследования по преступлениям Ленивцева, руководствоваться положениями указа от 23 февраля 1816 г., в котором содержалось требование о взыскании откупных недоимок в четырёхмесячный срок. Если должник не выплачивал деньги, то с ним необходимо было поступить согласно указу от 12 ноября 1776 г. (сослать на каторжные работы)[706]. К маю 1819 г. в правительство были представлены результаты расследования по Ярославской губернии: уголовная палата, полностью признав Ленивцева виновным, назначила ему в наказание ссылку в Сибирь. Однако шестой департамент Сената большинством голосов не согласился с этим приговором, сославшись на указ от 31 июля 1799 г., по которому каторжные работы назначались только за убийство и грабёж. Вследствие жалобы Ленивцева действия судебных учреждений Ярославской губернии признавались незаконными. Откупщик утверждал, что не имел представления «по каким донесениям Сената он предан суду» и не понимал по каким прочим его откупам он «признан злостным содержателем». Он просил суд разъяснить ему эти вопросы, но получил отказ. Несмотря на то, что подобные заявления от человека, по делу которого на протяжении пяти лет велось следствие, кажутся просто наивными, шестой департамент встал на сторону Ленивцева. В октябре 1823 г. законную силу получило мнение Государственного совета, который полностью согласился с позицией шестого департамента. Всем «присутственным местам» было предписано

[705] См.: Там же. – Т. 38. – № 29 642.
[706] См.: Там же.

более тщательно собирать доказательства и все необходимые «ответы и оправдания» от Ленивцева. Рассмотренное дело наглядно показывает недостатки не только системы питейных откупов, но и судебной практики первой половины XIX в. Несмотря на то, что следствие велось без малого десять лет, оказалось, что привлечь к ответственности лицо, вина которого была очевидна, крайне сложно[707].

Второй важной составляющей общей недоимки по губернии являлись податные недоборы с государственных крестьян. Причины их накопления Хитрово изложил в рапорте, рассмотренном в Комитете министров 6 марта 1814 г. Частично недоимка была обусловлена неурожаем хлеба в нескольких уездах. Однако, по мнению сенатора, её могло не быть, если бы систематически не производились различные незаконные поборы с крестьян, сопряжённые со злоупотреблениями полицейских чиновников. Доказательством этому служили результаты ревизий ряда волостных правлений Грязовецкого, Кадниковского, Вельского, Устюгского и Никольского уездов, с документацией которых сенатор познакомился лично. Сравнив данные приходорасходных книг, он выявил, что более половины денег, собранных с крестьян за последние годы, в казну не поступило[708].

В отчётном рапорте Хитрово особо подчеркнул: «удостоверение моё основано на жалобах крестьян толпами ко мне почти в каждом селении на пути моём являвшихся в самом жалком положении»[709]. Больше всего население сетовало на незаконные поборы должностных лиц, в особенности обременительные во время рекрутских наборов. В доказательство сенатору были представлены документы, в которых подробно излагалось, кому и сколько было заплачено[710].

---

[707] В итоге даже в 1838–1839 гг. продолжалась переписка по вопросу о недоимках, числившихся за Ленивцевым (Подробнее см.: РГИА. – Ф. 1151. – Оп. 2. – Д. 127).

[708] Так, с 1 212 человек Домшинской волости Грязовецкого уезда в 1812 г. было собрано по 20 руб. с души. В казну же из этой суммы поступила только половина, а «куда излишние деньги были употреблены видеть было нельзя, потому что волостной голова отзывался будто расходные книги отобраны земским судом» (Там же. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 5 об.–6.). В течение 1813 г. с этой же волости было собрано 17 762 руб., но в казну поступило также не более половины. При этом сенатор отметил, что «в издержках сего года показано на содержание кормового двори и подводы для земского суда 1 000 руб., да в подарок исправнику Чулкову 300 руб.» (Там же. – Л. 6.).

[709] ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 424. – Л. 1.

[710] Так, в расходной книге Глушицкой волости Кадниковского уезда значилась издержки при отдаче в Вологде рекрутов 5 февраля 1813 г., а именно: «исправнику в почтение дано 50 руб., заседателю Левину – 5 руб., для исправника и заседателя брато вина на 4 руб., губернатору – 100 руб., его дворецкому – 24 руб., губернаторской сестре рыбы и сахару на 20 руб., для людей её вина на 80 коп., при платеже денег снесено секретарю штоф водки на 3 руб. 50 коп.» и т.д. Общая сумма, затраченная на подарки должностным лицам и их родственникам, только по одной Глушицкой волости составила более 1 200 руб., из них на губернатора с

Приходорасходные книги городских дум и волостных правлений свидетельствовали, что повсеместно большую часть затрат на поставку рекрутов составляли «подарки» чиновникам (среди последних значились все высшие должностные лица губернии). Очевидно, что вымогательство носило систематический характер, а размер и стоимость «подарков» напрямую зависели от положения должностного лица в служебной иерархии. Подобные действия местных учреждений приводили к разорению населения[711].

Ещё одно свидетельство злоупотреблений местных чиновников нашло отражение в донесении губернского предводителя дворянства, которому было поручено выявление причин недоимки с помещичьих крестьян. Он указал, что хозяева имений подати вносили своевременно и в доказательство этого у них имелись соответствующие квитанции, однако, в уездные казначейства деньги по неизвестным причинам не поступали[712]. Это означало только одно – их присваивали служащие земских судов, непосредственно собиравшие налоги.

Таким образом, сенатор обнаружил в губернии откровенное хищение собираемых налогов, более половины суммы которых в казну не вносилось. Следовательно, вина в накоплении недоимки, числившейся за крестьянами, которая к моменту приезда ревизора равнялась 2 млн руб., лежала на местном аппарате управления. Полицейские органы должны были осуществлять сбор налогов и контролировать несение повинностей, а, судя по материалам ревизии, они не только устанавливали незаконные поборы с населения, но и, пользуясь служебным положением, присваивали себе часть собранных налогов. К тому же полиция, которая должна была заботиться о благосостоянии населения, не обращала внимания на то, что крестьяне разоряются. В восточных уездах, которые в 1810–1813 тт. постигли неурожай и эпидемии, многие поля казённых крестьян пребывали незасеянными. Но данное обстоятельство, несмотря на просьбы населения о помощи, мало заботило как уездные, так и губернские органы[713]. Чиновники финансовых учреждений, в компетенцию которых входил контроль своевременного поступления налогов, закрывали глаза на всё возраставшую недоимку,

---

его дворецким было потрачено более 600 руб., на вице-губернатора и его дворецкого – около 200 руб. (РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 75–76 об.).

[711] Так, в Устюге сенатор получил «от Комаринской волости по приговору всего мирского общества прошение о непомерных с них сверх государственных податей сборах, от чего пришли они в крайнее разорение и даже в несостояние оные уплачивать» (Там же. – Л. 8–8 об.).

[712] См.: Там же. – Л. 8 об.

[713] См.: Там же. – Л. 7 об.

поскольку также принимали участие в преступлениях. В результате такого управления некоторые селения Вологодского края, в которых побывал Хитрово, пришли в экономический упадок и оказались просто неплатёжеспособными[714].

Стоит отметить, что с момента прибытия сенатора в Вологду, чиновники лихорадочно пытались исправить упущения. Губернское правление разослало по всем полицейским учреждениям датированное 15 января 1814 г. указание «о неослабном взыскании почитающихся на здешней губернии недоимок и в случае кем-либо неплатежа о поступлении на основании преподанных мер и других законных способов со всею неусыпной деятельностью»[715]. Вслед за этим последовал ещё ряд указов, как требовавших предоставить точные сведения о количестве недоимок и причинах их неуплаты, так и предписывавших немедленно «употребить деятельнейшие меры» к взысканию долгов. Причём губернское начальство устанавливало сжатые сроки для их исполнения, обозначая, что в противном случае «вместо снисходительных побуждений, присутствующие будут уже оштрафованы»[716]. Предпринятые меры принесли свои плоды, так как за

[714] К примеру, от 9 казённых волостей Устюгского уезда Хитрово получил жалобу следующего содержания: В ходе генерального межевания крестьяне этих волостей лишились лучших земель и были вынуждены брать «на общий счёт в содержание смежные с ними казённые оброчные статьи», поскольку выделенная им земля «по неудобности оной везде к хлебопашеству и по неимению сенных покосов» не позволяла вести хозяйство. Однако оброчные статьи «вошли в число всемилостивейше пожалованных разным лицам земель и достались все без изъятия купцу Булдакову», предлагавшего их в аренду по «возвышенным ценам». В 1810 г. после неурожая крестьяне, «придя в несостояние брать от Булдакова в содержание потребное для хозяйства количество земли, извели всё своё скотоводство, отчего оскудели в средствах не только платить государственные подати, но даже и доставлять пропитание своим семействам». В этом же году они обратились к губернатору с просьбой выкупить у Булдакова за государственный счёт земли и передать им во владение. Потраченную сумму обязались выплатить в течение 10 лет. Губернатор представил дело на рассмотрение высшему начальству. Однако на протяжении четырёх лет оно оставалось без внимания и к моменту приезда Хитрово положительного решения не получило. Сенатор, пришёл к выводу, что крестьянские хозяйства пришли в упадок по вине казённой палаты, произвольно отбиравшей земли и раздававшей их в частные владения. Из запутанных и противоречивых объяснений казённой палаты, полученных в ответ на запрос центрального правительства, следовало: 1) при нарезке наделов были отобраны излишние земли, на которые крестьяне не подтвердили права по жалованным грамотам и иным актам и в которых «не имели крайнюю нужду»; 2) при получении от этих крестьян жалоб на недостаточные размеры их наделов (менее 15 десятин), непригодность их использования для сельского хозяйства и отсутствие казённых оброчных статей, было сделано представление Сенату, который, в свою очередь, позволил «удовольствовать крестьян» землями из лесного фонда. Иными словами, в рамках одного и того же документа казённая палата пыталась доказать, что крестьяне испытывали нужду в земле и просили о дополнительных наделах, но на все те участки, которые были отрезаны как «излишки», после него вошли в число «всемилостивейше пожалованных» разным лицам, и на казённые оброчные статьи, которые были проданы частным лицам, они никаких претензий не имели и наделить их именно этими землями не просили. Однако центральное правительство отнеслось к действиям казённой палаты как к вполне правомерным (Подробнее см.: Там же. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 4 об.–9; 18–24).

[715] ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 31.

[716] Там же. – Л. 15, 16 об., 23 об., 24, 36 об., 45 об., 47, 54, 67, 73, 77 об., 82 об.

время сенаторской ревизии с казённых крестьян было взыскано более 600 тыс. руб., числившихся в недоимке[717].

Почти повсеместно чиновники пытались скрыть следы своих злоупотреблений. Одни из них прибегали к подделке документов. Знакомясь с делопроизводством ревизуемых учреждений, сенатор обратил внимание на то, что бумага, на которой написаны некоторые важные для следствия документы, была произведена гораздо позже даты их составления. Другие чиновники попросту уничтожали доказательства своих преступлений. В частности, служащие земских судов отбирали и сжигали документы волостных правлений, в которых отражались незаконные поборы с крестьян.

Находясь в Вологодской губернии, Хитрово предпринял некоторые меры, чтобы предотвратить дальнейшие злоупотребления: предписал губернской администрации отстранить от должностей уездных чиновников, заподозренных в незаконных действиях, и препроводил в губернское правление собранные против них доказательства с указанием немедленно произвести расследование преступлений. Но надежды сенатора на быстрый и беспристрастный суд в губернии, управляемой государственным аппаратом, на всех уровнях которого злоупотребления приобрели системный характер, не оправдались. Чтобы увидеть, насколько добросовестно местные чиновники исполняли поручения сенатора, стоит остановиться на одном из судебных дел, начавшемся по результатам ревизии.

1 марта 1814 г. Хитрово предписал губернскому правлению расследовать преступления по Никольскому уезду[718]. Жалобы казённых крестьян на взятки и злоупотребления чиновников подтверждались документально. Более того, служащие земского суда были изобличены сенатором в том, что отобрали и сожгли приходорасходные книги Новоегорьевского волостного правления, в которых, исходя из слов поселян, значились многочисленные поборы. Под судом оказалось значительное число служащих[719]. Сенатор приказал немедленно отстра-

---

[717] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 9 об.

[718] См.: ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 424. – Л. 1.

[719] На скамье подсудимых оказались: исправник А.А. Красильников; члены земского суда (дворянский заседатель М.В. Кардамонов, сельский заседатель Г.В. Сорокин, секретарь И.Д. Швецов, приказные служители П.К. Семёнов, В.В. Дмитриев, Шамарин, Попов, Шергин, Попов и Белаев); уездный стряпчий К.К. Воротников; уездный казначей В.Д. Котов; соляной пристав Поляков; секретарь канцелярии губернатора Д.И. Вахрушев, бывший в 1811 г. письмоводителем в рекрутском присутствии (См.: Там же. – Л. 4–5; Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 961–962).

нить от должностей наиболее виновных с его точки зрения лиц (исправника Красильникова, сельского заседателя Сорокина, секретаря Швецова и приказного служителя Семёнова). Согласно документам волостных правлений и показаниям крестьян на них явно падало подозрение в преступлениях. Это предписание было оформлено 9 марта 1814 г. указом, данным губернским правлением земскому суду. Однако распоряжение не было исполнено, что вызвало необходимость в октябре 1815 г. Сенату ещё раз предписать удалить чиновников от занимаемых ими должностей[720].

Для производства следствия летом 1814 г. в Никольск был командирован тотемский уездный судья М.С. Плешанов. Прибыв на место и рассмотрев собранные сенатором доказательства, он пришёл к иному выводу: жалобы крестьян оказались несправедливыми. Судья изложил ситуацию следующим образом. Раз подати с поселян в уездное казначейство не поступали, значит, члены земского суда их не взыскивали, следовательно, записи о сборе платежей в волостных книгах не соответствовали действительности и не доказывали вины служащих. По мнению судьи, жалобу крестьяне подали с единственной целью: избежать исполнения законных повинностей. Таким образом, главным аргументом Плешанова было то, что население ввело сенатора в заблуждение, а незаконных поборов не было, потому что поселяне практически ничего и не платили. Однако факт истребления документов волостного правления опровергнуть было нельзя, так как служащий земского суда на допросе сенатора признался, что сделал это по приказанию исправника[721]. Закономерно возникает вопрос, если записи в приходорасходных книгах являлись ложными, то зачем требовалось их сжигать?

Следствие Плешанов провёл беспорядочно. Допросил лишь немногих из причастных к делу крестьян, указав при этом, что они только «чинили грубости и отпирательства» и никаких «ясных доказательств» не предоставили. Большинство поселян по разным причинам отказались ехать в Никольск, что было неудивительно, так как Плешанов прибыл туда в разгар полевых работ. К тому же местным властям население не доверяло. Некоторые крестьяне прямо заяви-

[720] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 424. – Л. 26.
[721] См.: Там же. – Л. 19–20 об.

ли судье, что они уже давали объяснения сенатору и «более ни к каким допросам не пойдут»[722].

Хитрово, посещая волости и прислушиваясь к просьбам крестьян, в первую очередь оценивал работу местного государственного аппарата. Он понимал, что большая часть поселян была малограмотной, неспособной основательно доказать в суде преступления должностных лиц, а посещение губернии представителем центральной власти внушало надежду на беспристрастное рассмотрение жалоб. Работу местной администрации сенатор оценивал не на основе бумажных отчётов, а знакомясь с реальной обстановкой на местах. Плешанов руководствовался совершенно иной логикой, пытаясь переложить ответственность за действия чиновников на население. В материалах, представленных по результатам своего расследования, он не стеснялся в выражениях. Приходорасходную книгу волостного правления, служившую, по мнению сенатора, одним из главных доказательств преступлений, Плешанов посчитал «недельной и никакого внимания не заслуживающей». Своё отношение к рассматриваемому делу он изложил ёмко и чётко: «Слабоумные крестьяне, не имея ясного доказательства, думают уверить тою, ничего не значащей бумагой, а ничем другим, что они в доносе своём справедливы»[723]. В итоге из всех подсудимых наказание за незаконные поборы понёс только один сельский заседатель Сорокин, учинивший чистосердечное признание на допросе у Хитрово. В апреле 1816 г. его приговорили к ссылке на каторжные работы в Нерчинск. Виновным в истреблении документов был признан приказной служитель Семёнов и в наказание был уволен со службы[724]. В отношении остальных чиновников в 1818–1819 гг. были вынесены оправдательные приговоры[725].

Производство дела по Никольскому уезду наглядно продемонстрировало недостатки системы местного управления. Преступления, открытые сенатором по другим уездам, расследовались аналогичным образом и привели к тем же результатам[726]. Характерно то, что в качестве главного аргумента в оправдательных приговорах значилось «непризнание своей вины». Получается, что уличить

---

[722] Там же. – Л. 20 об.

[723] Там же. – Л. 20 об.–21.

[724] См.: Там же. – Л. 32, 94.

[725] См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 961–962; РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 150 об.

[726] См.: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 365–372, 373–380; Д. 73. – Л. 500–511, 852–867 об.; Д. 74. – Л. 317–340 об.; Д. 78. – Л. 86–95 об.; Д. 79. – Л. 411–420, 471–518, 519–536, 945–963 об.

чиновников в лихоимстве, если они в этом не сознались, было практически невозможно. Документы волостного правления следователи не считали «ясным» доказательством вины, а в показаниях крестьян всегда можно было найти формальные изъяны и отнести их к разряду ложных доносов. Судьи были уверены в безнаказанности за вынесение незаконных оправдательных приговоров, так как контроль за этим процессом со стороны центральных учреждений был очень слабый. Лишь в 1821 г. указом было предписано «приговоры уголовных палат, по делам о чиновниках, предаваемых суду ревизующими губернии сенаторами, … хотя бы подсудимые и оправданы ими были», вносить на рассмотрение в Сенат[727].

В целом из-за пристрастного следствия виновные избегали наказания. Более того они продолжали службу в тех же учреждениях и на тех же должностях, при этом спокойно могли и дальше злоупотреблять своим положением, зная, что привлечь к ответственности их очень сложно. Видя безнаказанность чиновников, население попросту боялось местного начальства, наивно полагаясь на защиту со стороны верховной власти, но Хитрово уехал, и всё вернулось на прежние места (об особенностях судопроизводства по делам о должностных преступлениях более подробно будет сказано в следующем параграфе).

Материалы, свидетельствовавшие о злоупотреблениях первых лиц губернии, Хитрово отправил вместе с рапортами в Комитет министров. В отношении губернатора и вице-губернатора, сенатор дал заключение об их «неблагонадёжности» и упомянул, что они «неоднократно отзывались ему один на другого в знании о взятках, но письменного показания подать не соглашались»[728]. Следствие о первых лицах губернии, отдавалось «на высочайшее усмотрение».

Заслушав донесения Хитрово, Комитет министров признал действия сенатора справедливыми и законными, а собранные материалы – вполне доказывавшими беспорядочное управление Вологодским краем. После чего последовало распоряжение об отстранении от должностей губернатора Барша и вице-губернатора Муханова. Они были вызваны в столицу для дачи показаний. Указом 20 марта 1814 г. в Вологодскую губернию назначили нового губернатора – чиновника Министерства полиции И.И. Винтера. 27 марта 1814 г. должность

---

[727] ПСЗ–1. – Т. 37. – № 28 825.
[728] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 9.

вице-губернатора была поручена служащему Департамента разных податей и сборов Министерства финансов Н.Ф. Остолопову[729].

Окончательный приговор по делу о первых лицах губернии должен был вынести пятый департамент Сената, который в 1815 г. признал губернатора и вице-губернатора виновными лишь в несоблюдении порядка в приёме рекрутов[730]. Такое решение дела обратило на себя внимание Александра I: «Обстоятельство сиё представляет такой вид, что или донесение сенатора Хитрово не имело законного основания, или пятый департамент Сената сделал послабление в своём суждении о сих чиновниках»[731]. При этом император указал, что причиной решения Сената могли стать пристрастные оправдания обвиняемых. Это замечание было неслучайным, так как, попав под суд, губернатор и вице-губернатор сразу же начали искать поддержки как в правительственных кругах, так и у нового вологодского начальства. Известно, что Барш во время пребывания в столице просил защиты и покровительства у министра юстиции Д.П. Трощинского. Он жаловался, что обвинения против него сфабрикованы его недоброжелателями[732]. Муханов же действовал по-иному: пытался переложить всю ответственность за злоупотребления на Барша[733].

14 декабря 1815 г. император поручил Государственному совету подробно познакомиться с материалами дела и установить, законно ли оправданы губернатор и вице-губернатор[734]. 24 января 1818 г. Барш и Муханов всё-таки были признаны виновными. Утверждая мнение Государственного совета, Александр I заключил: «Донесения сенатора Хитрово, на кои упадало сомнение,… оказались основательными»[735]. Последовали ли дальнейшие распоряжения по этому делу и каков был окончательный приговор, выяснить не удалось. Известно, что Барш умер в 1816 г., а Муханов был исключён из службы и лишился права на получение пенсии.

После сенаторской ревизии 1814 г. состояние дел в Вологодской губернии сильно не изменилось. Уже в 1817 г. губернский предводитель дворянства генерал-майор П.И. Цорн доносил о злоупотреблениях чиновников. В январе 1818 г.

---

[729] См.: Там же. – Л. 14, 25–26.
[730] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 18–18 об.
[731] РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 13. – Д. 3599. – Л. 2–2 об.
[732] См.: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1324. – Л. 2 об.
[733] См.: Там же. – Д. 325. – Л. 1–18 об.
[734] См.: РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 13. – Д. 3599. – Л. 2.
[735] Там же. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 10; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 468. – Л. 63.

«по высочайшему повелению» в губернию был отправлен генерал-лейтенант Е.И. Властов, который провёл расследование по доносам Цорна и собрал множество доказательств незаконных действий (взятки, вымогательство денег у населения, нарушение правил дворянских выборов, беспорядочное питейное управление, махинации в ходе торгов на содержание почтовых станций и др.)[736]. Пожалуй, наиболее важным итогом ревизии Властова стало открытие злоупотреблений губернатора Винтера. Ситуация, которая позволила изобличить его, произошла в 1815 г. в ходе заготовки хлеба для голодавших крестьян Яренского уезда. В частности, Винтер, собрав по «добровольной подписке» пожертвования (в общей сумме 10 705 руб.), закупил по завышенным ценам ячмень для голодающих (из чего извлёк для себя определённую выгоду). Крестьяне рассчитывались за оказанную помощь в течение трёх лет и всего выплатили за полученное ими зерно 14 684 руб., но в капиталы приказа общественного призрения поступило из них только 7 929 руб. Как выяснилось, остальную часть денег (6 755 руб.) присвоил губернатор[737]. После ревизии в 1819 г. Винтер был отдан под суд, но расследование его преступлений затянулось, поскольку он, после отстранения от должности, уехал в Санкт-Петербург и забрал с собой все документы, касавшиеся заготовки хлеба. Неоднократные требования губернского правления вернуть незаконно вывезенную документацию он игнорировал, и дело затянулось на годы. Только 26 июня 1829 г. последовало «высочайше конфирмованное мнение Государственного совета о неопределении бывшего вологодского гражданского губернатора Винтера ни к каким должностям»[738].

В 1820 г., когда Вологодская губерния поступила в управление генерал-губернатора, последнему было поручено провести ревизию и дать общую оценку состоянию местного управления. 26 марта 1820 г. А.Ф. Клокачёв известил о своём назначении губернатора И.И. Попова и запросил сведения о состоянии губернии. Уже к 5 апреля губернатор представил отчёт, включивший в себя ведомости: «А. О присутствующих в губернском правлении, в палатах и прочих нижних местах; В. О числе нерешённых дел по присутственным местам Вологодской губернии и об арестантах по оным содержащихся; С. О недоимках раз-

[736] См.: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 236–239; ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 286. – Л. 1–134; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 41, 47–47 об., 130–130 об., 323, 615; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 15 об.

[737] См.: Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 38–39 об.

[738] Там же. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 2 об.

ного сбора, остающихся по 1 марта; D. О недоборах по рекрутской повинности; E. О капиталах приказа общественного призрения и его заведениях; F. О числе жителей, населяющих Вологодскую губернию»[739]. С целью представить свою деятельность в наиболее выгодном свете и тем самым расположить к себе генерал-губернатора в приложенной к отчёту «Записке» он подробно описал свои действия и распоряжения с момента вступления в должность. Это было сделано не случайно. Попову, назначенному в июне 1819 г., в наследство от предшественников досталось много проблем, требовавших незамедлительного решения: казённая недоимка; рекрутская недоимка; беспорядок в делопроизводстве всех губернских и уездных присутственных мест; фактическое банкротство приказа общественного призрения, последовавшее из-за растраты, открывшейся в 1818 г.; запустение хлебных запасных магазинов; загрязнённость и беспорядочная застройка городов; запущенность дорог, мостов и перевозов; неудовлетворительное содержание пожарных команд городской полиции. Как раз этих вопросов и касалась его «Записка»[740]. Кроме того, Попов, пытаясь оградить себя от ответственности за состояние края, поспешил также представить министру внутренних дел записку о недостатках в местном управлении Вологодской губернии и свои предложения по их устранению[741].

Клокачёв посчитал отчёт губернатора недостаточным, а ведомости о состоянии губернии поверхностными и запросил дополнительные сведения, после чего началась переписка касательно отдельных предметов управления, продолжавшаяся вплоть до 1 августа 1820 г., когда он прибыл в Вологду с целью ревизии. Лично обозревая «присутственные места», генерал-губернатор выявил множество нарушений. Количество недоимок по губернии составляло более 1,7 млн. рублей[742]. По каким причинам они не взыскивались, ни губернские, ни уездные чиновники не могли дать объяснений. Обнаружилось, что часть недоимки всё-таки была собрана, но на протяжении нескольких лет оставалась невнесённой в казну. Практически во всех «присутственных местах» оказалось большое число нерешённых дел. Клокачёв, рассматривая делопроизводство, увидел, что одни учреждения скрывали неисполненные дела и не обозначали их

[739] Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 3–16.
[740] Подробнее см.: Там же. – Л. 17–30 об.
[741] См.: РГИА. – Ф.1263. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 813–832.
[742] Там же. – Д. 256. – Л. 199 об.–200.

в документах, другие, в том числе губернское правление, – просто не вели настольных реестров входящих бумаг за последние годы. Соответственно, проверить качество и оперативность работы, объёмы делопроизводства было просто невозможно. Оказалось также, что распоряжения губернского правления в большинстве своём игнорировались и, даже после наложения на учреждения пени за «промедление» в работе, они оставались по нескольку лет неисполненными. Намеренно затягивалось рассмотрение правонарушений чиновников. В тюрьмах содержалось много арестантов, ждавших по нескольку лет решения своей участи. При этом были и такие заключённые, в отношении которых уголовная палата давно уже вынесла оправдательные приговоры[743]. Описывая состояние дорог и мостов, генерал-губернатор заключил, что они не только «в самом дурном положении, но даже опасны для проезда». Таким образом, он почти повсеместно открыл злоупотребления не меньшие, чем в 1814 г. обнаружил в ходе ревизии Хитрово. Получается, что ни частая смена руководителей губернии, ни регулярные проверки со стороны центральных учреждений, не способствовали наведению порядка в аппарате управления.

Пользуясь своими полномочиями, Клокачёв дал губернскому правлению ряд предписаний с требованием немедленно приступить к исправлению нарушений. Донесения генерал-губернатора по результатам ревизии предопределили очередную смену руководства[744]: в апреле 1821 г. Попов был смещён, а 7 июля того же года – назначен Н.П. Брусилов.

С января по март 1827 г. была проведена вторая сенаторская ревизия Вологодской губернии. Архивных документов о ней пока удалось выявить крайне мало. Некоторые сведения о пребывании сенатора в губернии отразились в дореволюционной краеведческой литературе[745]. Причиной назначения данной ревизии стали жалобы удельных крестьян Тотемского уезда на незаконные поборы чиновников. В начале 1820-х гг. крестьянин Д.М. Гамиловский, служа выборным заседателем Спасского приказа, заметил, что с населения собиралось

---

[743] См.: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 2–17 об., 19–23 об.

[744] Клокачёв дважды приезжал в Вологодскую губернию для ревизии присутственных мест. Во время первого посещения он осмотрел Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский и Вельский уезды, что отразил в рапорте от 18 августа 1820 г., во время второго – Тотемский, Устюгский, Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский уезды (рапорт от 21 сентября 1820 г.) (См.: Там же. – Л. 1–29).

[745] См.: Бурцев Е. Спас на Кокшенге // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 23. – С. 533–535; Попов В.Т. Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический очерк. – Вологда, 1886. – С. 74–75.

налогов намного больше, чем было положено по законам. Возмущённый этим обстоятельством, он разъяснил поселянам, что их обирают, и подал жалобу губернатору, в которой подробно изложил злоупотребления должностных лиц. Губернская администрация передала донос на рассмотрение управляющего удельной конторой, который, прибыв в Спасский приказ, попытался доказать крестьянам, что незаконных сборов не было. Реакция населения, согласно воспоминаниям современников, была следующая: «Крестьяне наговорили управляющему так много грубостей и дерзостей, что тот сообщил губернатору о бунте»[746]. Для наведения порядка и ареста зачинщиков в удельную деревню были направлены солдаты. Гамиловский бежал и три года скрывался от полиции. За это время он собрал документы, свидетельствовавшие о преступлениях чиновников, после чего осенью 1826 г. отправился в столицу и подал жалобу в Сенат.

Для расследования ситуации, сложившейся в удельных имениях, был назначен сенатор генерал-лейтенант И.С. Горголи, прибывший в Тотьму в конце января 1827 г.[747] В это же время в губернию доставили арестованного Гамиловского. До окончания следствия он содержался в тотемской тюрьме[748]. Ревизия продолжалась два месяца и завершилась к 25 марта 1827 г. Выявленные источники не позволили в полной мере оценить действия сенатора в ходе осуществлявшейся проверки. Однако вызывает недоумение, что Горголи не посетил Спасский приказ, волнения в котором послужили причиной ревизии. Вместо этого туда был направлен яренский земский исправник П.А. Баратынский, который, как и следовало того ожидать, не обнаружил никаких злоупотреблений, сделал вывод о недобросовестности крестьян и выявил числившуюся за ними недоимку, которую и взыскал в кратчайшие сроки[749]. Можно ли считать расследование яренского исправника справедливым? Думается, что нет, так как источники дают нам многочисленные примеры пристрастности местных чиновников. Немаловажным будет также отметить, что в 1828 г. сам Баратынский был отдан

---

[746] Бурцев В. Спас на Кокшенге // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 23. – С. 534.

[747] Вместе с ревизором приехало пять столичных чиновников, среди которых значился известный общественный деятель и писатель С.Н. Глинка (См.: ГА ВО. – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 1635. – Л. 28).

[748] См.: Там же. – Л. 92.

[749] См.: Там же. – Ф. 806. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 12 об.

под суд за «лихоимство, буйство, пристрастные допросы и сожжение мирских приговоров»[750].

Рассмотрев документацию «присутственных мест», сенатор всё же нашёл некоторые подтверждения незаконных поборов. В частности, в Шевденицком приказе он выявил, что писарь губернский секретарь Н. Кубенский включил в сумму податей с крестьян числившийся за ним с 1821 г. казённый долг в размере 265 руб.[751] Расследование действий этого служащего Горголи поручил Тотемскому уездному суду.

Итогом сенаторской ревизии стало следственное дело о незаконных поборах чиновников в удельных волостях Тотемского уезда, рассмотренное Вологодской уголовной палатой 4 декабря 1828 г. В числе подсудимых оказались почти все бывшие и действовавшие на тот момент должностные лица Вельской удельной конторы, крестьянские выборные лица, а также ряд уездных чиновников (всего 82 человека)[752]. Ревизор, известный своим жестким нравом, добился признания во взятках четырёх чиновников, в том числе двух управляющих удельной конторой. В данном случае изобличённые в преступлении должностные лица избежать строгой ответственности уже не смогли и были сосланы в Сибирь. Гамиловский, как зачинщик беспорядков против власти, также был приговорён к ссылке. Во время препровождения в Вологду он сбежал, после чего опять отправился в столицу с просьбой о помиловании и жалобой, поданными на имя императора. Гамиловский заявил, что сенатор отнёсся слишком снисходительно к виновным должностным лицам, а ревизия не способствовала наведению порядка. В 1833 г. Сенат удовлетворил его жалобу. Многие местные чиновники удельного ведомства оказались уволенными со службы. Сумму податей, подлежавшую уплате, приказано было объявлять поселянам заранее[753].

Третья, самая масштабная и продолжительная по времени, сенаторская ревизия губернии была осуществлена в 1830 г. Причиной явился уже описанный ранее конфликт между губернским прокурором А.А. Зубовым и губернатором Н.П. Брусиловым, послуживший своеобразным сигналом о неблагополучной

---

[750] Там же. – Л. 7 об.

[751] См.: Там же. – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 1635. – Л. 107 об., 118.

[752] См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 1028–1044 об.

[753] См.: Бурцев Е. Спас на Кокшенге // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 23. – С. 534–535.

обстановке в местном государственном аппарате[754]. 19 апреля последовало распоряжение императора о назначении общей ревизии Вологодской и Архангельской губерний. Предписывалось начать проверку с первой. В качестве ревизоров указом Сената от 13 мая 1830 г. были определены сенаторы В.Ф. Мертенс и А.М. Карнилов[755], которые прибыли в Вологду 5 июня 1830 г.[756]

Основное внимание сенаторы сосредоточили на проверке губернских учреждений. Изучив материалы делопроизводства, они выявили заметную нерасторопность в работе местных органов власти, что в особенности характеризовало деятельность административных и финансовых учреждений: по губернскому правлению насчитывалось 472 нерешённых дела, по казённой палате – 1509. Судебные органы работали более оперативно: в палате уголовного суда – 13 нерешённых дел, в палате гражданского суда – 86[757]. Следует отметить, что к изучению документации сенаторы подошли с изрядной долей формализма. Подсчёты делались только на основе предоставленных чиновниками документов, в которых могли обозначаться далеко не все входящие бумаги. Именно на это сенаторы и должны были обратить внимание, так как прокурор Зубов, как, впрочем, и ревизоры, ранее посещавшие губернию, в качестве одного из главных нарушений называл именно сокрытие истинного количества нерешённых дел.

Индикатором качества работы местного аппарата управления служили жалобы населения, которые начали стекаться к Корнилову и Мертенсу с первых дней ревизии. В рапорте сенаторы указали, что за время их пребывания в губернии к ним поступило 690 доносов, из которых по 24 – были проведены рассле-

---

[754] Инцидент, произошедший в Вологодской губернии, был не единственной причиной ревизии. Как уже упоминалось в первой главе настоящего исследования, в 1830 г. конфликт в высших кругах руководства потряс и Архангельскую губернию (Подробнее см.: Ефимова В.В. Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора // Вопросы истории. – 2014. – № 3. – С. 70–81; Она же. Ревизия сенатора А.Д. Гурьева в 1830 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 104–114).

[755] Учреждения всех уездов, кроме Вельского и Грязовецкого, они ревизовали лично. Последние были осмотрены чиновниками, приехавшими вместе с ними: подполковником корпуса жандармов Кокушкиным и служащим Министерства юстиции Калкагиным (всего в качестве помощников с Корниловым и Мертенсом приехали четыре чиновника) (См.: РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 28. – Д. 2513. – Л. 1, 10, 51, 142). В производстве расследований и сборе материалов ревизорам помогали вологодские чиновники: советник казённой палаты П.В. Уланов, губернский казначей И.П. Позен, кадниковский предводитель дворянства В.А. Волоцкой, грязовецкий предводитель дворянства А.С. Брянчанинов, вологодский полицмейстер В.Т. Иванчин, тотемский городничий К.И. фон Зигель, устюгский частный пристав П.Е. Котов и губернский прокурор А.А. Зубов (См.: Там же. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 164. – Л. 3–3 об.).

[756] См.: Там же. – Ф. 1405. – Оп. 28. – Д. 2513. – Л.1, 10, 51.

[757] См.: Там же. – Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 2–26.

дования, по 646 – сделаны распоряжения местным учреждениям, а 20 – остались без внимания «за несобранием полных по оным сведениям»[758]. Как того и стоило ожидать, в основном население сетовало на незаконные действия должностных лиц. Так, из 24 жалоб, по которым было назначено расследование, 16 – касались взяток и незаконных поборов чиновников, а 6 – неисполнений должностных обязанностей.

Несмотря на то, что главной целью ревизии местных учреждений являлась проверка законности их действий, собственных поисков нарушений сенаторы не предприняли, а ограничились лишь рассмотрением поступивших жалоб. По губернскому правлению было выявлено четыре незаконных решения, одно из которых говорило о многом. В 1825 г. от казённых крестьян Грязовецкого уезда вице-губернатору Г.П. Дубецкому была подана жалоба на «чинимые при взыскании недоимок притеснения и незаконные поборы». Казённая палата препроводила жалобу в губернское правление, а оно, основываясь на показаниях советника правления И.Т. Жаркова, который как раз и проводил сбор недоимок, отказало в расследовании инцидента. Казённая палата, пытаясь опротестовать это решение, подала письменное представление о бездействии губернского правления генерал-губернатору Миницкому. Никакой реакции с его стороны не последовало, и производство дела на этом остановилось. Причина, по которой жалоба была проигнорирована, вполне понятна: непосредственное участие в притеснениях крестьян принимали сами члены губернского правления. Грязовецкий предводитель дворянства А.С. Брянчанинов, которому сенаторы поручили разбор дела, нашёл подтверждения злоупотреблениям и, более того, обнаружил, что главную роль в них играл советник Жарков: по его приказанию крестьян секли розгами и под его руководством взимали денег больше положенного по закону. В тоже время губернское правление, оправдываясь перед сенаторами, ссылалось на то, что жалоба была отклонена с неофициального разрешения Миницкого[759]. В таком случае остаётся неясным, по какой причине генерал-губернатор покровительствовал незаконным действиям губернского правления. Скорее всего, он руководствовался корыстными интересами и вместе с вологодскими чиновниками принимал участие в незаконных действиях, а, возможно, просто не имел представления, что происходит в подвластных ему губерниях и

[758] Там же. – Л. 75 об.–82.
[759] См.: Там же. – Л. 6–7.

тогда возникал вопрос о целесообразности генерал-губернаторского управления, не справлявшегося с главной своей функцией – надзором за местными органами власти.

Самые значительные злоупотребления в губернии открылись по лесному отделению казённой палаты. Причиной расследования послужили жалобы сольвычегодских крестьян о незаконном «выгоне их по наряду для сплавки по р. Вычегде прогоняемых комиссионерами лесов без всякой за то платы»[760]. В ходе расследования не только подтвердилась эта жалоба, но и открылись массовые незаконные рубки казённых лесов, нанёсшие государству значительный ущерб. Поскольку лес сплавлялся по реке в Архангельскую губернию, откуда отправлялся за границу, к преступлениям были причастны не только вологодские, но и архангельские чиновники. Бумаги на вырубку леса должен был подписывать губернатор. Брусилов пытался убедить сенаторов, что все выданные им разрешения, имели законное основание. Однако выяснилось, что на некоторых частных лесных участках количество вырубаемого леса в 8–10 раз превышало разрешённое. Так, «в лесной даче лальских мещан Абрамовой, Саватеевой и проч. найдено было, что из оной можно вырубить до 3,5 тыс. деревьев от 4,5 до 5 вершков, а по свидетельству у корней… оказалось, что в сей даче вырублено 16,5 тыс. деревьев от 5 до 11 вершков»[761]. Сенаторы заключили, что, выдавая разрешения на вырубку, Брусилов не мог не заметить неимоверную разницу при свидетельстве лесных участков, и либо сам был причастен к хищению, либо халатно относился к своим должностным обязанностям. И в том, и в другом случае его вина была очевидна.

По результатам ревизии практически всем вологодским учреждениям Корнилов и Мертенс сделали замечания, которые, по сути, сводились к перечислению их должностных обязанностей. Кроме того, они предписали губернскому правлению немедленно отрешить от должностей 10 уездных чиновников, заподозренных ими в совершении преступлений, и провести расследование их действий. Сенаторы также передали в губернское правление материалы следствий по жалобам населения. Как и после ревизии Хитрово производство по этим делам затянулось на годы, что позволило виновным уйти от ответственности (об этом подробнее в следующем параграфе).

---

[760] Там же. – Л. 20 об.

[761] Там же. – Л. 21 об.–22.

В итоговом рапорте Сенату Корнилов и Мертенс признали неудовлетворительной работу губернской администрации, указав, что начальство «не имеет бдительного и строгого надзора за деятельностью уездных присутственных мест и особенно чиновников земской полиции, который необходим для соблюдения порядка. Многократные подтверждения оного остаются нередко без исполнения и виновные в упущении своих должностей не преследуются»[762]. В отношении губернатора Брусилова сенаторы отметили, что он, несмотря на обязанность ежегодно осматривать губернию, имеет мало представления о работе подчинённых ему учреждений. Более того, при расследовании некоторых жалоб на него падало подозрение в покровительстве преступлений.

Сенаторская ревизия привела к созданию в Вологодской губернии Следственной комиссии для расследования злоупотреблений по лесной части, верховный надзор за действиями которой возлагался на министра финансов[763]. Комиссия, составленная из местных служащих, начала работу 15 июля 1831 г. в Устюге. Её деятельность заключалась в сборе сведений о незаконных рубках и освидетельствовании частновладельческих лесных участков. Расследование, продолжавшееся четыре года, показало, что масштабы преступлений были гораздо больше, чем полагали сенаторы: с 1821 по 1831 г. оказалось вырубленным не менее 1,5 млн. деревьев, на половину из которых разрешений государственные органы не давали. Но подтвердить наличие преступных действий, как бы удивительно это не казалось, комиссия не могла, так как «все спрошенные рубщики и пильщики показали, что они без позволения или тайным образом в казённых дачах порубок не производили». Доказать обратное было невозможно, потому что никакой документации по заготовке деревьев у лесопромышленников не оказалось, а архивы губернских учреждений «вовремя» сгорели в феврале 1833 г.[764] В 1835 г., когда комиссия закончила работу, министр финансов Е.Ф. Канкрин предложил следствие, касавшееся частновладельческих лестных участков, «оставить без последствий». Николай I не согласился с этим и для установления истины направил в Вологодскую губернию чиновника особых поручений Министерства финансов Крока. Следователь подтвердил выводы комиссии: незаконные рубки казённых лесов были, но выявить, в каких объёмах

---

[762] Там же. – Л. 108 об.

[763] См.: Там же. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 426в. – Л. 3–3 об.; ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 2–3.

[764] См.: ПСЗ–2. – Т. 10. – Отд. 1. – № 8 142; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1063. – Л. 1.

они производились, и кто в этом виноват, невозможно из-за полного отсутствия необходимой документации. На этом расследование остановилось.

Результаты ревизии Корнилова и Мертенса, так же как и предыдущие проверки Вологодского края, свидетельствуют о безуспешных попытках правительства улучшить работу местного аппарата управления. Эффективность сенаторских ревизий как формы контроля сводилась к нулю их зависимостью от настроений правящих кругов, когда личные связи губернских чиновников не только помогали им избежать ответственности, но и могли послужить причиной к прекращению ревизии. Наглядным тому примером служит дальнейшая ревизия Архангельской губернии, куда Корнилов и Мертенс отправились из Вологды в январе 1831 г. С первых же дней действия сенаторов вызвали недовольство архангельского гражданского губернатора В.С. Филимонова и военного губернатора Р.Р. Галла. Они донесли императору, что расследования ревизоров ухудшают управление краем, а в некоторых случаях даже оскорбляют их достоинство. Военный губернатор заверил Николая I, что способен самостоятельно навести порядок в Архангельске[765]. Галла поддержал министр внутренних дел. 9 апреля 1831 г. сенаторы получили указание прекратить ревизию и вернуться в столицу[766].

Подводя итог анализу деятельности органов власти Вологодской губернии, отразившейся в материалах ревизий первой половины XIX в., отметим следующее.

1. Выявленные документы позволяют увидеть характерные черты, присущие системе местного управления в изучаемый период. Громоздкий механизм функционирования местного государственного аппарата крайне медленно реагировал на распоряжения центральных учреждений. Нарушения, повсеместно открывавшиеся взорам ревизоров, были однотипны, что позволяет их относить к числу распространённых методов работы: неисполнение должностных полномочий, злоупотребление служебным положением, сокрытие и уничтожение делопроизводственной документации, пристрастное производство дел, намеренное затягивание решений по находившимся в производстве делам, взяточничество, расхищение казённого имущества, нередко оборачивавшееся откровенным воровством. Главным ориентиром в деятельности чиновничества было удовле-

[765] См.: РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 28. – Д. 2513. – Л. 150–162 об.
[766] См.: Там же. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 426в. – Л. 3–4.

творение собственных, корыстных намерений в ущерб интересам казны и нуждам населения.

2. Попытки изменить ситуацию путём смены высших должностных лиц губернии не имели успеха. Вновь назначаемые губернаторы быстро адаптировались к существовавшим порядкам и также предпочитали следовать собственным интересам. Жизнеспособность пороков системы местного управления подпитывалась несовершенством законодательства, которое позволяло виновным уходить от ответственности. Укоренившееся чувство безнаказанности приводило к тому, что предписания правительства и ревизоров либо исполнялись недобросовестно, либо вовсе игнорировались. Не способствовали улучшению системы местного управления и действия центрального правительства, закрывавшего глаза на нарушения законного порядка и снисходительно относившегося к провинциальным чиновникам.

3. Ревизионная практика, если её оценивать как форму контроля, позволяла выявить масштабы злоупотреблений в местном государственном аппарате, но не способствовала установлению законности. Несмотря на разные подходы ревизоров к осмотру губернии (при Александре I перед уполномоченными на то лицами ставилась конкретная задача – выявить незаконные действия должностных лиц в сжатые сроки, а при оценке итогов проверки и в ходе принятия дальнейших решений, большую роль играло заключение ревизора; при Николае I – уполномоченные лица осуществляли проверку деятельности всего государственного аппарата, уделяя наибольшее внимание делопроизводству с целью поиска документальных подтверждений незаконных действий, при оценке итогов проверки большую роль играл формализм), итог был одинаков – качественных изменений в деятельности местных органов власти не происходило, а масштабы нарушений и злоупотреблений уменьшались лишь на время.

3.3. Масштабы должностных преступлений

Анализ функционирования местного государственного аппарата первой половины XIX в. неизбежно сталкивает исследователя с фактами нарушения закона должностными лицами. Именно эта сторона деятельности провинциаль-

ного чиновничества наиболее интересна, с точки зрения оценки методов и форм их работы, и наименее изучена на сегодняшний день[767].

В ходе настоящего исследования выявлено и проанализировано 877 уголовных дел о должностных преступлениях, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда за 1802–1855 гг. В 549 делах в обвинение ставилось совершение одного деяния, в 328 – двух и более преступных актов, каждый из которых представлял собой самостоятельный состав преступления. В последнем случае речь идёт о совокупности преступлений[768]. Такие дела образовывались двумя путями: 1) на досудебной стадии, когда в процессе расследования выявлялось несколько связанных между собой противоправных деяний, ни одно из которых прежде не рассматривалось судом; 2) на стадии судебного разбирательства, когда сам суд считал целесообразным объединить несколько дел в одно. Рассмотрение дел по совокупности было более чем удобно как для государственных органов, так и для самих подсудимых. Ввиду того, что речь идёт о должностных преступлениях, полиция и суд стремились затягивать их расследование и рассмотрение, а присоединение нового дела к уже открытому, позволяло оправдывать длительные сроки. Подсудимые осознавали, что разбор каждого их преступного деяния по отдельности будет отражаться как неоднократное нахождение под судом и, следовательно, в каждом последующем случае учитываться как отягчающее обстоятельство, уменьшавшее шансы на оправдание. Конечно, сама по себе совокупность преступлений также являлась отягчающим фактором, однако, на практике случаи, когда доказывались все действия,

---

[767] В большинстве случаев при характеристике злоупотреблений чиновничества исследователи используют опубликованную Министерством юстиции статистическую отчётность, либо мемуарную литературу, которая буквально пестрит примерами взяточничества и нарушений закона в провинциальных учреждениях (См., например: Глориантов В.И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. – 1905. – Кн. 1. – № 4. – С. 663–668; Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М., 1998. – С. 329–330; Казначеев А.Г. Между строками одного формулярного списка. 1823–1881 гг. // Русская старина. – 1881. – Т. 32. – № 12. – С. 825–827; Лучинский Ф.Я. Провинциальные нравы за последние полвека (Воспоминания Феликса Яковлевича Лучинского) // Русская старина. – 1897. – Т. 91. – № 9. – С. 639–653; Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // Русский вестник. – 1876. – Т. 124. – № 7. – С.114; Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Кошмакова // Русская старина. – 1886. – Т. 52. – № 12. – С. 515–523; Студенкин И.Г. Император Николай Павлович в присутственных местах С.-Петербурга // Русская старина. – 1890. – Т. 66. – № 4. – С. 167–170; Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Баптыш-Каменского // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – № 6. – С. 742; Шомпулев В.А. Провинциальные типы сороковых годов (записки старого помещика) // Русская старина. – 1898. – Т. 95. – № 8. – С. 323).

[768] В ст. 134 Свода законов уголовных 1842 г. раскрывалось понятие совокупности преступлений: «когда преступник… в разные времена учинил разные преступления, не быв за оные прежде наказан; или же, когда в одном деянии соединяются разные преступления» (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.] [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 26.).

вменявшиеся обвиняемому, были единичны. Таким образом, общее количество зарегистрированных должностных правонарушений (включая те, что были объединены по совокупности) составляет 1330, что на треть превышает число уголовных дел о должностных преступлениях («следственных дел») (см. прил. 44).

По общему правилу разбирательство любого уголовного дела проходило три стадии: следствие, суд и исполнение приговора[769]. Последний этап не отражался в документах уголовной палаты, поскольку его реализация находилась в компетенции полицейских учреждений. Рассмотрим ключевые моменты первых двух стадий на конкретном историческом материале, начиная с возбуждения уголовного дела. Отправной точкой для производства следствия являлась регистрация сообщения о преступлении. В законодательстве давался довольно подробный список поводов к началу дела о должностном правонарушении[770], которые можно объединить в несколько категорий: 1) жалобы и доносы частных лиц; 2) предписания начальства и рапорты должностных лиц; 3) рассмотрение отчётной и текущей документации; 4) ревизии местных учреждений. Остановимся на них более подробно.

Первым поводом для назначения следствия являлся донос (жалоба) частного лица, фигурировавший в качестве основания для возбуждения дела в каждом третьем случае (37,5%). О правонарушениях должностных лиц в основном сообщали государственные крестьяне, что свидетельствует о низком уровне защищённости данного сословия от произвола местных служащих[771]. Почти все жалобы крестьян касались превышения власти чиновниками или незаконных поборов (взяток). Сообщать о должностном преступлении закон позволял в любой орган управления, но, как правило, частные лица предпочитали обращаться либо к уездным стряпчим и прокурору, либо непосредственно к губернатору и губернскому правлению. После появления палаты государственных имуществ в 1839 г., крестьяне стали подавать жалобы через окружных начальников.

Материалы следственных дел свидетельствуют, что уездные учреждения не очень охотно принимали жалобы на служащих. Когда чиновники не были

---

[769] См.: Там же. – С. 180.

[770] Подробнее см.: Там же. – С. 288.

[771] Из общего числа частных жалоб на незаконные действия должностных лиц 87% принадлежали казённым крестьянам.

заинтересованы в раскрытии преступления, они всячески препятствовали началу разбирательства по делу. За попытку принести пропение, неугодное должностным лицам, доносителя могли попросту высечь[772], а в случае, если жалобу принимали к рассмотрению, не исключался риск случайной или умышленной «утраты» документов[773]. Благоприятные условия этому создавало хаотичное ведение делопроизводства, позволявшее без серьезных последствий скрыть принятое заявление о должностном преступлении или уничтожить материалы следствия[774]. Факты умышленной утраты документов обнаруживались крайне редко, но когда это происходило, следствие обычно не могло установить виновников. Так, в 1849 г. суду уголовной палаты был предан секретарь городовой ратуши, обвинявшийся в утрате более 100 дел и входящих бумаг. В похищении документов он не признался, и доказательств его вины не выявили. В итоге, секретарь получил лишь выговор «за беспорядочное ведение делопроизводства»[775]. Даже если лица, виновные в утрате документов или сокрытии материалов дела, всё же обнаруживались, то суд принимал во внимание их объяснения, свидетельствовавшие якобы об «отсутствии злого умысла» в их действиях и прибегал к тем же выговорам[776], и только в редких ситуациях – к увольнениям. Такая практика смягчения ответственности приводила к одному результату – страха наказания за сокрытие бумаг, а вместе с ними и преступлений, служащие не испытывали.

Утаивать все правонарушения местные чиновники, конечно, не могли. Им приходилось принимать к рассмотрению сообщения о преступлениях, так как всегда находились такие доносители, которые, если нужно, проходили все инстанции, чтобы добиться регистрации своей жалобы. Так, в конце 1829 – начале 1830 гг. «комиссионер 9 класса» Соколов, заметив незаконные рубки леса, поспешил доложить об этом окружному лесничему и земскому суду, которые явно были не заинтересованы в проведении расследования, поскольку принимали

---

[772] См.: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 124–136.

[773] См., например: Там же. – Д. 79. – Л. 839–848 об.; Д. 88. – Л. 315–360; Д. 138. – Л. 415–418; Д. 169. – Л. 221–225 об.; Д. 242. – Л. 1287–1291 об.

[774] См., например: Там же. – Д. 88. – Л. 315–360; Д. 138. – Л. 415–418; Д.169. – Л. 221–225 об.; Д. 242. – Л. 1287–1291 об.

[775] Там же. – Д. 256. – Л. 116–116 об.

[776] См.: Там же. – Д. 186. – Л. 920–922; Оп. 3. – Д. 132. – Л. 1–1 об., 42.

непосредственное участие в хищениях. Соколов, не успокоившись, представил донос казённой палате и губернскому правлению, и следственное дело всё-таки пришлось возбудить[777]. И хотя невнимательное отношение к жалобам населения не наказывалось строго, риск быть привлечённым к ответственности существовал. В случае, когда все возможные правовые механизмы внутри губернии были исчерпаны, жалобщики могли дойти с прошением и до центральных органов власти[778].

Вторым поводом к началу дела могли стать либо предписание начальства, либо рапорт должностного лица. На таком основании было возбуждено более трети следственных дел (41,8%). Причины, побуждавшие доносить на своих сослуживцев и подчинённых, были самыми разными. Во-первых, ответственность за работу учреждения возлагалась на начальников. В случае, если подчинённый демонстрировал неспособность к исполнению должностных обязанностей, он рисковал оказаться «на скамье подсудимых». Чаще всего за нерадение к службе, медлительность в работе, пьянство и т.п. под суд попадали канцелярские служители. Во-вторых, главным направлением деятельности прокурора, губернских и уездных стряпчих являлся надзор за порядком в работе местных органов власти. Следовательно, обнаружение сведений о правонарушениях и сообщение о них губернскому начальству составляло их непосредственные обязанности. В-третьих, если должностное лицо осознавало, что могло попасть под подозрение в совершении преступления, виновниками которого являлись его сослуживцы, то предпочитало сообщить о правонарушении, дабы оградить себя от ответственности. И, наконец, в-четвёртых, не редко причиной, побуждавшей к доносу, являлось чувство мести или обида[779], а также внутренние распри и разногласия между чиновниками. К примеру, в апреле-мае 1814 г., когда проводились следствия по преступлениям, выявленным сенатором А.З. Хитрово, трое чинов-

[777] См.: Там же. – Оп. 1. – Д. 142. – Л. 525–535.

[778] Ярким примером служит дело о незаконных поборах чиновников в удельных волостях Тотемского уезда. После неоднократных попыток местных должностных лиц замять дело, крестьяне обратились в Сенат, что привело к сенаторской ревизии 1827 г. (подробнее см. второй параграф настоящей главы).

[779] См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 673.

ников Яренского уезда подали друг на друга доносы о взятках и прочих злоупотреблениях[780].

Третьим поводом к началу производства по делу являлось обнаружение правонарушений при рассмотрении отчётной и текущей документации учреждений (14,6% от всех следственных дел). Как правило, таким путём вскрывались денежные растраты и причинение ущерба казённому имуществу, незаконные действия при производстве следствий по уголовным делам, противоправное засвидетельствование гражданских правоотношений, составление подложных документов и т.п. Правда, выявление должностных преступлений по материалам делопроизводства было сопряжено со значительными трудностями. Несмотря на то, что порядок организации канцелярской работы подробно регламентировался, почти повсеместно в органах власти указания закона не соблюдались[781]. Беспорядки в документации вполне устраивали служащих, поскольку позволяли на протяжении долгого времени безнаказанно скрывать преступления. В частности, с большим трудом выявлялись разного рода махинации с финансовой отчётностью. Так, в 1845 г. уголовная палата рассматривала два дела о незаконном расходовании денежных средств выборными городскими учреждениями. В одном случае должностным лицам удавалось совершать преступные действия на протяжении 31 года[782], в другом – в течение 45 лет[783]. В процессе следствия по обоим правонарушениям из-за канцелярского беспорядка было трудно выявить не только главных виновников, но и определить суммы причинённого ущерба.

Четвёртым поводом к началу дела служили предписания разного рода ревизоров (сенаторов, генерал-губернаторов, чиновников центральных учреждений). Несмотря на малочисленность таких случаев в общей массе выявленных следственных дел (6%), они весьма показательны. Боязнь и недоверие к местным властям и правосудию приводили к тому, что жители губернии воспринимали прибывших из столицы чиновников едва ли не как спасителей. Поданный

[780] См.: Там же. – Д. 92. – Л. 261–289 об.
[781] См.: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 41–48 об.
[782] См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 199. – Л. 879–879 об.
[783] См.: Там же. – Д. 199. – Л. 914–929.

им донос уже не мог быть проигнорирован и наверняка поступал на рассмотрение уголовной палаты. Но при всём этом, не существовало гарантии, что преступники понесут заслуженное наказание. Из 56 рассмотренных уголовной палатой следственных дел, начавшихся по инициативе ревизоров, только в семи случаях подсудимых привлекли к строгой ответственности и то только потому, что они признали свою вину[784].

Анализ протоколов уголовной палаты позволил установить, что в абсолютном большинстве случаев с момента совершения преступления до регистрации сообщения о нём проходило не более 1 года. Это было вполне логично, поскольку закон обязывал сообщать о правонарушениях незамедлительно. Если жалоба или донос поступали спустя значительное время и лицо, его подававшее, на протяжении всего этого срока знало о незаконном деянии и молчало, то его признавали содействовавшем преступнику и подвергали наказанию[785]. Не более 15% случаев содержали продолжительные сроки от момента совершения правонарушения до его выявления. При этом речь идёт о наиболее тяжких и трудно раскрываемых преступлениях (взятки, растраты, подлог документов). Как правило, такие деяния выявлялись во время ревизий учреждений, при детальном знакомстве с делопроизводством, а также в ходе расследований по другим правонарушениям.

В конечном итоге все сообщения о должностных преступлениях стекались в губернское правление, которое было уполномочено решать вопрос, стоит ли возбуждать уголовное дело. При этом закон устанавливал прямую ответственность губернского начальства за принятие бездоказательных доносов в отношении должностных лиц. Любое сообщение о преступлении нужно было основательно подкрепить, иначе оно признавалось ложным и доносителей строго наказывали. К примеру, если исправник, взыскивая недоимки, злоупотреблял полномочиями и избил крестьянина при свидетелях, то доказать это было не так уж трудно. Но вот если речь шла о взятке, которая была получена через сторон-

[784] См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 509–512; Д. 92. – Л. 191–205; Д. 116. – Л. 1028–1044 об.; Д. 130. – Л. 1291–1293; Д. 134. – Л. 1286–1290 об.; Д. 138. – Л. 493–495 об.; Д. 242. – Л. 1451–1455а об.

[785] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 186–191.

них лиц и без свидетелей, то такой донос практически всегда признавался ложным.

Служащие государственного аппарата не понаслышке были знакомы с правилами оценки доказательств и прекрасно представляли, посредством каких уловок можно было скрыть противоправное деяние. Чтобы доказать донос на своих сослуживцев, должностное лицо могло предпринять все возможные средства, в том числе и незаконные. Так, один канцелярский служитель уездного суда, увидев, что многие уголовные дела, не подпадавшие под амнистию, окончательно решены судом по Всемилостивейшему манифесту от 30 августа 1814 г., решился доложить об этом начальству. Для доказательства он запечатал и лично привёз губернатору подлинные журналы суда, объяснив свои действия тем, что копии постановлений не смогли бы уличить преступников, поскольку «суд по узнании о его доносе, мог бы переправить или вовсе утаить» истинные записи в журналах[786]. Несмотря на то, что донос подтвердился, в отношении членов уездного суда даже не возбудили уголовное дело, а вот «непослушного» канцелярского служителя предали суду за самовольный вынос из учреждения документов, оштрафовали и уволили. Подобные примеры не только свидетельствуют о том, насколько трудно выявлялись злоупотребления, но и показывают, как сложно их было доказывать. Губернское начальство не поддерживало доносителей. В целом местные учреждения старались избавляться от лиц, склонных к написанию «ябеднических прошений», и обычно находили законные предлоги для их увольнения со службы (халатность, нерадение, медленное исполнение поручений и т.п.)[787].

Таким образом, процесс регистрации сообщений о должностных преступлениях был осложнён многими обстоятельствами, которые значительным образом снижали количество заявлений. Лицо, осознававшее, что подтвердить жалобу будет сложно, предпочитало умолчать о нарушении закона. Далеко не все сообщения о правонарушениях удостаивались внимания местных учреждений, а

[786] ГАВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 669.
[787] См, например: Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1234. – Л. 1–3.

принятые к рассмотрению – не всегда приводили к возбуждению уголовных дел.

Анализ протоколов уголовной палаты позволяет выделить особенности стадии досудебного производства, включавшей два этапа: предварительное следствие и формальное следствие. Производство по делам о должностных правонарушениях начиналось в случае, если губернское правление выносило положительное определение в отношении сообщения о преступлении. Назначалось проведение предварительного следствия, главными задачами которого являлись подтверждение факта совершения преступления, выявление обстоятельств дела и установление подозреваемого лица. Сроки данной стадии не были регламентированы. Закон упоминал лишь, что «исследование происшествия» должно проводиться самым скорейшим образом и желательно по горячим следам[788]. Материалы предварительного расследования поступали в губернское правление, от решения которого зависели дальнейшие действия. Если факт нарушения закона не находил подтверждения, то дело прекращалось, а доносителя отдавали под суд. Если же правонарушение обнаруживалось, то возбуждалось уголовное дело и назначалось формальное следствие[789], конечной целью которого являлось приведение всех «обстоятельств дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления приговора»[790]. Данный этап, на который законом отводился один месяц, включал проведение основной массы следственных действий (допросы обвиняемого и свидетелей, очные ставки, сбор письменных доказательств и т.д.).

На протяжении всего времени досудебного разбирательства губернское правление могло инициировать прекращение производства. Оно самостоятельно решало вопрос о предании лица суждению уголовной палаты и могло не найти оснований для уголовного преследования, либо счесть проступок незначитель-

---

[788] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 191–192.

[789] Закон устанавливал два варианта действий после возбуждения уголовного дела: либо губернское правление назначало формальное следствие, либо передавало материалы дела в уголовную палату, которая самостоятельно проводила дальнейшее расследование правонарушения (См.: Там же. – С. 292).

[790] Там же. – С. 204.

ным и закрыть дело, подвергнув служащего минимальному наказанию. Следствие находилось в компетенции полицейских учреждений. Конкретное должностное лицо, которому оно поручалось, определяло по своему усмотрению губернское правление. Как правило, по наиболее важным, с точки зрения начальства, правонарушениям на места посылались представители губернских учреждений, в иных случаях – следствие проводили уездные и городские полицейские чиновники.

Материалы уголовной палаты свидетельствуют, что по малозначительным правонарушениям[791], где вина служащего была очевидна либо доказывалась его собственным признанием[792], все необходимые следственные действия удавалось завершить в течение 1 года (около 60% от всей массы выявленных дел). Что же касается наиболее тяжких преступлений, инициированных ревизорами, содержавших большое количество показаний со стороны населения или нанёсших казне значительный убыток, то общий срок расследования превышал 1 год. В некоторых случаях он мог затянуться на 3–4 года и более[793]. Ввиду того, что закон выделял должностные преступления как особый вид правонарушений, требовавший всестороннего исследования обстоятельств дела, следователи зачастую злоупотребляли этим предписанием, затягивая свою работу.

Из архивных материалов видно, что местные чиновники умели провести расследование так, чтобы в ходе судебного разбирательства исключалась возможность обвинительного приговора. Во-первых, не всегда сразу начинали проведение следствия. Поскольку загруженность полицейских чиновников работой была высокой, всегда можно было найти правдоподобную причину промедления. Чем дольше откладывался момент начала следствия, тем больше появлялось шансов, что важные для дела документы «случайно» затеряются, а свидетели забудут многие обстоятельства преступления. Во-вторых, методы проведе-

---

[791] К примеру, самовольные отлучки от должности.

[792] Неисполнение предписаний начальства, нарушение порядка при исполнении должности, нарушение субординации в служебных отношениях, превышение власти и некоторые другие.

[793] См. например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 275–294 об.; Д. 41. – Л. 149–159 об.; Д. 69. – Л. 365–372 об., 373–380, 381–389 об., 431–458, 717–730 об., 883–908 об.; Д. 71. – Л. 509–512; Д. 73. – Л. 500–510 об., 620–627 об., 700–715 об., 932–939, 1062–1093 об.; Д. 74. – Л. 317–340 об., 395–405, 749–761 об.; Д. 78. – Л. 86–95 об.; Д. 79. – Л. 221–227 об., 411–420, 471–518, 519–536 об., 537–669 об., 945–963; Д. 83. – Л. 43–48, 899–964; Д. 154. – Л. 63–70, 119–123, 201–216, 435–449 об.; Д. 213. – Л. 1472–1473 об.; и др.

ния следственных действий зависели от характера противоправного деяния, которое предстояло исследовать. К примеру, если это был донос о взятках и под ним подписались многие крестьяне, то сбор показаний предпочитали проводить в разгар полевых работ. Допрашивая крестьян на месте, объясняли к чему их приговорит суд, если донос признают ложным и убеждали отказаться от своих показаний. Если уговоры не действовали, то в отношении особо упорных применяли психическое или физическое воздействие (шантаж, запугивание, насилие и т.д.). Фиксируя показания важных свидетелей, их зачастую не приводили к присяге, по причине чего суд не принимал такие доказательства. Более того, можно было опросить не всех, кого требовалось, а начальству объяснить это упорством крестьян, которые отказались прийти на допрос. В ряде случаев допрашивали лиц, вообще не причастных к делу. Крайне выгодна для следователей была почти поголовная неграмотность населения. Так, в 1830 г. в жалобе сенаторам А.М. Корнилову и В.Ф. Мертенсу крестьяне указали, что пытались донести местным властям о жестоком обращении с ними, но проводившие следствие чиновники, мало того, что угрожали им, так ещё и в тексты допросов поместили не те сведения, которые они сообщили. Ознакомиться с составленными документами крестьяне не смогли из-за неграмотности[794]. Возможно, именно боязнь преследования и разного рода фальсификации приводили к появлению в материалах следствия не поддающихся логическому объяснению документов, в которых доносители полностью отказывались от своих слов. К примеру, во время следствия один крестьянин отрекся от своей жалобы на взяточничество грязовецких чиновников, объявив, что жалобу подал, будучи «в беспамятстве и чувствуя в себе великий жар с головной болью и что по получении от болезни облегчения, осознает то показание несправедливым»[795].

Естественно, помощь подсудимым оказывалась не бесплатно. В ряде случаев, обвиняемые на допросах прямо указывали, что с них требовали вознаграждение за содействие к сокрытию преступления[796]. Встречались примеры, когда действия следователей нельзя объяснить ничем иным как взяткой. Так, из-

[794] См.: Там же. – Д. 130. – Л. 1266.
[795] Там же. – Д. 48. – Л. 472.
[796] См., например: Там же. – Д. 82. – Л. 1355–1363.

за нарушения правил производства следствия был оправдан становый пристав, обвинявшийся в незаконном удержании денег[797]. Как выяснил суд, следователь, которому было поручено лишь дополнить дело недостающими сведениями, без разрешения самостоятельно провёл ряд следственных действий, которые в конечном итоге привели к оправданию подсудимого. Ключевую роль в этом сыграло проведение нового допроса главного свидетеля. И, несмотря на то, что суть его объяснений осталась прежней, суд не принял их как доказательство вины, так как они, в отличие от предыдущих показаний, были взяты без присяги. Принять к рассмотрению старый допрос суд не мог, поскольку взятие новых показаний, по закону, отменяло прежние. Подобный метод, неформально именовавшийся как «передопрос», активно применялся следователями, когда необходимо было «развалить» обвинение по делу[798].

Значительное число нарушений, допускавшихся во время расследований, позволяет сделать два предположения: либо полицейские чиновники отличались большой некомпетентностью, либо они сознательно совершали подобные действия. Второй вариант выглядит более правдоподобным, тем более что процветанию таких злоупотреблений способствовала позиция губернского правления, которое в самых редких случаях отдавало следователей под суд.

По завершении расследования и сборе всех необходимых справок и документов, начиналось собственно судебное разбирательство дела. Напомним, что за 1802–1855 гг. Вологодская уголовная палата рассмотрела 877 следственных дел, включавших более 1300 должностных преступлений. Рассмотрим их динамику, представленную в приложении 44.

На протяжении рассматриваемого периода количество зарегистрированных преступлений выглядит довольно ровно, за исключением первого десятилетия, когда постепенное увеличение показателей естественным образом связано с упорядочением работы губернских и уездных учреждений после реформ конца XVIII – начала XIX вв. Собственно говоря, и восстановленная уголовная палата начала нормально функционировать только с 1802 г. Что же касается 1840–1850-х гг., то здесь значительный скачок числа выявленных правонарушений

[797] См.: Там же. – Д. 256. – Л. 1352 об
[798] См., например: Там же. – Д. 186. – Л. 1281–1291 об.

является результатом реформирования государственной службы: с 1839 г. к разряду следственных дел стали относить должностные преступления сельских и волостных выборных государственных и удельных крестьян[799]. В 1840-е гг. уголовная палата рассмотрела 148 следственных дел о выборных крестьянах, на которые приходилось 206 преступлений; в 1851–1850 гг. – 156 и 234 соответственно.

Смотря на общие показатели преступности, нельзя не отметить, что цифры получились не столь высокими, как следовало ожидать. Причины связаны с высоким уровнем латентной преступности в изучаемый период, который поддерживался благодаря недостаткам в процессе регистрации и выявления правонарушений. Подтверждение данному тезису мы находим при детальном рассмотрении составов преступлений. В ходе анализа протоколов уголовной палаты выделялись простые преступления (63%), содержавшие одно деяние, и сложные – несколько (37%). Многие правонарушения, включённые во вторую группу, совершались должностными лицами на протяжении длительного времени.

Всего за первую половину XIX в. под судом Вологодской уголовной палаты оказалось 2 350 служащих разных уровней и званий[800]. Статистическое исследование показало, что в 90% случаев количество обвиняемых не превышало четырёх человек. В то же время выявлены примеры, когда число подсудимых по одному и тому же делу было весьма внушительным. По нашим подсчётам, половина всех подсудимых приходится на 10 % следственных дел. Самые массовые привлечения должностных лиц к ответственности случались после ревизий губернии. Так, в первой половине 1830-х гг. под судом в качестве обвиняемого побывал каждый третий чиновник и канцелярский служитель губернии[801];

---

[799] См.: ПСЗ–2. – Т. 14. – Отд. 1. – № 12 166.

[800] Точное количество подсудимых определить невозможно, поскольку в некоторых протоколах перечислились не все обвиняемые: по 18 следственным установлена только часть подсудимых; в одном деле отсутствовали имена подсудимых и указывалось лишь, что их «много» (См.: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 389–391 об.; Д. 55. – Л. 953–957 об.; Д. 59. – Л. 60–61 об.; Д. 92. – Л. 1135–1229; Д. 107. – Л. 598–604; Д. 109. – Л. 820–822; Д. 117. – Л. 950–955 об.; Д. 124. – Л. 76–94 об.; Д. 126. – Л. 389–399; Д. 130. – Л. 1282–1285 об.; Д. 146. – Л. 399–417 об.; Д. 154. – Л. 201–216; Д. 160. – Л. 427–432 об.; Д. 199. – Л. 435–435 об., 879–879 об.; Д. 213. – Л. 1472–1473 об., 1565–1567; Д. 227. – Л. 111–113 об.; Д. 242. – Л. 657–670).

[801] Это приблизительные данные, полученные путём сопоставления количества подсудимых чиновников и канцелярских служителей с общими данными их численности по губернии, которая по нашим подсчётам в начале 1830-х гг. не превышала 1000 человек.

что во многом стало возможным благодаря стараниям ревизоров А.М. Корнилова и В.Ф. Мертенса.

Содержание протоколов уголовной палаты позволило увидеть состав подсудимых (см. прил. 45). Половина обвиняемых были служащими уездных учреждений. Исполнение должностей при непосредственном контакте с населением давало широкий простор для злоупотреблений, а слабый контроль со стороны губернских властей обусловливал благоприятную среду для этого. В городских учреждениях служило 10,9% от всех подсудимых. Это значительный показатель, если учитывать, что доля горожан в составе населения губернии не превышала 4% даже к середине XIX в.[802] Очевидно, концентрация жителей на относительно небольших территориях городских поселений давала меньше возможностей к сокрытию преступлений. Больше трети подсудимых приходилось на органы мирского управления. Что же касается губернских органов, то доля их должностных лиц ничтожно мала среди подсудимых (3,4%). Вряд ли это говорит о том, что среди данной категории служащих случаи нарушения закона были редки. Скорее это свидетельствует о более профессиональном уровне сокрытия преступлений, а также боязни населения доносить на чиновников высокого ранга, ведь жаловаться на губернских служащих приходилось бы в губернские же учреждения. Привлечения к суду данной категории лиц инициировались либо ревизорами, либо доносами сослуживцев, либо начальниками учреждений в отношении своих подчинённых.

Лица, занимавшие классные должности по назначению от правительства, наряду с дворянскими, городскими и сельскими выборными, служившими в губернских и уездных учреждениях, относились к категории присутствующих лиц и насчитывали почти треть от всех подсудимых. Именно они являлись инициаторами распространения и утверждения противозаконных методов управления. Благодаря опыту и статусу, своим должностным полномочиям, им удавалось совершать многочисленные правонарушения на протяжении длительного времени. Канцелярские служители во главе с секретарями способствовали этому, извлекая свою выгоду. Однако в данном тандеме отсутствовала взаимная под-

[802] Дубравин Н. Статистический очерк Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. – Вологда, 1853. – С. 94.

держка. В случае обнаружения преступных действий в каком-либо учреждении, более высокопоставленные должностные лица стремились переложить вину и ответственность на подчинённых[803].

Более 40% подсудимых служили в выборных мирских и городских органах управления. Здесь нужно отметить одну важную особенность выборной службы. Законодательно была установлена коллективная ответственность общества за деятельность их сословных учреждений. К примеру, если выявлялась растрата денежных сумм, а у виновного не хватало средств на покрытие убытка, то нехватку возмещало общество, его избравшее. Таким образом, и горожане, и крестьяне были заинтересованы в пресечении злоупотреблений своих выборных должностных лиц.

Главная проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении должностной преступности первой половины XIX в., это классификация преступлений. Трудности обусловлены отсутствием в законодательстве стабильного и чёткого разграничения категорий противоправных деяний. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые была представлена развёрнутая номенклатура должностных преступлений. Именно она и послужила основой для настоящего исследования. Такой подход позволил более наглядно продемонстрировать весь спектр правонарушений, но при этом осложнил работу с архивным материалом, поскольку делопроизводство местных судов имело свою специфику: во вводной части протоколов и журналов заседаний указание на конкретные составы преступлений, в совершении которых обвинялись служащие, не являлось обязательным требованием. Вместо этого часто применялись такие формулировки, как «разные противозаконные действия», «злоупотребления по должности», «разные беспорядки» и т.п. Следовательно, помимо собственно выявления уголовных дел, требовалось подробное ознакомление с материалами каждого из них для того, чтобы определить, какие нормы закона оказались нарушены и к каким категориям должностных преступлений они должны быть отнесены.

Анализ содержания судебных материалов позволил классифицировать должностные преступления на 12 категорий, которые, в свою очередь, сгруппи-

[803] См., например: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 1124.

рованы в зависимости от принятого по ним судебного решения (см. прил. 46). Особенности уголовного судопроизводства первой половины XIX в. отражались на судебных приговорах, поэтому сначала мы рассмотрим типы судебных решений (оправдание подсудимого, оставление его в подозрении, обвинение с назначением наказания, обвинение без назначения наказания, амнистирование), а уже затем перейдём к непосредственной характеристике отдельных категорий преступлений.

Оправдательный приговор был вынесен в каждом четвёртом случае. В качестве основания суд указывал на невиновность подсудимого, что неудивительно, поскольку главным доказательством вины являлось чистосердечное признание. В результате анализа материалов судебной практики установлено, что при отсутствии последнего практически любое другое доказательство могло быть подвергнуто сомнению по формальным признакам, т.е. признано «несовершенным».

Уникальной разновидностью судебных решений первой половины XIX в. являлось оставление обвиняемого в подозрении разной степени («в подозрении» и «в сильном подозрении»). Такой приговор выносился в случае, когда подсудимый не признавался в содеянном, но против него имелось значительное количество «несовершенных» доказательств, которые, с одной стороны, не позволяли полностью его оправдать, а с другой – не могли послужить законным основанием для обвинения. Иными словами, это было среднее состояние между оправданием и обвинением. Какие нежелательные последствия ожидали подсудимого, оставленного в подозрении? Согласно закону, ему могло быть назначено наказание, более мягкое, чем полагалось за вменяемое ему преступление. Также при повторной отдаче под суд факт оставления в подозрении мог учитываться как отягчающее обстоятельство. Из выявленных 102 приговоров рассматриваемой категории (в подозрении – 65, в сильном подозрении – 37) только в исключительных случаях обвиняемые подвергались наказаниям: их либо приговаривали к покрытию убытков, последовавших от противоправных действий, либо, признавая неблагонадёжными, увольняли и запрещали впредь назначать на государственные должности и участвовать в выборах. В основном же оставление в подозрении ничем не грозило для обвиняемого и не влекло уголовной ответственности. Так, рассматривая в 1819 г. дело о лихоимстве земского ис-

правника, уголовная палата оставила его в подозрении, несмотря на то, что показания против него дало более 200 человек и до этого он уже дважды был под судом по обвинению во взятках, но избежал ответственности из-за «несовершенных» доказательств[804]. Кроме того, суд мог предоставить обвиняемым возможность «восстановить невиновность» путём принятия «очистительной присяги и этим изгладить подозрение на них лежащее»[805]. Таким образом, оставление в подозрении по сути представляло собой разновидность оправдательного приговора, не исключавшую наступление дисциплинарной ответственности и необходимость возмещения вреда.

Более половины приговоров по должностным преступлениям были обвинительными. Назначение наказания, его вид и размер выносились по усмотрению суда, мнение которого оказывалось под влиянием многих факторов: сословное происхождение, занимаемая должность, возраст, психическое состояние, коррупция, межличностные отношения и т.д. Кроме того, из материалов следственных дел видно, что суд произвольно решал, заслуживало ли «уважения» оправдание подсудимого и следовало ли учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства, определял какие доказательства можно допустить и какие исключить, а также устанавливал их доказательственную силу и т.п. В целом суд демонстрировал лояльное отношение к подсудимым, в особенности, если ими становились потомственные дворяне. Выявлено, что при вынесении приговора смягчающие обстоятельства принимались в учёт более активно, нежели отягчающие: если первые фигурировали в трети обвинительных заключений (226 приговоров со смягчающими обстоятельствами), то последние – только в редких случаях (40 – с отягчающими).

Определённой схемы действий суда выявить невозможно, поскольку в каждом конкретном случае всё решалось индивидуально: одно и то же по существу должностное преступление с аналогичным набором доказательств суд рассматривал совершенно по-разному, позволяя одним уходить от ответственности, а другим подвергал строгим наказаниям. Всё это проистекало из особенностей законодательства. До 1845 г. наказания представляли собой совокупность несогласованных между собой мер уголовно-правового воздействия. Единого

---

[804] См.: Там же. – Д. 79. – Л. 71–90 об.
[805] См.: ПСЗ–I. – Т. 30. – № 23 716.

свода уголовных норм не существовало и приговоры суда основывались на нормах права, закреплённых в разных законах, принятых ещё в XVII–XVIII вв.[806] Большинство применяемых норм гласили, что подсудимые должны нести наказание, «смотря по важности дела и произошедшего от того вреда». Из конкретных видов карательных мер указывались, как правило, предусмотренные для умышленных деяний, совершённых из корыстных или иных личных побуждений. В остальных случаях суду позволялось решать судьбу обвиняемого «по мере злоупотребления». Наряду с закреплённой в судопроизводстве теорией формальных доказательств, где главным свидетельством вины являлось чистосердечное признание, действовала и презумпция виновности – правило о необходимости доказывать свою невиновность и опровергать обвинение[807]. Будет ли применяться презумпция виновности в том или ином уголовном деле и каким образом она повлияет на величину наказания, решалось также по усмотрению суда. На практике противоречия и пробелы в правовом поле приводили к злоупотреблениям и манипуляциям с законом.

В 1830-е гг. предпринимались попытки ограничить действия суда рамками закона и упорядочить правила судопроизводства, но только с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказания и их размеры впервые были систематизированы и соотнесены с категориями преступных деяний. В качестве высшей меры за преднамеренное совершение почти всех категорий должностных преступлений закреплялись наказания, лишавшие или ограничивавшие права состояния: смирительный дом, работный дом, исправительные арестантские роты гражданского ведомства, ссылка в Сибирь на поселение, ссылка на каторжную работу. При отсутствии прямого умысла закон позволял назначать более мягкие виды наказаний: тюремное заключение, кратковременный арест, исключение из службы, отрешение от должности (увольнение с лишением права вступать на государственную и общественную службу в течении 3-х лет), удаление от должности (увольнение), вычет из времени службы, денежное взыскание. Если же устанавливалось, что преступление не повлекло

[806] До опубликования Свода законов уголовных 1832 г. в судопроизводстве применялись: 10 глава Соборного Уложения 1649 г., 50 глава Генерального регламента 1720 г., Устав Воинский (Воинские артикулы и Воинские процессы) 1716 г., Устав Морской 1720 г., Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г., Учреждение о губерниях 1775 г., Устав благочиния 1782 г. и ряд указов XVIII в., регулировавших частные вопросы уголовной ответственности.

[807] Презумпция виновности устанавливалась в 2 ч. 1 гл. 3 п. Краткого изображения процесса или судебных тяжб (Воинские процессы) 1716 г. (См.: ПСЗ–1. – Т. 5. – № 3 006).

важных последствий, и имелись смягчающие обстоятельства, то в зависимости от сословного происхождения и занимаемой должности могли назначить строгий выговор, выговор, замечание или внушение.

В приложении 45 в отдельную группу выделены преступления, по которым вынесен обвинительный приговор, но наказание не назначено. Закон закреплял три обстоятельства, исключавшие наказание: смерть виновного, давность и примирение с обиженным («мировое соглашение»[808]). Перечисленные основания фигурировали только в 13 приговорах уголовной палаты: смерть виновного в 9 случаях[809], давность – в 1, примирение с обиженным – в 3. На практике применялись и другие, не прописанные в законе, основания освобождения от наказания. Среди наиболее распространённых следует указать: долговременное нахождение под судом (более одного года); назначение наказания за правонарушение административным порядком до судебного разбирательства (увольнение, штраф, взыскание ущерба, арест и т.д.); отсутствие жалоб от обиженных при рассмотрении дел по превышению власти; отсутствие прямого умысла и значительных последствий преступных действий. Остальные случаи разнообразны и не поддаются обобщению. Так, один подсудимый был освобождён от наказания потому, что «изъявил желание поступить в ополчение для борьбы с Наполеоном»[810]. Кроме того, по 11 преступлениям суд, не назначая наказания, предоставил решение участи подсудимого «на усмотрение начальства» (губернского правления). Освобождение от уголовного наказания не исключало дисциплинарной и материальной ответственности. Дисциплинарное воздействие проявлялось, как правило, в «подтверждении», т.е. предупреждении, чтобы впредь служащий поступал согласно законам, в противном случае будет наказан по всей строгости. Также вопрос о том, останется ли подсудимый при должности зависел от воли губернского правления. Материальная ответственность наступала всегда: возмещался имущественный ущерб от противоправных действий и

[808] Случаи, когда служащие наносили «обиду» (словами или действиями) другим лицам при исполнении своих должностных обязанностей, расценивались законом как превышение власти. Обвиняемый мог избежать ответственности за такой поступок, если до рассмотрения его дела в суде «полюбовно» договорился с обиженным. Свидетельством примирения служило «мировое соглашение» – документ, указывавший на отсутствие претензий к обидчику, скреплённый подписями обеих сторон. Он подшивался к материалы уголовного дела.

[809] Всего за изучаемый период выявлено 99 должностных лиц, умерших прежде вынесения приговора. Абсолютное большинство из них (90 человек) проходили по уголовным делам в качестве соучастников. Они также были освобождены от ответственности, но лица, действовавшие вместе с ними, были осуждены и наказаны, поэтому такие дела попали в категорию обвинительных приговоров с назначением наказания.

[810] ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 246 об.

взыскивались казённые издержки на производство следствия. Даже смерть не позволяла избежать покрытия убытков (взыскание налагалось на имущество подсудимого и его наследников).

В 129 должностных преступлениях подсудимые были освобождены от уголовной ответственности по амнистии. Право даровать прощение принадлежало только императору и реализовывалось путём издания всемилостивейших манифестов, приуроченных к знаменательным событиям. В изучаемую эпоху было принято 5 таких манифестов[811]. Перечень деяний, не подлежавших прощению, мог варьироваться: в 1801 и 1826 гг. он включал в себя: убийство, разбой, грабёж и лихоимство; в 1841 г. к перечисленному добавились: похищение казённой собственности лицом, которому доверено её хранение, фальшивомонетничество и подлог. Манифест 1814 г. амнистировал подсудимых по всем должностным преступлениям, а 1855 г. – не указывал конкретных деяний, но освобождал тех, кому не грозило лишение или ограничение прав состояния. В ходе исследования установлено, что, ссылаясь на манифест 1841 г., суд незаконно освободил от уголовной ответственности подсудимых по 21 растрате и по 4 подлогам. Выявлено 24 должностных преступления, где подсудимые были амнистированы без рассмотрения дела по существу. Это также следует расценивать как незаконные действия суда, поскольку для того, чтобы определить, подпадало ли дело под статьи манифеста, необходимо было ознакомиться с его материалами. Протоколы же по указанным 24 делам содержат очень скудную информацию: только имя и должность подсудимого и расплывчатая характеристика его деяний, сформулированная в одном предложении.

Основываясь на анализе судебной практики, следует указать на особенности действия актов амнистии. Во-первых, «прощённое» виновному деяние учитывалось при привлечении к уголовной ответственности за последующие преступления, если таковые были совершены, т.е. устанавливался факт рецидива. Во-вторых, амнистированных освобождали от личного наказания, но приговаривали к покрытию убытков, нанесённых их преступлениями, и судебных издержек, а также могли привлечь к дисциплинарной ответственности.

Попытаемся теперь рассмотреть представленные в приложении 45 категории должностных преступлений с учётом практики назначения наказаний. Не-

[811] См.: ПСЗ–1. – Т. 26. – № 19 814; Т. 32. – № 25 671; ПСЗ–2. – Т. 1. – № 540; Т. 16. – Отд. 1. – № 14 460; Т. 30. – Отд. 1. – № 29 165.

исполнение указов, предписаний и законных требований по службе немногочисленная, но весьма важная группа преступлений. На протяжении всего изучаемого периода во время ревизий, проводившихся сенаторами, генерал-губернаторами и другими уполномоченными чиновниками, обнаруживалось, что местные учреждения не проявляли рвения при исполнении указов, даже исходивших из центральных органов управления. Что же касается предписаний губернского правления либо непосредственного начальства, то вскрывались многочисленные факты их игнорирования со стороны исполнителей[812]. Вместо принятия решительных мер к пресечению подобного поведения и отдаче под суд, губернское правление предпочитало «строжайше» и «наистрожайше» предписывать должностным лицам исполнять предписания и побуждало их к работе путём подтверждений и выговоров, что на практике не являлось эффективным стимулом.

Для потомственных дворян неисполнение предписаний начальства, как правило, влекло обвинительный приговор без назначения наказания (в основании приговора указывалось, что досудебные меры и предание суду с удалением от должности «довольно дали прочувствовать вину»[813]) либо выговор, строгий выговор. Суд не всегда обосновывал своё решение отсутствием умысла в действиях подсудимых. Так, становый пристав в 1846 г. был приговорён лишь к строгому выговору без внесения в формулярный список при том, что никоим образом не смог объяснить, почему указы губернского начальства и земского суда не исполнялись даже после 6 подтверждений и ряда выговоров от губернского правления[814]. По отношению к выборным горожанам и крестьянам суд оказывался менее снисходителен. К примеру, в 1826 г. выборные городового магистрата за ненамеренное неисполнение предписаний получили штраф в пользу казны в размере 100 руб.[815], а голова волостного правления в 1829 г. был приговорён к исключению из службы и, «в пример и страх другим», ещё и к аресту на 1 месяц[816]. В случаях, когда наказание назначалось по совокупности

---

[812] См., например: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 200 об.–202 об.; Ф. 1341. – Оп. 32. – Д. 768а. – Л. 29–74; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 1–23 об.

[813] См.: Там же. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 348–352, 392–395; Д. 83. – Л. 43–48; Д. 117. – Л. 243–253 об.; Д. 129. – Л. 569–570 об.

[814] См.: Там же. – Д. 213. – Л. 1263–1266.

[815] См.: Там же. – Д. 109. – Л. 518–537 об.

[816] См.: Там же. – Д. 119. – Л. 884–895.

преступлений, то есть помимо неисполнения предписаний вменялись в вину и иные противоправные деяния, к осуждённым могли применить более строгие меры воздействия, в том числе и ссылку на поселение[817].

Превышение власти и противозаконное бездействие являлось самой многочисленной категорией преступлений. Подобные правонарушения имели большое распространение среди полицейских служителей и крестьянских выборных лиц. Взыскание недоимок, расследование преступлений, контроль за выполнением земских повинностей и т.п. нередко сопровождались побоями, притеснениями и иными злоупотреблениями. Число обвинительных приговоров с назначением наказания и раскрываемость по данному виду преступлений очень велики. Такие показатели обусловлены спецификой правонарушений: во многих случаях вина подсудимых являлась очевидной, поэтому в их же интересах было сделать чистосердечное признание, приведя все возможные доказательства отсутствия «злого» умысла. При таких обстоятельствах закон гарантировал снисхождение суда.

Рассматривая практику назначения наказаний за превышение власти и противозаконное бездействие, можно выделить некоторые тенденции. В первой четверти XIX в. среди санкций доминировали штрафы и аресты (от 1–2 нед.), а приговоры со смягчающими обстоятельствами содержали строгие выговоры, выговоры и подтверждения. Во второй четверти XIX в. наибольшее распространение получили наказания дисциплинарного характера: до издания Уложения о наказаниях 1845 г. активно практиковалось исключение из службы, после – увольнения, отрешения от должности и выговоры. Наказания, связанные с лишением свободы стали встречаться редко, но если в первой четверти XIX в. существовали только аресты и они назначались вне зависимости от сословного происхождения и занимаемой должности (в основном по отношению к канцелярским служителям), то с середины 1820-х гг. появилось ещё и тюремное заключение, сроки содержания значительно возросли (до 1 года) и лишение свободы стало применимо исключительно к выборным городским и крестьянским должностным лицам. Кроме того, на протяжении всего изучаемого периода за превышение власти и противозаконное бездействие выборных крестьян приговаривали к телесным наказаниям. Что же касается наказаний, лишавших или

[817] См.: Там же. – Д. 227. – Л. 229–247; Д. 321. – Л. 783–822 об.

ограничивавших права состояния, то они назначались только по совокупности с другими преступлениями[818].

Противозаконные действия при хранении и управлении вверенным по службе имуществом и денежными суммами – категория преступлений, на которую государство обращало особое внимание. Обеспечение сохранности имущества, в особенности казённого, для верховной власти имело принципиальное значение. Растраты, особенно в крупных размерах, не оставались без внимания и свидетельствовали о несостоятельности администрации, поскольку именно губернатор и губернское правление являлись высшим органом надзора на местах и были ответственны за результаты и качество работы должностных лиц. В связи с этим по отношению к растратам в следственной и судебной практике выработался особый подход. Для полицейских органов было важно найти подозреваемого, в противном случае, взыскание убытков за нераскрытое преступление могло быть возложено на следователей, которые плохо выполнили свою работу и позволили виновному избежать суда[819]. Подозреваемые и должностные лица учреждений, где произошла растрата, предпочитали во время следствия указать на предполагаемого виновника и, как правило, в качестве таковых выставляли канцелярских служителей. К примеру, ответственность за открывшуюся в 1821 г. растрату денежных сумм губернского правления (около 56 тыс. руб.) возложили на «приходорасходчика» (канцелярский служащий, заведовавший приходорасходной документацией). И, несмотря на его утверждение, что часть денег была взята другими служащими, наказанию больше никого не подвергли[820]. Для суда главной установкой было возместить ущерб, причинённый преступлением. В случае если не удавалось выявить конкретного виновника, взыскание убытков налагалось на всех служащих, в обязанности которых входил надзор за сохранностью казны в учреждении. Уход со службы и смерть не освобождали должностных лиц от материальной ответственности.

Специфичным являлось и поведение подсудимых. Если по результатам следственных действий их вина становилась очевидной, и было ясно, что суд сочтёт их ответственными за хищение денег, то преступники чистосердечно

---

[818] См.: Там же. – Д. 71. – Л. 509–512; Д. 82. – Л. 1355–1363; Д. 96. – Л. 1045–1062 об.; Д. 172. – Л. 206–208 об.; Д. 199. – Л. 54–65 об.; Д. 227. – Л. 229–247; Д. 242. – Л. 1287–1291 об., 1337–1342 об.; Д. 301. – Л. 10–22 об.; Д. 321. – Л. 783–822 об.; Д. 322. – Л. 97–179 об.

[819] См.: Там же. – Д. 119. – Л. 516–523 об.

[820] См.: Там же. – Д. 99. – Л. 317–318 об.

раскаивались и добровольно возмещали ущерб до судебного рассмотрения (в таком случае гарантировалось смягчение наказания). Фактор времени имел важное значение, так как покрытие убытков уже после того, как дело попало в суд, не влияло на приговор, и по закону обвиняемого должны были наказать по всей строгости. Если же преступник был уверен, что явных доказательств его вины нет, а речь шла о крупных растратах, то он предпочитал не признаваться, и тогда его судьба уже зависела от стечения обстоятельств и собственной находчивости. Конечно, встречались и исключения из правил. Так, в 1820 г. уголовной палатой рассматривалось дело о хищении денежных сумм из уездного казначейства, совершавшееся на протяжении 1811–1816 гг. Уникальность этого дела заключается в том, что это чуть ли не единичный пример, когда один из подсудимых сознался во всех пунктах обвинения. Уездный казначей не только подтвердил свою причастность к растрате, но и изобличил себя в других противоправных деяниях: сокрытие документов, подлог, нарушение установленных правил учёта и свидетельства поступавших и хранившихся сумм. Он сознался также, что регулярно давал взятки уездному стряпчему, чтобы тот не доносил о его злоупотреблениях начальству; указал на асессора казённой палаты, участвовавшего в расследовании и требовавшего с него в подарок 1 000 руб. за помощь в сокрытии преступлений[821]. Естественно, должностные лица, о причастности которых заявил казначей, не признались, а «искреннего» чиновника приговорили к лишению чинов и личного дворянства и отдаче в солдаты (в случае негодности – к ссылке в Сибирь на поселение). Ввиду того, что растраченная сумма была значительна (почти 24 тыс. руб.) и имущества осуждённого не хватало на её покрытие, то суд посчитал уместным наложить взыскание остатков на городничего, стряпчего и членов уездного суда, производивших ежемесячные свидетельства сумм, и на членов казённой палаты, допустивших казначея к должности с «недостаточным поручительством»[822].

В целом практика назначения наказаний по данной категории правонарушений была такова. В первой четверти XIX в. за несоблюдение казённого интереса при хранении и управлении имуществом приговаривали к арестам (1–2 нед.), денежным взысканиям, исключениям из службы, увольнениям. При

[821] См.: Там же. – Д. 82. – Л. 1355–1363 об.
[822] Там же. – Л. 1361–1361 об.

смягчающих обстоятельствах наказание либо не назначалось, либо в качестве такового засчитывалось увольнение и нахождение под судом. Со второй четверти XIX в. содержание приговоров изменилось. При наличии смягчающих обстоятельств суд назначал исключение из службы, отрешение от должности, увольнение, строгий выговор или выговор, а в отношении изобличённых в растратах, вне зависимости от признания вины, – наказание, лишавшее прав состояния[823]. Как уже упоминалось, по каждому преступлению в приговоре указывались лица, на которых возлагалось взыскание убытков.

Подлоги по службе, включавшие составление фальшивых актов, поправки и подчистки в документах, подделки подписей, заочное «рукоприкладство», незаконное засвидетельствование документов и т.п., являлись одними из наиболее тяжких деяний. Данное правонарушение могло быть совершено только преднамеренно и имело корыстные или иные личные мотивы. Подсудимые не спешили раскаиваться, а без признания вины преступление становилось трудно доказуемым. Даже сходство почерка обвиняемого с поддельным документом и наличие на нём его подписи не являлись «совершенным» доказательством вины и лишь позволяли оставить его в подозрении. Половина обвинительных приговоров содержала строгие наказания. При этом большинство из них было вынесено по совокупности преступлений, когда подсудимых удавалось признать виновными в подлогах лишь потому, что в остальных противозаконных действиях они явно изобличались (растраты, взятки, превышения власти)[824]. В остальных случаях приговоры содержали исключения из службы, аресты (1–2 нед.) и штрафы. Такого смягчения наказания могли добиться подсудимые, признавшие своё деяние, но доказавшие, что оно было совершено непреднамеренно: «по ошибке» или «по незнанию закона».

К неправосудию закон относил такие деяния, как несправедливый судебный приговор, незаконная отдача под суд, избавление виновного от наказания

---

[823] См.: Там же. – Л. 1355–1363; Д. 96. – Л. 1045–1062 об.; Д. 99. – Л. 317–318 об.; Д. 107. – Л. 269–272 об.; Д. 169. – Л. 635–636; Д. 199. – Л. 184–186 об., 586–587, 610–612 об.; Д. 227. – Л. 201–211, 229–247, 712–718 об., 1130–1133; Д. 242. – Л. 1287–1291 об.; Д. 258. – Л. 1532–1542; Д. 271. – Л. 407–421, 797–810 об.; Д. 301. – Л. 10–22 об., 1100–1137; Д. 302. – Л. 1188–1208; Д. 305. – Л. 1187–1211 об.; Д. 306. – Л. 817–827 об., 1253–1266 об., 1611–1626 об.; Д. 321. – Л. 595–606 об.; Д. 338. – Л. 54–132 об., 269–291 об.; Д. 340. – Л. 66–84.

[824] См.: Там же. – Д. 82. – Л. 1355–1363; Д. 99. – Л. 317–318 об.; Д. 107. – Л. 269–272 об.; Д. 146. – Л. 581–586; Д. 199. – Л. 586–587; Д. 227. – Л. 201–211, 229–247; Д. 242. – Л. 1337–1342 об.; Д. 271. – Л. 407–421; Д. 302. – Л. 1188–1208; Д. 306. – Л. 817–827 об., 1611–1626 об.; Д. 321. – Л. 253–291, 595–606 об., 783–822 об.; Д. 338. – Л. 54–132 об.

судебным приговором, ненадлежащий надзор за законностью судебных решений, уполномоченными на то лицами (губернатор, прокурор, стряпчий и т.п.). Среди всех должностных преступлений данная категория самая малочисленная, что следует считать не показателем безукоризненной работы судебных учреждений, а свидетельством лояльного отношения к подобным злоупотреблениям в системе местного управления. Должностных лиц редко подвергали обвинению в неправосудии. Если же всё-таки это происходило, то в качестве наказаний применялись отрешения от должности, штрафы, выговоры и замечания, несмотря на то, что по закону полагалась ссылка в Сибирь на поселение. Смягчение наказаний оправдывалось отсутствием умысла, что в принципе нельзя считать законным основанием, поскольку должностные лица учреждений, наделённых судебно-следственными полномочиями, несли ответственность за каждый подписанный ими документ и обязаны были знакомиться с его содержанием. Так, в 1849 г. уголовная палата рассматривала дело о 14 должностных лицах земского суда. Суть обвинений заключалась в том, что они на протяжении 1838–1846 гг. административным порядком закрывали уголовные дела, подлежавшие судебному рассмотрению, а также в 1841 г. зачислили без рассмотрения многие дела, которые не могли быть прощены по манифесту, решёнными по амнистии[825]. Подсудимые оправдывали свои действия тем, что якобы секретарь «неосновательно делал доклады, упуская важные сведения по делам, и не представлял ясных изложений тех дел». Секретарь же ещё до начала следствия умер, не успев изложить свою версию событий. Даже если принять за истину показания подсудимых, то возникает ряд сомнений: чем вообще на протяжении восьми лет занимались полицейские чиновники, если совсем не подозревали о действиях секретаря; почему они не исполняли своих прямых обязанностей по рассмотрению указанных дел и как они их решали, не понимая сути изложенных материалов? Но уголовная палата подобными вопросами не задавалась и всем должностным лицам назначила лишь выговоры и замечания.

Из всего перечня категорий должностных преступлений лихоимство являлось наиболее тяжким с позиции закона. Данное понятие применялось для обозначения взяток, незаконных поборов под видом государственных податей и вымогательства («высшая степень лихоимства»). В исторической науке сложи-

[825] См.: Там же. – Д. 256. – Л. 1082–1133 об.

лось устойчивое представление о том, что коррупция в государственном аппарате первой половины XIX в. носила тотальный характер. Но вот, глядя на судебную практику, к такому заключению прийти нельзя, а если учесть, что по делам о лихоимстве только менее 10 % от всех приговоров были обвинительными, то вообще напрашивается вывод о неподкупности местных должностных лиц. Конечно, такие предположения в корне неверны. Уголовная статистика не может быть использована в качестве достоверного источника информации о масштабах распространения лихоимства, поскольку она лишь отражает отсутствие мер, направленных на противодействие коррупции со стороны государства. Иными словами, со взяточничеством в изучаемый период не боролись, что становится очевидным после знакомства с содержанием уголовных дел. Сложившиеся традиции проведения следственных действий и правила оценки доказательств были таковы, что без собственного признания вины изобличить взяточника не представлялось возможным, и суд к этому не стремился. Главным аргументом оправдательных приговоров являлось отсутствие «совершенных» доказательств вины: жалобы частных лиц на вымогательства не принимались в учёт по причине заинтересованности в решении дела; свидетельские показания (как правило, крестьянские) подвергались сомнению при малейшем их несоответствии друг с другом, даже если на получение взятки указывало более сотни человек; приходорасходные книги городских и крестьянских выборных органов управления не считались документом подтверждавшим передачу взятки[826]. Даже повторное нахождение служащего под судом по обвинению в лихоимстве не являлось основанием для привлечения к ответственности: прикрывая свои действия гуманистическими идеями («лучше десять виновных освободить, чем одного невинного к смерти приговорить»)[827], суд благосклонно оставлял подсудимого в подозрении.

В итоге из всех рассмотренных уголовной палатой дел о лихоимстве лишь по 19 преступлениям были вынесены обвинительные приговоры и назначено наказание. В семи случаях подсудимые (выборные крестьяне) сознались в незаконном сборе денег с крестьян для дачи взятки и были исключены из службы и приговорены в зависимости от обстоятельств дела к разным наказаниям: тю-

[826] См., например: Там же. – Д. 79. – Л. 71–90 об.; Д. 213. – Л. 1473.
[827] См., например: Там же. – Д. 15. – Л. 1113; Оп. 3. – Д. 2. – Л. 206.

ремное заключение (от 2 мес. до 1 года), ссылка в арестантские роты гражданского ведомства, ссылка в Сибирь на поселение, каторжные работы[828]. По двум делам подсудимые (сельские писари выборных крестьянских органов) признались в принятии денежного вознаграждения за свой труд и были приговорены ко взысканию суммы вдвое больше полученной[829]. В двух случаях устанавливалась дача взятки: в первом – как уже указывалось выше, уездный чиновник сознался, что давал взятки другим должностным лицам для сокрытия своих служебных преступлений и был приговорён к отдаче в солдаты (в случае негодности к ссылке в Сибирь на поселение)[830], во втором – выборные крестьяне указали, что совершили преступление под страхом притеснения и в наказание были исключены из службы[831]. Ещё по двум делам выборных крестьян, не сумевших доказать передачу взятки, признали утаившими деньги и приговорили к телесным наказаниям, положенным за кражу[832]. Только в шести случаях устанавливалось получение взяток и вымогательство. Среди подсудимых не признался только один выборный крестьянин, но суд посчитал его виновным, поскольку он изобличался ещё в «богохулении и порицании веры, произношении дерзких слов против императорского величества» и превышении власти. Видимо, столь серьёзный набор правонарушений и сословное происхождение убедили суд в необходимости его осуждения и дали повод назначить самое строгое наказание из всех выявленных приговоров по должностным преступлениям: «35 ударов кнутом через палача публично и, поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать в Сибирь в каторжную работу»[833]. Остальные подсудимые (губернские и уездные чиновники и канцелярские служители) были приговорены либо к каторжным работам в Нерчинске[834], либо к ссылке в Сибирь на поселение[835].

Нарушения порядка при определении к должности и увольнении от неё и порядка отношений между начальниками и подчинёнными, а также «медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности» – три

---

[828] См.: Там же. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 824–828; Д. 199. – Л. 184–186 об., 246–257 об.; Д. 227. – Л. 423–426 об.; Д. 256. – Л. 432–433 об.; Д. 301. – Л. 1296–1302 об.; Д. 302. – Л. 524–532.

[829] См.: Там же. – Д. 303. – Л. 182–188 об.; Д. 306. – Л. 977–985.

[830] См.: Там же. – Д. 82. – Л. 1355–1363.

[831] См.: Там же. – Д. 186. – Л. 205–207 об.

[832] См.: Там же. – Л. 1342–1343; Д. 306. – Л. 1247–1252 об.

[833] Там же. – Д. 172. – Л. 206–208 об.

[834] См.: Там же. – Д. 71. – Л. 509–512; Д. 79. – Л. 927–939 об.; Д. 134. – Л. 1286–1290 об.

[835] См.: Там же. – Д. 116. – Л. 1028–1044 об.; Д. 142. – Л. 1278–1302 об.

категории должностных правонарушений, которые с современной точки зрения не соотносятся с понятием преступление. Подобные проступки по сути являлись нарушением трудовой дисциплины, но в первой половине XIX в. государство, включая их в перечень общественно опасных деяний, подлежавших рассмотрению уголовного суда, пыталось добиться устрашающего эффекта и повысить качество работы должностных лиц. За нарушения порядка при определении к должности и увольнении от неё (самовольное прерывание исполнения должности, продолжение исполнения должности после извещения об увольнении, оставление места службы, не сдав установленным порядком дела) служащие редко подвергались судебному преследованию, но если попадали под суд, то наказывались исключениями из службы, арестами (1–2 мес.) и штрафами.

Нарушения порядка отношений между начальниками и подчинёнными – противоправное деяние, по-разному рассматривавшееся в отношении чиновников, выборных лиц и канцелярских служителей. Если для чиновников и выборных, обвинявшихся в слабом надзоре за подчинёнными или в нарушении порядка обращения с ними, результатом суда в основном становились строгие выговоры и штрафы, редко – аресты (2–3 нед.) и исключения из службы, то для канцелярских служителей, нарушавших долг подчинённости, приговоры отличались суровостью: отдача на военную службу, редко – временное заключение в смирительный дом.

Медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности – категория правонарушений, отражавшая качество служебной деятельности. Как показала практика рассмотренных уголовной палатой следственных дел, самовольные отлучки от должностей, появление на службе в пьяном виде, вынос из учреждений документов на дом, утрата документов, беспорядочное ведение делопроизводства, нерасторопность в исполнении обязанностей и подобные нарушения были весьма распространёнными явлениями в уездных и городских органах управления. Губернское правление не предпринимало решительных мер к пресечению подобного поведения. Так, в 1822 г. уголовная палата за «недеятельность по делам и беспечность ко взысканию недоимки» осудила членов Грязовецкого земского суда. Дело было возбуждено по инициативе генерал-губернатора, который указал губернскому начальству на их медленную работу. В ответ губернское правление оправдывалось тем, что ничем не могло

побудить служащих земского суда к деятельности. Несмотря на то, что им неоднократно делали «подтверждения» и даже накладывали пеню, положительных сдвигов не наблюдалось. При этом губернское правление могло отдать грязовецких служащих под суд, не дожидаясь указания генерал-губернатора, но почему-то этого не сделало[836]. В целом раскаявшиеся подсудимые, приводившие правдоподобные оправдания своей нерадивости, наказывались выговорами, строгими выговорами, штрафами и кратковременными арестами. Тех же, кого изобличали в недобросовестности и признавали безнадёжными к исправлению должностей, подвергали увольнениям, отрешениям, исключениям из службы. Неспособных канцелярских служителей отдавали на военную службу.

Преступления при следствии и суде – категория, объединявшая незаконные деяния должностных лиц при производстве следствия и в ходе судебного рассмотрения. В отличие от неправосудия, где речь шла о противоправных решениях учреждений, утверждённых в качестве законных, к рассматриваемой категории относились деяния отдельных должностных лиц, совершавшиеся с намерением скрыть следы расследуемых преступлений либо исказить факты и дать виновному возможность избежать ответственности. Решения уголовной палаты по таким делам учитывали ущерб, нанесённый преступлением: если он был незначительный, то назначались выговоры, строгие выговоры и штрафы, если существенный, то приговаривали к арестам до 3 мес. и исключениям из службы.

Ложные донесения о должностных правонарушениях представляли собой неосновательные рапорты, из-за которых служащие попадали под суд. По закону каждое должностное лицо, прежде чем доносить о преступлении, обязано было удостовериться в истинности сообщаемых сведений, «дабы не подвергнуть невиновных суждению». Конечно, местные учреждения не любили доносчиков, и уголовная палата не была исключением. Подсудимые, убеждавшие суд в составлении неосновательного рапорта без намерения навредить кому-либо

[836] Медлительность в исполнении обязанностей была выгодна чиновникам. К примеру, непроведённое по горячим следам следствие, позволяло виновникам уходить от ответственности. Для борьбы с подобными нарушениями генерал-губернатор предложил штрафовать должностных лиц. Так, дворянский заседатель Никольского земского суда, не проведя вовремя следствие, дал возможность уйти от ответственности подозреваемому в краже крестьянину. Уголовная палата решила за это упущение наложить на чиновника минимальный штраф в 10 руб., но генерал-губернатор, возвратив дело на пересмотр, предписал в подобных случаях, помимо прочего, взыскивать с полицейских служителей «компенсацию за неотысканное имущество, чтобы возместить ущерб» (См.: Там же. – Д. 119. – Л. 516–523 об.).

или по ошибке, наказывались нестрого: подтверждение, выговор, штраф, понижение в чине. Однако тех, кто упорно доказывал правдивость своего доноса и пытался изобличить других служащих, приговаривали к арестам до 1 мес., тюремным заключениям до 6 мес., исключениям из службы.

Завершая анализ практики назначения наказаний, обобщим полученные данные. Обвинительные приговоры уголовной палаты редко содержали строгие наказания. В каждом третьем случае за совершение должностного преступления назначались подтверждения, замечания, выговоры или штрафы. Ещё треть доказанных деяний повлекла за собой увольнения, отрешения от должностей и исключения из службы. Около 20 % от всех преступлений были наказаны кратковременными арестами и тюремными заключениями. В остальных случаях были применены строгие меры: телесные наказания и наказания, лишавшие или ограничивавшие права состояния. Всего за изучаемый период последней группе наказаний подверглось чуть больше ста человек, основную массу которых составляли крестьянские выборные лица и канцелярские служители.

Сроки судебного разбирательства в 42% от общей массы следственных дел не превышали одного года, в 34% – длились от 1 года до 2 лет, в 24% – более 2 лет. Чем дольше велось производство по делу, тем больше было шансов избежать наказания, добиться смягчённого приговора либо попасть под амнистию, поэтому дела умышленно затягивались и судебно-следственными органами, и самими подсудимыми[837]. Установленные законом правила создавали для этого благоприятную среду. Так, если следствие было проведено неосновательно, то суд был обязан «привести в полную ясность» все обстоятельства дела и, в случае сомнений, назначить «дополнительное изыскание», собрать все недостающие сведения и справки[838]. К примеру, 27 февраля 1821 г. генерал-губернатор А.Ф. Клокачёв предписал уголовной палате решить дело о взятках и злоупотреблениях чиновников Яренского уезда, «оставя излишние по сему делу

[837] Подсудимым гарантировалось право использовать все возможные способы к своему оправданию, чем они зачастую злоупотребляли. На допросах во время следствия можно было о чём-то умолчать, но «вспомнить» об этом когда дело поступало в суд и тогда на основании вновь открывшихся обстоятельств уголовная палата была обязана назначить дополнительное расследование. Часто отстранённый от должности, но не взятый под арест подсудимый пока велось следствие, находил возможности потупить на службу в другую губернию и под разными предлогами уклонялся от приезда в Вологду для дачи показаний суду (См., например: Там же. – Д. 213. – Л. 1515–1517; Ф. 806. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 1–25)

[838] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 298–301.

справки и запросы»[839]. Производство началось ещё в 1814 г., но на протяжении 7 лет никаких подвижек по нему почти не наблюдалось и, как оказалось, осталось невыясненным ещё множество вопросов. Даже личный контроль генерал-губернатора не гарантировал скорейшего вынесения приговора, так как окончательно дело было решено лишь в марте 1822 г.

Приговор уголовной палаты должен был пройти утверждение губернатора и поступить для ознакомления к губернскому прокурору. По общему правилу, пройдя контрольные инстанции, приговор объявлялся подсудимому, и с него бралась подписка, что он с ним ознакомлен. В особых случаях следственное дело поступало на ревизию в Сенат[840]. По нашим подсчётам через утверждение высшего судебного органа прошло около 20 % от всех приговоров, пятая часть из которых была возвращена в уголовную палату для пересмотра. Главным образом, Сенат не соглашался с результатами дела по формальным критериям либо в связи с протестом подсудимого[841]. Пересмотры следственных дел затягивали вынесение окончательного приговора не менее чем на год. Выявлены случаи, когда Сенат возвращал дело неоднократно. В качестве примера можно привести дело об устьсысольских чиновниках, рассматривавшееся на протяжении 20 лет. Следствие по нему началось в 1828 г. с доноса отставного чиновника на имя губернатора, в котором он описал взятки и присвоение казённых денег, совершённые устьсысольским исправником во время покупки скота для военных поселений[842]. Расследование было проведено с максимальными усилиями к оправданию обвиняемого, который, скорее всего, ушёл бы от ответственности, если бы в 1830 г. в Вологодскую губернию не приехали сенаторские ревизоры. Они, в отличие от местных должностных лиц, посчитали жалобу вполне доказательной и в процессе её рассмотрения выявили многочисленные преступления почти всех устьсысольских чиновников, совершавшиеся на протяжении многих лет.

---

[839] См.: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 261–289 об.

[840] О правилах и порядке поступления приговоров на ревизию в Сенат см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1842. – С. 302.

[841] Выявлены редкие случаи, когда дело поступало в Сенат на ревизию из-за несогласия с приговором губернатора, прокурора или одного из дворянских заседателей уголовной палаты. Во всех этих делах приговор оспаривался с целью ужесточения наказания. Однако Сенат обычно не поддерживал подобные протесты и соглашался с мнением уголовной палаты.

[842] См.: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 213. – Л. 1469–1491 об.

Многие крестьяне и их выборные лица показали на систематические незаконные поборы и взятки. Местные органы власти затянули разбирательство: после окончания сенаторской ревизии расследование жалоб продолжалось два года, затем пять лет дело рассматривалось в уголовной палате. В 1837 г. были оправданы все должностные лица, кроме четырёх главных фигурантов. Уголовная палата оставила их в «подозрении» и назначила самые щадящие наказания. Ввиду того, что дело возбудили в результате ревизии, оно, согласно закону, должно было пройти утверждение Сената, который на протяжении 10 лет сомневался в окончательном приговоре: высший судебный орган 5 раз возвращал дело на пересмотр из-за его «неполноты»[843]. В конечном счёте, в 1848 г. Сенат всё-таки утвердил приговор, оставив главных виновников «в подозрении», но к тому времени они уже умерли, а ещё двоих – полностью оправдал.

Подводя итог характеристике должностной преступности в Вологодской губернии в первой половине XIX в., отметим следующее.

1. Число рассмотренных уголовной палатой преступлений составляет только часть совершённых на изучаемой территории должностных правонарушений, причём часть небольшую. Уровень латентной преступности был очень высоким, поскольку существовало множество способов сокрытия правонарушений. Трудности в выявлении незаконных деяний были обусловлены многими факторами: неразвитостью правовых стимулов, побуждавших искоренять должностные преступления, жёсткими требованиями к доказательной базе доносов, изобретательностью служащих и, в конечном итоге, устоявшимися в местном государственном аппарате незаконными традициями в управлении. Всё это, вкупе с особенностями правосознания местного населения и отстранённой, наблюдательной позицией центральных учреждений, создавало благоприятные условия для безнаказанного совершения правонарушений на протяжении длительного времени. Подтверждением этому служит характер совершавшихся преступлений, большинство из которых были сложносоставными, длящимися.

[843] Следственное дело пересматривалось в уголовной палате в 1841, 1843, 1846, 1848 гг. (См.: Там же. – Д. 166. – Л. 216–238; Д. 172. – Л. 439–466; Д. 213. – Л. 1469–1482; Д. 242. – Л. 817–839).

2. Большинство преступлений либо были нацелены на незаконное обогащение, либо имели материальную подоплёку. По правонарушениям, затрагивавшим частные интересы, в особенности по взяточничеству, процент раскрываемости был невысоким. Несоблюдение форм и обрядов во время производства следствия было распространённым явлением, позволявшим подсудимому избежать наказания. В тоже время с преступлениями, наносившими ущерб государственным интересам и, особенно, казне, всё-таки пытались бороться. Если не удавалось установить виновников таких злоупотреблений, суд всегда находил материально ответственных должностных лиц, с которых взыскивал казённые убытки. По менее тяжким преступлениям, когда существовал реальный риск привлечения к ответственности, подсудимые предпочитали признать вину, подчёркивая отсутствие злого умысла. Оправдания служащих суд активно принимал как смягчающие обстоятельства, назначая наиболее мягкие наказания.

3. В изучаемый период функционирование всей системы местного управления не было ориентировано на упрочение принципов законности и правопорядка и не было нацелено на искоренение должностных правонарушений. Полузаконные и незаконные методы прочно укоренились в повседневной работе провинциальных служащих, чему способствовали три фактора. Губернская администрация и уголовная палата, будучи элементами изучаемой системы, не создавали прецедентов жестокого наказания подсудимых, поскольку сами состояли из чиновников, активно включавшихся в процесс незаконной деятельности. Общество, в частности наибольшая его часть – крестьянство, демонстрировало недоверие к местной власти и местному правосудию, поскольку попытки защитить личные и имущественные права путём судебного разбирательства зачастую оборачивались оправданием виновных и наказанием потерпевших. В связи с этим население было вынуждено мириться с устоявшимися порядками в системе местного управления. Государство вполне осознавало происходившее, но, по всей видимости, не понимало при помощи каких средств можно было изменить сложившуюся на местах ситуацию и в изучаемый период пошло по пути наименьшего сопротивления: не активизируя борьбу со злоупотреблениями, инициировало мероприятия, направленные лишь на сдерживание должностной преступности в определённых рамках.

Заключение

Природно-географические и социально-экономические особенности Вологодской губернии позволили нам рассматривать её как уникальный объект государственного управления первой половины XIX в. Губерния, покрытая бесчисленными лесными массивами и болотами, являлась второй по величине в европейской части России. Большая часть территории оставалась не обследованной и не имела подробной и достоверной карты местности. Это означало, что должностные лица были вынуждены исполнять возложенные на них управленческие функции, не имея ясных представлений ни о географии уездов, ни об их точных границах. Суровые природно-климатические условия вкупе с господствовавшими позднефеодальными формами хозяйствования не обеспечивали возможности рационального использования ресурсного потенциала губернии и порождали тормозившие экономическое развитие региона проблемы. Попытки же решения даже самых незначительных вопросов наталкивались на некомпетентность и недобросовестность местных должностных лиц. На процесс формирования вологодского бюрократического аппарата непосредственно влияла структура населения, значительное место в которой занимало духовенство (около 1,5 %), а численность дворянства была небольшой (0,4–0,5 %). Преобладание в составе населения казённых (более 55 %) и удельных крестьян (около 10 %), а также наличие половников, уникальной социально незащищённой категории поселян, требовали активного участия местных чиновников в регулировании хозяйственных процессов. Этническая неоднородность населения создавала необходимость взаимодействия должностных лиц с обособленно проживавшими в Яренском и Устьсысольском уездах коми-зырянами, сохранявшими самобытный язык и культуру. На территории губернии отсутствовали образовательные учреждения, нацеленные на подготовку управленческих кадров. Сеть местных учебных заведений развивалась медленно и неравномерно. Это обусловливало крайне низкий уровень образования населения, отсутствие нравственно-правовой культуры, и создавало благоприятную среду для злоупотреблений и манипуляций с законом со стороны должностных лиц.

Территориальное устройство Вологодской губернии, с точки зрения управляемости, являлось неудобным и не обеспечивало уездным органам власти

равные условия деятельности. Наряду с небольшими по площади Вологодским, Грязовецким и Кадниковским уездами, в состав губернии входили такие, которые не уступали по размерам некоторым губерниям (Устьсысольский уезд). Административный центр располагался на юго-западной оконечности губернии. Чем дальше от него находился уезд, тем больше была его площадь и меньше плотность населения. Уровень развития большинства городов, которые сохраняли сельский внешний облик и уклад жизни, не соответствовал статусу уездных центров и превращал обустройство рабочего пространства правительственных учреждений в трудоёмкий и затратный процесс. Наличие несопоставимых между собой по величине административно-фискальных единиц в разной степени удалённых от Вологды предопределяло появление проблем в ходе синхронизации управленческой деятельности и в установлении подконтрольности ряда уездных администраций. В условиях низкого уровня функционального состояния сети сухопутных дорог решение этих задач требовало ещё больших усилий.

В начале XIX в. структура государственного аппарата Вологодской губернии базировалась на принципах преемственности, иерархичности, учёта региональной специфики сословного состава населения, сочетания выборности и назначаемости при формировании правительственных органов власти. Министерская реформа, приведшая к фактическому и юридическому устройству центрального управления как унитарной модели с высокой степенью централизации, требовала согласования обновлённого центрального аппарата с существовавшей губернской системой, в связи с чем на протяжении всей первой четверти XIX в. внедрялся принцип ведомственной подчинённости и устанавливались ведомственные связи. Этот процесс, характеризующийся в научной литературе как оформление ведомств, был не согласован и законодательно не проработан, что привело к появлению разных моделей ведомственного взаимодействия, наслаивавшихся на громоздкие схемы внутригубернских взаимоотношений. Наиболее жёсткая подчинённость устанавливалась для финансовых учреждений: степень влияния министра финансов на деятельность местных структур в изучаемый период всё более возрастала. В судебной системе, напротив, по мере укрепления принципа выборности при комплектовании учреждений влияние

министра юстиции ослабевало. Ведомственная связь губернской администрации и министра внутренних дел приобрела наиболее сложную форму.

Главным недостатком структуры местного государственного аппарата являлось отсутствие её целостности. Правовой основой организации являлось сохранявшееся в первоначальной своей редакции Учреждение о губерниях 1775 г. Модель управления, зафиксированная в документе, выстраивалась вокруг фигуры наместника. После упразднения этого института в правовом фундаменте появилась брешь. Опора в виде устаревших законодательных актов, созданных ещё в предшествующий исторический период, не обеспечивала единства управленческих процессов на местах. Несмотря на то, что практическое значение должности губернатора существенно возросло, его статус оставался юридически неопределённым. Попытки Александра I добиться целостности местного управления путём генерал-губернаторского проекта провалились. Перспективность преобразовательной идеи оказалась перечёркнута непродуманностью и незавершённостью реформы. Правовое положение и компетенция генерал-губернатора не получили законодательной проработки, что не позволяло этому институту органично влиться в систему государственного управления. Архангельское, Вологодское и Олонецкое генерал-губернаторство, просуществовав 10 лет, не смогло продемонстрировать эффективного функционирования в новых условиях и приобрести предначертанную ему координирующую роль. Результаты деятельности генерал-губернаторов во многом зависели от личностного фактора: А.Ф. Клокачёв с первых дней своего назначения стремился обнаружить и исправить нарушения в работе подчинённых ему учреждений; карьера же С.И. Миницкого завершилась после сенаторской ревизии 1830 г., обнаружившей его непосредственное участие в коррупции и злоупотреблениях местного чиновничества.

Во второй четверти XIX в. усилия верховной власти были направлены на упорядочивание нормативно-правового регулирования деятельности местных учреждений. В ходе этого процесса не ставилось цели осуществить полномасштабное обновление их законодательной базы. Главной задачей являлось выявление сохранявших юридическую силу норм и действовавших административ-

ных практик, и отсеивание явно устаревших и неактуальных. Результатом пересмотра законодательства стал целый ряд нормативных правовых актов: Наказ губернаторам 1837 г., Положение о губернских правлениях 1837 г., Положение о земской полиции 1837 г., Инструкция казённым палатам о порядке производства дел 1831 г., Инструкция уездным казначеям 1837 г. В сущности, принятие перечисленных документов было направлено на решение организационных вопросов (оформление структуры учреждений, конкретизация функций, распределение служебных обязанностей, упорядочение делопроизводства, улучшение материального обеспечения и т.п.). Желаемого единства в местном управлении Вологодской губернии такой подход не обеспечил, однако, он позволил приобрести государственному аппарату черты целостности и устранить многие проблемы, происходившие из-за законодательной неразберихи.

При Николае I основной вес в структуре государственного аппарата Вологодской губернии заняли административно-полицейские и финансовые учреждения, получившие новую организационную структуру и значительно расширившие свои штаты. Развитие получила наметившаяся в предшествующий период тенденция по созданию особых специализированных коллегиальных учреждений, сфера деятельности каждого из которых была направлена на решение конкретной задачи. В роли института, на который возлагались задачи по обеспечению единства управленческих процессов, стал выступать губернатор. Изменения, внесённые в состав местных органов власти, были продиктованы заботой государства об обеспечении наполнения и сохранности государственной казны и казённого имущества. В частности, реформированию подверглась система управления государственным имуществом. Основными задачами созданной в 1839 г. палаты государственных имуществ являлись попечительство над государственными крестьянами и управление казёнными лесами и землями.

В ходе исследования установлено, что на протяжении первой половины XIX в. происходил рост численности служащих Вологодской губернии по всем ведомствам: к концу 1844 г. он составил 46 % по сравнению с показателями 1806 г. Доля чиновников достигла половины от общего состава. Увеличение их количества напрямую зависело от упорядочивания системы чинопроизводства и

происходило вне зависимости от возрастания числа штатных должностей. Динамика соотношения категорий служащих позволила увидеть постепенное увеличение удельного веса лиц, занимавшихся канцелярской работой и, в частности, канцелярских служителей. При этом, если в первой четверти XIX в. в составе канцелярий доминировали чиновники, то во второй – канцелярские служители, что явилось результатом принятия двух указов: О канцелярских служителях гражданского ведомства 1827 г., О порядке производства в чины по гражданской службе 1834 г.

В целом показатели численности аппарата местного управления не позволяют говорить об избыточности служащих в изучаемую эпоху. Полученные цифры при соотнесении с данными о численности населения скорее отражают нехватку административного персонала, в особенности, если рассматривать уездный уровень власти. При этом отразившееся в материалах Вологодской губернии укрупнение штатов местных учреждений следует трактовать как вынужденную меру, с которой правительство связывало надежды на обеспечение оперативности и повышение качества управленческих процессов. Главным образом верховная власть усиливала финансовые и полицейские учреждения, что свидетельствовало о приоритетных задачах государства в местном управлении: общественный порядок и спокойствие; сохранность казённого имущества; стабильное поступление средств в казну; исправное несение повинностей. Увеличение числа служащих допускалось по преимуществу для губернских учреждений и только для тех из них, которые имели дело с большими объёмами документооборота. В то же время уездные органы управления на протяжении изучаемого периода значительно не пополнили свои составы. По всей видимости, расширение их штатов, в условиях дефицита квалифицированных кадров, способных к интенсивному труду в рамках закона, представлялось нецелесообразным.

Анализ сословного происхождения, возрастного состава и образовательного уровня чиновничества Вологодской губернии позволил выявить региональные особенности комплектования государственных служащих. Потомственные дворяне были в численном меньшинстве по отношению к остальным

группам, и на протяжении изучаемого периода отчётливо проявилась тенденция сокращения их удельного веса. При этом они, преобладая среди чиновников высшего и среднего разрядов, твёрдо удерживали за собой руководящие позиции в местном управлении. Основным источником кадров являлось духовенство, выходцы из которого преобладали среди чиновничества низшего разряда и доминировали среди канцелярских служителей губернских учреждений. Из года в год увеличивалось представительство «детей обер-офицеров», которых, наряду с «детьми приказных служителей», следует рассматривать как категорию «потомственных служащих». В общей сложности к середине века они составляли более 30 % от всех чиновников, что указывало на постепенную профессионализацию кадрового состава. Представители других слоёв населения были немногочисленны: их появление среди служащих в конце XVIII в. было связано с единовременным открытием большого количества присутственных мест. К концу изучаемого периода их число сократилось до минимума, а поступление на службу стало возможным только при наличии аттестата об образовании или опыта успешной военной службы.

На протяжении всего изучаемого периода средний возраст чиновников составлял от 34 до 38 лет. Руководящий состав органов власти формировался из опытных служащих, а канцелярии заполняли преимущественно молодые люди. Смена поколений служащих пришлась на середину 1820-х гг., когда удельный вес лиц моложе 40 лет превысил 75 %. Подавляющее большинство чиновников начинали карьерный путь в юном возрасте с низших ступеней канцелярии и уходили со службы, когда уже физически были не в состоянии выполнять служебные обязанности.

Выявленные источники отражают положительную тенденцию роста образовательного уровня вологодского чиновничества. Зависимость продвижения по службе от уровня образования, установленная в 1834 г., привела к притоку лиц, посещавших учебные заведения, которые к середине 1840-х гг. стали преобладать в аппарате управления над теми, кто получил домашнее воспитание. Во второй четверти XIX в. в аппарате местного управления появились специалисты, прошедшие профессиональное обучение (медики, землемеры). К середине

века более 60% служащих, пребывавших на руководящих постах, имели высшее и среднее образование.

В целом уровень образования даже к концу изучаемого периода не соответствовал потребностям системы управления. Подавляющее большинство чиновников оставались малообразованными и некомпетентными людьми, объём знаний которых едва ли соответствовал программе начальной школы. Решающими факторами, влиявшими на уровень образованности, являлись отсутствие налаженной системы подготовки кадров и искренняя убеждённость провинциальных служащих в бесполезности образования, дававшего знания и умения, не применимые на практике. Главная задача, которую ставили перед собой рядовые претенденты на государственную службу, – освоить элементарную грамоту и, сдав экзамен, как можно раньше приступить к приобретению необходимого для карьерного роста опыта канцелярской работы.

Изучение материального положения служащих позволило увидеть, что основным источником средств существования для абсолютного большинства из них была служебная деятельность, в легальной плоскости которой основную роль играла величина получаемого жалованья. Должностные оклады чиновников первой четверти XIX в., выплачиваемые ассигнациями, регулировались штатными расписаниями начала века и не индексировались по уровню инфляции. Ухудшавшееся по мере обесценивания бумажных денег положение служащих, правительство пыталось улучшить путём ассигнования «прибавочных сумм» и одобрения экстраординарных сборов, но делало это избирательно и несбалансированно, что на практике привело к появлению запутанной системы оплаты труда. В наиболее выгодном положении оказались местные учреждения Министерства финансов, которые к 1830-м гг. оттягивали на себя от ½ до ¾ от общей суммы расходов на государственный аппарат губернии.

Наименее обеспеченной частью служащих были канцелярские служители, чьё денежное довольствие определялось по остаточному принципу из общих сумм, выделявшихся на канцелярию, а размеры выплат напрямую зависели от воли начальства. На величине их жалованья сказывалось также и происходившее по мере роста объёмов делопроизводства расширение составов канцелярий,

когда содержание «новобранцев» обеспечивалось за счёт урезания размеров оплаты труда уже состоявших в канцелярии лиц, что, в конечном итоге, приводило к нищенскому положению всех приказных служителей.

В конце 1830-х – начале 1840-х гг., вместе с пересмотром штатных расписаний, пересчётом окладов на серебро, упорядочиванием выплат (компенсационных и стимулирующих), оформлением системы пенсионного обеспечения, материальное положение чиновничества существенно улучшилось. В обновлённых штатных расписаниях закрепился дифференцированный подход к оплате труда, что проявилось в зависимости размера жалованья от статуса и значимости учреждения / должностного лица в структуре государственного аппарата. Реальные денежные выплаты чиновникам были приведены в соответствие с закреплёнными законом окладами. В наиболее проигрышном положении оказались судебные учреждения, объёмы финансового обеспечения которых заметно уступали полицейским и финансовым органам. По мере фиксации в штатных расписаниях канцелярских должностей с указанием их окладов стабилизировалось и улучшалось положение данной категории служащих.

В процессе регулирования расходов на содержание государственного аппарата Вологодской губернии правительство отодвинуло на второй план заботу о наполнении присутственных мест «достойными в знании и честными людьми» и руководствовалось сугубо фискальными соображениями, допуская только минимально необходимые издержки и частично покрывая затраты посредством постоянных и временных вычетов из окладов служащих. Такой подход позволил государству к середине XIX в. обеспечить приемлемый уровень оплаты труда лишь руководящему составу губернского и уездного звена управления. Основная же масса служащих довольствовалась очень скромными выплатами, суммы которых не обеспечивали условий для нормальной жизнедеятельности.

Нормативно-правовое обеспечение деятельности государственного аппарата представляло собой «лоскутное одеяло», состоявшее из прецедентов, облачённых в формы сенатских указов и ведомственных актов, издававшихся по мере обнаружения затруднений и нарушений в работе местных учреждений. Метод «залатывания дыр» в нормативно-правовом поле приводил к ещё большей

путанице, что напрямую отражалось на результатах деятельности должностных лиц, не имевших чёткого представления ни о своих полномочиях, ни об их пределах.

Пробелы и недостатки правового регулирования частично были компенсированы во второй половине 1830-х гг. путём издания ряда законодательных актов, систематизировавших выработанные административной практикой формы и методы управленческой деятельности (сочетание коллегиальности и единоначалия, согласование действий, делегирование полномочий и т.п.). При этом законодатель уделял повышенное внимание их регламентации, посылая на места подробные инструкции. Никакой самостоятельности в работе местной администрации не предусматривалось. Это проявлялось в необходимости согласования с центральным правительством практически любой более-менее значимой бумаги или решения. По мере усиления отчётности и увеличения объёма предоставляемых сведений о состоянии губернии, всё большее внимание уделялось не содержанию поступавших в центр бумаг, а соблюдению форм и обрядов документооборота. Результативность работы провинциальных чиновников оценивалась, исходя из количества решённых ими дел за единицу времени. Согласно губернаторским отчётам за рассматриваемый период объёмы делопроизводства выросли в 10 раз, при этом доля нерешённых дел по отношению к исполненным стабильно держалась на уровне 20–30%. Если в начале века данный показатель со стороны верховной власти не получал одобрения, то в 1840-е гг. он воспринимался как свидетельствующий об удовлетворительном состоянии делопроизводства. Следует также отметить, что в отчётных ведомостях количество нерешённых дел, производство по которым остановилось по вине самих учреждений, оказывалось минимальным. Происходило это по причине того, что должностные лица, пользуясь своим правом «приводить все обстоятельства дел в совершенную ясность», рассылали по учреждениям запросы на предоставление разного рода сведений и справок. Конечно, решить большинство дел можно было без сбора дополнительной информации и делалось это всё с единственной целью – оправдать свою медлительность нерасторопностью других чиновников. Данный полузаконный метод снижения количества нерешённых дел получил

широкое распространение на практике, превратив переписку из формы согласования в самоцель.

В ходе исследования установлено, что информационно-коммуникационное обеспечение деятельности государственного аппарата Вологодской губернии, несмотря на некоторые изменения, оставалось на довольно низком уровне на протяжении всего изучаемого периода. К положительным моментам следует отнести появление в 1838 г. губернских ведомостей, что позволило оптимизировать процесс доведения до сведения местных учреждений основных постановлений и распоряжений высшего и губернского начальства. В то же время неудовлетворительное состояние путей сообщения в условиях обширной территории негативно влияло на оперативность работы, затрудняя доставку документации и сбор сведений.

Одной из главных проблем государственного аппарата Вологодской губернии являлось скудное материально-техническое обеспечение, осуществлявшееся за счёт средств, получаемых из трёх источников: казённые, общественные (городские) и земские (крестьянские) платежи. Выявленные в ходе исследования данные о доходах и расходах губернии свидетельствуют, что рост сумм, поступавших в казну, значительно опережал увеличение затрат на местное управление. Установлено, что ассигнуемых сумм едва хватало на содержание присутственных мест, вынужденных ютиться на съёмных частных квартирах, не приспособленных под размещение правительственных учреждений. В наихудшем положении оказывались городские полиции, основная нагрузка в содержании которых ложилась на плечи малообеспеченных горожан.

Проанализированные в работе материалы пяти ревизий Вологодской губернии позволили увидеть характерные черты, присущие системе местного управления. Установлено, что громоздкий механизм функционирования провинциальных учреждений крайне медленно реагировал на распоряжения верховной власти. Главным ориентиром в деятельности большей части чиновничества было удовлетворение собственных, зачастую корыстных, намерений в ущерб интересам казны и нуждам населения. Повсеместно ревизоры открывали факты неисполнения должностных полномочий, злоупотребления служебным

положением, сокрытия и уничтожения делопроизводственной документации, пристрастного делопроизводства, намеренного затягивания решений, расхищения казённого имущества, нередко оборачивавшегося откровенным воровством. Попытки изменить ситуацию путём смены высших должностных лиц губернии не имели успеха. Вновь назначаемые губернаторы быстро адаптировались к существовавшим порядкам и в основном предпочитали следовать собственным интересам. Жизнеспособность пороков системы местного управления подпитывалась несовершенством законодательства, позволявшем виновным чиновникам уходить от ответственности. Укоренившееся чувство безнаказанности приводило к тому, что предписания правительства и ревизоров либо исполнялись недобросовестно, либо вовсе игнорировались. Не способствовали улучшению местного управления и действия центрального правительства, снисходительно относившегося к провинциальным чиновникам.

Ревизионная практика, если её оценивать как форму контроля, претерпевала изменения в первой половине XIX в. При Александре I перед направляемыми для осмотра губернии лицами ставилась конкретная задача – выявить незаконные действия должностных лиц в сжатые сроки, а при оценке итогов проверки и в ходе принятия дальнейших решений большую роль играло заключение ревизора. При Николае I уполномоченные лица осуществляли проверку деятельности всего государственного аппарата, уделяя наибольшее внимание делопроизводству с целью поиска документальных подтверждений незаконных действий, при оценке результатов ревизии большую роль играл формализм. В целом и тот, и другой подход позволял выявить масштабы злоупотреблений в местном государственном аппарате, но не способствовал установлению законности. Итог изученных нами проверок был одинаков – качественных изменений в деятельности местных учреждений не происходило, а масштабы нарушений и злоупотреблений уменьшались лишь на время.

Выявленные в ходе исследования судебно-следственные материалы позволили охарактеризовать должностную преступность в Вологодской губернии. Большинство совершавшихся преступлений либо были нацелены на незаконное обогащение, либо имели материальную подоплёку. По правонарушениям, затра-

гивавшим частные интересы, в особенности по взяточничеству, процент раскрываемости был низким. Несоблюдение форм и обрядов во время производства следствия являлось распространённым явлением, позволявшим подсудимому уходить от наказания. В тоже время с преступлениями, наносившими ущерб государственным интересам и, особенно, казне, пытались бороться. Если не удавалось установить виновников, суд всегда находил материально ответственных должностных лиц, с которых взыскивал казённые убытки. По менее тяжким преступлениям, когда существовал реальный риск привлечения к ответственности, подсудимые предпочитали признать вину, подчёркивая отсутствие умысла. Оправдания служащих суд активно принимал как смягчающие обстоятельства, назначая наиболее мягкие наказания.

Установлено, что в изучаемый период существовало множество способов сокрытия правонарушений. Уровень латентной преступности был очень высок, в связи с чем число рассмотренных уголовной палатой должностных правонарушений составляло только часть совершённых на территории Вологодской губернии, причём часть небольшую. Трудности в выявлении незаконных действий были обусловлены многими факторами: неразвитостью правовых стимулов, побуждавших искоренять должностные преступления, жёсткими требованиями к доказательной базе доносов, изобретательностью служащих и, в конечном итоге, устоявшимися в местном государственном аппарате незаконными традициями в управлении. Всё это, вкупе с особенностями правосознания местного населения и отстранённой наблюдательной позицией центральных учреждений, создавало благоприятные условия для безнаказанного совершения правонарушений на протяжении длительного времени. Подтверждением этому служит характер преступлений, большинство из которых были сложносоставными, длящимися.

В изучаемый период функционирование всей системы местного управления не было ориентировано на упрочение принципов законности и правопорядка и не было нацелено на искоренение должностных правонарушений. Полузаконные и незаконные методы деятельности прочно укоренились в повседневной работе провинциальных служащих, чему способствовали следующие факторы.

Во-первых, губернская администрация и уголовная палата, будучи элементами изучаемой системы, не были заинтересованы в создании прецедентов жестокого наказания подсудимых, поскольку сами состояли из чиновников, активно включавшихся в процесс незаконной деятельности. В каждом третьем случае за совершение должностного преступления назначались подтверждения, замечания, выговоры или штрафы. Ещё треть доказанных деяний повлекла за собой увольнения, отрешения от должностей и исключения из службы. Около 20 % от всех преступлений были наказаны кратковременными арестами и тюремными заключениями. В остальных случаях были применены строгие меры: телесные наказания и наказания, лишавшие или ограничивавшие права состояния. Всего за изучаемый период последней группе наказаний подверглось чуть больше ста человек, основную массу которых составляли крестьянские выборные лица и канцелярские служители. Во-вторых, общество, в частности наибольшая его часть – крестьянство, демонстрировало недоверие к местным чиновникам и местному правосудию, поскольку попытки защитить личные и имущественные права путём судебного разбирательства зачастую оборачивались оправданием виновных и наказанием потерпевших. Просьбы, адресованные верховной власти, а также жалобы, поступавшие к ревизовавшим губернию должностным лицам, не гарантировали скорый и справедливый суд. В связи с этим население было вынуждено мириться с устоявшимися порядками. В-третьих, государство, вполне осознавало происходившее, но, по всей видимости, не понимало при помощи каких средств можно было изменить ситуацию и в изучаемый период пошло по пути наименьшего сопротивления: не активизируя борьбу с должностной преступностью, инициировало мероприятия, направленные лишь на сдерживание её уровня в определённых рамках.

Подводя общий итог проведённому исследованию, отметим, что местное управление Вологодской губернии представляло собой сложную динамичную систему, прошедшую в своём развитии ряд этапов. Её зарождение пришлось на 1780-е гг., когда на основании Учреждения о губерниях 1775 г. на изучаемой территории единовременно появилась разветвлённая сеть правительственных и сословных учреждений. В первой четверти XIX в. происходило становление и

оформление системы местного управления. В этот период ярко проявились её адаптивные возможности. Пока в министерских кругах обсуждались проблемы местного управления и варианты его реформирования, провинциальные учреждения пытались приспособиться к изменившимся условиям функционирования, развивая свою деятельность в наиболее удобном для местного чиновничества направлении. В условиях отсутствия системного контроля, наряду с одобряемыми правительством формами управленческой деятельности, пышным цветом расцвели незаконные методы работы, нацеленные на удовлетворение личных интересов. Во второй четверти XIX в. изучаемая система достигла пика своего развития. В 1830–1840-е гг. государство стремилось систематизировать и унифицировать управленческие процессы на местах, уделяя пристальное внимание внутреннему устройству учреждений, упорядочивая их организационную структуру и принципы комплектования, усиливая формальную составляющую их деятельности и регламентируя их делопроизводство. Усилия правительства были направлены на то, чтобы местные чиновники работали в строгом соответствии с исходившими из центра правилами и инструкциями, что привело к консервации форм управленческой деятельности. Анализ основных элементов системы местного управления Вологодской губернии (государственный аппарат, его численность, состав, условия и механизм функционирования) позволил установить, что верховная власть предпочитала видеть на местах унифицированную модель. Однако региональные особенности и условия службы придавали уникальность изучаемой системе местного управления и вносили свои коррективы в организацию и практику деятельности местных учреждений, заставляя государство допускать исключения из общих правил.

Результаты проведённого исследования подтверждают тезис о поливариантности управленческих форм, складывавшихся на просторах Российской империи, что затрудняет процесс аналитического обобщения опыта региональной политики и практики первой половины XIX в. Наличие разных моделей управления административно-территориальными единицами требует проведения подобных исследований, нацеленных на комплексный анализ функционирования провинциальных учреждений, по другим губерниям.

Список использованных источников и литературы

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов. – Оп. 1. – Д. 90, 791.

Ф. 660. Граф Арсений Андреевич Закревский (1783–1865). – Оп. 1. – Д. 144.

Ф. 994. Мордвиновы. – Оп. 2. – Д. 130, 131, 135, 136.

Ф. 1147. Непременный (Государственный) совет. – Оп. 1. – Д. 540.

Ф. 1151. Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. – Оп. 1. – Д. 134; Оп. 2. – Д. 127.

Ф. 1263. Комитет министров (1802–1906). – Оп. 1. – Д. 69, 86, 136, 156, 224, 256; Оп. 2 – Д. 32, 161; Оп. 11. – Д. 29.

Ф. 1281. Совет министра внутренних дел. – Оп. 3. – Д. 173; Оп. 5. – Д. 145; Оп. 11. – Д. 29, 30, 30а, 30б, 30в.

Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. – Оп. 1. – Д. 116; Оп. 2. – Д. 32, 160; Оп. 4. – Д. 426в; Оп. 5. – Д. 60, 164, 336а, 336б, 903; Оп. 8. – Д. 607.

Ф. 1287. Хозяйственный департамент МВД. – Оп. 5. – Д. 921.

Ф. 1341. Первый департамент Сената. – Оп. 32. – Д. 768а.

Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция). – Оп. 4. – Д. 41 (1799 г.), 47 (1801 г.), 63 (1803 г.), 37 (1806 г.), 47 (1810 г.), 241 (1818 г.), 129 (1826 г.), 326 (1835 г.), 441 (1838 г.) – Ч. 1, 2; 473 (1844 г.). – Ч. 1, 2, 3; Оп. 5. – Д. 793, 2324, 4783, 7664; Оп. 6. – Д. 1636.

Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената. – Оп. 2. – Д. 1057; Оп. 3. – Д. 2321.

Ф. 1405. Министерство юстиции. – Оп. 13. – Д. 3599; Оп. 28. – Д. 2513.

2. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО):

Ф. 13. Вологодское наместническое правление. – Оп. 1. – Д. 232, 399.

Ф. 14. Вологодское губернское правление. – Оп. 1. – Д. 23, 37, 58, 162, 209, 368, 420, 421, 424, 426, 427, 468, 514, 516, 558, 581, 744, 918, 959, 1019, 1050, 1059, 1063, 1134, 1234, 1327, 1348, 1446; Оп. 2. – Д. 1, 2, 6, 11, 1287, 1288.

Ф. 17. Губернский статистический комитет. – Оп. 1. – Д. 7, 9, 15; Оп. 2. – Д. 3.

Ф. 18. Канцелярия вологодского губернатора. – Оп. 1. – Д. 89, 112, 156, 157, 246, 278, 286, 295, 312, 325, 329, 350, 362, 406, 413, 414, 416, 435, 445, 447, 457, 463,

468, 470, 474, 485, 494, 496, 497, 508, 523, 538, 592, 723, 742, 915, 918, 921, 1324, 1326, 1337, 1348, 1397, 1407, 1423, 1488, 1556.

Ф. 19. Вологодский приказ общественного призрения. – Оп. 1. – Д. 27.

Ф. 31. Вологодский губернский предводитель дворянства. – Оп. 1. – Д. 19, 32, 52, 59, 68, 113, 124, 140, 152, 253, 264, 291, 402, 452, 543, 611, 703.

Ф. 32. Вологодское губернское дворянское депутатское собрание. – Оп.1. – Д. 5, 19, 56, 57, 59.

Ф. 85. Вологодский уездный предводитель дворянства. – Оп. 1. – Д. 2, 7, 8, 10, 134.

Ф. 130. Никольский уездный суд. – Оп. 2. – Д. 18.

Ф. 175. Вологодский совестный суд. – Оп. 2. – Д. 2, 3, 36, 40, 63, 72.

Ф. 177. Вологодская палата уголовного суда. – Оп. 1. – Д. 1, 4, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 121, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. – Д. 1, 2, 6, 19, 20, 21, 22, 23, 25–27, 132, 133, 308, 309, 329, 380, 426, 566, 733; Оп. 5. – Д. 54.

Ф. 178. Вологодская палата гражданского суда. – Оп. 3. – Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 17, 18, 20, 23, 27, 30, 36, 39, 79, 128, 146, 240, 241, 242, 244, 246, 247, 284, 285, 292, 296, 314, 326.

Ф. 235. Вологодский уездный суд. – Оп. 2. – Д. 389, 505.

Ф. 239. Кадниковский уездный суд. – Оп. 1. – Д. 332, 560, 932.

Ф. 242. Тотемский уездный суд. – Оп. 1. – Д. 1635.

Ф. 388. Вологодская казённая палата. – Оп. 1. – Д. 7333; Оп. 2. – Д. 1839; Оп. 6. – Д. 29, 64, 143, 260, 3801; Оп. 8. – Д. 103, 121, 124, 190, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 476, 483, 928, 933, 949, 953, 955, 965, 989, 991; Оп. 9. – Д. 57, 212.

Ф. 469. Грязовецкое городническое правление. – Оп. 2. – Д. 210.

Ф. 476. Вологодская городская дума. – Оп. 1. – Д. 31, 39, 47, 61, 66, 73, 89, 95, 97, 99, 104, 400, 413; Оп. 2. – Д. 105.

Ф. 496. Вологодская духовная консистория. – Оп. 19. – Д. 271.

Ф. 688. Тотемский земский суд. – Оп. 1. – Д. 148, 197, 275.

Ф. 806. Вологодский губернский прокурор. – Оп. 1. – Д. 7, 14, 18, 27, 28; Оп. 2. – Д. 3, 4; Оп. 3. – Д. 5, 6, 12, 26, 28.

Ф. 833. Вологодский губернский магистрат. – Оп. 1. – Д. 454, 684, 704, 706.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Нормативные правовые акты

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.]. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. – Т. 5. – № 3 006; Т. 6. – № 3 524, 3 890; Т. 8. – № 5 333; Т. 14. – № 10 473; Т. 16. – № 11988, 11 989, 12 137, 12 175; Т. 17. – № 12 465; Т. 18. – № 13 128; Т. 19. – № 13613, 14 137; Т. 20. – № 14 392, 14 413, 14 438, 14 518, 14 671, 14 733, 14 803, 14 804, 14 969, 14 973, 15 045, 15 121, 15 140; Т. 21. – № 15 178, 15 182, 15 193, 15 204, 15 300, 15 301, 15 317, 15 321, 15 357, 15 378, 15 439, 15 463, 15 464, 15 527, 15 652, 15 822, 15 864, 15 873; Т. 22. – № 15 939, 15 970, 15 978, 16 183, 16 272, 16 431, 16 477, 16 641, 16 667, 16 689, 16 731; Т. 23. – № 16 774, 16 776, 16 827, 16 930, 17 064, 17 094, 17 312, 17 502, 17 516; Т. 24. – № 17 584, 17 594, 17 634, 17 675, 17 681, 17 684, 17 702, 17 761, 17 791, 17 920, 17 937, 17 956, 18 012, 18 052, 18 057, 18 062, 18 204, 18 243, 18 290, 18 297; Т. 25. – № 18 330, 18 368, 18 370, 18 400, 18 421, 18 438, 18 439, 18 441, 18 451, 18 463, 18 469, 18 471, 18 535, 18 556, 18 574, 18 585, 18 667, 18 681, 18 705, 18 736, 18 737, 18 856, 18 932, 18 966, 18 973, 19 028, 19 047, 19 118, 19 126, 19 158, 19 212, 19 219; Т. 26. – № 19 241, 19 266, 19 281, 19 301, 19 321, 19 324, 19 411, 19 423, 19 434, 19 476, 19 585, 19 587, 19 671, 19 716, 19 796, 19 814, 19 935, 20 004, 20 005, 20 030, 20 071; Т. 27. – № 20 139, 20 143, 20 170, 20 251, 20 258, 20 314, 20 326, 20 372, 20 400, 20 597, 20 665, 20 719, 20 744, 20 745, 20 757, 20 760, 20 791, 20 830, 20 849, 20 851, 20 908, 20 918, 21 007, 21 013, 21 051, 21 053; Т. 28. – № 21 189, 21 215, 21 280, 21 287, 21 292, 21 346, 21 372, 21 432, 21 459, 21 522, 21 523, 21 620, 21 648, 21 717, 21 720, 21 726, 21 777, 21 783, 21 784, 21 861, 21 922, 21 923, 21 934, 21 938, 21 951, 21 957; Т. 29. – № 22 110, 22 114, 22 192, 22 258, 22 362, 22 406, 22 407, 22 426, 22 543, 22 567, 22 579; Т. 30. – № 22 821, 22 846, 22 935, 23 020, 23 042, 23 094, 23 122, 23 227, 23 291, 23 517, 23 617, 23 640, 23 716, 23 737, 23 743, 23 771, 23 855, 23 995, 24 017, 24 023; Т. 31. – № 24 096, 24 150, 24 165, 24 181, 24 543, 24 555, 24 622, 24 629, 24 663, 24 686, 24 919; Т. 32. – № 25 028, 25 035, 25 077, 25 195, 25 209, 25 229, 25 233, 25 318, 25 326, 25 373, 25 389, 25 393, 25 397, 25 452, 25 468, 25 506, 25 596, 25 671, 25 738; Т. 33. – № 25 798, 25 867, 25 873, 25 995, 26 038, 26 057, 26 097, 26 196, 26 255, 26 293, 26 407, 26 412, 26 431, 26 493, 26 532, 26 581, 26 672, 26 854; Т. 34. – № 26 604, 26 634, 26 672, 26 764, 26 952, 27 037, 27 132, 27 180, 27 201; Т. 35. – № 27 247, 27 357, 27 368, 27 488, 27 546, 27 563, 27 573, 27 595; Т. 36. – № 27 646, 27 654, 27 660, 27 668, 27 722, 27 869, 27 887, 27 930, 27 999, 28 020, 28 046; Т. 37. – № 28 165, 28 202, 28 293, 28 297, 28 314, 28 334, 28 431, 28 487, 28 500, 28 649,

28 662, 28 715, 28 724, 28 736, 28 768, 28 811, 28 825, 28 851; Т. 38. – № 28 952, 28 987, 29 063, 29 120, 29 124, 29 125, 29 128, 29 267, 29 330, 29 375, 29 390, 29 402, 29 419, 29 446, 29 515, 29 523, 29 548, 29 599, 29 642, 29 694; Т. 39. – № 29743, 29 756, 29 783, 29 842, 29 929, 29 936, 30 003, 30 005, 30 006, 30 020, 30 028, 30 083, 30 116, 30 142, 30 178; Т. 40. – № 30 238, 30 273, 30 291, 30 312, 30 376, 30 407, 30 422, 30 449, 30 463, 30 476, 30 481, 30 573, 20 421а, 20 924а, 24 425а, 27 104а; Т. 44. – Ч. 2. – № 21 051, 24 983, 27 218, 27 668, 27 887, 27 986, 29 694, 30 116, 30 291.

2. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.]. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830–1885. – Т. 1. – № 2, 66, 67, 87, 117, 121, 136, 150, 170, 174, 186, 199, 216, 243, 281, 344, 354, 355, 373, 415, 423, 433, 485, 503, 515, 527, 540, 567, 588, 589, 614, 627, 636, 642, 688, 695, 746; Т. 2. – № 824, 825, 849, 853, 865, 878, 894, 964, 969, 997, 1 070, 1 096, 1 119, 1 139, 1 159, 1 206, 1 295, 1 301, 1 318, 1 334, 1 349, 1 424, 1 468, 1 469, 1 472, 1 479, 1 484, 1 496, 1 590, 1 598, 1 656, 1 675; Т. 3. – № 1 724, 1 729, 1 759, 1 787, 1 814, 1 853, 1 854, 1 864, 1 866, 1 889, 1 904, 1 954, 2 007, 2 021, 2 126, 2 129, 2 262, 2 287, 2 309, 2 313, 2 411, 2 412, 2 429, 2 502, 2 562; Т. 4. – № 2 679, 2 716, 2 722, 2 841, 2 857, 2 900, 2 928, 2 939, 2 959, 2 972, 3 009, 3 015, 3 035, 3 117, 3 190, 3 208, 3 255, 3 312, 3 388; Т. 5. – Отд. 1. – № 3 410, 3 565, 3 650, 3 721, 3 756а, 3 808а, 3 857; Отд. 2. – № 3 900, 3 941, 3 982, 4 002, 4 036, 4 162, 4 206а; Т. 6. – Отд. 1. – № 4 235, 4 244, 4 251, 4 289, 4 311, 4 313, 4 323, 4 350, 4 375, 4 391, 4 406, 4 470, 4 501, 4 541, 4 567, 4 585, 4 664, 4 677, 4 689, 4 698, 4 711; Отд. 2. – № 4 792, 4 805, 4 833, 4 865, 4 866, 4 894, 4 941, 4 945, 4 989, 5 009, 5 016, 5 033; Т. 7. – № 5 060, 5 107, 5 108, 5 109, 5 117, 5 127, 5 138, 5 150, 5 161, 5 221, 5 223, 5 224, 5 231, 5 284, 5 411, 5 436, 5 439, 5 459, 5 462, 5 464, 5 478, 5 505, 5 524, 5 624, 5 632, 5 637, 5 644, 5 690, 5 712, 5 764, 5 768, 5 773, 5 821, 5 842, 5 866, 5 869, 5 875; Т. 8. – Отд. 1. – № 5 992, 6 012, 6 053, 6 076, 6 107, 6 129, 6 191, 6 258, 6 263, 6 265, 6 282, 6 298, 6 322, 6 323, 6 345, 6 354, 6 397, 6 424, 6 455, 6 474, 6 476, 6 518, 6 574, 6 584, 6 592, 6 628, 6 633, 6 656; Т. 9. – Отд. 1. – № 6 756, 6 813, 6 860, 6 920, 6 940, 6 978, 7 006, 7 031, 7 161, 7 224, 7 232, 7 240, 7 253, 7 374, 7 378, 7 379; Отд. 2. – № 7 422, 7 444, 7 480, 7 524, 7 535, 7 541, 7 551, 7 558, 7 580, 7 605, 7 684; Т. 10. – Отд. 1. – № 7 884, 7 910, 7 935, 7 966, 7 975, 8 093, 8 142, 8 319; Отд. 2. – № 8 384, 8 409, 8 466, 8 479, 8 483, 8 539, 8 653, 6 927а; Т. 11. – Отд. 1. – № 8 813, 8 903, 8 911, 9 113, 9 123, 9 189, 9 240, 9 378, 9 474; Отд. 2. – № 9 748, 9 776; Т. 12. – Отд. 1. – № 9 894, 9 955, 9 975, 10 253, 10 289, 10 303, 10 304, 10 305, 10 315, 10 508, 10 581; Отд. 2. – № 10 745, 10 782, 10 792, 10 838; Т. 13. – Отд. 1. – 10 872, 11 001, 11 094, 11 109, 11 189, 11 205, 11 207, 11 255, 11 263; Отд. 2. –№ 11 483, 11 530, 11 539; Т. 14. –

Отд. 1. – № 12 166, 12 180, 12 230, 12 255, 12 281, 12 299, 12 370, 12 429, 12 466, 12 537, 12 658, 12 759, 12 830, 12 909, 13 035; Т. 15. – Отд. 1. – № 13 080, 13 116, 13 165, 13 368, 13 558, 13 777, 13 848, 13 929, 14 055; Отд. 2. – № 14 105, 14 106; Отд. 3. – № 14 107, 14 108, 14 134; Т. 16. – Отд. 1. – № 14 157, 14 460, 14 492, 14 614, 14 643; Отд. 2. – № 15 096, 15 165; Т. 17. – Отд. 1. – № 15 389, 15 540, 15 636, 15 731; Отд. 2. – № 16 110, 16 152, 16 161, 16 229, 16 337, 16 346; Т. 18. – Отд. 1. – № 16 405, 16 445, 16 897, 16 938, 16 942, 17 001, 17 073, 17 166, 17 293, 17 332; Т. 19. – Отд. 1. – № 17 657, 17 767, 18 233, 18 474; Т. 20. – Отд. 1. – № 18 580, 18 608, 18 759, 18 808, 18 918, 19 054, 19 086; Отд. 2. – № 19 319, 19 369, 19 384, 19 448, 19 468, 19 506, 19 509, 19 514, 19 515, 14 573а; Т. 21. – Отд. 1. – № 19 634, 19 762, 19 773, 19 862, 19 902, 20 062, 20 146; Отд. 2. – № 20 192, 20 193, 20 249, 20 667, 20 668, 20 702, 20 728; Т. 22. – Отд. 1. – № 21 155; Т. 23. – Отд. 1. – № 21 891, 21 997, 22 025, 22 072, 22 159, 22 667; Отд. 2. – № 22 835, 22 836; Т. 24. – Отд. 1. – № 22 937, 23 029, 23 159, 23 357, 23 401, 23 405, 23 424; Отд. 2. – № 23 457, 23 683; Т. 25. – Отд. 1. – № 23 894, 24 043, 24 074, 24 098, 24 218, 24 452; Отд. 2. – № 24 548, 24 639, 24 685, 24 767; Т. 26. – Отд. 1. – № 24 783, 24 788, 24 831, 25 044, 25 103, 25 228, 25 394, 25 395, 25 398, 25 442; Отд. 2. – № 25 693, 25 820, 25 851; Т. 27. – Отд. 1. – № 25 944, 25 960, 26 171, 26 209, 26 269, 26 326, 26 328, 26 360, 26 396, 26 480, 26 579, 26 631, 26 693, 26 718, 26 776, 26 854; Т. 28. – Отд. 1. – № 26 918, 27 049, 27 123, 27 172, 27 185, 27 390, 27 421, 27 630, 27 635, 27 820; Т. 29. – Отд. 1. – № 27 829, 27 912, 27 961, 28 027, 28 038, 28 066, 28 092, 28 136, 28 230, 28 254, 28 255, 28 643; Т. 30. – Отд. 1. – № 29 165, 29 246, 29 330, 29 379, 29 776, 29 922.

3. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2: Учреждения губернские. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1833. – 1037, VI с.

4. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1842. – 512, 146, 320 с.

5. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 5]: Уставы казённого управления. Ч. 1: Уставы о податях, пошлинах, сбор и акциз и питейном, и акцизе с табаку. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1842. – 564, 43, IV с.

6. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1842. – 383, 12, 40, IV с.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1845. – IV, 898, XVII с.

2. Опубликованные документы

1. «Весьма нужно для блага общего…» «Мнения» архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернаторов А.Ф. Клокачёва и С.И. Миницкого о пределах полномочий генерал-губернаторов: 1821–1825 гг. / публ. подгот. В.В. Ефимова // Исторический архив. – 2013. – № 4. – С. 172–180.

2. «Генерал-губернаторы не только полезны, но и необходимо нужны»: записка генерала от инфантерии А.Н. Бахметева. 1826 г. / публ. подгот.: Р.Н. Кипятков, Д.А. Николаев // Исторический архив. – 2008. – № 2. – С. 190–193.

3. Замечания относительно должности генерал-губернатора (мнение генерал-губернатора Клокачёва, поданное императору 30 июля 1821 г.) // Сборник исторических материалов, извлечённых из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. VII / под ред. Н. Дубровина. – СПб.: Гос. тип., 1895. – С. 197–207.

4. Сперанский М.М. Замечания о губернских учреждениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым: Кн. 1–6. Кн. 4 (с приложением). – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1859. – С. 92–104.

3. Документы личного происхождения

1. Александров Л. Внешняя жизнь в Вологде (Из воспоминаний о 70–80 годах в Вологде) // Светоч и дневник писателя. – 1910. – № 3. – С. 104–109.

2. Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. Кн. 1. – М.: Захаров, 2003. – 608 с.

3. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева // Русский архив. – 1891. – Кн. 1. – № 2. – С. 289–329; Кн. 3. – № 11. – С. 424–447.

4. Воспоминания Валерьяна Ивановича Сафоновича // Русский архив. – 1903. – Кн. 2. – № 5. – С. 96–117.

5. Воспоминания Н.П. Брусилова / предисл. В.Ф. Боцяновского // Исторический вестник. – 1893. – Т. 52. – № 4. – С. 37–71.

6. Воспоминания о моей жизни. Из записок Николая Степановича Ильинского / публ. А. Круглого // Русский архив. – 1879. – Кн. 3. – № 12. – С. 377–434.

7. Глориантов В.И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. – 1905. – Кн. 1. – № 4. – С. 662–674.

8. Губернатор доброго старого времени. Воспоминания старожила // Русская старина. – 1907. – Т. 131. – № 7. – С. 188–196.

9. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М.: Новое лит. обозрение, 1998. – 749 с.

10. Дневник и записки А.И. Дружинина / публ. подгот. В.Р. Дружинин // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3 / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Легия, 2000. – С. 599–666.

11. Дневник Кирилла Антоновича Берёзкина / под ред. Г.Л. Шалагиной. – СПб.: [Б. и.], 2014. – 276 с.

12. Ежов Ф. Заметки и воспоминания заезжаго о зырянах // Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1857. – № 21. – С. 126–128; № 22. – С. 134–137; № 23. – С. 142–144.

13. Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. – XXIV, 364 с.

14. Из воспоминаний Г.И. Мешкова // Русская старина. – 1903. – Т. 114. – № 6. – С. 555–572.

15. Казанская старина (Из воспоминаний Ив. Ив. Михайлова) / сообщ. С.Н. Кулябко // Русская старина. – 1899. – Т. 100. – № 10. – С. 99–113.

16. Казначеев А.Г. Между строками одного формулярного списка. 1823–1881 гг. // Русская старина. – 1881. – Т. 32. – № 12. – С. 817–880.

17. Листовский И. Рассказы из недавней старины // Русский архив. – 1879. – Кн. 3. – № 10. – С. 249–264.

18. Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина [Репринтное воспроизведение, Лондон, 1860] / отв. ред. Е.Л. Рудницкая; предисл. Ф.А. Искандера. – М.: Наука, 1990. – VIII, 211 с.

19. Лучинский Ф.Я. Провинциальные нравы за последние полвека (Воспоминания Феликса Яковлевича Лучинского) // Русская старина. – 1897. – Т. 91. – № 9. – С. 633–658.

20. Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // Русский вестник. – 1876. – Т. 124. – № 7. – С. 74–161.

21. Письмо графа В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому [3 апреля 1820 г.] // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А.Ф. Бычкова]. – СПб.: Имп. Публ. б-ка, 1872. – С. 291–296.

22. Резанов А.Ф. Арабески моей жизни // Памятники культуры: новые открытия. Ежегодник / отв. ред. Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 1972. – С. 86–130.

23. Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. – 1886. – Т. 52. – № 12. – С. 511–544.

24. Студенкин И.Г. Император Николай Павлович в присутственных местах С.-Петербурга // Русская старина. – 1890. – Т. 66. – № 4. – С. 167–170.

25. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – № 6. – С. 735–784.

26. Шомпулев В.А. Провинциальные типы сороковых годов (записки старого помещика) // Русская старина. – 1898. – Т. 95. – № 8. – С. 321–335.

4. Материалы периодической печати

1. Бунаков, Н. Движение народонаселения Вологодской губернии / Н. Бунаков // Журнал Министерства внутренних дел. – 1859. – Ч. 34. – № 1. – Отд. III. – С. 1–28.

2. Бурцев, Е. Спас на Кокшенге / Е. Бурцев // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 23. – С. 533–535.

3. Взгляд на Вологодскую губернию / Р… // Иллюстрация. – 1847. – № 27. – Т. 5. – С. 39–41.

4. Высочайший именной указ, данный Правительствующему Сенату от 3 декабря 1851 г. // Вологодские губернские ведомости: отдел второй. Часть официальная. – 1851. – № 50. – С. 422.

5. Данилевский, Н. Ещё отрывок из статистического описания Вологодской губернии / Н. Данилевский // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1851. – № 2. – С. 13–18.

6. Данилевский, Н. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии / Н. Данилевский // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1851. – № 1. – С. 2–7.

7. Дубравин, Н. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии / Н. Дубравин // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1845. – № 1. – С. 1–5.

8. Материалы для истории вологодской семинарии // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1870. – № 19. – С. 670–675; № 20. – С. 712–716; № 21. – С. 736–743; № 22. – С. 763–769; № 23. – С. 805–811; № 24. – С. 832–839.

9. Народонаселение Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1848. – № 9. – С. 95–96.

10. О назначении вологодского гражданского губернатора тайного советника Волховского самарским гражданским губернатором // Вологодские губернские ведомости: отдел первый. Часть официальная. – 1851. – № 1. – С. 1.

11. О половниках в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1848. – № 6. – С. 61–66; № 7. – С. 72–75.

12. О приехавших и выехавших с 18-го по 25-е ноября 1850 г. // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1850. – № 47. – С. 543.

13. О приехавших и выехавших с 26-го января по 2-е февраля 1852 г. // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1852. – № 5. – С. 48.

14. Обозрение состояния городов Вологодской губернии в 1835 году / И. Линх // Журнал Министерства внутренних дел. – 1836. – № 12. – С. 387–407.

15. Обозрение состояния городов Вологодской губернии в 1838 году // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1839. – № 35. – С. 281–283; № 36. – С. 289–290; № 46. – С. 365–368; № 47. – С. 373–375; № 48. – С. 381–384.

16. Открытие в Вологде палаты государственных имуществ // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1839. – № 19. – С. 152.

17. Попов, К. Несколько слов о движении народонаселения Вологодской губернии в 1850 году / К. Попов // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 42. – С. 361–364; № 45. – С. 391–394.

18. Савваитов, П.И. Некоторые сведения об Устьсысольском уезде Вологодской губернии / П.И. Савваитов // Москвитянин. – 1842. – Ч. 4. – № 8. – С. 428–433.

19. Сравнительная ведомость ценам на разные произведения и товары // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1838. – № 5. – С. 33–35.

20. Статистические сведения о Вологодской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – 1841. – Ч. 42. – № 11 – С. 19–23.

21. Фриз, Я. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии / Я. Фриз // Приложение технологическаго журнала, состоящее из Ученых Известий, имеющих предметом приложение учиненных в науках открытий к практическому употреблению. – 1806. – Т. III, ч. 1. – С. 3–34.

5. Справочные издания

1. Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето ... от Рождества Христова. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1802–1804.

2. Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето … от Рождества Христова, Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1805–1829.

3. Адрес-календарь. Месяцеслов и Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1830–1842.

4. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1843–1849.

5. Адрес-календарь: Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1850.

6. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1851–1855.

7. Дубравин, Н. Статистический очерк Вологодской губернии / Н. Дубравин // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. – Вологда: Губ. тип., 1853. – С.79–119.

8. Крылов, А.Л. Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданнейших отчетов губернаторов, при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел / А.Л. Крылов. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1850. – 48 с.

9. Предварительные сведения о числе жителей в России, по губерниям и уездам, в 1851 году. На основании данных 9 народной переписи и других показаний / сост. П. Кеппен. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1854. – 17 с

10. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи / сост. в Стат. отд. Совета М-ва вн. дел. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1840. – 68 с.

11. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел, центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / под ред. А. Бушена; предисл. А. Тройницкого. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. – 330 с.

12. Статистический очерк Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. – Вологда: Тип. губ. правления, 1854. – С. 87–130.

13. Статистический очерк Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. – Вологда: Тип. губ. правления, 1861. – С. 33–79.

14. Сведение о долгах, состоящих на помещичьих населённых имениях, по всем государственным кредитным установлениям (сохранным казнам опекунских советов, государственному заёмному банку и приказам общественного призрения)

по Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. – Вологда: Тип. губ. правления, 1860. – С. 4.

6. Сборники документов

1. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 74: Журналы Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. – СПб.: Гос. тип., 1891. – XX, 502, IV с.

2. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 90: Бумаги Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. – СПб.: Гос. тип., 1894. – X, 621, 6 с.

3. ЛИТЕРАТУРА

1. А.Л. Материалы для истории Вологодской дирекции училищ / А.Л. // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. – Вологда: Тип. губ. правления, 1860. – С. 65–104.

2. Административно-территориальное устройство России: История и современность / под общ. ред. А.В. Пыжикова. – М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – 317 с.

3. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Науч.-аналит. обзор / сост. А.Н. Медушевский. – М.: ИНИОН, 1990. – 46 с.

4. Александров, М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / М.С. Александров. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1910. – 176 с.

5. Амплеева, Т.Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.). Кн. 2: Императорская Россия / Т.Ю. Амплеева. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2009. – 196 с.

6. Андреевский, И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах: рассуждение магистра гос. права И. Андреевского, представленное юрид. факультет С. Петерб. университета для получения степени доктора гос. права / И.Е. Андреевский. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1864. – 156 с.

7. Анисимов, Е.В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. / Е.В. Анисимов. – М.: Новое лит. обозрение, 1999 – 719 с.

8. Анучин, Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Е.Н. Анучин. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1872. – VI, IV, 238 с.

9. Архипова, Т.Г. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учеб. пособие / Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин. – М.: РГГУ, 2000. – 231 с.

10. Архипова, Т.Г. Секретный комитет 6 декабря 1826 года / Т.Г. Архипова // Труды МГИАИ. – 1965. – Т. 20. – С. 212–240.

11. Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: Диалектика системного подхода / В.В. Астанин. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 96 с.

12. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: учебник / Г.В. Атаманчук. – М.: Омега-Л, 2010. – 525 с.

13. Ахун, М. Источники для изучения истории государственных учреждений царской России (XIX–XX вв.) / М. Ахун // Архивное дело. – 1939. – № 1. – С. 77–91.

14. Балакшин, Р.А. На службе российской: Правители Вологодского края со времён Екатерины Великой до нынешних дней. Кн. I / Р.А. Балакшин; науч. ред.: С.А. Тихомиров, Р.П. Биланчук. – Вологда: ФЕСТ, 2009. – 256 с.

15. Белявский, М.Т. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г. / М.Т. Белявский // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – 1960. – № 4. – С. 125–143.

16. Берендтс, Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (записка, составленная в декабре 1903 года) / Э.Н. Берендтс. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – VIII, 280 с.

17. Берлин, П. Русское взяточничество как социально-историческое явление / П. Берлин // Современный мир. – 1910. – № 8. – С. 45–56.

18. Бикташева, А.Н. Губернаторский отчёт как персональный текст (первая половина XIX в.) / А.Н. Бикташева // Власть. – 2011. – № 3. – С. 167–169.

19. Бикташева, А.Н. Казанские губернаторы в диалогах властей (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева. – Казань: Экспресс-формат, 2008. – 228 с.

20. Бикташева, А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти / А.Н. Бикташева. – 2-е изд., доп. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 320 с.

21. Бикташева, А.Н. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. – Казань: Рутен, 2006. – 227 с.

22. Блинов, И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк / И.А. Блинов. – СПб.: Тино-лит. К.Л. Пентковского, 1905. – 366 с.

23. Большакова, О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография / О.В. Большакова. – М.: Наука, 2008. – 262 с.

24. Большакова, О.В. Социальная история бюрократии императорской России в англо-американской историографии / О.В. Большакова // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX вв.: Общее и особенное: материалы XII Всерос. науч.-теорет. конф, Москва, 29–30 мая 2008 г. / [отв. ред.: В.М. Козьменко, В.В. Керов]. – М.: РУДН, 2008. – С. 81–87.

25. Бонфельд, М.Ш. Странники поневоле / М.Ш. Бонфельд // Вологда: краевед. альманах. Вып. 4 / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Легия, 2003. – С. 63–80.

26. Бочкарёв, В. Дореформенный суд / В. Бочкарёв // Судебная реформа: [в 2 т. Т. 1] / под ред.: Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М.: Объединение, 1915. – С. 205–241.

27. Бочкарёв, В. Сенаторские ревизии в России при Павле I / В. Бочкарёв // Известия Тверского педагогического института. – 1926. – Вып. I. – С. 64–81; Вып. II. – С. 31–49.

28. Брусилов, Н.П. Опыт описания Вологодской губернии / Н.П. Брусилов. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1833. – 64 с.

29. Буганов, В.И. Административные реформы в России и проблемы их изучения в современной западной историографии / В.И. Буганов, А.Н. Медушевский // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 203–210.

30. Вакилев, Т.Р. Отчёты губернаторов в системе местного управления России во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) / Т.Р. Вакилев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (32). Ч. II. – С. 47–50.

31. Вакилев, Т.Р. Роль и место правителя канцелярии губернатора в системе местного управления второй четверти XIX в. / Т.Р. Вакилев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 15. – С. 85–88.

32. Варадинов, Н.В. История Министерства внутренних дел: [в 3 частях]. Ч. I–III / Н. Варадинов. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1858–1862.

33. Викторова, Е.С. Памятные книжки как справочно-библиографический источник / Е.С. Викторова // Труды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. – 1957. – Т. III (6). – С. 144–159.

34. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1850. – 382 с.

35. Волков, С.В. Русский офицерский корпус / С.В. Волков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 414 с.

36. Вялова, Л.М. Тенденции сокращения документооборота в XIX в. / Л.М. Вялова // Делопроизводство. – 2000. – № 2. – С. 80–85.

37. Гессен, В.М. Вопросы местного управления / В.М. Гессен. – СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1904. – 235 с.

38. Гессен, И.В. Судебная реформа / И.В. Гессен. – СПб.: Типо-лит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. – 267 с.

39. Головин, К.Ф. Наше местное управление и местное представительство / К.Ф. Головин. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. – VIII, 158 с.

40. Голосенко, И.А. Начальство. Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. / И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 1. – С. 54–85.

41. Голосенко, И.А. Феномен «русской взятки»: очерки истории отечественной социологии чиновничества / И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. – № 3. – С. 101–116.

42. Голубинский, А.А. Городское землепользование на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX в. / А.А. Голубинский, Д.А. Хитров, Д.А. Черненко // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: Источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. – Рязань: Ряз. гос. ун-т, 2012. – С. 168–176.

43. Государственная служба (комплексный подход): учеб. пособие / отв. ред. А.В. Оболонский. – М.: Дело, 1999. – 440 с.

44. Государственность России: словарь-справочник: в 6 кн. / сост. О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая, В.А. Владыкина и др. – М.: Наука, 1996–2009.

45. Государственный строй России периода феодализма (XV–XIX вв.): (Зарубежная историография): науч.-аналит. обзор / сост. А.Н. Медушевский. – М.: ИНИОН, 1989. – 61 с.

46. Готье, Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: [в 2 т.]. Т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. / Ю. Готье. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. – 472 с.

47. Готье, Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: [в 2 т.]. Т. 2: Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. / Ю. Готье. – М.–Л.: АН СССР, 1941. – 303 с.

48. Градовский, А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А.Д. Градовского: [в 9 т.]. Т. 1 / А.Д. Градовский; сост.: А.А. Шахматов, Ф.А. Вальтер. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – С. 299–338.

49. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права: [в 3 т.]. Т. I–III / А.Д. Градовский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1881–1892.

50. Григорьев, В.А. Административное деление по учреждению о губерниях 1775 года / В.А. Григорьев // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. – 1908. – Ч. 18. – С. 107–128.

51. Григорьев, В.А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.) / В.А. Григорьев. – СПб.: Русская скоропечатня, 1910. – VIII, 387 с.

52. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / под общ. ред. Б.В. Грызлова; гл. ред. Н.Ф. Самохвалов; ред.-сост. Ю.Н. Моруков. – М.: Объед. ред. МВД России, 2003. – 479 с.

53. Дейч, Г.М. Губернские ведомости как исторический источник / Г.М. Дейч // Вспомогательные исторические дисциплины: [сб. статей]. Т. IX / отв. ред. Н.Е. Носов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 236–253.

54. Демидова, Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. / Н.Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. статей / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 206–242.

55. Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма / Н.Ф. Демидова; отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1987. – 225 с.

56. Довнар-Запольский, М.В. Администрация и суд при Николае I / М.В. Довнар-Запольский. – Баку: [Б. и.], 1925. – 67 с.

57. Достойнов, Я. Из жизни зырянскаго населения Яренского уезда / Я. Достойнов // Вологодские губернские ведомости. – 1899. – № 207. – С. 2–3; № 224. – С. 2–3.

58. Дружинин, Е.Р. Вельские поместья и вельские помещики / Е.Р. Дружинин // Вожега: краевед. альманах. Вып. 1 / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1995. – С. 221–268.

59. Дружинин, Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. Т. 1–2 / Н.М. Дружинин. – М.–Л.: АН СССР, 1946–1958.

60. Дубровин, Н.Ф. После Отечественной войны 1812 года: Из русской жизни начала XIX века / Н.Ф. Дубровин // Русская старина. – 1903. – Т. 116. – № 12. – С. 481–514.

61. Дубровин, Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н.Ф. Дубровин // Русская старина. – 1899. – Т. 97. – № 1. – С. 3–38.

62. Дюгамель, К.О. Опыт государственного права Российской империи / сост. К.Д. … – СПб.: Тип. Императ. Рос. акад., 1833. – V, 417 с.

63. Дятлова, Н.П. Отчёты губернаторов как исторический источник / Н.П. Дятлова // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы науч. конф. архивистов Ленинграда. 4–6 февр. 1964 г. / отв. ред. В.В. Бедин. – Л.: Наука, 1964. – С. 227–246.

64. Евреинов, В.А. Гражданское чинопроизводство в России. Исторический очерк / В.А. Евреинов. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. – 87 с.

65. Елистратов, А.И. Основные начала административного права / А.И. Елистратов. – М.: Г.А. Леман, 1914. – 332 с.

66. Елпатьевский, А.В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII – начала XX веков / А.В. Елпатьевский // Вопросы разработки унифицированной системы организационно-распорядительной документации; актуальные проблемы архивоведения и документоведения; естественнонаучные и технические вопросы архивного дела: сб. статей. Труды ВНИИДАД. Т. 5, ч. 1: Документоведение / Главархив СССР, ВНИИДАД. – М.: ВНИИДАД, 1974. – С. 146–205.

67. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [Научно-педагогические труды] / Н.П. Ерошкин; под ред.: А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. – 5-е изд., доп. – М.: РГГУ, 2008. – 710 с.

68. Ерошкин, Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н.П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 252 с.

69. Ерошкин, Н.П. Местные государственные учреждения дореволюционной России (1800–1860 гг.): учеб. пособие / Н.П. Ерошкин. – М.: МГИАИ, 1985. – 98 с.

70. Ефимова, В.В. «Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. / В.В. Ефимова // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 30–38.

71. Ефимова, В.В. Генерал-губернатор С.И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии / В.В. Ефимова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 104–109.

72. Ефимова, В.В. Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора / В.В. Ефимова // Вопросы истории. – 2014. – № 3. – С. 70–81.

73. Ефимова, В.В. Надзорные функции генерал-губернаторов в судопроизводстве по тяжким преступлениям в первой трети XIX века: закон и практика / В.В. Ефимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 9. – С. 21–31.

74. Ефимова, В.В. Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачева / В.В. Ефимова // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 143–156.

75. Ефимова, В.В. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I / В.В. Ефимова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 145–162.

76. Ефимова, В.В. Ревизия сенатора А.Д. Гурьева в 1830 году / В.В. Ефимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 104–114.

77. Ефимова, В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века / В.В. Ефимова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 2 (93). – С. 10–23.

78. Ефремова, Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование) / Н.Н. Ефремова. – М.: РУДН, 2007. – 265 с.

79. Ефремова, Н.Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование) / Н.Н. Ефремова. – М.: Наука, 1993. – 192 с.

80. Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.

81. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

82. Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1854–1861 / Л.Г. Захарова. – М.: МГУ, 1984. – 254 с.

83. Злобин, Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX века / Ю.П. Злобин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 7 (168). – С. 124–129.

84. Зубов, В.Е. К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России / В.Е. Зубов // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–3 (60). – С. 98–102.

85. Зубов, В.Е. Основные направления кадровой политики в системе государственного управления Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв. / В.Е. Зубов // Научные записки Сибирской академии государственной службы: [в 3 т.]. Т. 2 / СибАГС. – Новосибирск: СибАГС, 2000. – С. 38–56.

86. Зырянов, П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) / П.Н. Зырянов // Исторические записки: [сб. статей]. Т. 107 / гл. ред. А.М. Самсонов. – М.: Наука, 1982. – С. 226–302.

87. Иванов, В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки / В.А. Иванов. – Калуга: КГПИ, 1994. – 232 с.

88. Иванов, В.А. Источники о численном составе чиновников местных московский учреждений середины XIX века / В.А. Иванов // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 175–187.

89. Иванов, В.А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. / В.А. Иванов // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 30–39.

90. Иванов, В.А. О репрезентативности комплекса послужных списков служащих местных государственных учреждений (к методике анализа) / В.А. Иванов // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сб. статей / отв. ред.: В.А. Кучкин, О.Н. Бурдина. – М.: ИРИ РАН, 1993. – С. 128–144.

91. Иванов, В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества / В.А. Иванов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 1 (56). – Вып. 9. – С. 73–79.

92. Иванов, В.А. Уровень материального обеспечения местного чиновничества в России в середине XIX в. (опыт статистического анализа) / В.А. Иванов // Власть. – 2012. – № 8. – С. 122–124.

93. Иванов, В.А. Численность и состав провинциального чиновничества Центральной России середины XIX в. (по материалам Калужской губернии) / В.А. Иванов // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 3. / отв. ред. А.В. Дерягин. – Калуга: Эйдос, 2002. – С. 115–129.

94. Иванов, Ф.Н. Рекрутская повинность в России в XIX в. на примере Вологодской губернии / Ф.Н. Иванов // Вопросы истории. – 2011. – № 1. – С. 115–123.

95. Иванова, Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. – М.: Новый Хронограф, 2009. – 752 с.

96. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.В. Черкасова; науч. ред. тома: Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 456 с.

97. Исаев, А.П. Социальный портрет калужского чиновника последней четверти XVIII в. / А.П. Исаев, Д.А. Абрамов // Управленческое консультирование. – 2008. – № 2. – С. 177–211.

98. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг.: [в 5 т.]. Т. 3–5 / Э.Н. Берендтс, В.А. Гаген, С.К. Гогель, И.А. Блинов и др. – СПб.: Сенат. тип., 1911.

99. Кабузан, В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий) / В.М. Кабузан. – М.: АН СССР, 1963. – 230 с.

100. Калачов, Н.В. Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах» / Н.В. Калачов. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1867. – 152 с.

101. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 1999. – 575 с.

102. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация / А.Б. Каменский. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 328 с.

103. Камкин, А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года / А.В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 164 с.

104. Карнович, Е.П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных / Е.П. Карнович. – СПб.: Тип. Скарятина, 1873. – 504 с.

105. Карнович, Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время / Е.П. Карнович. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. – 127 с.

106. Катаев, И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе / И.М. Катаев. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1914. – 180 с.

107. Кизеветтер, А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.: Историч. очерк / А.А. Кизеветтер. – 2-е изд. – Пг.: Задруга, 1917. – 120 с.

108. Кизеветтер, А.А. Русский Север. Роль Северного края Европ. России в истории русского государства: Исторический очерк / А.А. Кизеветтер. – Вологда: Тип. Союза северных кооп. союзов, 1919. – 66 с.

109. Кирпичников, А.И. Взятка и коррупция в России / А.И. Кирпичников. – СПб.: Альфа, 1997. – 351 с.

110. Киселёв, И.Н. О чём рассказали формулярные списки / И.Н. Киселёв, С.В. Мироненко // Число и мысль. Сборник. Вып. 9 / Народ. ун-т. Естественнонауч. фак. – М.: Знание, 1986. – С. 6–31.

111. Клочков, М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М.В. Клочков. – Пг.: Сенат. тип., 1916. – IV, 631 с.

112. Когай, И.С. К вопросу о развитии городского самоуправления Вологодского края в XVIII – начале XX века / И.С. Когай // Европейский Север России: традиции и модернизационные процессы: материалы науч. конф. 2–3 марта 2006 г. Ч. 1 / под ред. М.А. Безнина. – Вологда; Молочное: ВГМХА, 2006. – С. 110–117.

113. Кодан, С.В. «Образование юношества, предназначенного к частям службы государственной»: государственно-правовая подготовка чиновников в России в 1800–1850-е гг. / С.В. Кодан // Чиновник. – 2005. – № 1. – С. 72–79.

114. Кодан, С.В. Институциональное оформление государственной гражданской службы в предреформенной России (1800–1850-е гг.) / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2006. – № 3. – С. 134–143.

115. Колюпанов, Н.П. Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II / Н.П. Колюпанов // Русская мысль. – 1883. – Кн. II. – С. 63–99.

116. Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация / А.П. Корелин. – М.: Наука, 1979. – 304 с.

117. Коржихина, Т.П. История российской государственности / Т.П. Коржихина, А.С. Сенин. – М.: Интерпракс, 1995. – 352 с.

118. Коркунов, Н.М. Время первого учреждения губерний: (Хронологическая заметка) / Н.М. Коркунов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1893. – № 2. – С. 292–294.

119. Коркунов, Н.М. Русское государственное право: Пособие к лекциям: [в 2 т.]. Т. 1: Введение и общая часть / Н.М. Коркунов; под ред. и с доп.: З.Д. Авалова, М.Б. Горенберга, К.Н. Соколова. – 6-е изд., доп. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – VI, 623 с.

120. Корф, С.А. Административная юстиция в России: [в 3 т.]. Кн. 1: Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России / С.А. Корф. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. – VIII, 528 с.

121. Корф, С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов / С.А. Корф. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. – VIII, 720 с.

122. Корф, С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России / С. Корф // Вестник права. – 1901. – № 9. – С. 130–148.

123. Корчмина, Е.С. «В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России / Е.С. Корчмина // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 3–13.

124. Котов, П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков / П.П. Котов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 1 (144). – Вып. 25. – С. 90–96.

125. Кошелев, В.А. Вологодские давности: лит.-краевед. очерки / В.А. Кошелев. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. – 223 с.

126. Красильников, М. Проект закона о лихоимстве 1827 г. / М. Красильников // Ученые записки. Первый Ленинградский юридический институт НКЮ СССР. Вып. 2 / отв. ред. И.Н. Шишин. – М.–Л.: НКЮ СССР, 1940. – С. 106–125.

127. Кузовков, Ю.В. История коррупции в России: в 2 т. Т. 1 / Ю.В. Кузовков. – М.: Анима-Пресс, 2010. – 632 с.

128. Куприянов, А.И. Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX века: от сословной корпорации к институту гражданского общества? / А.И. Куприянов // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 30–43.

129. Куприянов, А.И. Культура городского самоуправления русской провинции: 1780–1860-е годы / А.И. Куприянов. – М.: ИРИ РАН, 2009. – 326 с.

130. Лазаревский, Н.И. Лекции по русскому государственному праву: [в 2 т.]. Т. II: Административное право, ч. 1: Органы управления / Н.И. Лазаревский. – СПб.: Тип. акц. общ. «Слово», 1910. – 276 с.

131. Лаптева, Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века) / Л.Е. Лаптева. – М.: ИГП РАН, 1998. – 151 с.

132. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX столетья) / В.Н. Латкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Тип. Монтвида, 1909. – X, 644 с.

133. Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.

134. Лешков, В.Н. Разделение России на губернии по указам Петра Великого и Екатерины II / В.Н. Лешков // Русский вестник. – 1859. – Т. 24. – С. 180–190, 349–358.

135. Литвак, Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчётов XIX в. / Б.Г. Литвак // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1976 / гл. ред. Н.И. Павленко. – М.: Наука, 1977. – С. 125–144.

136. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. / Б.Г. Литвак. – М.: Наука, 1979. – 294 с.

137. Лохвицкий, А.В. Губерния, её земские и административные учреждения / А.В. Лохвицкий. – СПб.: Тип. И. Бочкарёва, 1864. – XXVIII, 225, 4 с.

138. Лысенко, Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века) / Л.М. Лысенко. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: МПГУ, 2001. – 358 с.

139. Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага; пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 976 с.

140. Марасанова, В.М. Местное управление в Российской империи: (на материалах Верхнего Поволжья) / В.М. Марасанова. – М.: Карпов, 2004. – 215 с.

141. Марней, Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. / Л.П. Марней. – М.: Индрик, 2009. – 270 с.

142. Матханова, Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н.П. Матханова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 250 с.

143. Матханова, Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков / Н.П. Матханова. – 3-е изд., доп. – Новосибирск: СО РАН, 1998. – 428 с.

144. Мацузато, К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу / К. Мацузато // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей / под ред.: И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Кашгуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 427–458.

145. Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование / А.Н. Медушевский. – М.: Текст, 1994. – 320 с.

146. Мигунова, Т.Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия». Административно-судебная реформа Екатерины II / Т.Л. Мигунова. – М.: Nota Bene, 2008. – 560 с.

147. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч.1: Население, экономический, государственный и сословный строй / П.Н. Милюков. – 6-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1909. – X, 316 с.

148. Минаков, А.С. Всеподданнейшие отчёты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблемы архивной эвристики / А.С. Минаков // Отечественные архивы. – 2009. – № 1. – С. 28–35.

149. Министерство внутренних дел: исторический очерк, 1802–1902 / сост. С.А. Адрианов. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1901. – 225 с.

150. Министерство финансов. 1802–1902: [в 2 частях]. Ч. 1 / под общ. ред. Н.К. Бржеского. – СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. – X, 640 с.

151. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк / сост.: П.Н. Гуссаковский, П.Н. Милютин и др. – СПб.: Сенат. тип., 1902. – 340, 20 с.

152. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко; отв. ред. С.С. Дмитриев. – М.: Наука, 1989. – 238 с.

153. Миронов, Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века / Б.Н. Миронов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 24–42.

154. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.

155. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2 / Б.Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 568 с.

156. Много ли чиновников было в России? / Л.Ф. Писарькова // Отечественные записки. – 2004. – № 2 (17). – С. 371–375.

157. Морякова, О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) / О.В. Морякова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. – 1994. – № 6. – С. 28–38.

158. Морякова, О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы / О.В. Морякова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. – 1993. – № 6. – С. 11–23.

159. Морякова, О.В. Система местного управления России при Николае I / О.В. Морякова. – М.: МГУ, 1998. – 272 с.

160. Муравьёв, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Пособие для прокурорской службы. Т. 1: Прокуратура на Западе и в России / Н.В. Муравьёв. – М.: Унив. тип., 1889. – VIII, 552, II с.

161. Мясникова, Л.Н. От первого городского головы до современного главы города Вологды (1785–1999 годы) / Л.Н. Мясникова, О.В. Якунина // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3 / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Легия, 2000. – С. 160–188.

162. Мясникова, Л.Н. Система местных органов власти и самоуправления Вологодской губернии / Л.Н. Мясникова // Историческое краеведение и архивы: Сб. статей. Вып. 9 / ВО РОИА; [редкол.: А.В. Камкин (ред.) и др.]. – Вологда: [Б. и.], 2003. – С. 142–176.

163. Нелидов, Н.К. Юридические и политические основания государственной службы / Н.К. Нелидов. – Ярославль: Тип. губ. земск. управы, 1874. – IV, 282, II с.

164. Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Саввантовым, исправленное и дополненное в 1885 г. Н. Суворовым, в 1912 г. И. Суворовым / П. Савваитов, Н. Суворов, И. Суворов. – [3-е изд., испр. и доп.]. – Вологда: Тип. П.А. Цветова, 1912. – 90 с.

165. Оржеховский, И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.) / И.В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982. – 207 с.

166. Остроумов, С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С.С. Остроумов. – М.: Профиздат, 1961. – 303 с.

167. Отто, Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. / Н.К. Отто. – [СПб., 1866]. – 198 с.

168. Павлова, Д.С. К вопросу о злоупотреблениях чиновников местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половины XIX века (на материалах верхневолжских губерний) / Д.С. Павлова // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. – 2009. – № 3. – С. 208–214.

169. Паина, Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) / Э.С. Паина // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в.: сб. статей / отв. ред. И. Н. Фирсов. – Л.: ЛГУ, 1967. – С. 147–175.

170. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс; пер. с англ. В. Козловского. – М.: Захаров, 2012. – 478 с.

171. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: указатель содержания. Т. 1: Европейский Север (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии) / [науч. ред.: Н.М. Балацкая, В.В. Антонов; сост.: П.Л. Вахтина и др.]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 820 с.

172. Парусов, А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия / А.И. Парусов // Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1 / под ред. В.В. Пугачева. – Горький: Огиз. Горьк. изд-во, 1964. – С. 155–226.

173. Петровский, И.В. Чиновничество городских присутственных мест Вологды в середине XIX в. (по формулярным спискам) / И.В. Петровский // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей и сообщений. Вып. 3 / СПбГУ. Ист. фак. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 398–414.

174. Писарькова, Л.Ф. Власть и общество в 1803–1809 годах: на пути к реформам государственного управления 1810–1811 годов / Л.Ф. Писарькова // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 52–72.

175. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение / Л.Ф. Писарькова. – М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с.

176. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л.Ф. Писарькова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 742 с.

177. Писарькова, Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. – 2002. – № 5. – С. 33–49.

178. Писарькова, Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. / Л.Ф. Писарькова // Человек. – 1995. – № 3. – С. 121–139; № 4. – С. 147–158.

179. Писарькова, Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века / Л.Ф. Писарькова // Отечественные записки. – 2004. – № 2 (17). – С. 358–370.

180. Подлигайлов, П.Н. Местное управление в России / П.Н. Подлигайлов. – СПб: Тип. д-ра М.А. Хана, 1884. – XII, 200 с.

181. Полиевктов, М. Ревизия Закавказского края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым и фонд дел этой ревизии в Историческом архиве в Ленинграде / М. Полиевктов // Труды Тбилис. гос. ун-та. – 1940. – Т. 15. – С. 81–102.

182. Половники Вологодской губернии. Историко-юридический очерк экономического состояния половничествующих крестьян // Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 81. – С. 1–2; № 82. – С. 1–2; № 83. – С. 1–2; № 84. – С. 1–2; № 85. – С. 1–2; № 90. – С. 1–2.

183. Попов, В.Т. Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический очерк / В.Т. Попов. – Вологда: Тип. губ. правления, 1886. – 127 с.

184. Предтеченский, А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века / А.В. Предтеченский. – М.–Л.: АН СССР, 1957. – 456 с.

185. Пресняков, А.Е. Апогей самодержавия. Николай I / А.Е. Пресняков. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. – 97 с.

186. Пушкарёв, И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, кн. IV: Описание Вологодской губернии / И. Пушкарёв. – СПб.: Тип. К. Вингебера, 1846. – IV, 127 с.

187. Раев, М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи / М. Раев; пер. с фр.: Я. Горбаневского, Н. Дюжевой; предисл. М.Я. Геллера. – Лондон: OPI, 1990. – 304 с.

188. Раев, М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме / М. Раев, пер. С. Каптерева // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Самар. ун-т, 2000. – С. 48–79.

189. Раздорский, А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908). Библиографический указатель / А.И. Раздорский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 93 с.

190. Ремнёв, А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи / А.В. Ремнёв // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): сб. науч. статей / отв. ред. П.И. Савельев. – М.: Первый печ. двор, 1997. – С. 52–66.

191. Ремнёв, А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – нач. XX веков / А.В. Ремнёв. – Омск: ОмГУ, 2004. – 548 с.

192. Ремнёв, А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. / А.В. Ремнёв; отв. ред. А.П. Толочко. – Омск: ОмГУ, 1995. – 236 с.

193. Репинский, Г.К. Привлечение образованных людей на службу в провинции / Г.К. Репинский // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 4. – С. 279–286.

194. Роббинс, Р. Наместник и слуга / Р. Роббинс // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 202–213.

195. Романович-Славатинский, А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права / А.В. Романович-Славатинский. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1870. – XXVI, 562 с.

196. Ружицкая, И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И.В. Ружицкая. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 315 с.

197. Руководство к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России / А. Кокорев. – М.: Тип. Каткова и Ко, 1858. – 16 с.

198. Румянцева, М.Ф. Вологодское чиновничество в конце XVIII века / М.Ф. Румянцева // Вологда: краевед. альманах. Вып. 2 / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1997. – С. 78–84.

199. Румянцева, М.Ф. Источники о социальном составе служащих местных государственных учреждений в последней четверти XVIII века / М.Ф. Румянцева // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сб. статей / отв. ред. В.И. Буганов. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1985. – С. 194–217.

200. Румянцева, М.Ф. Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII века / М.Ф. Румянцева // Археографический ежегодник за 1991 г. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Наука, 1994. – С. 64–74.

201. Рындзюнский, П.Г. Городское гражданство дореформенной России / П.Г. Рындзюнский. – М.: АН СССР, 1958. – 559 с.

202. Сафонов, М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. / М.М. Сафонов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 247 с.

203. Середа, Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование / Н.В. Середа. – М.: Памятники ист. мысли, 2004. – 460 с.

204. Середонин, С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [в 5 т.]. Т. 1–2 / С.М. Середонин. – СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902.

205. Сморгунов, В.В. Государственные органы в Усть-Сысольском уезде в годы правления Екатерины II и Павла I / В.В. Сморгунов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2013. – № 1 (21). – С. 51–70.

206. Сморгунов, В.В. Изучение государственного управления Коми краем в конце XVIII – первой половине XIX в. / В.В. Сморгунов // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы X Всерос. (с междунар. участием) науч.-теорет. конф. 22 апр. 2011 г. Ч. I / КРАГСиУ. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. – С. 199–206.

207. Скворцов, Н. О происхождении половников в Вологодской губернии / Н. Скворцов // Вологодские губернские ведомости. – 1864. – № 29. – С. 93; № 30. – С. 98–99; № 32. – С. 103–104.

208. Сокова, А.Н. О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII – начала XX веков / А.Н. Сокова // Вопросы разработки унифицированной системы организационно-распорядительной документации; актуальные проблемы архивоведения и документоведения; естественно-научные и технические вопросы архивного дела: сб. статей. Труды ВНИИДАД. Т. 5, ч. 1: Документоведение / Главархив СССР, ВНИИДАД. – М.: ВНИИДАД, 1974. – С. 206–237.

209. Страховский, И.М. Губернское устройство / И.М. Страховский // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 7. – С. 28–92.

210. Строев, В.Н. Столетие Собственной его императорского величества канцелярии… / сост. В.Н. Строев. – СПб.: Гос. тип., 1912. – 331 с.

211. Твердохлеб, А.А. Государственные служащие в России. 1722–1995: (Динамика социального статуса) (Исторический очерк) / А.А. Твердохлеб,

В.М. Шевырин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 5. История. – 1995. – № 2. – С. 90–142.

212. Томсинов, В.А. Правовая культура / В.А. Томсинов // Очерки русской культуры XIX века: [в 6 т.]. Т. 2: Власть и культура / редкол.: Л.Д. Дергачёва, Л.В. Кошман (рук. проекта) и др. – М.: МГУ, 2000. – С. 102–166.

213. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии / С.М. Троицкий. – М.: Наука, 1974. – 395 с.

214. Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке / С.М. Троицкий. – М.: Наука, 1966. – 275 с.

215. Туркестанов, Н.Н. Губернаторские списки. 1797–1861 / сост. Н.Н. Туркестанов. – М.: Типо-лит. В.А. Мазурова, 1894. – 72 с.

216. Федосов, И.А. Российский абсолютизм и бюрократия / И.А. Федосов, Е.В. Долгих // Очерки русской культуры XIX века: [в 6 т.]. Т. 2: Власть и культура / редкол.: Л.Д. Дергачёва, Л.В. Кошман (рук. проекта) и др. – М.: МГУ, 2000. – С. 10–101.

217. Федосов, И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX в.) / И.А. Федосов // Вопросы истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.

218. Хохолев, Д.Е. Полицейские чиновники Екатеринбурга в первой половине XIX века / Д.Е. Хохолев // Чиновник. – 2001. – № 1 (11). – С. 70–73.

219. Черненко, Д.А. Города Вологодской губернии в конце XVIII в. по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию / Д.А. Черненко, Д.А. Хитров, А.А. Голубинский // Исторический факультет ВГПУ. URL: istfak-vgpu.ru/____3.doc (дата обращения: 08.07.2014).

220. Чернуха, В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В.Г. Чернуха; под ред. Р.Ш. Ганелина. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 248 с.

221. Чечулин, Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк / Н.Д. Чечулин. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. – II, 115 с.

222. Чукарев, А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. / А.Г. Чукарев; О-во изучения истории отечественных спецслужб. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 701 с.

223. Шаттенберг, С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников / С. Шаттенберг; пер. с нем. М. Г. // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 4 (42). – С. 29–35.

224. Шевченко, М.М. Правительство, народное образование и государственная служба накануне Великих реформ (1849–1856) / М.М. Шевченко // Россия и реформы: [сб. статей]. Вып. 2 / сост. М.А. Колеров. – М.: Медведь, 1993. – С. 14–33.

225. Шепелёв, Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I / Л.Е. Шепелёв. – СПб.: Искусство-СПб. – СПб, 2007. – 460 с.

226. Шепелёв, Л.Е. Отменённые историей: Чины, звания и титулы в Российской империи / Л.Е. Шепелёв. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 153 с.

227. Шепелёв, Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи / Л.Е. Шепелёв. – М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2005. – 420 с.

228. Шепелёв, Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. / Л.Е. Шепелёв. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 477 с.

229. Шилов, Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиографический справочник / Д.Н. Шилов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 830 с.

230. Шумилов, М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начале 80-х гг. XIX века / М.М. Шумилов. – М.: Прометей, 1991. – 218 с.

231. Яблочков, М.Т. История дворянского сословия в России / М.Т. Яблочков. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. – XL, 679 с.

232. LeDonne, J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825 / J.P. LeDonne. – N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1991. – XVII, 376 p.

233. LeDonne, J.P. Administrative Regionalization in the Russian Empire 1802–1826 / J.P. LeDonne // Cahiers du Monde russe. – 2002. – Vol. 43. – № 1. – P. 5–33.

234. Lincoln, W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861 / W.B. Lincoln. – 2. print. – Dekalb, Ill.: Northern Illinois Univ. Press, 1988. – XIX, 297 p.

235. Monas, S. Bureaucracy in Russia under Nicholas I / S. Monas // The Structure of Russian History / Ed. by M. Cherniavsky. – N.Y.: Random House, 1970. – P. 269–281.

236. Pintner, W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 / W.M. Pintner // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century / Ed. by W.M. Pintner, D.K. Rowney (eds.). – Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1980. – P. 190–226.

237. Pintner, W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy / W.M. Pintner // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. – 1970. – Vol. 29. – № 3. – P. 429–443.

238. Raeff, M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia / M. Raeff. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1994. – 389 p.

239. Raeff, M. The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 / M. Raeff // The American Historical Review. – 1979. – Vol. 84. – № 2. – P. 399–411.

240. Saunders, D. Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881 / D. Saunders. – 2. impr. – London; N.Y.: Longman, 1994. – XII, 386 p.

241. Schattenberg, S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert / S. Schattenberg. – Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 2008. – 294 p.

242. Starr, S.F. Decentralization and self-government in Russia, 1830–1870 / S.F. Starr. – Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1972. – XIII, 386 p.

243. Torke, H.J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / H.J. Torke // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – 1967. – Bd. 13. – S. 7–345.

4. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

1. Акулышин, П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / П.В. Акулышин; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 46 с.

2. Алексушин, Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Г.В. Алексушин; Воен. ун-т. – М., 2008. – 47 с.

3. Амплеева, Т.Ю. Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Ю. Амплеева; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль, 1990. – 26 с.

4. Арутюнян, В.Г. Генерал-губернаторства при Александре I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Г. Арутюнян; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 26 с.

5. Виноградова, Т.В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / Т.В. Виноградова; ВНИИДАД. – М., 2004. – 26 с.

6. Владимирова, Г.Е. Основные государственные законы Российской империи 1832–1892 гг. в определении основ государственного строя в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.Е. Владимирова; Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2010. – 26 с.

7. Воропанов, В.А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775–1864 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Воропанов; Челябинск. гос. ун-т. – Челябинск, 2000. – 24 с.

8. Воротников, А.А. Бюрократия в российском государстве: историко-теоретический аспект: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Воротников; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2005. – 488 с.

9. Гергилев, Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.Н. Гергилев; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2010. – 30 с.

10. Грищенко, Н.В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Грищенко; Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2005. – 25 с.

11. Гущева, Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.В. Гущева; Нижегор. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2006. – 31 с.

12. Долгов, А.А. Концептуальные и организационно-правовые основы государственной (гражданской) службы в Российской империи в последней трети XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Долгов; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2013. – 25 с.

13. Дремков, Н.В. Полицейские структуры и органы жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Дремков; Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2010. – 23 с.

14. Желудков, В.Ф. Губернская реформа 1775 года: Автореф. дис. … канд. ист. наук / В.Ф. Желудков; М-во просвещения РСФСР; ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1963. – 30 с.

15. Закиматова, А.Ю. Правовое регулирование службы в органах полиции Российской империи: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Ю. Закиматова; СЗАГС. – СПб., 2006. – 27 с.

16. Казаченок, В.В. Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Казаченок; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2014. – 33 с.

17. Карчаева, Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Г. Карчаева; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 2013. – 24 с.

18. Козлобаев, В.А. Институт губернаторской власти в механизме управления Российской империей, 1860-е – начало 1880-х гг. историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.А. Козлобаев; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 25 с.

19. Колотушкин, А.А. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности: 1727–1779 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Колотушкин; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2015. – 25 с.

20. Кононов, В.А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (на материалах Смоленской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Кононов; Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского. – Брянск, 2005. – 22 с.

21. Корчмина, Е.С. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в. (на материалах Рязанской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.С. Корчмина; Владимир. гос. ун-т. – Владимир, 2010. – 22 с.

22. Красняков, Н.И. Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.И. Красняков; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2004. – 27 с.

23. Кузьмичев, А.В. Создание и деятельность приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материалах Верхнего Поволжья): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Кузьмичев; ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2012. – 26 с.

24. Любичанковский, С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.): Дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.В. Любичанковский; СЗАГС. – Самара, 2008. – 869 с.

25. Малофеева, Е.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии, середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Ю. Малофеева; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2001. – 270 с.

26. Марасанова, В.М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX вв.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.М. Марасанова; ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2005. – 47 с.

27. Мельникова, И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / И.Г. Мельникова; ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2010. – 26 с.

28. Мерзлякова, Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.В. Мерзлякова; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1997. – 228 с.

29. Метушевская, Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.И. Метушевская; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2007. – 198 с.

30. Михайлова, О.А. Государственная социальная политика и деятельность Саратовской губернской администрации по её реализации в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / О.А. Михайлова; Рос. гос. социал. ун-т. – М., 2008. – 21 с.

31. Михеева, Ц.Ц. Эволюция института губернаторства в Российской империи (историко-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ц.Ц. Михеева; РУДН. – М., 2006. – 23 с.

32. Орлов, А.В. Губернаторская власть в дореволюционной России на примере Нижегородской губернии: Историко-правовой аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Орлов; Нижегор. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2004. – 33 с.

33. Очаковский, В.А. Становление и развитие института юридической ответственности государственных служащих в дореволюционной России: начало XVIII – конец XIX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.А. Очаковский; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2013. – 27 с.

34. Павлова, Д.С. Становление и развитие местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков (на материалах Верхневолжских губерний): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.С. Павлова; ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2011. – 25 с.

35. Павлова-Сильванская, М.П. «Учреждение о губерниях» 1775 г. и его классовая сущность: Автореф. дис. … канд. ист. наук / М.П. Павлова-Сильванская; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1964. – 19 с.

36. Павлюк, Ю.Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.Б. Павлюк; Гос. ун-т упр. – М., 2001. – 240 с.

37. Парусов, А.И. Административные реформы в России первой четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.И. Парусов; Ленингр. отд. Института истории АН СССР. – Л., 1967. – 60 с.

38. Пекшева, Л.А. Деятельность М.М. Сперанского в сфере местного управления (1803–1831 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.А. Пекшева; Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2007. – 23 с.

39. Першин, С.В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века: по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губер-

ний; Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.В. Першин; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2010. – 50 с.

40. Петровский, И.В. Этос российского чиновничества: Автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.05 / И.В. Петровский; РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2013. – 29 с.

41. Подоплелова, Н.Н. Исследование организации делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи (на материалах Пермской губернии конца XVIII – начала XX вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 05.25.02 / Н.Н. Подоплелова; ВНИИДАД. – М., 2013. – 24 с.

42. Поскачей, Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.А. Поскачей; Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. – Рязань, 2006. – 261 с.

43. Рассолов, Г.А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 – конец XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Г.А. Рассолов; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – 27 с.

44. Ремнёв, А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков: Автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.В. Ремнёв; Омский ун-т; С.-Петерб. филиал ИРИ РАН. – СПб., 1997. – 47 с.

45. Романов, В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826–1860 гг.: на материалах Поволжья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.В. Романов; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2008. – 47 с.

46. Румянцева, М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762–1802 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук / М.Ф. Румянцева; Институт истории СССР АН СССР. – М., 1985. – 19 с.

47. Русакова, С.В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX вв. (по документам Государственного архива Тверской области): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 05.25.02 / С.В. Русакова; ВНИИДАД. – М., 2006. – 22 с.

48. Русеева, Н.Н. Половники на Европейском Севере России в конце XVIII – второй трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Н. Русеева; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2011. – 22 с.

49. Савицкий, И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв.: по материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Савицкий; Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск, 1998. – 30 с.

50. Саражина, Р.Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Р.Г. Саражина; Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2011. – 25 с.

51. Соловьёва, Е.А. Губернское правление в системе административно-финансовой и полицейской власти в России в XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Соловьёва; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2013. – 27 с.

52. Теряева, Е.В. Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Теряева; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2009. – 22 с.

53. Токмакова, Ю.Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.Н. Токмакова; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2011. – 27 с.

54. Тот, Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: Автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ю.В. Тот; СПбГУ. – СПб., 2003. – 38 с.

55. Трунина, Е.А. Вологодская губернская администрация в 1860-е гг.: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Трунина; СЗАГС. – СПб., 2008. – 229 с.

56. Чернов, К.С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (к вопросу о российском конституционализме): Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / К.С. Чернов; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 26 с.

57. Чибикеев, С.М. Политические идеи и проекты М.М. Сперанского в контексте истории российских реформ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / С.М. Чибикеев; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 24 с.

58. Чижова, В.В. Выборные от дворянства в системе местного управления российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века: на материалах Тверской губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Чижова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2001. – 26 с.

59. Чуб, Н.В. Организационно-правовые основы прохождения государственной службы в губернских органах России в XIX веке: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.В. Чуб; МГЮА им. О.Е. Кутафина. – М., 2010. – 29 с.

60. Чукарев, А.Г. Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX века: 1826–1855 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Чукарев; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль, 1998. – 49 с.

61. Яльченко, О.Ю. Становление системы профессионального образования чиновников в России XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / О.Ю. Яльченко; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 24 с.

Приложения

Приложение 1

Территория и численность населения Вологодской губернии в 1850 г.

Название уезда	Площадь уезда		Количество жителей (обоего пола)	
	дес.	%	чел.	%
Вологодский	520 572	1,4	116 421	13,7
Вельский	2 561 466	6,9	91 608	10,8
Грязовецкий	496 459	1,3	79 071	9,3
Кадниковский	971 034	2,6	102 428	12,1
Никольский	3 051 713	8,2	105 095	12,4
Сольвычегодский	3 968 990	10,7	76 717	9,0
Тотемский	2 010 298	5,5	95 597	11,3
Устюгский	1 933 253	5,2	91 514	10,8
Устьсысольский	16 109 635	43,5	59 490	7,0
Яренский	5 456 970	14,7	30 106	3,6
Всего	37 080 395	100	848 045	100

Составлено по: Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб., 1850. – Таблица № 1. Пространства земли (в десятинах) Вологодской губернии; Бунаков Н. Движение народонаселения Вологодской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – 1859. – Ч. 34. – № 1. – Отд. III. – С. 2–3; Попов К. Несколько слов о движении народонаселения Вологодской губернии в 1850 году // Вологодские губернские ведомости. – 1853. – № 45. – С. 393.

Приложение 2

Население городов Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Название города	Количество жителей (чел.)					
	1819 г.			1840 г.		
	м.п.	ж.п.	всего	м.п.	ж.п.	всего
Вологда	4 406*	5 397*	9 803*	5 937	7 182	13 119
Вельск	230	274	504	552	456	1 008
Грязовец	Нет данных**			1 157	1 259	2 416
Кадников	368	346	714	751	1 033	1 784
Никольск	416	401	817	586	455	1 041
Сольвычегодск	595	593	1 190	574	648	1 222
Тотьма	1 240	1 420	2 660	1 259	1 314	2 573
Устюг	3 405	4 245	7 650	3 859	4 904	8 763
Устьсысольск	1 026	1 157	2 183	1 529	1 584	3 113
Яренск	398	481	870	646	462	1 108

* По городу Вологде приведены данные за 1818 г.

** Известно, что в 1819 г. численность купцов и мещан Грязовца составляла 504 человека (учитывались лица мужского пола).

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 406. – Л. 13 об.–324; Д. 915. – Л. 44 об.–45; Ф. 496. – Оп. 19. – Д. 271. – Л. 2–340.

Приложение 3

Сословный состав населения Вологодской губернии в 1842 г.

Сословные группы	Численность	
	чел.	%
Дворяне потомственные	1 854	0,2
Дворяне личные	1 703	0,2
Разночинцы	1 335	0,2
Священнослужители	4 160	0,5
Церковнослужители	6 228	0,8
Монашествующие	423	0,1
Отставные солдаты	10 435	1,3
Почётные граждане	62	0,1
Купцы	1 602	0,2
Мещане	22 561	2,9
Дворовые люди	6 491	0,8
Казённые крестьяне	432 140	55,3
Свободные хлебопашцы	7 442	0,9
Удельные крестьяне	73 880	9,4
Половники	6 721	0,9
Помещичьи крестьяне	196 945	25,2
Заводские и фабричные рабочие	1 528	0,2
Чины военного ведомства	6 632	0,8
Всего	782 142	100

Составлено по: Пушкарёв И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, кн. IV: Описание Вологодской губернии. – СПб., 1846. – С. 28–29.

Приложение 4

Численность и размещение помещичьих крестьян и дворовых людей Вологодской губернии в 1844 г.

Название уезда	Численность крестьян и дворовых людей при имениях (м.п.)
Вологодский	34 117
Вельский	10 084
Грязовецкий	14 521
Кадниковский	33 922
Никольский	1 115
Тотемский	881
Устюгский	21
Всего	94 661
Название города	**Численность дворовых людей беспоместных владельцев (м.п.)**
Вологда	94
Вельск	5
Грязовец	7
Кадников	1
Никольск	20
Сольвычегодск	7
Тотьма	8
Устюг	39
Устьсысольск	4
Яренск	1
Всего	186

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 7–7 об.

Приложение 5

Численность и размещение дворян Вологодской губернии в 1844 г.[844]

Название уезда	Численность потомственных дворян (м.п.)						Численность личных дворян (м.п.)
	внесённых в родословные книги		не внесённых в родословные книги		итого		
	начальников семейств	состоящих при них сыновей и родственников	начальников семейств	состоящих при них сыновей и родственников	начальников семейств	состоящих при них сыновей и родственников	
Вологодский	100	149	59	40	159	189	540
Вельский	9	5	3	6	12	11	42
Грязовецкий	54	51	35	45	89	96	40
Кадниковский	33	44	8	5	41	49	62
Никольский	7	4	5	5	12	9	60
Сольвычегодский	9	2	3	6	12	8	41
Тотемский	8	5	10	11	18	16	52
Устюгский	5	8	13	7	18	15	64
Устьсысольский	0	0	4	0	4	0	46
Яренский	3	1	2	3	5	4	27
Всего, из них проживало в:	228	269	142	128	370	397	974
Вологде	122	146	19	16	141	162	536
Вельске	8	5	3	6	11	11	31
Грязовце	Нет данных						
Кадникове	8	2	6	1	14	3	35
Никольске	7	4	3	5	10	9	55
Сольвычегодске	9	2	3	6	12	8	36
Тотьме	5	1	6	11	11	12	42
Устюге	5	8	13	7	18	15	59
Устьсысольске	0	0	4	0	4	0	44
Яренске	3	1	2	3	5	4	23

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 264. – Л. 10–100 об.

[844] В источниках можно встретить противоречивые данные о количестве потомственных дворян Вологодской губернии. Согласно сведениям, представленным вологодским губернским предводителем дворянства в губернский статистический комитет в 1844 г., в губернии проживало 816 дворян мужского пола, однако, по «Перечневой ведомости о числе потомственных дворян» от 19 декабря 1851 г. их было 426, что не могло соответствовать реальности, так как по данным 9 народной переписи, опубликованным в Справочной книжке для Вологодской губернии, в 1854 г. потомственных дворян насчитывалось 946 лиц мужского пола при общей численности мужского населения 427 219 душ (См.: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 10 об.–11; Д. 611. – Л. 28 об.–29; Статистический очерк Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. – Вологда, 1854. – С. 106).

Приложение 6

Численность и размещение зырян в Вологодской губернии в начале 1830-х гг.

Сословная группа	Численность зырян (обоего пола)		
	Яренский уезд*	Устьсысольский уезд**	Всего
Казённые крестьяне	15 444	34 741	50 185
Мещане	41	1 817	1 858
Духовенство	0	21	21
Купечество	0	17	17
Разночинцы	0	16	16
Всего	15 485	36 612	52 097

* В Яренском уезде доля зырян в составе населения составляла около 65 %.

** В Устьсысольском уезде доля зырян в составе населения достигала 95 %.

Составлено по: Брусилов Н.П. Опыт описания Вологодской губернии. – СПб., 1833. – С. 53.

Приложение 7

Численность учащихся Вологодской губернии в первой половине XIX в.*

Название учебного заведения	Дата открытия	Численность учащихся (чел.)				
		1805 г.	1814 г.	1825 г.	1835 г.	1845 г.
Гимназия	18 авг. 1804 г.	67	58	23	114	215
Вологодское уездное училище**	12 нояб. 1804 г.	113	113	–	72	139
Устюгское уездное училище	2 апр. 1805 г.	66	32	23	66	107
Тотемское уездное училище	2 апр. 1805 г.	52	45	31	55	52
Сольвычегодское уездное училище	14 мая 1805 г.	30	32	30	50	67
Яренское уездное училище	30 июля 1805 г.	22	21	31	32	55
Грязовецкое уездное училище	16 янв. 1821 г.	–	–	46	46	69
Кадниковское уездное училище	22 авг. 1837 г.	–	–	–	–	32
Устьсысольское уездное училище	6 февр. 1840 г.	–	–	–	–	29

* Представлены сведения о числе учащихся в учебных заведениях Министерства народного просвещения.

** За 1825 г. отсутствуют сведения о количестве учеников Вологодского уездного училища.

Составлено по: Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. – [СПб., 1866]. – Сведения о числе учащихся в Вологодской дирекции училищ до 1832 года; Сведения о числе учащихся в Вологодской дирекции училищ с 1832 до 1850 года.

Приложение 8

Территориально-экономическое зонирование Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Экономическая зона*	Территориальный охват (уезды)	Характеристика экономической зоны
Юго-западная часть губернии	Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, западная часть Вельского	Густозаселённая территория с развитой инфраструктурой. Наличие помещичьих усадьб, вовлекавших в хозяйственный оборот ⅔ земель. Относительно высокий уровень развития земледелия. Наличие двух крупных торговых центров: Вологда и Верховажский посад. Значительное число фабрик и заводов, в том числе наиболее технически оснащённых.
Средняя полоса губернии	Тотемский, Никольский, Устюжский, восточная часть Вельского	Территория, большую часть которой занимали леса и болота. Помещичьих имений практически не было. Основную массу населения составляли государственные крестьяне. Пригодные для обработки земли тянулись узкой полосой по берегам крупных рек: Сухона, Юг, Вага. Низкое природное плодородие почв компенсировалось использованием подсечного хозяйства. Особое развитие получили льноводство и лесные промыслы. Наличие крупного торгового и промышленного центра – Устюг. Наличие двух крупных солеваренных заводов.
Северо-восточная часть губернии	Сольвычегодский, Устьсысольский, Яренский	Территория, более 90 % которой покрывали леса и болота. Климатические условия не позволяли развивать земледелие. Определённое распространение получили разведение и обработка льна и скотоводство. Основное занятие коренного зырянского населения – промыслы (охота и рыболовство). Промышленные объекты были немногочисленны, но среди них имелся ряд крупных заводов.

* При выделении экономических зон учитывалась общепринятая в литературе характеристика территориального развития Вологодской губернии в XIX в.[845]

Составлено по: Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. II, ч. 3: Вологодская губерния / сост. П.К. Услар. – СПб., 1850. – С. 294–354, Таблица № 11. О числе фабрик и заводов в Вологодской губернии; Статистический очерк Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. – Вологда, 1861. – С. 55–63.

[845] См., например: Трунина Е.А. Вологодская губернская администрация в 1860-е гг.: Дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2008. – С. 36–40.

Приложение 9

Сухопутные дороги Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Таблица 1

Описание больших почтовых и непочтовых дорог (по состоянию на 1820 г.)

Название дороги	Название уезда, который пересекала дорога	Протяжённость участка (в вёрстах)	Протяжённость мостов через реки и ручьи (в саженях)	Число перевозов	Протяжённость болотистых участков (в саженях)
Московско-Вологодский тракт (через Грязовец)*	Вологодский	10	49	0	1 656
	Грязовецкий	69	722	0	13 002
Вологда – Санкт-Петербург	Вологодский	24	135	0	1 578
	Грязовецкий	67	867	0	2 395
Вологодско-Архангельский тракт (через Кадников, Вельск)*	Вологодский	36	262	1	8 856
	Кадниковский	119	620	1	28 321
	Вельский	167	363	6	8 837
Вологда – Устьсысольск (через Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Яренск)**	Кадниковский	27	584	0	27 695
	Тотемский	199	1 346	2	12 444
	Устюгский	233	1 246	2	7 240
	Сольвычегодский	124	223	2	2 927
	Яренский	178	971	4	3 008
	Устьсысольский	38	143	0	165
Устюг – Никольск	Устюгский	55	326	1	3 567
	Никольский	106	1 197	0	11 827
Устюг – Лальск	Устюгский	78	545	1	5 426
д. Ускорье – Красноборск	Устюгский	33	292	0	711
	Сольвычегодский	10	18	0	494

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 1. Продолжение

Название дороги	Название уезда, который пересекала дорога	Протяжённость участка (в вёрстах)	Протяжённость мостов через реки и ручьи (в саженях)	Число перевозов	Протяжённость болотистых участков (в саженях)
Костромская губернская граница – Вятская губернская граница***	Никольский	89	736	1	4 429
Никольск – Московско-Вятский почтовый тракт	Никольский	138	985	2	12 368
Лальск – Сибирский тракт	Устюгский	68	312	3	2 013
	Устьсысольский	185		4	
Красноборск – Архангельск	Сольвычегодский	166	1 421	0	3 828
Вологда – Кириллов (Новгородская губерния)	Вологодский	81,5	708	0	9 042
Вологда – Пошехонье (Ярославская губерния)	Вологодский	18	0	0	412
	Грязовецкий	20,5	151	0	1 011
д. Чистой Бабы – Любим (Ярославская губерния)	Грязовецкий	9	0	0	0
д. Агаркова – Солигалич (Костромская губерния)	Вологодский	77	0	0	0
	Грязовецкий			1	
д. Фоминское – Солигалич (Костромская губерния)	Тотемский	77	0	4	3 724
Верховажский посад – Тотьма	Вельский	65	0	1	0
	Тотемский	58	0	0	0
Тотьма – Никольск	Тотемский	95	232	0	9 470
	Никольский	118	453	1	2 562
д. Печенга – Никольск	Тотемский	42	0	0	0
	Никольский	12	0	0	0
Никольск – Чухлома (Костромская губерния)	Никольский	39	435	0	2 867

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 1. Продолжение

Название дороги	Название уезда, который пересекала дорога	Протяжённость участка (в вёрстах)	Протяжённость мостов через реки и ручьи (в саженях)	Число перевозов	Протяжённость болотистых участков (в саженях)
Устюг – Чухлома (Костромская губерния)	Устюгский	13	0	1	0
	Никольский	33	80	0	714
	Тотемский	4	0	0	0
Никольск – Галич (Костромская губерния)	Никольский	25	210	0	3 780
Лальск – Никольск	Устюгский	42	97	1	757
	Никольский	109	1 049	1	3 989
Устюг – Вятка	Устюгский	43	0	0	0
	Никольский	146	0	2	0
Устюг – Сибирский тракт	Устюгский	21	0	0	0
	Никольский	171	0	6	0
д. Ершевская – Красноборск	Вельский	234	0	7	0
	Сольвычегодский	24	0	0	0
Сольвычегодск – Лальск	Сольвычегодский	67	192	1	586
	Устюгский	13	77	0	473
Устьсысольск – Лальск	Устьсысольский	163	0	3	0
д. Усова – Вятская губернская граница	Устьсысольский	136	0	1	0
Всего****		4 098	17 047	60	202 174

* Участки дороги являлись частью большого Московско-Архангельского почтового тракта.

** Дорога брала начало от Вологодско-Архангельского тракта в Кадниковском уезде.

*** Участок дороги являлся частью Московско-Вятского почтового тракта.

**** Из общей протяжённости больших почтовых и непочтовых дорог Вологодской губернии 404 версты пролегали по болотистой местности. Общая протяжённость мостов через реки составляла 34 версты.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 414. – Л. 1–2.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 10

Отношение директора Московского императорского почтамта И. Рушковского к вологодскому губернатору И.И. Попову от 12 июня 1820 г.

«Штата сего почтамта офицер осмотра почтовых станов Санин, командированный по Архангелогородскому тракту для наблюдения за течением почт, отправляемых из Москвы в Архангельск и обратно, по возвращении своём доносит, что в уездах Грязовецком, Кадниковском и частью Вельском[846] мосты и части до такой степени повреждены и ветхи, что нет никакой возможности ездить по оным не только обыкновенно рысью, но даже и шагом, по той причине, что от давнего не исправления сих мостов и частей сделались тут большие ямы, а посему нередко случается, что ямщики принуждены бывают лошадей своих часто отпрягать и переводить их через оные поодиночке, а повозки перетаскивать на себе, посему почтам и встречаются от того большие затруднения. Но немалая остановка делается им и на перевозах через реки, ибо лодки к сему употребляемые, часто остаются на одной стороне, и почты, приехав к реке, должны долгое время дожидаться сих перевозов, за которыми иногда отправляют на другую сторону нарочных. Сверх того перевозчики, переправляя почты, иногда ожидают ещё и посторонних проезжающих. При том сим чиновникам замечено, что по Вологодской губернии между полями находятся весьма частые отводы или вороты, так что в некоторых местах от станции до станции на каком-либо 25-тивёрстом расстоянии случается их от 20 до 40, что и делает в проезде ямщикам немалую остановку, а как сии весьма частые отводы вовсе бесполезны, то он Санин и представляет их к уничтожению.

Московский почтамт, желая отвратить такое затруднение в следовании означенных почт, и сделав уже надлежащее распоряжение по Архангельскому тракту, дабы оные нигде не задерживались, в обязанность себе поставляет отнестись к Вашему превосходительству, и покорнейше просить о начальственном предписании Вашем, кому должно, дабы мосты и части по Вологодской губернии были приведены в надлежащую исправность. Что же касается до перевозов, то почтамт также покорнейше просит об учинении строгого подтверждения перевозчикам, дабы они при переправе почт, в какое бы то время ни было, никогда их не задерживали. Об отводах же, находящихся между полями и признанных офицером Саниным вовсе ненужными, дать повеление их сломать, если к тому не будет каких-либо препятствий. На последующее же почтамт останется в ожидании благосклонного уведомления от Вашего превосходительства».

[получено канцелярией губернатора 22 июня 1820 г.]

Источник: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 414. – Л. 327–328.

---

[846] Иными словами, вся пролегавшая по территории Вологодской губернии часть Московско-Архангельского почтового тракта.

Приложение 11

Штатное расписание Вологодской губернии от 27 ноября 1803 г.

Таблица 1

Штат губернских присутственных мест

Учреждение	Должность	Количество штатных единиц	Жалованье одному (руб.)
Губернское правление	Губернатор,	1	1 800
	ему на стол	–	1 200
	Советник	2	600
Палата уголовных дел	Председатель	1	840
	Советник	1	600
	Дворянский заседатель	2	360
	Купеческий заседатель	2	–
Палата гражданских дел	Председатель	1	840
	Советник	1	600
	Дворянский заседатель	2	360
	Купеческий заседатель	2	–
Казенная палата	Вице-губернатор	1	1 200
	Советник	1	600
	Губернский казначей	1	600
	Асессор	2	400
	Присяжные, определённые из отставных гвардии унтер-офицеров	4	80
Совестный суд	Судья	1	600
	Дворянский заседатель	2	360
	Купеческий заседатель	2	–
	Сельский заседатель	2	100
Врачебная управа	Инспектор	1	700
	Оператор	1	500
	Акушер	1	500
	Писарь	1	80
	Старшая повивальная бабка	1	120
	Младшая повивальная бабка	1	80
Приказ общественного призрения*	Дворянский заседатель	1	–
	Купеческий заседатель	1	–
	Сельский заседатель	1	–
Землемерская и строительная часть	Губернский землемер	1	500
	Губернский архитектор	1	400
Общие по губернии чины	Губернский прокурор	1	600
	Губернский стряпчий	2	360
	Секретарь	5	350

* Заседатели приказа общественного призрения определялись из совестного суда, поэтому жалованье не указано.

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051.

Таблица 2

Штат уездных и городских присутственных мест

Учреждение	Должность	Количество штатных единиц	Жалованье одному (руб.)
В городах	Городничий	1	300
Уездный суд	Судья	1	300
	Дворянский заседатель	2	250
	Сельский заседатель	2	60
	Секретарь	1	200
Уездное казначейство	Казначей	1	250
	Присяжные, определённые из отставных гвардии унтер-офицеров	4	80
Дворянская опека	Протоколист	1	100
Нижний земский суд	Земский исправник	1	250
	Дворянский заседатель	2	200
	Сельский заседатель	2	60
	Секретарь	1	200
Городовой магистрат	Бургомистр	2	–
	Ратман	4	–
Общие по уезду должности	Уездный землемер	1	300
	Уездный стряпчий	1	150
	Уездный доктор	1	300
	Старший ученик	1	60
	Младший ученик	1	45
	Повивальная бабка	1	80

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051.

Приложение 12

Вологодские губернаторы первой половины XIX в.

№	Имя	Чин	Сроки пребывания в должности
1.	Путимцев Василий Петрович*	Действительный статский советник	9 февраля 1800 – 9 июня 1800 г.
2.	Горяинов Алексей Алексеевич	Действительный статский советник	21 июня 1800 – февраль 1806 г.
3.	Линеман Карл Иванович	Тайный советник	9 марта 1806 – 23 октября 1809 г.
4.	Воейков Василий Иванович	Действительный статский советник	23 октября 1809 – 8 октября 1810 г.
5.	Барш Николай Иванович	Действительный статский советник	10 декабря 1810 – март 1814 г.
6.	Винтер Иван Иванович**	Действительный статский советник	20 марта 1814 – 18 марта 1819 г.
7.	Попов Иван Иванович	Действительный статский советник	18 марта 1819 – апрель 1821 г.
8.	Брусилов Николай Петрович	Действительный статский советник	7 июля 1821 – 21 февраля 1834 г.
9.	Кузмин Степан Иванович	Действительный статский советник	21 февраля 1834 – 7 февраля 1836 г.
10.	Болговский Дмитрий Николаевич	Генерал-лейтенант	20 февраля 1836 – 30 декабря 1840 г.
11.	Волховский Степан Григорьевич	Тайный советник	6 января 1841 – 3 ноября 1850 г.
12.	Романус Иван Васильевич	Генерал-майор	3 декабря 1851 – 13 августа 1854 г.

* В краеведческой литературе среди списков вологодских губернаторов обычно указывается Василий Иванович Лисаневич, который якобы управлял губернией после В.П. Путимцева. Известно, что 9 июня 1800 г. был издан указ об определении его на пост, однако, уже 21 июня того же года вологодским губернатором был назначен А.А. Горяинов. Следовательно, формально Лисаневич был объявлен губернатором, но фактически в должность не вступил и в Вологду не приезжал.

**20 марта 1814 г. И.И. Винтер был определён временным управляющим Вологодской губернии, а через месяц, в апреле, окончательно утверждён в должности губернатора.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 1 об.–2; Д. 129. – Л. 1 об.–2; Д. 326. – Л. 8 об.–9; Д. 241. – Л. 3 об.–4; Д. 473. – Л. 22 об.–23; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 1–5; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 39 об.; Д. 1327. – Л. 1–4; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 375; Балакшин Р.А. На службе российской: правители Вологодского края со времён Екатерины Великой до нынешних дней. Кн. I. – Вологда, 2009. – С. 144–254; Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / под общ. ред. Б.В. Грызлова. – М., 2003. – С. 76–77; Туркестанов Н.Н. Губернаторские списки. 1797–1861. – М., 1894. – С. 14.

Приложение 13

Сведения о численности служащих Вологодской губернии, извлечённые из разных источников

Источник	1803 г.	1826 г.	1844 г.
Адрес-календарь Российской империи	136	153	196
Групповой формулярный список	301	419	571*
Штатное расписание	411	600	991

* Данные группового формулярного списка из РГИА за 1844 г. дополнены данными о служащих из формулярных списков, выявленных в ГА ВО.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 63 (1803 г.). – Л. 1–177; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051; Т. 29. – № 22 567; Т. 30. – № 23 020; Т. 34. – № 26 764; Т. 36. – № 27 668; Т. 38. – № 29 694; Т. 39. – № 30 116; Т. 40. – № 30 291; ПСЗ–2. – Т. 4. – № 2 841; Т. 11. – Отд. 2. – № 9 240; Т. 12. – Отд. 2. – № 10 303, 10 304, 10 305; Т. 13. – Отд. 2. – № 11 189; Т. 15. – Отд. 2. – № 14 105, 14 106; Отд. 3. – № 14 107, 14 108, 14 134; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1803 от Рождества Христова. – СПб., 1803. – С. 293–298; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето 1806 от Рождества Христова. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1826. – С.78–85; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2. Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. – СПб., 1844. – С. 38–41.

Приложение 14

Численность служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в. по данным групповых формулярных списков

Год	Служащие в составе присутствий учреждений				Служащие в составе канцелярий учреждений				Всего	
	по определению от правительства		по выборам		имевшие классные чины		не имевшие классных чинов			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1801	99	39,9	26	10,5	123	49,6	0	0	248	100
1806	103	31,7	33	10,1	189	58,2	0	0	325	100
1810	100	30,8	31	9,5	193	59,4	1	0,3	325	100
1818	100	30,9	30	9,3	192	59,2	2	0,6	324	100
1826	103	24,6	28	6,7	288	68,7	0	0	419	100
1838	159	35,2	37	8,2	255	56,4	1	0,2	452	100
1844	161	28,2	40	7,0	309	54,1	61	10,7	571	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1 об.–748 об.; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.– 82.

Приложение 15

Численность служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в. по штатным расписаниям

Категория служащих			1803 г.		1825 г.		1844 г.	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства		112	27,2	186	31,0	246	24,8
	по выборам	дворянства	33	8,0	32	5,3	31	3,1
		купечества и мещанства	119	29,0	119	19,8	112	11,3
		крестьянства	42	10,2	42	7,0	42	4,2
Служащие в составе канцелярий учреждений			29	7,1	124	20,7	451	45,6
Низшие служители			76	18,5	97	16,2	109	11,0
Всего			411	100	600	100	991	100

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051; Т. 29. – № 22 567; Т. 30. – № 23 020; Т. 34. – № 26 764; Т. 36. – № 27 668; Т. 38. – № 29 694; Т. 39. – № 30 116; Т. 40. – № 30 291; ПСЗ–2. – Т. 4. – № 2 841; Т. 11. – Отд. 2. – № 9 240; Т. 12. – Отд. 2. – № 10 303, 10 304, 10 305; Т. 13. – Отд. 2. – № 11 189; Т. 15. – Отд. 2. – № 14 105, 14 106; Отд. 3. – № 14 107, 14 108, 14 134; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657.

Приложение 16

Численность служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Категория служащих			1806 г.		1826 г.		1844 г.	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства*		130	20,3	188	21,8	263	22,2
	по выборам	дворянства*	33	5,2	34	3,9	40	3,4
		купечества и мещанства**	119	18,6	119	13,8	112	9,5
		крестьянства**	42	6,6	42	4,9	42	3,5
Служащие в составе канцелярий учреждений		канцелярские чиновники***	189	29,6	288	33,4	342	28,9
		канцелярские служители****	126	19,7	192	22,2	384	32,5
Всего			639	100	863	100	1183	100

* Численность определена методом сопоставления информации, полученной из групповых формулярных списков, со списками штатных должностей.

** Численность определена по штатным расписаниям губернских и уездных государственных учреждений и основных городских сословных органов управления.

*** Численность определена по групповым формулярным спискам. Данные 1844 г. дополнены информацией о служащих учреждений Министерства государственных имуществ.

**** Численность определена гипотетически посредством анализа: формулярных списков из фондов РГИА и ГА ВО, штатных расписаний.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1446. – Л. 30–32; Д. 1059. – Л. 15–15 об.; Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 918. – Л. 1; Д. 1348. – Л. 18 об.–19, 63 об.–67, 83 об.–84, 104 об.–105; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1 об.–715; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 78об.–82; Ф. 178. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 1 об.–10; Д. 3. – Л. 1 об.–11; Д. 4. – Л. 1 об.–13; Д. 7. – Л. 1 об.–17; Д. 11. – Л. 1 об.–14; Д. 13. – Л. 5 об.–6; Д. 14. – Л. 1 об.–11; Д. 18. – Л. 4 об.–5; Д. 20. – Л. 3 об.–4; Д. 23. – Л. 1 об.–15; Д. 27. – Л. 1 об.–12; Д. 30. – Л. 1 об.–21; Д. 36. – Л. 1 об.–17; Д. 39. – Л. 1 об.–15; Ф. 175. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 3 об.–376; Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 332. – Л. 5 об.–133; Д. 560. – Л. 1 об.–67; Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 121. – Л. 2 об.–11; Д. 467. – Л. 2 об.–9; Д. 468. – Л. 2 об.–8; Д. 469. – Л. 2 об.–11; Д. 470. – Л. 1 об.–16; Д. 472. – Л. 1 об.–16; Д. 476. – Л. 2 об.–11; Д. 483. – Л. 2 об.–152; Д. 933. – Л. 3–5; Д. 953. – Л. 2 об.–8; Д. 955. – Л. 2 об.–8; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 48; Ф. 469. – Оп. 2. – Д. 210. – Л. 3 об.–21; Ф. 688. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 99 об.–103; Д. 197. – Л. 104 об.–106; Д. 275. – Л. 64 об.–66; Ф. 806. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 8 об.–15; ПСЗ–1. – Т. 27. – № 21 051; Т. 29. – № 22 567; Т. 30. – № 23 020; Т. 34. – № 26 764; Т. 36. – № 27 668; Т. 38. – № 29 694; Т. 39. – № 30 116; Т. 40. – № 30 291; ПСЗ–2. – Т. 4. – № 2 841; Т. 11. – Отд. 2. – № 9 240; Т. 12. – Отд. 2. – № 10 303, 10 304, 10 305; Т. 13. – Отд. 2. – № 11 189; Т. 15. – Отд. 2. – № 14 105, 14 106; Отд. 3. – № 14 107, 14 108, 14 134; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657.

Приложение 17

Сословное происхождение чиновничества Вологодской губернии (первая половина XIX в.)

Год	Дворянство		Дети «обер-офицеров»		Духовенство		Дети приказных служителей		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1801	65	26,2	10	4,0	109	44,0	33	13,3	31	12,5	248	100
1806	89	26,0	24	7,0	120	35,1	68	19,9	41	12,0	342	100
1810	68	20,9	30	9,2	103	31,7	87	26,8	37	11,4	325	100
1818	74	22,8	45	13,9	78	24,1	98	30,2	29	9,0	324	100
1826	67	16,0	93	22,2	131	31,3	107	25,5	21	5,0	419	100
1838	82	18,1	102	22,6	163	36,1	77	17,0	28	6,2	452	100
1844	97	17,0	123	21,5	247	43,3	76	13,3	28	4,9	571	100
1850–1852	89	18,2	107	21,8	227	46,3	44	9,0	23	4,7	490	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–258; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об.–6; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

Приложение 18

Численность обедневших потомственных дворян Вологодской губернии в 1844 г.

Название уезда	Численность дворянских семей					Всего
	имевших во владении землю и ревизские души (м.п.)			имевших во владении только землю	не обладавших землёй и ревизскими душами	
	1–5 душ	6–15 душ	16–25 душ			
Вологодский	27	19	21	3	1	71
Вельский	1	6	2	1	0	10
Грязовецкий	28	26	13	10	4	81
Кадниковский	14	14	16	1	0	45
Никольский	1	0	1	0	0	2
Тотемский	3	0	0	1	1	5
Устюгский	0	1	0	0	0	1
Устьсысольский	0	0	0	0	1	1
Всего	74	66	53	16	7	216

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 23–190 об.

Приложение 19

Сословное происхождение провинциального чиновничества (сравнительная характеристика) (в %)

Губернии	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
Сведения о чиновниках конца XVIII – начала XIX в.*						
Вологодская	26,2	4,0	44,0	13,3	12,5	100
Вятская	43,5	13,7	15,2	5,1	22,5	100
Костромская	66,2	3,6	15,1	7,9	7,2	100
Сведения о чиновниках середины XIX в.**						
Вологодская	18,2	21,8	46,3	9,0	4,7	100
Вятская	20,8	38,6	27,4	8,3	4,9	100
Калужская	28,9	20,9	33,1	10,3	6,8	100

* По Вологодской губернии приведены сведения за 1801 г., по Вятской – за 1803 г., по Костромской – за 1798–1799 гг.

** По Вологодской губернии приведены сведения за 1850–1852 гг., по Вятской – за 1855 г., Калужской – за 1847, 1849, 1851–1855 гг.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. – 6; ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24; Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 1 (56). – Вып. 9. – С. 75–78; Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1997. – С. 218; Румянцева М.Ф. Вологодское чиновничество в конце XVIII века // Вологда: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 1997. – С. 79–80.

Приложение 20

Сословный состав чиновничества Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Таблица 1

Сословный состав чиновничества губернских учреждений Вологодской губернии в первой половине XIX в. (в %)

Год	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
	I. Удельный вес в составе присутствий					
1801	70,0	0,0	10,0	10,0	10,0	100
1806	72,0	4,0	4,0	12,0	8,0	100
1810	74,0	8,7	4,3	4,3	8,7	100
1818	76,0	8,0	8,0	8,0	0,0	100
1826	60,0	20,0	12,0	8,0	0,0	100
1838	64,7	2,9	14,7	11,8	5,9	100
1844	56,4	18,0	7,7	5,1	12,8	100
	II. Удельный вес в составе канцелярий					
1801	1,4	5,6	67,6	15,5	9,9	100
1806	5,9	9,8	42,2	29,4	12,7	100
1810	4,0	5,9	41,6	33,7	14,8	100
1818	4,6	17,2	32,2	36,8	9,2	100
1826	3,6	29,5	46,0	14,4	6,5	100
1838	4,1	33,3	45,5	13,0	4,1	100
1844	4,5	26,4	55,2	10,4	3,5	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2

Сословный состав чиновничества уездных учреждений Вологодской губернии в первой половине XIX в. (в %)

Год	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
	I. Удельный вес в составе присутствий					
1801	43,2	6,2	21,0	12,3	17,3	100
1806	44,1	7,1	21,4	11,9	15,5	100
1810	40,8	12,3	23,5	11,1	12,3	100
1818	43,7	12,5	22,5	12,5	8,8	100
1826	40,2	17,1	18,3	19,5	4,9	100
1838	24,8	22,5	27,1	17,1	8,5	100
1844	29,1	14,2	31,5	18,9	6,3	100
	II. Удельный вес в составе канцелярий					
1801	2,1	2,1	72,4	14,9	8,5	100
1806	4,0	6,8	55,4	24,3	9,5	100
1810	2,4	12,2	40,2	39,1	6,1	100
1818	5,1	14,1	27,3	44,4	9,1	100
1826	1,4	20,0	30,7	43,6	4,3	100
1838	1,0	20,6	52,0	22,5	3,9	100
1844	3,5	24,1	55,2	15,5	1,7	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 3

Сословный состав чиновничества городских учреждений Вологодской губернии в первой половине XIX в. (в %)

Год	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
	I. Удельный вес в составе присутствий					
1801	58,3	0,0	20,9	8,3	12,5	100
1806	48,2	3,7	22,2	11,1	14,8	100
1810	44,5	7,4	11,1	18,5	18,5	100
1818	40,0	16,0	4,0	20,0	20,0	100
1826	50,0	20,9	8,3	12,5	8,3	100
1838	46,4	10,7	10,7	17,9	14,3	100
1844	35,7	10,7	28,6	14,3	10,7	100
	II. Удельный вес в составе канцелярий					
1801	0,0	0,0	60,0	20,0	20,0	100
1806	0,0	7,7	61,5	23,1	7,7	100
1810	0,0	0,0	45,4	54,6	0,0	100
1818	12,5	0,0	25,0	62,5	0,0	100
1826	0,0	0,0	44,4	55,6	0,0	100
1838	0,0	26,9	38,5	26,9	7,7	100
1844	4,6	27,9	44,2	16,3	7,0	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 4

Соотношение занимаемых должностей внутри сословных групп вологодского чиновничества в первой половине XIX в. (в %)

Должности		Дворянство			Дети «обер-офицеров»			Духовенство			Дети приказных служителей			Прочие		
		1806	1826	1844	1806	1826	1844	1806	1826	1844	1806	1826	1844	1806	1826	1844
в составе присутствий учреждений	губернских	23,4	22,4	26,2	4,2	5,4	5,8	0,9	2,3	1,2	4,5	1,9	2,6	5,0	0,0	17,9
	уездных	48,0	49,2	44,0	25,0	15,0	14,9	15,4	11,4	16,3	14,9	14,9	31,6	32,5	19,0	28,6
	городских	16,9	17,9	11,9	4,2	5,4	2,5	5,1	1,5	3,3	4,5	2,8	5,3	10,0	9,5	10,7
в составе канцелярий учреждений	губернских	7,8	7,5	10,7	41,6	44,1	43,8	36,7	48,9	45,3	44,8	18,7	27,6	32,5	42,9	25,0
	уездных	3,9	3,0	4,8	20,8	30,1	23,1	35,1	32,8	26,1	26,8	57,0	23,7	17,5	28,6	7,1
	городских	0,0	0,0	2,4	4,2	0,0	9,9	6,8	3,1	7,8	4,5	4,7	9,2	2,5	0,0	10,7
Всего		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 21

Состав чиновничества центральных и местных органов власти Российской империи в первой половине XIX в.

(сравнительная характеристика)

Таблица 1

Состав чиновничества центральных и местных органов власти Российской империи в начале XIX в. (в %)

Класс по Табели о рангах	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
Чиновники центральных органов власти						
I–V	60,3	8,6	10,4	0,0	20,7	100
VI–VIII	59,3	11,7	4,8	3,2	21,0	100
IX–XIV	29,0	25,8	8,6	8,9	27,7	100
Чиновники местных органов власти*						
I–V	87,5	0,0	0,0	3,1	9,4	100
VI–VIII	73,6	6,0	6,0	2,7	11,7	100
IX–XIV	32,7	5,2	33,0	13,8	15,3	100
Чиновники органов власти Вологодской губернии						
I–V	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
VI–VIII	75,8	0,0	12,1	9,1	3,0	100
IX–XIV	17,4	4,7	49,5	14,2	14,2	100

* Представлены средние показатели по ряду губерний Российской империи, исследованных У. Пинтнером.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Pintner W. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. – Chapel Hill, N.C., 1980. – P. 197–198.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2

Состав чиновничества центральных и местных органов власти Российской империи в середине XIX в. (в %)

Класс по Табели о рангах	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
Чиновники центральных органов власти						
I–V	77,2	4,6	7,2	1,4	9,6	100
VI–VIII	54,2	13,2	10,0	5,7	16,9	100
IX–XIV	38,2	27,1	12,7	9,8	12,2	100
Чиновники местных органов власти*						
I–V	81,8	4,5	6,8	2,3	4,6	100
VI–VIII	47,9	14,7	17,3	7,8	12,3	100
IX–XIV	30,6	24,7	33,3	6,6	4,8	100
Чиновники органов власти Вологодской губернии						
I–V	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
VI–VIII	32,8	16,4	27,9	16,4	6,5	100
IX–XIV	15,0	22,1	51,0	8,0	3,9	100

* Представлены средние показатели по ряду губерний Российской империи, исследованных У. Пинтнером.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об.–6; ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24; Pintner W. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. – Chapel Hill, N.C., 1980. – P. 199–200.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 22

Состав чиновничества губернских, уездных и городских органов власти Вологодской губернии в первой половине XIX в. (в %)

Класс по Табели о рангах	Органы власти	Дворянство	Дети «обер-офицеров»	Духовенство	Дети приказных служителей	Прочие	Всего
1806 г.							
I–V*	губернские	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
VI–VIII	губернские	50,0	6,2	12,5	18,8	12,5	100
	уездные	71,5	0,0	7,1	0,0	21,4	100
	городские	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
IX–XIV	губернские	7,8	9,7	40,8	29,1	12,6	100
	уездные	20,8	7,7	40,3	19,4	11,8	100
	городские	12,9	6,4	45,2	19,4	16,1	100
1826 г.							
I–V*	губернские	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
VI–VIII	губернские	53,8	15,4	30,8	0,0	0,0	100
	уездные	71,4	14,3	0,0	0,0	14,3	100
	городские	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
IX–XIV	губернские	8,0	29,3	42,0	14,7	6,0	100
	уездные	13,9	19,1	27,0	35,8	4,2	100
	городские	22,2	18,6	22,2	29,6	7,4	100
1844 г.							
I–V*	губернские	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
VI–VIII	губернские	42,3	11,5	27,0	7,7	11,5	100
	уездные	27,0	11,5	19,2	38,5	3,8	100
	городские	49,9	0,0	16,7	16,7	16,7	100
IX–XIV	губернские	15,2	26,7	45,4	9,1	3,6	100
	уездные	15,2	20,4	45,5	15,2	3,7	100
	городские	12,7	23,8	39,7	15,9	7,9	100

* В 1806, 1826 и 1844 гг. в уездных и городских органах власти Вологодской губернии на службе не состояли чиновники I–V классов.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

Приложение 23

Возрастной состав чиновничества Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Год	до 20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		свыше 60 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1801	0	0,0	47	19,0	124	50,2	56	22,7	17	6,9	3	1,2	247	100
1806	15	4,4	87	25,8	99	29,4	102	30,3	28	8,3	6	1,8	337	100
1810	16	4,9	103	32,1	72	22,4	92	28,7	32	10,0	6	1,9	321	100
1818	4	1,2	125	39,0	70	21,8	53	16,5	58	18,1	11	3,4	321	100
1826	5	1,2	180	43,2	139	33,3	44	10,6	28	6,7	21	5,0	417	100
1838	0	0,0	112	24,8	177	39,3	98	21,7	45	10,0	19	4,2	451	100
1844	9	1,8	156	30,6	154	30,3	120	23,6	52	10,2	18	3,5	509	100
1850–1852	4	0,8	199	40,7	145	29,6	82	16,8	47	9,6	12	2,5	489	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. –6; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 24

Возрастной состав служащих губернских, уездных и городских органов власти Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Таблица 1

Возрастной состав чиновничества губернских, уездных и городских органов власти Вологодской губернии в первой половине XIX в. (в %)

Год	Губернские органы власти			Всего	Уездные органы власти			Всего	Городские органы власти			Всего
	до 30 лет	31–50 лет	свыше 50 лет		до 30 лет	31–50 лет	свыше 50 лет		до 30 лет	31–50 лет	свыше 50 лет	
1806	38,6	53,5	7,9	100	22,8	64,6	12,6	100	38,5	53,8	7,7	100
1826	51,2	39,7	9,1	100	40,9	45,5	13,6	100	33,3	54,6	12,1	100
1844	40,5	47,2	12,3	100	29,2	56,8	14,0	100	21,1	62,0	16,9	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

Таблица 2

Возрастной состав чиновников и канцелярских служителей губернских, уездных и городских органов власти Вологодской губернии в 1846 г. (в %)

Структурное подразделение учреждения	Губернские органы власти			Всего	Уездные органы власти			Всего	Городские органы власти			Всего
	до 30 лет	31–50 лет	свыше 50 лет		до 30 лет	31–50 лет	свыше 50 лет		до 30 лет	31–50 лет	свыше 50 лет	
Общие присутствия	3,6	60,7	35,7	100	13,6	51,1	35,3	100	10,3	65,6	24,1	100
Канцелярии	69,5	27,9	2,6	100	77,1	21,3	1,6	100	38,9	53,3	7,8	100

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 25

Возрастной состав чиновничества Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Класс по Табели о рангах	до 20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		свыше 60 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1806 г.														
III	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100,0	0	0,0	1	100
V	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	57,2	3	42,8	0	0,0	7	100
VI	0	0,0	0	0,0	2	50,0	0	0,0	2	50,0	0	0,0	4	100
VII	0	0,0	1	7,1	1	7,1	6	43,0	3	21,4	3	21,4	14	100
VIII	0	0,0	2	8,7	7	30,4	11	47,8	3	13,1	0	0,0	23	100
IX	0	0,0	5	9,3	20	37,0	17	31,5	10	18,5	2	3,7	54	100
X	0	0,0	6	13,6	21	47,7	16	36,4	1	2,3	0	0,0	44	100
XII	0	0,0	15	22,7	24	36,4	24	36,4	3	4,5	0	0,0	66	100
XIII	1	12,5	3	37,5	2	25,0	2	25,0	0	0,0	0	0,0	8	100
XIV	14	12,1	55	47,4	22	19,0	22	19,0	2	1,7	1	0,8	116	100
III–XIV	15	4,4	87	25,8	99	29,4	102	30,3	28	8,3	6	1,8	337	100
1826 г.														
IV	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100,0	0	0,0	0	0,0	1	100
VI	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	20,0	4	40,0	4	40,0	10	100
VII	0	0,0	1	7,7	3	23,1	5	38,4	2	15,4	2	15,4	13	100
VIII	0	0,0	0	0,0	1	50,0	1	50,0	0	0,0	0	0,0	2	100
IX	0	0,0	16	15,2	51	48,6	20	19,1	12	11,4	6	5,7	105	100
X	0	0,0	19	34,0	26	46,4	5	8,9	5	8,9	1	1,8	56	100
XII	0	0,0	50	53,2	33	35,1	5	5,3	3	3,2	3	3,2	94	100
XIII	0	0,0	5	71,4	1	14,3	1	14,3	0	0,0	0	0,0	7	100
XIV	5	3,9	89	69,0	24	18,6	4	3,1	2	1,5	5	3,9	129	100
IV–XIV	5	1,2	180	43,2	139	33,3	44	10,6	28	6,7	21	5,0	417	100

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Класс по Табели о рангах	до 20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		свыше 60 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1844 г.														
IV	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100,0	0	0,0	1	100
V	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	50,0	1	50,0	2	100
VI	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	50,0	1	25,0	1	25,0	4	100
VII	0	0,0	0	0,0	1	6,7	4	26,7	9	59,9	1	6,7	15	100
VIII	0	0,0	0	0,0	3	7,9	20	52,6	11	28,9	4	10,6	38	100
IX	0	0,0	2	1,9	31	28,9	54	50,5	15	14,0	5	4,7	107	100
X	0	0,0	3	5,2	30	51,7	17	29,3	4	6,9	4	6,9	58	100
XII	0	0,0	32	29,1	52	47,3	17	15,4	7	6,4	2	1,8	110	100
XIII	0	0,0	1	20,0	3	60,0	1	20,0	0	0,0	0	0,0	5	100
XIV	9	5,6	113	70,6	31	19,4	4	2,5	3	1,9	0	0,0	160	100
IV–XIV	9	1,8	151	30,2	151	30,2	119	23,8	52	10,4	18	3,6	500	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 26

Образовательный уровень служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Год	Домашнее образование		Низшее образование		Среднее незаконченное образование		Среднее законченное образование		Высшее незаконченное образование		Высшее законченное образование		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1801	209	84,3	0	0,0	34	13,7	3	1,2	1	0,4	1	0,4	248	100
1806	294	86,0	0	0,0	34	9,9	12	3,5	1	0,3	1	0,3	342	100
1810	282	86,7	0	0,0	30	9,2	11	3,4	1	0,3	1	0,3	325	100
1818	278	85,9	0	0,0	15	4,6	28	8,6	1	0,3	2	0,6	324	100
1826	369	88,1	1	0,2	13	3,1	33	7,9	0	0,0	3	0,7	419	100
1838	369	81,9	2	0,4	17	3,8	43	9,5	0	0,0	20	4,4	451	100
1844	453	79,3	11	1,9	8	1,4	77	13,5	0	0,0	22	3,9	571	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 27

Образовательный уровень служащих Вологодской губернии в середине XIX в.

Таблица 1

Образовательный уровень служащих в начале 1850-х гг.

Класс по Табели о рангах	Домашнее образование		Низшее незаконченное образование		Низшее законченное образование		Среднее незаконченное образование		Среднее законченное образование		Высшее незаконченное образование		Высшее законченное образование		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
IV	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100,0	0	0,0	0	0,0	1	100
V	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	100,0	0	0,0	0	0,0	2	100
VI	3	33,3	0	0,0	0	0,0	1	11,1	3	33,3	0	0,0	2	22,3	9	100
VII	2	50,0	0	0,0	0	0,0	1	25,0	1	25,0	0	0,0	0	0,0	4	100
VIII	7	18,4	3	7,9	10	26,3	6	15,8	10	26,3	0	0,0	2	5,3	38	100
IX	8	19,5	7	17,1	9	21,9	10	24,4	5	12,2	0	0,0	2	4,9	41	100
X	5	7,5	11	16,4	19	28,4	22	32,8	10	14,9	0	0,0	0	0,0	67	100
XII	7	5,7	24	19,5	25	20,3	33	26,9	31	25,2	1	0,8	2	1,6	123	100
XIII	2	66,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	33,3	0	0,0	0	0,0	3	100
XIV	4	3,8	22	21,2	36	34,6	25	24,0	16	15,4	0	0,0	1	1,0	104	100
Без чина	1	8,3	0	0,0	3	25,0	2	16,7	5	41,7	0	0,0	1	8,3	12	100
Всего	39	9,7	67	16,6	102	25,2	100	24,8	85	21,0	1	0,2	10	2,5	404	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. –6; ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2

Образовательный уровень сословных групп служащих в начале 1850-х гг.

Сословное происхождение служащего	Домашнее образование		Низшее незаконченное образование		Низшее законченное образование		Среднее незаконченное образование		Среднее законченное образование		Высшее образование		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Дворянство	9	13,4	4	5,9	8	12,0	9	13,4	29	43,3	8	12,0	67	100
Дети «обер-офицеров»	9	10,8	11	13,3	31	37,3	18	21,7	12	14,5	2	2,4	83	100
Духовенство	3	1,6	49	25,3	42	21,6	65	33,5	34	17,5	1	0,5	194	100
Дети приказных служителей	13	31,7	2	4,9	19	46,3	4	9,8	3	7,3	0	0,0	41	100
Прочие	5	26,3	1	5,3	2	10,5	4	21,1	7	36,8	0	0,0	19	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. –6; ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 3

Образовательный уровень служащих губернских, уездных и городских органов власти в начале 1850-х гг. (в %)

Служащие		Домашнее образование	Низшее незаконченное образование	Низшее законченное образование	Среднее незаконченное образование	Среднее законченное образование	Высшее образование	Всего
Губернских учреждений	в составе присутствий	22,9	0,0	0,0	14,3	48,5	14,3	100
	в составе канцелярий	2,1	12,9	25,0	32,1	26,5	1,4	100
Уездных учреждений	в составе присутствий	18,4	16,1	19,5	16,1	27,6	2,3	100
	в составе канцелярий	5,7	24,5	38,7	22,6	6,6	1,9	100
Городских учреждений	в составе присутствий	29,2	8,2	16,7	16,7	29,2	0,0	100
	в составе канцелярий	11,5	34,6	23,1	30,8	0,0	0,0	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. –6; ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 28

Уровень профессиональной подготовленности вологодских служащих середины XIX в.

Уровень образования	Тип учебно-воспитательной системы								Всего	
	Гражданская				Духовная		Военная			
	общая подготовка		специальная подготовка							
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высшее законченное образование	13	92,9	0	0,0	1	7,1	0	0,0	14	100
Высшее незаконченное образование	1	100,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100
Среднее законченное образование	33	37,1	4	4,5	37	41,6	15	16,8	89	100
Среднее незаконченное образование	32	31,3	1	1,0	68	66,7	1	1,0	102	100
Низшее законченное образование	55	52,4	3	2,8	47	44,8	0	0,0	105	100
Низшее незаконченное образование	16	23,9	0	0,0	51	76,1	0	0,0	67	100
Всего	150	39,7	8	2,1	204	54,0	16	4,2	378	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–288; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. –6; ГА ВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 558 об.–591; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.–24.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 29

Оклады провинциальных чиновников по штатным расписаниям первой половины XIX в.

Таблица 1

Оклады чиновников в первой четверти XIX в.

Должность (класс)	Годовой размер жалованья (1803 г.)		Годовой размер жалованья (1827 г.)	
	(руб. ассиг.)	(руб. сер.)*	(руб. ассиг.)	(руб. сер.)*
Губернские чиновники				
Губернатор (IV)	3 000	2 400	6 000	1 620
Вице-губернатор (V)	1 200	960	4 000	1 080
Председатель палаты (V)	840	672	2 500	675
Советник (VI)	600	480	1 500	405
Губернский казначей (VI)	600	480	1 500	405
Губернский прокурор (VI)	600	480	2 000	540
Совестный судья (VI)	600	480	600	162
Асессор (VIII)	400	320	1 000	270
Губернский стряпчий (VII)	360	288	1 200	324
Дворянский заседатель (VII)	360	288	360	97 руб.20 коп.
Секретарь (X)	350	280	800	216
Губернский землемер	500	400	1 000	270
Губернский архитектор	400	320	1 200	324
Инспектор врачебной управы	700	560	700	189
Уездные чиновники				
Городничий (VIII)	300	240	300	81
Уездный судья (VIII)	300	240	300	81
Дворянский заседатель (IX)	250	200	250	67 руб.50 коп.
Уездный казначей (IX)	250	200	1 000, 800**	270, 216
Земский исправник (IX)	250	200	250	67 руб.50 коп.
Дворянский заседатель (X)	200	160	200	54
Уездный стряпчий (XI)	150	120	150	40 руб.50 коп.
Секретарь (XIV)	200	160	200	54
Протоколист дворянской опеки (XIV)	100	80	100	27
Уездный землемер	300	240	300	81
Уездный лекарь	300	240	300	81

* В штатных расписаниях первой четверти XIX в. жалованье указывалось в рублях ассигнациями. Пересчёт окладов на серебро сделан нами с учётом курса рубля.

** Уездному казначею в губернском городе полагалось 1 000 руб., в уездном – 800.

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 44. – Ч. 2. – № 21 051, 24 983, 27 218, 27 668, 27 887, 27 986, 29 694, 30 116, 30 291; ПСЗ–2. – Т. 2. – № 1 295; Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. – М., 2009. – С. 240.

Таблица 2

Оклады чиновников в 1840-е гг.

Должность (класс)	Годовой размер жалованья (руб. ассиг.)	Размер жалованья (руб. сер.)
Губернские чиновники		
Губернатор (IV)	12 000	3 431 руб. 04 коп.
Вице-губернатор (V)	4 000	1 143 руб. 68 коп.
Советник (VI)	1 500	428 руб. 88 коп.
Секретарь (VIII)	800	228 руб. 68 коп.
Губернский казначей (VI)	1 500	428 руб. 88 коп.
Асессор (VIII)	1 000	285 руб. 92 коп.
Председатель палаты (V)	4 000	1 143 руб. 68 коп.
Товарищ председателя палаты (VI)	2 500	714 руб. 80 коп.
Дворянский заседатель палаты (VII)	1 000	285 руб. 92 коп.
Совестный судья (VI)	600	171 руб. 58 коп.
Дворянский заседатель совестного суда (VII)	360	102 руб. 91 коп.
Губернский прокурор (VI)	4 500	1 286 руб. 46 коп.
Губернский стряпчий (VII)	2 000	571 руб. 28 коп.
Губернский землемер	2 100	600 руб.
Инспектор врачебной управы	1 600	457 руб. 51 коп.
Уездные чиновники		
Городничий (VIII)	1 000	285 руб. 92 коп.
Уездный судья (VIII)	1 200	343 руб. 10 коп.
Дворянский заседатель (IX)	800	228 руб. 68 коп.
Уездный казначей (IX)	1 000, 800*	285 руб. 92 коп., 228 руб. 68 коп.
Земский исправник (VIII)	1 500	428 руб. 88 коп.
Непременный заседатель (IX)	1 000	285 руб. 92 коп.
Становый пристав (X)	1 000**	285 руб. 92 коп.
Секретарь (XII)	600	171 руб. 58 коп.
Уездный стряпчий (XI)	800	228 руб. 68 коп.
Протоколист дворянской опеки (XIV)	100	28 руб. 58 коп.
Уездный землемер	700	200 руб. 5 коп.
Уездный лекарь	900	257 руб. 29 коп.

* Уездному казначею в губернском городе полагалось 1 000 руб., в уездном – 800.

** Помимо установленного оклада, каждому становому приставу выплачивалось по 300 руб. на канцелярские расходы и наём писца.

Составлено по: ПСЗ–2. – Т. 12. – Отд. 2. – № 10 305; Т. 15. – Отд. 2. – № 14 105; Отд. 3. – № 14 107; Т. 18. – Отд. 2. – № 16 897; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657; Т. 20. – Отд. 2. – № 18 580.

Приложение 30

Суммы, ежегодно выделявшиеся на канцелярские расходы, по штатным расписаниям первой половины XIX в.

Учреждение	1803 г.		1840-е гг.	
	(руб. ассиг.)	(руб. сер.)*	(руб. ассиг.)	(руб. сер.)
Губернское правление**	10 000	8 000	10 000	2 857 руб. 05 коп.
Палата гражданского суда**			10 775	3 078 руб. 50 коп.
Палата уголовного суда**			10 225	2 921 руб. 50 коп.
Казённая палата	7 000	5 600	10 940	3 069 руб. 78 коп.
Совестный суд	390	312	780	222 руб. 80 коп.
Городничий	130	104	200	57 руб. 14 коп.
Уездный суд***	650	520	от 2 500 до 3 800	от 714 руб.20 коп. до 1 085 руб.70 коп.
Уездное казначейство****	368	294 руб. 40 коп.	1 200, 700	342 руб. 85 коп., 200 руб.
Земский суд	238	190 руб. 40 коп.	3 600	1 028 руб. 75 коп.

* В штатных расписаниях первой четверти XIX в. суммы, выделявшиеся на канцелярских служителей и расходы, указывались в рублях ассигнациями. Пересчёт на серебро сделан нами с учётом курса рубля.

** В штатном расписании 1803 г. для губернского правления и губернских палат обозначалась общая сумма на канцелярских служителей и расходы.

*** В штатных расписаниях 1840-х гг. сумма на канцелярских служителей и расходы различалась для судов разных уездов.

**** По штатному расписанию 1823 г. уездному казначейству в губернском городе полагалось 1 200 руб. ассигнациями на канцелярских служителей и расходы, в уездном – 700.

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 44. – Ч. 2. – № 21 051, 24 983; ПСЗ–2. Т. 15. – Отд. 2. – № 14 105; Отд. 3. – № 14 107; Т. 19. – Отд. 2. – № 17 657; Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. – М., 2009. – С. 240.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 31

Ведомости на выдачу жалованья канцелярским и низшим служителям Вологодской палаты уголовного суда (1802 г.)

№	Должность	Классный чин / канцелярское звание	ФИО	Сумма к выдаче*		
				1-я треть	2-я треть**	3-я треть
1	Протоколист	Губернский секретарь	Н. Моклоков**	74 руб. 25 коп.	39 руб. 85 коп.	74 руб. 25 коп.
2	Архивариус	Губернский секретарь	И. Брянцев	43 руб.	43 руб.	43 руб.
3	Писец	Коллежский регистратор	Ф. Архангельский	43 руб.	43 руб.	43 руб.
4	Писец	Коллежский регистратор	А. Ливаровский	34 руб.	33 руб.	31 руб.
5	Писец	Канцелярист	П. Беляев**	32 руб.	7 руб. 23 коп.	27 руб.
6	Писец	Канцелярист	М. Боголюбов**	34 руб.	19 руб. 23 коп.	39 руб.
7	Писец	Канцелярист	Ф. Лопотовский**	33 руб. 50 коп.	15 руб.	–***
8	Писец	Канцелярист	П. Шепадамов**	42 руб.	22 руб. 23 коп.	42 руб.
9	Писец	Канцелярист	Л. Павлов	28 руб. 50 коп.	33 руб. 33 коп.	35 руб. 33коп.
10	Писец	Канцелярист	В. Фофанов**	27 руб. 50 коп.	15 руб. 23 коп.	35 руб.
11	Писец	Канцелярист	Г. Пещанский	23 руб. 50 коп.	27 руб. 50 коп.	33 руб.
12	Писец	Канцелярист	Н. Петряевский	19 руб. 50 коп.	22 руб.	23 руб.
13	Писец	Канцелярист	А. Меншев	17 руб. 50 коп.	17 руб. 50 коп.	17 руб. 50 коп.
14	Писец	Канцелярист	А. Павлов****	–	5 руб.	19 руб. 25 коп.
15	Писец	Подканцелярист	М. Баранов	18 руб. 50 коп.	19 руб. 50 коп.	19 руб. 50 коп.
16	Писец	Подканцелярист	И. Покровский	20 руб. 25 коп.	20 руб. 25 коп.	20 руб. 25 коп.
17	Писец	Подканцелярист	А. Крутиков****	–	10 руб. 25 коп.	30 руб.
18	Писец	Копиист	В. Архангельский	8 руб.	10 руб.	9 руб.
19	Писец	Копиист	Н. Беляев	8 руб. 30 коп.	10 руб.	9 руб. 25 коп.
20	Вахмистр	–	Ф. Сысоев	11 руб. 88 коп.	14 руб. 26 коп.	11 руб. 88 коп.
21	Сторож	–	К. Дмитриев	7 руб. 92 коп.	8 руб. 92 коп.	7 руб. 92 коп.
22	Сторож	–	Г. Соколов	7 руб. 92 коп.	8 руб. 92 коп.	7 руб. 92 коп.

* Сумма на каждую треть года указана с учётом вычета на госпиталь (по 1 коп. с рубля).

** Сумма на вторую треть года указана с учётом вычета за чин: у Н. Моклокова – 34 руб. 40 коп.; у П. Беляева, М. Боголюбова, Ф. Лопотовского, П. Шешадамова, В. Фофанова – по 19 руб. 76 коп.

*** Ф. Лопотовский на третью треть года уже не состоял на службе в канцелярии.

**** А. Павлов и А. Крутиков поступили на службу в канцелярию во второй четверти года.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 687–688; Д. 5. – Л. 631–633 об., 1584–1586.

Приложение 32

Государственные расходы на Вологодскую губернию в первой половине XIX в.

Таблица 1

Расходы по Вологодской губернии в 1824 г.*

Статьи расхода			Сумма (руб. ассиг.)
По ведомству Министерства внутренних дел	Губернатор	жалование, столовые деньги	8 950 руб.
	Губернское правление, земские суды, городничие, уездные землемеры	жалованье, на канцелярские расходы и служителей	28 635 руб.
	Приказ общественного призрения	расходы	3 000 руб.
	Губернский архитектор	жалованье	1 188 руб.
	Врачебная управа, уездные лекари	жалованье	13 662 руб.
		канцелярские расходы, разъезды	400 руб.
	прибавочная сумма на жалованье и канцелярские расходы губернского правления		10 390 руб.
	прибавочная сумма третьему советнику губернского правления		594 руб.
	прибавочная сумма на канцелярии губернского правления и губернатора		3 000 руб.
	прибавочная сумма на губернскую типографию		750 руб.
	прибавочная сумма земским судам на жалованье и канцелярские расходы		2 380 руб.
	прибавочная сумма на жалованье трём дворянским заседателям, добавленным в штат Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского земских судов		594 руб.
	прибавочная сумма градским полициям на жалованье и канцелярские расходы		1 170 руб.
	прибавочная сумма на жалованье никольскому городничему		297 руб.
	прибавочная сумма на жалованье двум уездным врачам		200 руб.
	издержки на наём зданий и починки казённых строений	наём домов присутственных мест	7 000 руб.
		починки	1 000 руб.
По ведомству Министерства финансов	Казённая палата (по департаменту государственного казначейства), уездные казначейства	жалованье, канцелярские расходы	20 306 руб. 30 коп.
		пенсии штатные	2 024 руб. 55 коп.
		пенсии сверхштатные	9 605 руб. 56 коп.

Таблица 1. Продолжение

Статьи расхода			Сумма (руб. ассиг.)
По ведомству Министерства финансов	Служащие по лесной части (по департаменту государственных имуществ)	жалованье оберфорштмейстеру	594 руб.
		жалованье четырём форштмейстерам	990 руб.
		жалованье пяти форштмейстерским ученикам	396 руб.
		жалованье секретарю	247 руб. 50 коп.
		жалованье шести канцелярским служителям	356 руб. 40 коп.
		канцелярские расходы	500 руб.
		содержание сверхштатных чиновников	2 245 руб.
	прибавочная сумма казённой палате на канцелярские расходы		6 640 руб.
	прибавочная сумма на счётную экспедицию и губернского казначея		5 000 руб.
	прибавочная сумма уездным казначействам		4 000 руб.
	прибавочная сумма уездным казначействам на канцелярские расходы		4 320 руб.
По ведомству Министерства юстиции	Губернским судебным палатам, совестному суду, уездным судам	жалованье, канцелярские расходы	32 234 руб. 40 коп.
	прибавочная сумма на канцелярские расходы губернских судебных палат		7 000 руб.
	прибавочная сумма на канцелярские расходы совестного суда		390 руб.
	прибавочная сумма на канцелярские расходы уездных судов		6 500 руб.
По ведомству Министерства просвещения	Гимназия	расходы	7 000 руб.
	Вологодское, Вельское, Тотемское, Сольвычегодское, Яренское и Грязовецкое уездные училища	расходы	9 600 руб.
	прибавочная сумма двум учителям		1 050 руб.
Пенсии (годовой оклад)	на счёт Капитула российских орденов	бывшему служащему уездного казначейства С. Бекренёву	55 руб. 99 ½ коп.

Таблица 1. Продолжение

Статьи расхода	Сумма (руб. ассиг.)
Всего по Министерству внутренних дел	83 210 руб.
Всего по Министерству финансов	642 308 руб. 93 ¼ коп.
Всего по Министерству юстиции	46 124 руб. 40 коп.
Всего по Министерству просвещения	18 000 руб.
Всего по Министерству духовных дел	36 630 руб.
Всего по Главному управлению путей сообщения	25 106 руб. 27 ½ коп.
Всего по Главному управлению почт	4 554 руб. 41 коп.
Всего по Вологодской губернии	867 077 руб. 38 ½ коп.

* Общая сумма доходов по Вологодской губернии составила 4 496 297 руб. 14 коп.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 103. – Л. 33 об.–54 об.

Таблица 2

Расходы по Вологодской губернии в 1835 г.

Статьи расхода		Сумма (руб. ассиг.)
По ведомству Министерства внутренних дел	департамента государственного хозяйства	460 руб. 20 коп.
	департамента полиции исполнительной	42 077 руб. 58 ⅓ коп
	департамента медицинского	13 424 руб. 54 ⅓ коп.
По ведомству Министерства финансов	департамента государственных имуществ	17 441 руб. 37 коп.
	департамента горных и соляных дел	142 825 руб. 74 коп.
	департамента разных податей и сборов	48 615 руб. 9 коп.
	департамента государственного казначейства	74 633 руб. 22 коп.
	на пенсионы	80 709 руб. 14 коп.
По ведомству Министерства юстиции		59 241 руб. 99 коп.
По ведомству Министерства просвещения		10 982 руб. 53 коп.
По Главному управлению путей сообщения и публичных зданий		50 496 руб. 28 коп.
По Главному управлению почт		25 033 руб. 5 ¼ коп.
Всего по Вологодской губернии		658 598 руб. 38 коп.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 991. – Л. 113 об.–148 об.

Приложение 33

Душевладение вологодского чиновничества в первой половине XIX в.

Год	1–10 душ м.п.		11–50 душ м.п.		51–100 душ м.п.		Более 100 душ м.п.		Не имеют душ м.п.		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1801	30	12,1	17	6,9	4	1,6	5	2,0	192	77,4	248	100
1806	30	8,8	20	5,8	4	1,2	12	3,5	276	80,7	342	100
1810	28	8,6	13	4,0	2	0,6	12	3,7	270	83,1	325	100
1818	23	7,1	25	7,7	4	1,2	6	1,9	266	82,1	324	100
1826	21	5,0	14	3,3	6	1,4	9	2,2	369	88,1	419	100
1838	21	4,6	36	8,0	7	1,6	21	4,6	367	81,2	452	100
1844	15	2,6	30	5,3	7	1,2	25	4,4	494	86,5	571	100
1850-1852	9	1,8	22	4,5	10	2,0	18	3,7	430	88,0	489	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 47 (1801 г.). – Л. 1–119; Д. 37 (1806 г.). – Л. 1–176; Д. 47 (1810 г.). – Л. 1–155; Д. 241 (1818 г.). – Л. 1–229; Д. 129 (1826 г.). – Л. 1–492; Д. 441 (1838 г.). – Л. 1–918; Д. 473 (1844 г.). – Ч. 1. – Л. 1–256; Ч. 2. – Л. 1–332; Ч. 3. – Л. 1–559; Оп. 5. – Д. 793. – Л. 1–112; Д. 2324. – Л. 1 об.–54; Д. 4783. – Л. 1–389; Д. 7664. – Л. 1–258; Оп. 6. – Д. 1636. – Л. 2 об. – 6; ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1а об.–1044; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1 об.–748 об.; Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 15 об.– 82.

Приложение 34

Цены на продукты питания и предметы потребления в Вологодской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.*

Название товара	Цена в 1790-е гг.	Цена в 1830 г.	Цена в 1837 г.
Арбуз	30 коп.	2 руб.	2 руб. 50 коп.
Баранина (пуд)	1 руб. 40 коп.	2 руб.	5 руб.
Белое виноградное вино (штоф)	70 коп.	2 руб.	3 руб.
Хлебное вино (ведро)	4 руб.	8 руб.	8 руб.
Виноград (фунт)	60 коп.	2 руб.	2 руб. 50 коп.
Говядина (пуд)	90 коп.	2 руб. 50 коп.	5 руб.
Свежая икра (фунт)	16 коп.	70 коп.	1 руб. 80 коп.
Кофе (фунт)	75 коп.	1 руб. 40 коп.	2 руб.
Крахмал (фунт)	10 коп.	30 коп.	30 коп.
Крупа овсяная (фунт)	3 коп.	5 коп.	6 коп.
Масло (фунт)	12 коп.	35 коп.	40 коп.
Мёд (фунт)	30 коп.	60 коп.	1 руб.
Мука овсяная (пуд)	48 коп.	—	1 руб. 60 коп.
Мука ржаная (пуд)	55 коп.	1 руб. 15 коп.	1 руб. 35 коп.
Овёс (четверть)	1 руб. 90 коп.	5 руб. 70 коп.	6 руб.
Огурцы (сотня)	17 коп.	50 коп.	2 руб.
Орехи кедровые (пуд)	1 руб. 80 коп.	3 руб.	20 руб.
Осетрина солёная (фунт)	6 коп.	80 коп.	60 коп.
Сахар (фунт)	48 коп.	1 руб.	1 руб. 50 коп.
Сёмга (фунт)	1 коп.	45 коп.	60 коп.
Чай цветочный (фунт)	2 руб. 40 коп.	8 руб.	13 руб.
Атлас (арш.)	1 руб. 45 коп.	5 руб.	10 руб.
Белая бумага (десять)	20 коп.	50 коп.	60 коп.
Свечи сальные (фунт)	18 коп.	30 коп.	44 коп.

* Цены указаны в рублях ассигнациями.

Составлено по: Сравнительная ведомость ценам на разные произведения и товары // Вологодские губернские ведомости. – 1838. – № 5. – С. 34.

Приложение 35

Нормативно-правовое обеспечение деятельности губернской администрации в первой половине XIX в.

Таблица 1

Численность нормативных правовых актов, регулировавших деятельность губернатора

Содержание нормативных правовых актов	Численность нормативных правовых актов (ед.)					Всего
	1775 – октябрь 1796*	ноябрь 1796 – 11 марта 1801	12 марта 1801 – ноябрь 1825	декабрь 1825 – 3 июня 1837*	3 июня 1837 – 1855	
I. Указы, регулировавшие полномочия губернаторов в общеимперских масштабах						
Расширяющие права	1	5	13	24	10	53
Устанавливающие обязанности	2	6	23	67	40	138
Вводящие запреты	1	4	16	11	0	32
Определяющие ответственность	0	3	2	8	0	13
II. Указы, регламентировавшие порядок исполнения губернаторской должности						
Отношения с центральными органами власти	0	2	10	9	5	26
Отношения с местными учреждениями и должностями	0	3	5	6	1	15
Назначение на должность, увольнение от неё и её замещение	0	1	7	5	4	17
Жалованье и содержание	1	2	4	4	6	17
Иные**	0	5	6	12	6	29
III. Указы, регулировавшие деятельность губернаторов конкретных губерний						
	6	5	27	39	34	111
Всего	11	36	113	185	106	451

* В подсчёт не включены: Учреждение о губерниях 1775 г., Наказ губернаторам 1837 г.

** Указы, регулировавшие вопросы, связанные с работой канцелярии, с предоставлением отпусков, отлучками от должности, заполнением формуляров отчётных документов и т.п.

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 20. – № 14 438, 14 518, 14 671, 14 733, 14 803, 14 804, 14969; Т. 21. – № 15 182, 15 204; Т. 22. – № 16 731; Т. 23. – № 17 516; Т. 24. – № 17 684, 17 791, 17 920, 17 956, 18 012, 18 062, 18 204, 18 243, 18 290, 18 297; Т. 25. – № 18 330, 18 368, 18 370, 18 400, 18 421, 18 438, 18 439, 18 441, 18 471, 18 535, 18 574, 18 736, 18 856, 18 966, 19 047, 19 118, 19 126, 19 158; Т. 26. – № 19 281, 19 301, 19 324, 19 411, 19 423, 19 476, 19 587, 19 671, 19 796, 19 935, 20 005, 20 030, 20 071; Т. 27. – № 20 139, 20 258, 20 326, 20 372, 20 400, 20 719, 20 744, 20 745, 20 791, 20 830, 20 849, 20 918, 21 053; Т. 28. –

№ 21 292, 21 346, 21 372, 21 432, 21 522, 21 620, 21 717, 21 720, 21 777, 21 923, 21 934; Т. 29. – № 22 192, 22 258, 22 543; Т. 30. – № 22 821, 22 846, 22 935, 23 042, 23 094, 23 227, 23 291, 23 617, 23 737, 23 743, 23 855; Т. 31. – № 24 096, 24 150, 24 543, 24 555, 24 629, 24 686, 24 919; Т. 32. – № 25 028, 25 035, 25 195, 25 209, 25 229, 25 233, 25 326, 25 393, 25 397, 25 452, 25 468, 25 596, 25 738; Т. 33. – № 25 995, 26 057, 26 097, 26 196, 26 293, 26 407, 26 431, 26 493, 26 532, 26 672, 26 854; Т. 34. – № 26 952, 27 132, 27 201; Т. 35. – № 27357, 27 368, 27 488, 27 546, 27 563; Т. 36. – № 27 887, 27 930, 27 999, 28 046; Т. 37. – № 28 165, 28 487, 28 662, 28 715; Т. 38. – № 29 124, 29 125, 29 267, 29 330, 29 419, 29 548, 29 599; Т. 39. – № 29 756, 29 842, 29 929, 30 003, 30 020, 30 028, 30 083, 30 178; Т. 40. – № 30273, 30 422, 30 481, 20 421а, 20 924а, 24 425а, 27 104а; ПСЗ–2. – Т. 1. – № 117, 136, 174, 186, 216, 243, 281, 344, 355, 373, 423, 485, 515, 527, 567, 588, 614, 627, 636, 642, 688; Т. 2. – № 824, 849, 865, 894, 964, 969, 997, 1 096, 1 119, 1 139, 1 159, 1 301, 1 334, 1 469, 1 472, 1 479, 1 496, 1 598, 1 656; Т. 3. – № 1 724, 1 787, 1 814, 1 866, 1 889, 1 954, 2 007, 2 021, 2 126, 2 129, 2 262, 2 287, 2 309, 2 412; Т. 4. – № 2 857, 2 900, 3 009, 3 015, 3 035, 3 117, 3 190, 3 208, 3 255, 3 312; Т. 5. – Отд. 1. – № 3 410, 3 565, 3 721, 3 756а, 3 808а, 3 857; Отд. 2. – № 3 900, 3 941, 4 036, 4 162, 4 206а.; Т. 6. – Отд. 1. – № 4 235, 4 244, 4 251, 4 289, 4 311, 4 323, 4 350, 4 375, 4 391, 4 406, 4 501, 4 541, 4 585, 4 677, 4 689, 4 698, 4 711; Отд. 2. – № 4 792, 4 805, 4 866, 4 989, 5 009, 5 016, 5 033; Т. 7. – № 5 060, 5 107, 5 108, 5 109, 5 127, 5 138, 5 150, 5 161, 5 221, 5 223, 5 224, 5 231, 5 411, 5 436, 5 459, 5 478, 5 505, 5 524, 5 624, 5 632, 5 637, 5 644, 5 690, 5 712, 5 768, 5 773, 5 821, 5 869, 5 875; Т. 8. – Отд. 1. – № 5 992, 6 053, 6 076, 6 107, 6 191, 6 258, 6 265, 6 298, 6 323, 6 354, 6 397, 6 455, 6 476, 6 518, 6 584, 6 592, 6 628, 6 656; Т. 9. – Отд. 1. – № 6 756, 6 860, 6 920, 6 940, 7 031, 7 161, 7 232, 7 240, 7 253, 7 374, 7 378, 7 379; Отд. 2. – № 7 444, 7 480, 7 535, 7 541, 7 551; Т. 10. – Отд. 1. – № 7884, 7 910, 7 935, 7 966; Отд. 2. – № 8 384, 8 466, 8 483, 8 653; Т. 11. – Отд. 1. – № 8 813, 8 903, 8 911, 9 113, 9 123, 9 240, 9 378, 9 474; Отд. 2. – № 9 748, 9 776; Т. 12. – Отд. 1. – № 9 894, 9 955, 9 975, 10 253, 10 289; 10 508, 10 581, 10 782; Отд. 2. – № 10 745, 10 838; Т. 13. – Отд. 1. – 10 872, 11 189, 11 205, 11 207; Отд. 2. – № 11 483, 11 539; Т. 14. – Отд. 1. – № 12 166, 12 230, 12 281, 12 299, 12 370, 12 466, 12 537, 12 759, 13 035; Т. 15. – Отд. 1. – № 13 116, 13 929; Т. 16. – Отд. 1. – № 14 492, 14 614, 14 643; Отд. 2. – № 15 096, 15 165; Т. 17. – Отд. 1. – № 15 389, 15 636; Отд. 2. – № 16 110, 16 152, 16 229, 16 337, 16 346; Т. 18. – Отд. 1. – № 16 405, 16 445, 17 001, 17 073, 17 166, 17 332; Т. 19. – Отд. 1. – № 17 767, 18 233; Т. 20. – Отд. 1. – № 18 580, 18 759, 18 808, 18 918, 19 054; Отд. 2. – № 19319, 19 369, 19 384, 19 509, 19 514, 19 515, 14 573а; Т. 21. – Отд. 1. – № 19 773, 19 862; Отд. 2. – № 20 667, 20 668; Т. 22. – Отд. 1. – № 21 155; Т. 23. – Отд. 1. – № 21 891, 22 025, 22 072, 22 159; Отд. 2. – № 22 836; Т. 24. – Отд. 1. – № 23 029; Т. 25. – Отд. 1. – № 24 043; Отд. 2. – № 24 548, 24 639, 24 767; Т. 26. – Отд. 1. – № 24 788, 24 831, 25 044, 25 228, 25 398, 25 442; Отд. 2. – № 25 693; Т. 27. – Отд. 1. – № 25 944, 26 171, 26 209, 26 269, 26 326, 26 328, 26 360, 26 579, 26 693, 26 776; Т. 28. – Отд. 1. – № 26 918, 27 123, 27 185, 27 390, 27 421; Т. 29. – Отд. 1. – № 27 829, 27 912, 28 027, 28 038, 28 092, 28 136, 28 230, 28 254; Т. 30. – Отд. 1. – № 29 246, 29 330, 29 379, 29 776.

Таблица 2

Численность нормативных правовых актов, регулирующих деятельность губернских правлений

Содержание нормативных правовых актов	Численность нормативных правовых актов (ед.)						Всего
	1775 – октябрь 1796*	ноябрь 1796 – 11 марта 1801	12 марта 1801 – ноябрь 1825	декабрь 1825 – 3 июня 1837*	3 июня 1837 – 1844*	январь 1844 – 1855	
I. Указы, регулировавшие полномочия губернского правления в общеимперских масштабах							
Расширяющие права	0	3	8	9	1	3	24
Устанавливающие обязанности	9	4	16	28	3	15	75
Вводящие запреты	2	1	9	7	0	0	19
Определяющие ответственность	0	1	0	1	0	0	2
II. Указы, регламентировавшие порядок работы губернского правления							
Отношения с центральными органами власти	2	0	4	1	1	3	11
Отношения с местными учреждениями и должностями	6	2	9	2	0	1	20
Штаты, назначения на должности, увольнения	1	0	4	3	0	2	10
Жалованье и содержание	0	1	0	1	1	0	3
Иные**	0	1	2	3	4	3	13
III. Указы, регулировавшие деятельность губернских правлений конкретных губерний							
	12	12	41	48	16	33	162
Всего	32	25	93	103	26	60	339

* В подсчёт не включены: Учреждение о губерниях 1775 г., Положение о губернских правлениях 1837 г., Учреждение губернских правлений 1845 г.

** Указы, регулировавшие вопросы, связанные с делопроизводством, заполнением формуляров отчётных документов, мундирами и т.п.

Составлено по: ПСЗ–1. – Т. 20. – № 15 121, 15 140, 15 178, 15 193, 15 300, 15 301, 15 317, 15 321, 15 357, 15 378, 15 439, 15 463, 15 464, 15 527, 15 652, 15 822, 15 864, 15 873; Т. 22. – № 15 939, 15 970, 16 183, 16 272, 16 431, 16 477, 16 689; Т. 23. – № 16 774, 16 776, 16 827, 17 064, 17 094, 17 312, 17 502, 17 516; Т. 24. – № 17 584, 17 594, 17 681, 17 761, 17 937, 18 052, 18 057; Т. 25. – № 18 400, 18 439, 18 451, 18 463, 18 469, 18 535, 18 556, 18 585, 18 681, 18 737, 18 932, 18 973, 19 028; Т. 26. – № 19 241, 19 266, 19 321, 19 585, 19 716; Т. 27. – № 20 143, 20 170, 20 251, 20 314, 20 372, 20 665, 20 757, 20 760, 20 851, 20 908, 21 013; Т. 28. – № 21 189, 21 215, 21 280, 21 287, 21 459, 21 522, 21 726, 21 783, 21 784, 21 922, 21 938, 21 951, 21 957; Т. 29. – № 22 110, 22 114, 22 406, 22 407, 22 426, 22 579; Т. 30. – № 23 640, 24 023; Т. 31. – № 24 165, 24 663; Т. 32. – № 25 077, 25 318, 25 373, 25 389; Т. 33. – № 25 798, 25 867, 25 873, 26 038, 26 407, 26 412, 26 581; Т. 34. –

№ 26672, 27 037; Т. 35. – № 27 247, 27 563, 27 573, 27 595; Т. 36. – № 27 654, 27 660, 27 869, 28 020; Т. 37. – № 28 293, 28 297, 28 314, 28 334, 28 431, 28 500, 28 649, 28 724, 28 736, 28 768, 28 811, 28 851; Т. 38. – № 28 952, 28 987, 29 063, 29 120, 29 125, 29 128, 29 375, 29 390, 29 402, 29 446, 29 515, 29 523; Т. 39. – № 29 743, 29 783, 29 936, 30 005, 30 006, 30 116, 30 142; Т. 40. – № 30 238, 30 312, 30 407, 30 449, 30 463, 30 476, 30 573; ПСЗ–2. – Т. 1. – № 2, 66, 67, 87, 121, 150, 170, 354, 433, 503, 588, 589, 695, 746; Т. 2. – № 824, 825, 853, 878, 1 070, 1 206, 1 301, 1 318, 1 349, 1 424, 1 468, 1 484, 1 590; Т. 3. – № 1729, 1 759, 1 854, 1 864, 2 309, 2 313, 2 411, 2 412, 2 429, 2 562; Т. 4. – № 2 679, 2 716, 2 722, 2 857, 2 928, 2 939, 2 959, 2 972, 3 388; Т. 5. – Отд. 1. – № 3 650; Отд. 2. – № 3 982, 4 002; Т. 6. – Отд. 1. – № 4 470, 4 541, 4 567, 4 664, 4 677, 4 689, 4 698; Отд. 2. – № 4 865, 4 894, 4 941, 4 945, 5 009, 5 033; Т. 7. – № 5 117, 5 439, 5 462, 5 464, 5 624, 5 764, 5 866; Т. 8. – Отд. 1. – № 6 012, 6 107, 6 129, 6 263, 6 282, 6 322, 6 345, 6 424, 6 455, 6 474, 6 476, 6 633; Т. 9. – Отд. 1. – № 6 813, 6 920, 6 978, 7 006; Отд. 2. – № 7 422, 7 524, 7 558, 7 580, 7 605; Т. 10. – Отд. 1. – № 7 910, 7 966, 7 975, 8 093, 8 319; Отд. 2. – № 8 409, 8 479, 8 539, 6 927а; Т. 11. – Отд. 1. – № 9 189, 9 240; Т. 13. – Отд. 1. – № 11 001, 11 094, 11 109, 11 255, 11 263; Отд. 2. – № 11 530; Т. 14. – Отд. 1. – № 12 180, 12 255, 12 429, 12 466, 12 830, 12 909, 13 035; Т. 15. – Отд. 1. – № 13 080, 13 368, 13 558, 13 777, 13 848, 14 055; Т. 16. – Отд. 1. – № 14 157; Т. 17. – Отд. 1. – № 15 540; Отд. 2. – № 16 161; Т. 18. – Отд. 1. – № 16938, 16 942, 17 166, 17 293; Т. 20. – Отд. 1. – № 18 918; Отд. 2. – № 19 448, 19 468, 19 506; Т. 21. – Отд. 1. – № 19 634, 19 762, 19 773, 19 902, 20 062, 20 146; Отд. 2. – № 20192, 20 193, 20 249, 20 702, 20 728; Т. 23. – Отд. 1. – № 21 997, 22 072, 22 667; Отд. 2. – № 22 835, 22 836; Т. 24. – Отд. 1. – 22 937, 23 159, 23 357, 23 405, 23 424; Отд. 2. – № 23457; Т. 25. – Отд. 1. – № 23 894, 24 074, 24 098, 24 218, 24 452; Отд. 2. – № 24 639, 24 685; Т. 26. – Отд. 1. – № 24 783, 25 103, 25 394, 25 395, 25 398; Отд. 2. – № 25 820, 25 851; Т. 27. – № 25 960, 26 269, 26 480, 26 631, 26 718, 26 854; Т. 28. – Отд. 1. – № 27 049, 27 172, 27 630, 27 635, 27 820; Т. 29. – Отд. 1. – № 27 912, 27 961, 28 066, 28 255, 28 643; Т. 30. – Отд. 1. – № 29 246, 29 922.

Приложение 36

Делопроизводство канцелярии губернатора в первой половине XIX в. (сравнительная характеристика)

Таблица 1

Движение бумаг в канцелярии губернатора

Канцелярия	Количество бумаг, неисполненных к началу 1834 г.	Количество входящих бумаг в 1834 г.		Количество исходящих бумаг в 1834 г.	Количество бумаг, исполненных к началу 1835 г.
		требовавших производства	подлежавших приобщению к делу или сведению		
вологодского губернатора	51	3 230	4 525	8 054	3 258
архангельского губернатора	40	2 053	3 931	3 447	2 055
вятского губернатора	18	5 064	6 323	11 803	5 060
ярославского губернатора	34	5 109	2 562	8 032	5 106

Составлено по: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 336а. – Л. 187 об.–188, 189 об.–190, 262 об.–263, 264 об.–265; Д. 336б. – Л. 2 об.–5, 4 об.–5, 51 об.–52, 53 об.–54.

Таблица 2

Движение дел в канцелярии губернатора

Канцелярия	Количество дел, нерешённых к началу 1834 г.	Количество дел, поступивших в течение 1834 г.	Количество дел, решённых в течение 1834 г.	Количество дел, нерешённых к началу 1835 г.	
				за местами, в которых дела производятся	за прочими местами и лицами
вологодского губернатора	51	2 239	2 221	6	63
архангельского губернатора	34	913	902	0	43
вятского губернатора	66	4 307	4 282	0	91
ярославского губернатора	217	2 164	2 201	34	166

Составлено по: РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – Д. 336а. – Л. 187 об.–188, 189 об.–190, 262 об.–263, 264 об.–265; Д. 336б. – Л. 2 об.–5, 4 об.–5, 51 об.–52, 53 об.–54.

Приложение 37

Должностные обязанности чиновников, исполнявших особые поручения от имени губернатора и губернского правления во второй четверти XIX в.

Таблица 1

Перечень особых поручений Е.И. Зависецкого, исполненных в 1829–1836 гг.

№	Дата назначения командировки	Учреждение, направившее в командировку	Место назначения командировки	Содержание поручения
1.	1 апр. 1829 г.	Губернатор	Грязовецкий уезд	Секретное дело
2.	24 апр. 1829 г.	Губернатор	Ношульская пристань [Устьсысольский уезд]	Расследование злоупотреблений дистанционного комиссионера Вятской губернии: перевозка провианта в архангельские магазины по завышенным ценам
3.	12 июня 1829 г.	Губернатор	Вологодский и Грязовецкий уезды	Осмотр состояния Московского тракта
4.	2 июля 1829 г.	Губернатор	Сольвычегодск	Секретное дело: расследование убийства жены уездного казначея Беляевой, в котором подозревался её муж, и расследование скоропостижной смерти исправника Болотова
5.	3 авг. 1829 г.	Губернское правление	Тотьма	Производство следствия по жалобам крестьян на заседателя земского суда Дьяконова о незаконном с них сборе
6.	16 янв. 1830 г.	Губернское правление	Грязовецкий уезд	Производство следствия по жалобам крестьян на исправника Дурнова о незаконном с них сборе
7.	3 марта 1830 г.	Губернатор	Вологда	Вследствие указа Сената производство следствия по жалобе вологодского купца Корелкина на Вологодское губернское правление, градскую полицию и городовой магистрат
8.	21 апр. 1830 г.	Губернатор	Вологодский, Кадниковский и Вельский уезды	Обозрение и описание больших дорог
9.	12 мая 1830 г.	Губернское правление	Вологда	Производство дополнительного расследования об убитом крестьянине помещика Морина Григории Городилове

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 1. Продолжение

№	Дата назначения командировки	Учреждение, направившее в командировку	Место назначения командировки	Содержание поручения
10.	20 марта 1830 г.	Губернатор	Вельск	Вследствие предписания шефа жандармов графа Бенкендорфа секретное дело
11.	25 окт. 1830 г.	Губернатор	Нет данных	Разные поручения во время холеры
12.	Нет данных	Губернатор	Тотьма	Производство следствия о поджоге келий в Спасо-Суморине монастыре
13.	Нояб. 1834 г.	Губернатор	Вельский уезд	Взыскание государственных податей и выяснение причин нехватки хлеба у крестьян Дмитревской волости Бестужевского волостного правления
14.	Март 1835 г.	Губернатор	Никольск	Вследствие отношения Московского провиантского депо для расследования причины высоких цен на муку, установленных комиссионером 8 кл. Брантом, при поставке в никольские магазины
15.	16 июля 1835 г.	Губернское правление	Сольвычегодск	Совместно с губернским стряпчим уголовных дел производство следствия по доносам стряпчего Соколова и исправника Тимашева
16.	18 сент. 1835 г.	Губернское правление	Яренск	Производство следствия по жалобе яренского откупщика Белясва на местных чиновников
17.	Окт. 1835 г.	Губернатор	Нет данных	Вследствие предписания министра финансов совместно с чиновником казённой палаты осмотр лесной дачи мещан Норицыных на предмет её состояния и количества вырубленного в ней леса

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 153 об.–163.

Таблица 2

Перечень особых поручений И.С. Груздева, исполненных в 1839–1842 гг.

№	Дата назначения командировки	Учреждение, направившее в командировку	Место назначения командировки	Содержание поручения
1.	25 нояб. 1839 г.	Губернатор	Вологда	Расследование пожара в деревянном флигеле коллежской секретарши Суровцевой

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2. Продолжение

№	Дата назначения командировки	Учреждение, направившее в командировку	Место назначения командировки	Содержание поручения
2.	15 янв. 1840 г.	Губернское правление	Вологда	Производство следствия о содержании вологодским мещанином Поповым двух гостиниц и ресторации под именем купца Зуева
3.	20 янв. 1840 г.	Губернатор	Вологда	Производство следствия по жалобе вологодской мещанки Разживиной, обвинявшей купеческую жену Мальцеву в незаконном завладении принадлежащими ей молочными продуктами
4.	3 июня 1840 г.	Губернатор	Грязовецкий уезд	Производство дополнительного расследования о смерти государственного крестьянина д. Белова Клима Демидова
5.	5 сент. 1840 г.	Губернское правление	Вологодский уезд	Производство следствия о самовольном вывозе из-под присмотра Борисовского волостного правления 8 822 деревьев и 163,5 сажень дров
6.	5 окт. 1840 г.	Губернское правление	Вологодский уезд	Производство следствия о причинении взаимной обиды становым приставом и лейтенантом Бердяевым
7.	24 нояб. 1840 г.	Губернатор	Тотемский и Устюгский уезды	Ревизия порядка производства дел в уездных рекрутских присутствиях
8.	24 нояб. 1840 г.	Губернатор	Устюгский уезд	Осмотр лесной дачи на предмет, сколько можно из неё вырубить деревьев для заморского отпуска купцу Григорию Усову
9.	26 нояб. 1840 г.	Губернатор	Устюг	Наблюдение за своевременной сдачей Устюгской градской думой полушубков для рекрутов в Устюгский и Устьсысольский рекрутские присутствия
10.	14 дек. 1840 г.	Губернатор	Устюгский уезд	Осмотр лесной дачи, принадлежащей лальским: диакону Попову, мещанам Чебаевскому, Новосёлову и крестьянину Чебаевскому, на предмет, сколько можно из неё вырубить деревьев для заморского отпуска
11.	17 янв. 1841 г.	Губернатор	Устюг	Совместно с председателем Вологодской гражданской палаты и градским главой Витушечниковым при командире гарнизонного батальона осмотр заготовленных Устюгской градской думой полушубков для рекрутов
12.	19 февр. 1841 г.	Губернатор	Вологда	Осмотр почтовой станции
13.	27 марта 1841 г.	Губернатор	Никольский уезд	Расследование противозаконных действий земской полиции при управлении государственными крестьянами
14.	27 марта 1841 г.	Губернатор	Тотемский уезд	Осмотр лесной дачи господина Иникова на предмет, сколько можно из неё вырубить деревьев для заморского отпуска шенкурскому купцу Новосельцову

Таблица 2. Продолжение

№	Дата назначения командировки	Учреждение, направившее в командировку	Место назначения командировки	Содержание поручения
15.	10 июня 1841 г.	Губернатор	Вологодский уезд	Расследование серии краж лошадей у разных владельцев, совершённых в течении одной недели в Домшинской волости
16.	26 июня 1841 г.	Губернатор	Тотемский уезд	Осмотр лесной дачи господина Инихова на предмет определения, есть ли в ней лес годный для заморского отпуска
17.	3 июля 1841 г.	Губернатор	Устюг	Секретное дело: допрос находящегося под присмотром полиции дворянина Эдуарда Ромера в соответствии с вопросами, присланными от виленского военного губернатора и гродненского, белостокского и минского генерал-губернатора
18.	21 сент. 1841 г.	Губернатор	Вологодский уезд	Производство следствия об убийстве неизвестного человека, найденного близ Санкт-Петербургского тракта
19.	9 окт. 1841 г.	Губернское правление	Тотемский уезд	Участие в качестве депутата в производимом капитаном корпуса лесничих расследовании о незаконном сборе с 1 928 крестьян по 30 коп. с души и отдачи денег якобы в подарок подлесничему Большакову за освобождение крестьян от тушения горящих лесов
20.	11 окт. 1841 г.	Губернатор	Тотемский уезд	Осмотр хлебных магазинов помещичьих крестьян
21.	19 окт. 1841 г.	Губернатор	Сольвычегодский уезд	Осмотр лесной дачи коллежской асессорши Виноградовой на предмет определения, есть ли в ней лес годный для заморского отпуска
22.	17 нояб. 1841 г.	Губернатор	Устюгский уезд	Осмотр лесопильных заводов купца Усова и мещанина Воробьёва, находящихся в арендном содержании у купца Седова, на предмет, возможно ли на этих заводах распиливать лес для заграничного отпуска
23.	22 нояб. 1841 г.	Губернатор	Никольский уезд	Осмотр хлебных магазинов помещичьих крестьян
24.	29 нояб. 1841 г.	Губернатор	Вологда	Секретное дело: сбор сведений о жене коллежского асессора Котова
25.	8 дек. 1841 г.	Губернское правление	Никольский уезд	Расследование причин отстранения земским исправником Котовым уездного стряпчего от участия в следствии о противозаконных поступках управляющего имением господина Дурново Семёна Трещалина
26.	11 дек. 1841 г.	Губернское правление	Никольский уезд	Производство следствия о без вести пропавшем скотнике из имения господина Дурново Кузьме Григорьеве

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2. Продолжение

№	Дата назначения командировки	Учреждение, направившее в командировку	Место назначения командировки	Содержание поручения
27.	25 дек. 1841 и 25 янв. 1842 г.	Губернское правление	Устюгский уезд	Расследование беспорядков и неисправностей на почтовой станции
28.	5 янв. 1842 г.	Губернское правление	Устюг	Секретное дело: следствие по делу о пропаже из своего дома отставного рядового Аристраха Парфёнова и найденных затем некоторых частях его тела
29.	12 янв. 1842 г.	Губернское правление	Тотемский уезд	Производство следствия о причинении обиды лесному ревизору капитану корпуса лесничих тотемским городничим Свечинским
30.	Февр. 1842 г.	Губернатор	Вологодский уезд	Производство следствия о пяти мёртвых младенцах, подкинутых солдаткой Анной Сорокиной в пустую барку никольского купца Грибанова
31.	18 марта 1842 г.	Губернское правление	Вельск	Производство следствия о беспорядках, произошедших при расследовании смерти мещанина Резанова, проводившемся столоначальником земского суда Левитским и удельным депутатом Шарыгиным
32.	18 мая 1842 г.	Губернское правление	Устьсысольский уезд	Производство следствия о беспорядках, произошедших среди казённых крестьян Устькуломской волости
33.	13 авг. 1842 г.	Губернское правление	Грязовец	Производство следствия о причинении обиды протоирею Христорождественского собора Осокину лекарем Иезефовичем
34.	13 авг. 1842 г.	Губернское правление	Вологодский уезд	Производство следствия о противозаконных действиях станового пристава Смекалова при составлении описи недвижимого имения коллежской регистраторши Ендогуровой
35.	28 сент. 1842 г.	Губернатор	Вологда	Осмотр работ по содержанию мостов, улиц и каналов, произведённых в 1837 г. за счёт городских доходов

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 214 об.–233.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 38

Делопроизводство уездных и городских присутственных мест Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Таблица 1

Движение дел в уездных и городских присутственных местах (на основании сведений, собранных губернатором для отчёта, представленного императору в 1801 г.)

№	Наименование учреждения	Нерешённых дел к 1801 г.	Поступило в 1801 г.	Решено дел в 1801 г.	Арестантов, содержавшихся под стражей в 1839 г.
	Земские суды				
1	Вологодский	25	453	436	–
2	Вельский	0	34	28	–
3	Грязовецкий	24	28	29	–
4	Кадниковский	14	48	51	–
5	Никольский	0	82	78	–
6	Сольвычегодский	28	81	97	–
7	Тотемский	7	74	74	–
8	Устюгский	11	589	578	–
9	Устьсысольский	3	36	37	–
10	Яренский	1	156	156	–
	Уездные суды				
11	Вологодский	92	112	141	5
12	Вельский	19	36	37	0
13	Грязовецкий	44	66	72	2
14	Кадниковский	18	31	41	2
15	Никольский	5	87	80	3
16	Сольвычегодский	32	122	136	1
17	Тотемский	66	80	97	3
18	Устюгский	49	62	81	4
19	Устьсысольский	5	38	32	2
20	Яренский	4	55	53	1
	Городовые магистраты				
21	Вологодский	43	49	50	0
22	Вельский	4	0	2	1
23	Грязовецкий	7	9	13	0
24	Кадниковский	3	1	0	3
25	Красноборский	5	6	7	0
26	Лальский	6	8	11	0
27	Никольский	0	4	4	0
28	Сольвычегодский	8	104	103	0

Таблица 1. Продолжение

№	Наименование учреждения	Нерешённых дел к 1801 г.	Поступило в 1801 г.	Решено дел в 1801 г.	Арестантов, содержавшихся под стражей в 1839 г.
	Городовые магистраты				
29	Тотемский	6	80	72	1
30	Устюгский	26	124	128	0
31	Устьсысольский	4	40	40	0
32	Яренский	3	7	6	0
	Городовые ратуши				
33	Верховажская	1	28	26	–
	Сиротские суды				
34	Вологодский	2	3	1	–
35	Устюгский	0	2	0	–
	Дворянские опеки				
36	Вологодская	1	0	1	
37	Грязовецкая	0	1	0	–
38	Устюгская	0	1	0	–
Всего		566	2 737	2 798	28

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 17–19 об.

Таблица 2

Движение дел в уездных и городских присутственных местах

(на основании результатов ревизии, произведённой губернатором в 1840 г.)

№	Наименование учреждения	Нерешённых дел к 1839 г.	Поступило в 1839 г.	Решено дел в 1839 г.	Арестантов, содержавшихся под стражей в 1839 г.
	Земские суды				
1	Вологодский	600	1 021	1 336	–
2	Вельский	251	238	341	–
3	Грязовецкий	152	524	550	–
4	Кадниковский	239	603	625	–
5	Никольский	363	529	585	–
6	Сольвычегодский	396	150	331	–
7	Тотемский	519	1 103	1 354	–
8	Устюгский	258	174	223	–
9	Устьсысольский	89	245	264	–
10	Яренский	28	131	142	–
	Градские полиции				
11	Вологодская	289	2 993	3 025	–
12	Вельская	1	9	9	–
13	Грязовецкая	15	150	146	–
14	Кадниковская	5	192	190	–
15	Никольская	1	11	11	–
16	Сольвычегодская	10	73	70	–

Таблица 2. Продолжение

№	Наименование учреждения	Нерешённых дел к 1839 г.	Поступило в 1839 г.	Решено дел в 1839 г.	Арестантов, содержавшихся под стражей в 1839 г.
		Градские полиции			
17	Тотемская	1	777	776	–
18	Устюгская	28	94	87	–
19	Устьсысольская	2	136	136	–
20	Яренская	2	11	11	–
		Градские думы			
21	Вологодская	35	43	49	–
22	Грязовецкая	0	19	19	–
23	Лальская	5	35	31	–
24	Сольвычегодская	Нет данных*			–
25	Тотемская	Нет данных*			–
26	Устюгская	10	101	103	–
27	Устьсысольская	0	65	66	–
28	Яренская	4	177	172	–
		Городовые ратуши			
20	Вельская	8	1	6	–
30	Верховажская	5	4	4	–
31	Кадниковская	4	71	67	–
32	Красноборская	4	4	4	–
33	Лальская	8	5	8	–
34	Никольская	11	164	166	–
		Уездные суды			
35	Вологодский	170	288	242	11
36	Вельский	81	114	159	16
37	Грязовецкий	99	140	162	8
38	Кадниковский	61	132	133	1
39	Никольский	34	332	323	0
40	Сольвычегодский	61	210	204	0
41	Тотемский	20	148	151	2
42	Устюгский	68	183	191	1
43	Устьсысольский	22	457	419	0
44	Яренский	17	83	87	0
		Городовые магистраты			
45	Вологодский	24	71	63	0
46	Грязовецкий	10	10	11	0
47	Сольвычегодский	20	25	27	0
48	Тотемский	4	10	8	0
49	Устюгский	17	67	49	0
50	Устьсысольский	18	38	41	0
51	Яренский	5	14	13	0
Всего		4 074	12 175	13 190	39

* Во время ревизии оказалось, что реестры входящих бумаг не велись, в связи с чем выявить данные о движении дел губернатору не удалось.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 41–48 об.

Приложение 39

Динамика недоимок по Вологодской губернии и их структура в первой половине XIX в.

Таблица 1

Количество и структура недоимок по состоянию на сентябрь 1801 г.

№	Категория недоимок	Количество			
		Недоимка, оставшаяся от 1800 г.	Поступило платежей по сентябрь 1801 г.	Исключено по Манифесту 2 апреля 1801 г.	Осталось в недоимке к сентябрю 1801 г.
1.	Подати	14 456 руб. 9 коп.	7 092 руб. 62 ¼ коп.	0	7 420 руб. 46 ¾ коп.
2.	С оброчных статей	42 925 руб. 43 ½ коп.	3 116 руб. 12 ½ коп.	14 864 руб. 49 ¼ коп.	24 944 руб. 81 ¾ коп.
3.	Неокладные	24 169 руб. 65 ¼ коп.	2 137 руб. 79 ¼ коп.	10 462 руб. 87 ¾ коп.	12 267 руб. 88 ¾ коп.
4.	По питейной части	70 339 руб. 86 ¾ коп.	24 485 руб. 46 коп.	5 718 руб. 61 коп.	40 135 руб. 79 ¾ коп.
5.	По соляной части	22 989 руб. 88 коп.	10 241 руб. 71 коп.	1 448 руб. 63 ¼ коп.	11 299 руб. 53 ¾ коп.
Всего		174 880 руб. 92 ½ коп.	47 073 руб. 71 коп.	32 494 руб. 61 ¼ коп.	96 068 руб. 50 ¾ коп.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 6–9.

Таблица 2

Поуездное распределение недоимок по состоянию на 1 марта 1820 г.

№	Название уезда	Количество	
		Общее	из них по питейным откупам
1.	Вологодский	200 625 руб. 78 ½ коп.	168 787 руб. 55 коп.
2.	Вельский	151 599 руб. 52 коп.	–
3.	Грязовецкий	415 659 руб. 12 ¼ коп.	372 148 руб. 90 ½ коп.
4.	Кадниковский	19 124 руб. 43 ½ коп.	–
5.	Никольский	4 008 руб. 36 ½ коп.	–
6.	Сольвычегодский	63 314 руб. 1 ¾ коп.	–
7.	Тотемский	222 636 руб. 47 ¾ коп.	208 117 руб. 97 ¼ коп.
8.	Устюгский	526 948 руб. 26 коп.	433 032 руб. 43 ½ коп.
9.	Устьсысольский	4 665 руб. 33 коп.	–
10.	Яренский	163 858 руб. 55 ¼ коп.	–
Всего		1 772 439 руб. 95 ½ коп.	1 182 086 руб. 86 ¼ коп.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 7 об.–8.

Таблица 3

Количество и структура недоимок по состоянию на 1 марта 1820 г.*

№	Категория недоимок	Количество
1.	Подушная и оброчная подать	302 372 руб. 91 ½ коп.
2.	На содержание дорог	5 505 руб. 63 коп.
3.	На составление водяного капитала	785 руб. 27 ¼ коп.
4.	С оброчных статей	12 245 руб. 54 коп.
5.	С пожалованных земель	4067 руб. 47 ¼ коп.
6.	Пошлина за выдачу паспорта	6 руб.
7.	Пошлина по делам и за употреблённую вместо гербовой простую бумагу	2 103 руб. 41 ½ коп.
8.	Провиантские и за рекрутские одеяния	2 489 руб. 64 ¼ коп.
9.	Рекрутских складочных со штрафными	61 839 руб. 61 ¼ коп.
10.	Штрафных по делам и за повышение чинами	2 884 руб. 32 коп.
11.	Штрафных за неподачу в срок сказок	37 руб. 30 коп.
12.	По части соляной	582 руб. 21 коп.
13.	Лесных	30 811 руб. 90 ¼ коп.
14.	Почтовых и единовременных	7 руб. 67 ¼ коп.
15.	Процентных с владельческих имений со штрафными	11 147 руб. 54 коп.
16.	Употреблённых на покупку хлеба	109 146 руб. 13 ¼ коп.
17.	Пеней за неплатёж в срок доимок	32 004 коп. 93 ¼ коп.
18.	Пени за неполучение свидетельств на право торговли	700 руб.
19.	Процентных с купеческих капиталов со штрафными	788 руб. 98 коп.
20.	Питейных откупных	1 182 086 руб. 86 ¼ коп.
21.	До мест принадлежащих	10 816 руб. 60 ¼ коп.
Всего		1 772 439 руб. 95 ½ коп.

* В общей ведомости остались неучтёнными недоимки, числившиеся: на соляных приставах (9 698 руб. 86 коп.); акцизные – на кущце Кокореве (13 626 руб. 66 ½ коп.); вычеты – на бывшем губернском казначее Бросе (9 415 руб. 37 ½ коп.).

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 6 об.–8.

Приложение 40

Рекрутские наборы в Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Таблица 1

Отчёт по результатам рекрутского набора, произведённого в Вологодской губернии в 1798 г.

№	Участки сбора рекрутов	Количество рекрутов			
		Следующие к поставке	Поставлено	Зачтено по квитанциям	Осталось в недоимке
1	Под руководством губернатора (Вологда, Грязовец, Кадников)	609	539	92	14
2	Под руководством вице-губернатора (Тотьма, Устюг, Никольск)	732	604	49	38
3	Под руководством губернского предводителя (Сольвычегодск, Яренск, Устьсысольск)	345	322	27	1
Всего		1 686	1 465	168	53

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 6.

Таблица 2

Отчёт по результатам 88 рекрутского набора в Вологодской губернии (по состоянию на 1 апреля 1820 г.)

№	Количество рекрутов	Категории населения, обязанные к поставке рекрутов					Всего
		Помещичьи крестьяне	Казённые крестьяне	Удельные крестьяне	Мещане и цеховые	Приписные к фабрикам и заводам	
1.	Недоимка, оставшаяся от 87 набора	8	3	0	0	0	11
2.	Следовавшие к поставке по 88 набору	359	695	35	105	3	1 197
3.	Поставлено по 88 набору	336	681	30	105	1	1 153
	из них зачтено по квитанциям	21	3	0	0	0	24
	из недоимок	0	0	0	0	0	0
4.	Осталось в недоимке	31	17	5	0	2	55

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 413. – Л. 10–11.

Приложение 41

Движение дел в присутственных местах Вологодской губернии

(на основании данных, представленных губернскому прокурору в 1840 г.)

Таблица 1

Количество дел в присутственных местах, нерешённых к началу 1839 г.

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
Губернское правление	дел по именным и сенатским указам	1	0	3	4	0	17	25
	дел по обыкновенному течению	216	0	161	52	0	285	714
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Казённая палата	дел по именным и сенатским указам	16	0	0	0	0	0	16
	дел по обыкновенному течению	236	0	168	0	0	1 631	2 035
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Уголовная палата	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	148	12	0	0	0	160
	подсудимых	0	443	23	0	0	0	466
	содержавшихся под стражей	0	5	0	0	0	0	5
Гражданская палата	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	3	3	6
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	8	51	93	152
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Совестный суд	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	2	0	0	0	2
	подсудимых	0	0	3	0	0	0	3
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 1. Продолжение

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
10 земских судов	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	13	50	887	17	189	1 282	2 438
	подсудимых	0	3	160	0	0	0	163
	содержавшихся под стражей	0	0	5	0	0	0	5
10 уездных судов	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	23	37	336	68	80	90	634
	подсудимых	0	20	247	0	0	0	267
	содержавшихся под стражей	0	1	38	0	0	0	39
2 полицейских и 8 городнических правлений	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	41	1	13	56	0	141	252
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	1	0	0	0	1
7 магистратов и 6 ратуш	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	2	0	48	24	38	27	139
	подсудимых	0	0	10	0	0	0	10
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Сиротские суды	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	83	83
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Словесный суд	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	17	17
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 1. Продолжение

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
4 дворянские опеки	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	71	71
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Всего		548	703	2 117	229	361	3 740	7 698

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 2 об.–5.

Таблица 2

Количество дел, поступивших в присутственные места в течении 1839 г.

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
Губернское правление	дел по именным и сенатским указам	32	0	36	24	0	405	497
	дел по обыкновенному течению	449	0	475	479	0	1 865	3 268
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Казённая палата	дел по именным и сенатским указам	140	0	1	0	0	0	141
	дел по обыкновенному течению	3 028	0	17	0	0	1 785	4 830
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2. Продолжение

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
Палата государственных имуществ	дел по именным и сенатским указам	7	0	1	0	0	2	10
	дел по обыкновенному течению	0	0	251	0	0	2 525	2 776
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Уголовная палата	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	326	14	0	0	456	796
	подсудимых	0	837	15	0	0	0	852
	содержавшихся под стражей	0	96	0	0	0	0	96
Гражданская палата	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	1	62	63
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	1	30	605	636
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Совестный суд	дел по именным и сенатским указам	0	1	0	0	0	0	1
	дел по обыкновенному течению	0	1	20	0	0	3	24
	подсудимых	0	1	19	0	0	0	20
	содержавшихся под стражей	0	1	3	0	0	0	4
10 земских судов	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	16	367	800	28	24	2 282	3 517
	подсудимых	0	19	144	0	0	0	163
	содержавшихся под стражей	0	25	69	0	0	0	94
10 уездных судов	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	8	386	875	73	101	641	2 084
	подсудимых	0	95	484	0	0	0	579
	содержавшихся под стражей	0	30	118	0	0	0	148
2 полицейских и 8 городнических правлений	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	396	22	310	183	0	4 093	5 004
	подсудимых	0	0	19	1	0	0	20
	содержавшихся под стражей	0	0	25	0	0	0	25

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 2. Продолжение

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
7 магистратов и 6 ратуш	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	6	6	111	42	82	761	1 008
	подсудимых	0	1	37	0	0	0	38
	содержавшихся под стражей	0	0	5	0	0	0	5
Сиротские суды	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	14	14
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Словесный суд	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	87	87
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
4 дворянские опеки	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	19	19
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Всего		4 082	2 214	3 849	831	238	15 605	26 819

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 2 об.–5.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 3

Количество дел в присутственных местах, нерешённых к началу 1840 г.

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
Губернское правление	дел по именным и сенатским указам	3	0	4	0	0	18	25
	дел по обыкновенному течению	208	0	163	0	0	263	634
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Казённая палата*	дел по именным и сенатским указам	11	0	0	0	0	0	11
	дел по обыкновенному течению	173	0	2	0	0	326	501
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Палата государственных имуществ	дел по именным и сенатским указам	4	0	0	0	0	0	4
	дел по обыкновенному течению	0	0	190	0	0	1 104	1 294
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Уголовная палата	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	169	18	0	0	0	187
	подсудимых	0	893	27	0	0	0	920
	содержавшихся под стражей	0	8	0	0	0	0	8
Гражданская палата	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	4	19	23
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	6	45	73	124
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 3. Продолжение

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и прошениям	Всего
Совестный суд	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	3	0	0	1	4
	подсудимых	0	0	3	0	0	0	3
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
10 земских судов	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	4	32	723	14	86	771	1 630
	подсудимых	0	5	119	0	0	0	124
	содержавшихся под стражей	0	0	5	0	0	0	5
10 уездных судов	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	14	37	344	87	88	73	643
	подсудимых	0	31	249	0	0	0	280
	содержавшихся под стражей	0	2	12	0	0	0	14
2 полицейских и 8 городнических правлений	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	44	0	32	43	0	136	255
	подсудимых	0	0	1	0	0	0	1
	содержавшихся под стражей	0	0	2	0	0	0	2
7 магистратов и 6 ратуш	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	4	1	52	33	46	27	163
	подсудимых	0	0	23	0	0	0	23
	содержавшихся под стражей	0	0	2	0	0	0	2
Сиротские суды	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	83	83
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Таблица 3. Продолжение

Учреждение		интересных	уголовных	следственных	долговых по векселям и заёмным письмам	спорных и апелляционных	бесспорных по предписаниям, требованиям и пропениям	Всего
Словесный суд	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	12	12
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
4 дворянские опеки	дел по именным и сенатским указам	0	0	0	0	0	0	0
	дел по обыкновенному течению	0	0	0	0	0	71	71
	подсудимых	0	0	0	0	0	0	0
	содержавшихся под стражей	0	0	0	0	0	0	0
Всего		465	1 178	1 974	183	269	2 977	7 046

* Общий итог дел, перешённых к 1840 г., составлял 19 дел по указам Сената и 2 117 – по обыкновенному течению, но основная часть из них была передана в Вологодскую палату государственных имуществ, приступившую к работе 1 мая 1839 г.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 806. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 2 об.–5.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Приложение 42

Состояние делопроизводства в уездных и городских органах управления Вологодской губернии (на основании отчёта губернатора по результатам ревизии губернии в 1840 г.)

Наименование учреждения	Нарушения порядка делопроизводства
I. Земские суды	
Замечания, относившиеся ко всем земским судам	1) ежемесячные ведомости об исполненных и неисполненных бумагах велись только в черновом виде; 2) ежемесячные списки о решённых и нерешённых делах велись только в черновом виде; 3) ежемесячные регистры неисполненным предписаниям губернского начальства велись только в черновом виде; 4) общие ведомости о состоянии дел и о действиях земского суда велись только в черновом виде; 5) книги для записи разыскиваемых лиц велись неисправно, без отметок и донесений о прекращении розыска; 6) описаний станов не имелось; 7) отчётность в денежных суммах доставлялась в казённую палату в ненадлежащем виде.
Замечания, относившиеся к отдельным земским судам	
Вологодский земский суд	1) в книге входящих бумаг во многих статьях не было расписок в получении документов; 2) в докладном и распорядительном регистре часть статей оставалась без просмотра уездного стряпчего; 3) настольные регистры приказаний земского суда велись неисправно; 4) журналы составлялись с отступлением от формы; 5) в книге для записки словесных предложений, просьб, жалоб и объявлений заключения земского суда оставались без просмотра уездного стряпчего; 6) в книге о приходе и расходе гербовой бумаги не было подписей секретаря; 7) в книге для записи торговых цен на хлеб и фураж не было подписей членов суда; 8) книга о пойманных дезертирах, беглых и бродягах не велась; 9) табель о числе заштатных городов, посадов, местечек, сёл, деревень, дворов и жителей не велась; 10) табель о нижних военных чинах, находящихся в кратковременном отпуске, не велась; 11) дела в архив не поступали в надлежащее время.
Вельский земский суд	1) в докладном и распорядительном регистре часть статей оставалась без просмотра уездного стряпчего; 2) книга для записки словесных предложений, просьб, жалоб и объявлений оставалась без просмотра уездного стряпчего; 3) табель о числе заштатных городов, посадов, местечек, сёл, деревень, дворов и жителей не велась.
Никольский земский суд	1) в книге входящих бумаг во многих статьях не было расписок в получении документов; 2) докладной и распорядительный регистр составлялся с отступлением от формы; 3) настольные регистры приказаний земского суда велись неисправно; 4) книга входящих бумаг временного отделения земского суда не велась; 5) книга для записки словесных предложений, просьб, жалоб и объявлений оставалась без просмотра уездного стряпчего; 6) в книге о приходе и расходе гербовой бумаги не было подписей секретаря; 7) табель о числе заштатных городов, посадов, местечек, сёл, деревень, дворов и жителей велась неисправно.
Грязовецкий земский суд	1) в докладном и распорядительном регистре часть статей оставалась без просмотра уездного стряпчего; 2) книга входящих бумаг временного отделения земского суда не велась; 3) в книге о приходе и расходе гербовой бумаги не было подписей секретаря.

Наименование учреждения	Нарушения порядка делопроизводства
Сольвычегодский земский суд	1) в книге для записки словесных предложений, просьб, жалоб и объявлений заключения земского суда оставались без просмотра уездного стряпчего и не делались отметки об их исполнении; 2) табель о числе заштатных городов, посадов, местечек, сёл, деревень, дворов и жителей не велась; 3) табель о нижних военных чинах, находящихся в кратковременном отпуске, не велась.
Тотемский земский суд	1) в книге входящих бумаг во многих статьях не было расписок в получении документов; 2) докладной и распорядительный регистр составлялся с отступлением от формы; 3) в книге исходящих бумаг не было отметок с кем отправлены документы; 4) настольные регистры приказаний земского суда не велись; 5) рассыльные книги для отправления пакетов с земской почтой не велись; 6) книга для записки словесных предложений, просьб, жалоб и объявлений заключения земского суда не велась; 7) в книге о приходе и расходе гербовой бумаги не было подписей секретаря; 8) в книге для записи торговых цен на хлеб и фураж не было подписей членов суда; 9) табель о нижних военных чинах, находящихся в кратковременном отпуске, велась неисправно.
Устюгский земский суд	1) в книге входящих бумаг расписки в получении документов велись небрежно, отчего нельзя было разобрать имён лиц, принявших документы; 2) настольные регистры приказаний земского суда составлялись с отступлением от формы; 3) в книге для записи торговых цен на хлеб и фураж не было подписей членов суда.
Устьсысольский земский суд	1) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
Яренский земский суд	1) многие книги не были прошнурованы, подписаны и скреплены секретарём.
II. Градские полиции	
Замечания, относившиеся ко всем градским полициям	1) дежурные книги для записи получаемых пакетов, книги об арестантах, книги о разыскиваемых лицах, книги о нойманных дезертирах, беглых и бродягах, книги о военных кантонистах, состоящих на воспитании у родителей и родственников, книги о нижних чинах, уволенных в бессрочный отпуск, книги о нижних чинах, находящихся в краткосрочном от-пуске, книги о торговых ценах на хлеб и фураж – не велись либо являлись черновыми копиями с представленных начальству ведомостей; 2) книги о приходе и расходе гербовой бумаги почти повсеместно отсутствовали; 3) журналы заседаний составлялись не по форме.
Замечания, относившиеся к отдельным градским полициям	
Вологодская градская полиция	1) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
Вельская градская полиция	1) журналы заседаний не велись.
Грязовецкая градская полиция	1) докладной и распорядительный регистр не вёлся; 2) книга входящих бумаг использовалась как докладной регистр; 3) отчёт в денежных суммах отсутствовал; 4) дела в архив не поступали в надлежащее время.
Устюгская градская полиция	1) отчёт в денежных суммах отсутствовал; 2) архив находился в полном беспорядке.

Наименование учреждения	Нарушения порядка делопроизводства
III. Градские думы	
Замечания, относившиеся к отдельным градским думам	
Грязовецкая градская дума	1) книга входящих бумаг не велась; 2) книга исходящих бумаг использовалась как разносная, отчего находилась в совершенном небрежении; 3) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
Сольвычегодская градская дума	1) настольный регистр вступлению и течению дел не вёлся.
Тотемская градская дума	1) делопроизводство находилось в неудовлетворительном состоянии; 2) настольный регистр вступлению и течению дел не вёлся; 3) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
Устьсысольская градская дума	1) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
Яренская градская дума	1) в книге входящих бумаг не было отметок об исполнении; 2) настольный регистр вступлению и течению дел не вёлся; 3) в докладном регистре резолюций членами думы не отмечались; 4) журналы заседаний велись неисправно; 5) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
IV. Городовые ратуши	
Замечания, относившиеся к отдельным городовым ратушам	
Вельская городовая ратуша	1) журналы заседаний оставались без просмотра уездного стряпчего и не делались отметки об их исполнении; 2) дела в архив не поступали в надлежащее время.
Кадниковская городовая ратуша	1) делопроизводство и отчётность находились в неудовлетворительном состоянии; 2) отчёт в денежных суммах отсутствовал; 3) дела в архив не поступали в надлежащее время.
Красноборская городовая ратуша	1) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
Лальская городовая ратуша	1) делопроизводство и отчётность находились в неудовлетворительном состоянии; 2) в книге для явки условий и заёмных писем не было расписок в получении от явки документов.
Никольская городовая ратуша	1) отчёт в денежных суммах отсутствовал.
V. Уездные суды	
Замечания, относившиеся к отдельным уездным судам	
Вологодский уездный суд	1) в книге входящих бумаг не было расписок в получении документов; 2) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего, отсутствовали отметки об их исполнении, по некоторым статьям имелись не все подписи присутствующих, а в некоторых случаях – постановления никем не были подписаны; 3) в книге для явки условий и заёмных писем не везде имелись расписки в получении от явки документов; 4) в дежурной книге не записывались получаемые пакеты.
Вельский уездный суд	1) делопроизводство и отчётность находились в неудовлетворительном состоянии; 2) в книге входящих бумаг не было расписок в получении документов; 3) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего; 4) дела в архив не поступали в надлежащее время.
Кадниковский уездный суд	1) в книге входящих бумаг не было расписок в получении документов; 2) дежурная книга не велась; 3) дела в архив не поступали в надлежащее время.

Наименование учреждения	Нарушения порядка делопроизводства
Грязовецкий уездный суд	1) в книге входящих бумаг не было расписок в получении документов; 2) книга исходящих бумаг находилась в совершенном беспорядке; 3) докладной регистр вёлся небрежно; 4) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего, отсутствовали отметки об их исполнении, по некоторым статьям имелись не все подписи присутствующих; 5) книга о приходе и расходе гербовой бумаги велась небрежно; 6) в книге для явки условий и заёмных писем не везде имелись расписки в получении от явки документов; 7) в дежурной книге не записывались получаемые пакеты; 8) дела в архив не поступали в надлежащее время.
Устюгский уездный суд	1) в книге входящих бумаг не было расписок в получении документов.
Устьсысольский уездный суд	1) дежурная книга велась неисправно.
Яренский уездный суд	1) дежурная книга не велась.
VI. Городовые магистраты	
Замечания, относившиеся к отдельным городовым магистратам	
Вологодский городовой магистрат	1) книга входящих бумаг велась небрежно; 2) в докладном регистре резолюции писали не члены магистрата, а канцелярские служители; 3) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего; 4) в книге для явки условий и контрактов не везде имелись расписки в получении от явки документов; 5) в дежурной книге не записывались получаемые пакеты.
Грязовецкий городовой магистрат	1) настольный регистр вступлению и течению дел вёлся небрежно; 2) дежурная книга не велась.
Сольвычегодский городовой магистрат	1) дежурная книга не велась.
Тотемский городовой магистрат	1) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего.
Устюгский городовой магистрат	1) в книге входящих бумаг не было расписок в получении документов.
Яренский городовой магистрат	1) в докладном регистре резолюции писали не члены магистрата, а секретарь.
VII. Дворянские опеки	
Замечания, относившиеся к отдельным дворянским опекам	
Вологодская дворянская опека	1) книга входящих бумаг не велась; 2) в докладном регистре не отмечались резолюции; 3) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего и без отметок об их исполнении.
Вельская дворянская опека	1) делопроизводство находилось в неудовлетворительном состоянии; 2) книга входящих бумаг велась неисправно; 3) книга исходящих бумаг велась небрежно и заменяла собой разносную тетрадь; 4) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего.
Грязовецкая дворянская опека	1) книга входящих бумаг не велась; 2) в докладном регистре резолюции отмечались не членами опеки, а протоколистом; 3) книга исходящих бумаг велась небрежно; 3) в журналах заседаний многие статьи оставались без просмотра уездного стряпчего и без отметок об их исполнении.

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 41–48 об.

Приложение 43

Состояние полицейских и городнических правлений в городах Вологодской губернии (1826 г.)

Полицейские должности, заведения, состоявшие под управлением полиции, и инструменты, принадлежавшие полиции	Количество	Расходы на жалованье (руб. в год)	
		из казначейства	из доходов города
Вологда			
Полицмейстер	1	300	200
Части города	3	–	–
Частный пристав	3	0	900
Квартальный надзиратель	6	0	1200
Низшие служители	33	0	2 439, 25 ¾
Брандмейстер	1	0	240
Пожарные лошади	16	–	–
Пожарные трубы	4	–	–
Пожарные бочки	4	–	–
Городовая тюрьма (каменная)	1	–	–
Смотритель тюрьмы	1	0	300
Низшие служители при тюрьме	4	0	240
Городовая больница (в доме, принадлежавшем приказу общественного призрения)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	0	300
Подлекарь при больнице	2	0	200
Низшие служители при больнице	2	0	120
Устюг			
Полицмейстер	1	300	0
Части города	2	–	–
Частный пристав	2	0	200
Квартальный надзиратель	4	0	120
Низшие служители	36	0	2 520
Пожарные лошади	11	–	–
Пожарные трубы	6	–	–
Пожарные бочки	8	–	–
Городовая тюрьма (каменная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	594	0
Старший подлекарь при больнице	1	198	0
Младший подлекарь при больнице	1	149,5	0
Низшие служители при больнице	1	0	100

Полицейские должности, заведения, состоявшие под управлением полиции, и инструменты, принадлежавшие полиции	Количество	Расходы на жалованье (руб. в год)	
		из казначейства	из доходов города
Вельск			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	4	0	350
Пожарные трубы	1	–	–
Городовая тюрьма (деревянная, ветхая)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	600	0
Старший подлекарь при больнице	1	198	0
Младший подлекарь при больнице	1	149,5	0
Низшие служители при больнице	1	0	90
Грязовец			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	7	0	840
Пожарные трубы	2	–	–
Пожарные бочки	2	–	–
Городовая тюрьма (деревянная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Низшие служители при больнице	1	0	120
Кадников			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	4	0	320
Пожарные трубы	2	–	–
Пожарные бочки	2	–	–
Городовая тюрьма (деревянная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, нанимаемом городом)	1	–	80
Никольск			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	2	100	0
Пожарные трубы	2	–	–
Пожарные бочки	2	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	600	0
Старший подлекарь при больнице	1	198	0
Младший подлекарь при больнице	1	149,5	0
Низшие служители при больнице	1	0	60
Сольвычегодск			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	5	0	425
Пожарные трубы	2	–	–
Пожарные бочки	4	–	–
Городовая тюрьма (деревянная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–

Полицейские должности, заведения, состоявшие под управлением полиции, и инструменты, принадлежавшие полиции	Количество	Расходы на жалованье (руб. в год)	
		из казначейства	из доходов города
Лекарь при больнице	1	600	0
Подлекарь при больнице	2	400	0
Тотьма			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	13	0	900
Брандмейстер	1	0	24
Пожарные лошади	2	–	–
Пожарные трубы	4	–	–
Пожарные бочки	2	–	–
Городовая тюрьма (деревянная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	600	0
Старший подлекарь при больнице	1	198	0
Младший подлекарь при больнице	1	149,5	0
Низшие служители при больнице	2	0	100
Устьсысольск			
Городничий	1	300	0
Низшие служители	8	0	0
Пожарные лошади	4	–	–
Пожарные трубы	2	–	–
Пожарные бочки	5	–	–
Городовая тюрьма (деревянная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	600	0
Старший подлекарь при больнице	1	198	0
Младший подлекарь при больнице	1	149,5	0
Низшие служители при больнице	1	0	0
Яренск			
Городничий	1	300	0
Канцелярские служители	2	200	0
Низшие служители	4	60	0
Пожарные лошади	2	–	–
Пожарные трубы	2	–	–
Пожарные бочки	2	–	–
Городовая тюрьма (деревянная)	1	–	–
Городовая больница (в доме, принадлежавшем городу)	1	–	–
Лекарь при больнице	1	600	0
Старший подлекарь при больнице	1	198	0
Младший подлекарь при больнице	1	149,5	0
Низшие служители при больнице	1	24	0

Составлено по: ГА ВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 494. – Л. 5–24 об.

Приложение 44

Динамика следственных дел и должностных преступлений в Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Годы	Число следственных дел		Число преступлений	
	ед.	%	ед.	%
1802–1810	85	9,7	119	8,9
1811–1820	114	13,0	173	13,0
1821–1830	117	13,3	176	13,2
1831–1840	118	13,4	191	14,4
1841–1850	246	28,1	367	27,6
1851–1855	197	22,5	304	22,9
Всего за 1802–1855	877	100	1 330	100

Составлено по: РГИА. – Ф. 1147. – Оп. 1. – Д. 540. – Л. 2–22; ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. – Д. 1, 2, 25–27.

Приложение 45

Должности подсудимых в первой половине XIX в.*

Должности	Органы управления								Итого	
	Губернские учреждения		Уездные учреждения		Городские учреждения		Мирские учреждения			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I. Должности, назначаемые правительством										
классные	34	7,2	386	82,1	50	10,7	0	0,0	470	100
канцелярские:										
а) секретарские	4	3,1	104	80,6	21	16,3	0	0,0	129	100
б) прочие**	29	4,7	372	60,6	32	5,2	181	29,5	614	100
II. Выборные должности										
дворянские	7	4,7	143	95,3	0	0,0	0	0,0	150	100
городские	3	1,9	0	0,0	153	98,1	0	0,0	156	100
сельские	3	0,4	111	13,3	0	0,0	717	86,3	831	100
Всего	80	3,4	1116	47,5	256	10,9	898	38,2	2350	100

* При определении должностей сохранена номенклатура, использовавшаяся в законодательстве первой половины XIX в.

** Для мирских учреждений в данную категорию включены писари, которые не избирались на должности, а нанимались обществом для письмоводства.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1147. – Оп. 1. – Д. 540. – Л. 2–22; ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. – Д. 1, 2, 25–27.

Приложение 46

Классификация должностных преступлений служащих Вологодской губернии, совершённых в первой половине XIX в.

Категория преступления	Количество преступлений		Из них число преступлений, по которым:				
	ед.	%	оправдательный приговор	оставление в подозрении более или менее сильном	обвинительный приговор с назначением наказания	обвинительный приговор без назначения наказания	освобождение от ответственности по амнистии
Неисполнение указов и предписаний	51	3,8	6	1	24	9	11
Превышение власти и противозаконное бездействие	334	25,1	58	18	198	24	36
Противозаконные действия при хранении и управлении имуществом и денежными суммами	229	17,2	42	15	131	11	30
Подлоги по службе	77	5,8	7	17	34	8	11
Неправосудие	9	0,7	1	0	8	0	0
Лихоимство	219	16,5	162	38	19	0	0
Нарушение порядка при определении к должности и увольнении от неё	12	0,9	1	1	8	0	2
Нарушение порядка отношений между начальниками и подчинёнными	43	3,2	6	2	29	5	1
Медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности	228	17,1	29	3	166	10	20
Преступления при следствии и суде	45	3,4	5	4	26	3	7
Ложные донесения о должностных правонарушениях	34	2,6	5	0	23	2	4
Иные*	49	3,7	14	3	22	3	7
Итого	1 330	100	336	102	688	75	129

* Включены преступления, связанные с нарушениями: лесного, питейного и рекрутского законодательства, по межевым делам, при совершении крепостных актов и нотариальных действий.

Составлено по: РГИА. – Ф. 1147. – Оп. 1. – Д. 540. – Л. 2–22; ГА ВО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. – Д. 1, 2, 25–27.